

либерал ■ ru

Региональная общественная организация
«Либеральная миссия»

А. Е. Любарев

Избирательные системы:

российский
и мировой
опыт

Новое
Литературное
Обозрение

2016

УДК 342.82
ББК 67.400.8
Л93

Любарев, А.Е.

Л93 Избирательные системы: российский и мировой опыт/
Аркадий Ефимович Любарев. — М.: РОО «Либеральная
миссия»; Новое литературное обозрение, 2016. — 632 с.

ISBN 978-5-4448-0569-5

В книге обобщаются данные о различных избирательных системах, использующихся или использовавшихся в мировой практике. Автор предлагает их классификацию, прослеживает историю развития, анализирует основные параметры и взаимосвязь, а также методы исследования. Особое внимание уделено избирательным системам, применяемым в Российской Федерации. Книга рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих конституционное право и политологию, а также на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся выборами.

УДК 342.82
ББК 67.400.8

© Любарев А.Е., 2016
© РОО «Либеральная миссия», 2016
© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

ВВЕДЕНИЕ

Современные представления о роли демократических выборов в политической системе государства достаточно четко выражены в пункте 3 статьи 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 года: «*Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»*¹.

Насколько выборы в каждой конкретной стране выполняют эту предназначенную им роль, зависит от многих факторов: состояния гражданского общества, партийной системы, системы разделения властей, традиций, обычая и многое другое. Большое значение имеет и избирательное законодательство, то есть правовая регламентация порядка проведения выборов.

В законодательстве о выборах можно выделить несколько основных составляющих. В значительной степени оно состоит из процедурных норм, которые можно разделить на три группы:

- регулирующие саму организацию выборов;
- призванные обеспечить формирование избирателями своей воли;

¹ Международные избирательные стандарты. М., 2004. С. 43.

- призванные обеспечить правильное выражение воли избирателей в итогах голосования.

Однако есть в избирательном законодательстве еще две группы норм, которые имеют фундаментальное значение — от них в большой степени зависят результаты выборов. Это нормы:

- определяющие состав избирательного корпуса и потенциальный состав кандидатского корпуса, то есть устанавливающие правила обретения активного и пассивного избирательного права;
- определяющие, как итоги голосования трансформируются в результаты выборов, — то, что принято называть *избирательной системой* (в узком смысле этого понятия).

Правила обретения активного и пассивного избирательного права имели первостепенное значение в 19-м веке и частично в первой половине 20-го века, когда избирательное право практически повсеместно было цензовым и от участия в выборах была отстранена большая часть взрослого населения. В результате длительной борьбы за всеобщее и равное избирательное право в современном мире различия между странами в принципах и правилах, устанавливающих избирательные права граждан, не носят столь существенного характера, как в 19-м веке и в начале 20-го¹, и все большую роль играет собственно избирательная система.

Важность избирательной системы Р. Таагепера и М.С. Шугарт проиллюстрировали на примере президентских выборов в Чили в 1970 году, результаты которых привели к роковым последствиям. Мажоритарная система относительного большин-

¹ Белов С.А. Избирательная система как правовой институт. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 18.

ства привела к избранию представителя левых сил. Мажоритарная система абсолютного большинства при той же раскладке позиций избирателей привела бы, по-видимому, к победе правого кандидата. А в случае использования мажоритарно-преференциальной системы победил бы, скорее всего, кандидат-центрист¹.

В настоящее время круг используемых в различных странах избирательных систем весьма разнообразен. И хотя все применяемые системы обычно объединяют в три или четыре большие группы, конкретные системы внутри каждой группы могут различаться весьма существенно. Поэтому необходимы и более детальная классификация, и более подробное описание систем, действующих в различных странах.

Эту задачу автор в основном и попытался решить при написании данной книги. Первая глава посвящена классификации избирательных систем. Во второй главе описана история их развития. В третьей главе дается подробное описание различных избирательных систем, как широко применяемых, так и более редких. В четвертой главе уделено внимание отдельным параметрам, общим для многих избирательных систем (в основном пропорциональных и смешанных), а также их системной взаимосвязи. Пятая глава посвящена методам исследования избирательных систем и результатам, полученным этими методами, которые помогают лучше понять особенности той или иной системы. Наконец, в шестой главе обсуждаются перспективы электоральной инженерии.

Поставленная задача оказалась достаточно сложной. В настоящее время выборы проводятся пример-

¹ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

но в двух сотнях стран¹ (хотя далеко не во всех странах их можно считать демократическими), при этом во многих странах различаются избирательные системы, используемые на разных выборах (в нижнюю и верхнюю палаты парламента, в общенациональные, региональные и местные органы власти). Известно также, что избирательная система является наиболее подвижной составляющей политической системы², и в очень многих странах избирательная система или ее важные элементы изменялись в последние десятилетия, иногда неоднократно.

Задача осложняется еще и тем, что правовые нормы, из которых слагается избирательная система, обычно разбросаны по разным частям избирательного закона. При описании избирательной системы (в широком смысле этого понятия) той или иной страны в учебниках, пособиях, статьях и иных материалах нормы избирательного законодательства чаще всего приводятся в той же последовательности, в которой они расположены в законе. В результате не создается целостного представления об избирательной системе той или иной страны (в узком смысле этого понятия). Кроме того, при подобном описании часто упускаются важнейшие детали, без которых нельзя правильно определить, к какому типу следует отнести данную модель.

В связи с этим автор не стал стремиться к описанию или хотя бы классификационному отнесению избирательных систем, действующих в каждой стране. Основное вниманиеделено самим распространенным системам, а также тем системам, которые автор считает наиболее перспективными.

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 23–24.

² Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

Материал для этой книги автор собирал в течение многих лет. Большую помощь в сборе материала и в обсуждении затрагиваемых в книге вопросов оказали В. С. Авдонин, А. С. Автономов, В. Г. Акаевич, Ф. Т. Алескеров, С. А. Альфер, Ю. Г. Барабаш, Ю. Б. Бочаров, А. Ю. Бузин, С. Васильченко, М. В. Вольхина, Н. И. Воробьев, Г. В. Голосов, М. В. Григорьева, Е. В. Гриценко, Д. Г. Гудков, Ю. А. Гурман, Г. Дилль, Ю. А. Дмитриев, В. Е. Дронова, О. К. Застрожная, М. В. Иванова, А. В. Иванченко, А. Каденко, Д. И. Катаев, О. Н. Каюнов, В. А. Кикоть, А. Киреев, Л. А. Кирichenko, К. В. Киселев, Ю. Б. Ключковский, В. С. Ковин, Д. Ковриженко, В. Н. Козлов, Ю. Г. Коргунюк, М. А. Котегова, А. В. Кынев, В. В. Лапаева, Д. А. Левчик, Е. А. Лукьянова, Г. Майер, Б. И. Макаренко, А. Н. Максимов, Н. А. Мамед-заде, Э. Маркварт, Ю. С. Медведев, Г. А. Мельконьянц, В. В. Михайлов, Г. М. Михалева, Б. Б. Надеждин, К. В. Огрызко, Д. Б. Орешкин, В. Е. Подшивалов, С. А. Попов, А. Е. Постников, В. Ю. Прохоров, Ю. В. Пуздрач, Г. А. Сатаров, Е. Е. Скосаренко, С. Н. Станских, Б. А. Страшун, М. В. Титов, А. М. Трофимов, Р. Н. Удот, Я. Ю. Филяк, Д. М. Худолей, В. И. Чурбанов, И. Г. Шаблинский, Н. Е. Шалаев, В. Л. Шейнис, Л. В. Шибанова, С. Шиффер, С. А. Шпилькин, Е. С. Шугрина. Всем им я выражая свою признательность.

Особая моя благодарность — правлению фонда «Либеральная миссия» и его руководителю Евгению Григорьевичу Ясину, без поддержки которых замысел этой книги не мог бы быть реализован.

Глава 1

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

1.1. Понятие избирательной системы

1.1.1. Определение избирательной системы в узком смысле

Традиционно российское правоведение различает понятия «избирательная система» в широком и узком смысле.

В широком смысле данное понятие иногда рассматривается как порядок формирования выборных органов власти (и в таком определении оно практически эквивалентно понятию «избирательное право»)¹ или еще более широко — как система общественных отношений, связанных с выборами органов публичной власти (при таком подходе данное понятие включает не только правовые нормы)².

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. М., 1995. С. 301; Болотина Е. В., Овденко М. А. Избирательное право европейских государств (Великобритания, ФРГ, Франция). СПб., 2008. С. 25–26; Филинина И. М. Конституционно-правовая модель избирательной системы. Хабаровск, 2013. С. 11.

² Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999. С. 104; Конституционное право: Словарь. М., 2001. С. 452; Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Избирательное право. М., 2001. С. 136; Скрипкина Ж. Б. Избира-

О понятии «избирательная система» в узком смысле речь пойдет дальше. Но вначале стоит отметить, что некоторые авторы предлагают отказаться от использования термина «избирательная система» в узком смысле, справедливо отмечая, что каждое понятие должно употребляться только в одном смысле. В частности, понятие «избирательная система» в узком смысле предлагается заменить на «способ определения результатов голосования»¹. Нам, однако, представляется, что такая замена не оправданна. Как будет показано далее, это понятие не сводится только к способу определения результатов голосования, а в действительности представляет систему важнейших юридических норм. Кроме того, в зарубежной литературе понятие «избирательная система» гораздо чаще используется именно в узком смысле, и потому использование данного понятия исключительно в широком смысле осложнит взаимопонимание российских и зарубежных правоведов и политологов.

Скорее следует согласиться с той точкой зрения, что правильнее отказаться от понятия «избирательная система» в широком смысле². Как отметил С.А. Белов, использование в правовой науке этого

тельные системы и технологии. М., 2005. С. 40; Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 410–411; Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. С. 271; Андреева Г.Н., Старостина И.А. Избирательное право в России и в зарубежных странах. М., 2010. С. 107–108; Берлявский Л.Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 80.

¹ Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России (теория, практика и перспективы). СПб., 2003. С. 20–40.

² Болотина Е.В., Оводенко М.А. Избирательное право европейских государств (Великобритания, ФРГ, Франция). СПб., 2008. С. 25–26.

понятия малоперспективно¹. Добавим, что, в отличие от одноименного понятия, употребляемого в узком смысле, понятие «избирательная система» в широком смысле не несет никакой методологической нагрузки. Включая в себя огромное количество разнородных элементов, это понятие не может, в частности, служить основой для классификации различных систем. Чтобы охарактеризовать избирательную систему в широком смысле, приходится просто описывать подряд все ее элементы — именно таковы типичные описания «избирательных систем» различных стран. Получается, что сколько стран — столько и избирательных систем.

В данной книге мы будем использовать понятие «избирательная система» исключительно в узком смысле. Но нам в первую очередь необходимо дать ему как можно более точное определение. Очень часто это понятие определяется просто как способ или порядок определения результатов голосования², либо как способ или порядок распределения мандатов по результатам голосования³, либо в

¹ Белов С. А. Избирательная система как правовой институт. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 19.

² Сравнительное конституционное право. М., 1996. С. 398; Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999. С. 104; Конституционное право: Словарь. М., 2001. С. 452; Скрипкина Ж. Б. Избирательные системы и технологии. М., 2005. С. 40; Андреева Г. Н., Старостина И. А. Избирательное право в России и в зарубежных странах. М., 2010. С. 107–108.

³ Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Избирательное право. М., 2001. С. 136; Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 410–411, 455; Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. С. 271; Подвинцев О. Б., Голосов Г. В. Избирательная система // Выборы и эlectorальная политика: словарь.

определенении механически объединяются и порядок определения результатов голосования, и порядок распределения мандатов¹. Это не совсем правильно, поскольку при подобном подходе не учитывается ряд важных аспектов.

Так, понятие «распределение мандатов» вообще не используется при мажоритарной системе в одномандатных округах, поскольку в этом случае определяется единоличный победитель. А при пропорциональной системе понятие «распределение мандатов» эквивалентно понятию «определение результатов выборов».

Сам же порядок определения результатов выборов частично предопределен или существенно ограничен нормами и правилами, которые действуют при проведении голосования или еще до проведения голосования. Так, если выборы проводятся в одномандатных округах, то невозможно распределить мандаты пропорционально голосам, поданным за кандидатов от различных партий². Если избиратель при голосовании выражает свою позицию по отношению только к одному кандидату, то при необходимости узнать его отношение к другим кандидатам

СПб., 2010. С. 60; Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 80.

¹ Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 20; Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2012. С. 168; Конституционное право зарубежных стран. М., 2012. С. 248.

² Как будет показано в дальнейшем, при проведении выборов в одномандатных округах пропорциональное распределение мандатов все же возможно. Однако для этого необходимо заранее формально установить некие общности кандидатов в пределах более крупного территориального образования. Иными словами, в этом случае помимо одномандатных округов необходимо иметь единый многомандатный округ или несколько многомандатных округов.

приходится проводить повторное голосование (перебаллотировку, второй тур); иная ситуация в том случае, когда избиратель ранжирует кандидатов в порядке своего предпочтения (как это происходит при мажоритарно-преференциальной системе).

Невозможно полностью согласиться с утверждением В. В. Маклакова: «При одних и тех же результатах голосования (подсчета голосов), но в зависимости от применяемой избирательной системы, будет различное распределение мандатов»¹. Действительно, наиболее близкие избирательные системы различаются лишь способом определения результатов выборов (например, мажоритарные системы абсолютного и относительного большинства или смешанные связанная и несвязанная системы), и в этих случаях можно говорить о том, что при одинаковых итогах голосования применение разных избирательных систем приводит к различному распределению мандатов. Однако в более общем случае разные избирательные системы приводят и к различным итогам голосования; точнее, эти итоги просто нельзя сравнивать в силу их различной природы.

Когда избирательную систему воспринимают лишь как порядок определения результатов голосования, а не как *систему*, часто получаются не вполне точные выводы. Так, пишут о том, что мажоритарная система абсолютного большинства не всегда результативна, и для преодоления данного недостатка «иногда» вводят перебаллотировку (повторное голосование)². Однако правильнее считать, что перебаллотировка (в случае, если ни один кандидат не получил абсолютного большинства голосов) является сущностным элементом данной избирательной системы.

¹ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 62–63.

² Там же. С. 41–42.

Нельзя счесть удовлетворительным и определение понятия «избирательная система», используемое в российском законодательстве. Здесь следует отметить, что российский законодатель упорно избегает использовать это понятие в федеральных законах о выборах. Однако в связи с проблемами муниципальных выборов его все же пришлось закрепить, но в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В 2005 году в нем появилось следующее определение: «Под избирательной системой ... понимаются условия признания кандидата, кандидатов избранными, списков кандидатов — допущенными к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов между списками кандидатов и внутри списков кандидатов»¹. Это определение затем перекочевало и в региональные законы о муниципальных выборах. С теоретической точки зрения оно также не учитывает нормы, которые действуют до определения результатов выборов, но влияют на него; с практической точки зрения оно не решает проблемы, ради которых было введено в закон².

В основополагающей работе Д. Рэ использовалось понятие *electoral laws* (его лучше всего переводить как «электоральные правила»), которое он предпочел понятию «избирательная система». В его определении это *то, что регулирует процессы, посредством которых*

¹ Все законы и иные нормативные акты, принятые в Российской Федерации, а также решения Конституционного Суда РФ цитируются по справочно-правовой системе «КонсультантПлюс» (<http://www.consultant.ru/>). Все ссылки на источники в Интернете проверены 7 июня 2016 года.

² Любарев А. Е. Пути совершенствования законодательного регулирования избирательных систем на муниципальных выборах // Местное право. 2012. № 3. С. 55–66.

рых электоральные предпочтения выражаются голосами и с помощью которых эти голоса переводятся в распределение государственной власти (обычно в виде парламентских мест) между конкурирующими политическими партиями¹. Такое определение близко к тому, что мы понимаем под избирательной системой.

С. А. Белов определил избирательную систему (в узком смысле) как систему юридических норм, регламентирующих особенности определения персонального состава коллегиального органа. Таким образом, он вслед за многими другими правоведами ограничил данное понятие только выборами коллегиальных (представительных) органов. Такое решение мотивировалось тем, что правила избрания должностных лиц не представляют из себя столь широкой вариации различных компонентов². Действительно, при избрании должностных лиц вариантов меньше, чем при избрании представительных органов (поскольку округа могут быть только одномандатными и голосование только персональное), однако вариация все же существует и, главное, варианты эти абсолютно те же, что и в случае выборов представительных органов с учетом отмеченных ограничений. Таким образом, нет смысла отделять в данном контексте одни выборы от других. Добавим, что определение С. А. Белова нам представляется и недостаточно четким (в частности, непонятен смысл слова «особенности»).

В нашей работе 2005 года было дано следующее определение избирательной системы (в узком смысле): это совокупность правовых норм, определяющих, каким

¹ Rae D. W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1971. P. 14.

² Белов С. А. Избирательная система как правовой институт. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 21–22.

образом итоги голосования избирателей трансформируются в результаты выборов¹. Под *итогами голосования* мы понимаем данные о числе голосов, поданных избирателями за кандидатов и/или за партийные списки, и иные числовые данные, которые содержатся в протоколах избирательных комиссий и важны для определения результатов выборов. Под *результатами выборов* мы понимаем решения соответствующих избирательных комиссий об избрании конкретных кандидатов депутатами или должностными лицами либо о признании выборов несостоявшимися².

Обсуждая данное определение, А. Е. Постников отмечает, что избирательную систему в узком смысле «также характеризует и сам способ подачи голосов, что неразрывно связано с используемыми формами выдвижения списков кандидатов, порядком составления этих списков. Очевидно, что эти моменты находятся за рамками процесса трансформации итогов голосования в результаты выборов»³. В связи с этим нам представляется важным подчеркнуть смысл, вкладываемый в словосочетание «совокупность ... норм, определяющих, каким образом ... трансформируются...». Это не эквивалентно понятию «способ трансформации» или «процесс трансформации»; здесь подразумеваются и те нормы, которые находятся за рамками процесса определения результатов выборов, но от которых зависит, как будет происхо-

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 10.

² Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 152–153.

³ Постников А. Е. Пропорциональная избирательная система в контексте российской политической практики // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 39–40.

дить трансформация итогов голосования в результаты выборов (иными словами, голосов в мандаты). Подробнее об этом будет сказано далее.

Е. А. Очеретько дала следующее определение избирательной системы: «совокупность правовых норм, определяющих порядок образования избирательных округов и их вид (одно- или многомандатные), способ оформления голосования, порядок трансформации итогов голосования избирателей в результаты выборов, правила составления списка»¹. Такое определение содержательно близко к нашему, хотя в нем теряется суть определяемого понятия. Впрочем, для нормативного документа оно может быть полезно.

Можно с удовлетворением отметить, что предложенное нами определение в последние годы было взято на вооружение рядом исследователей².

1.1.2. Основные параметры избирательной системы

В работе Д. Рэ были выделены три основных параметра (переменных) избирательной системы:

1) способ голосования избирателей (в оригинале — *balloting as a specification of the voter's role in deciding the election*; Д. Рэ разделял категорическое и ординальное³ голосование);

¹ Очеретько Е. А. Проблемы развития пропорциональной избирательной системы в Российской Федерации и пути их решения. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8, 15.

² Болотина Е. В., Оводенко М. А. Избирательное право европейских государств (Великобритания, ФРГ, Франция). СПб., 2008. С. 25–26; Филинина И. М. Конституционно-правовая модель избирательной системы. Хабаровск, 2013. С. 12.

³ Термин «ординальное» происходит от англ. *ordinal* — порядковое числительное. Мы предпочитаем использовать

- 2) размер избирательного округа (различались одномандатные и многомандатные округа);
- 3) электоральная формула¹ — ключевой фактор трансляции голосов в мандаты².

Эти же переменные рассматривались Р. Таагеперой и М. С. Шугартом, однако они отметили, что, помимо категорического и ординального, возможны также одобрительное и кумулятивное голосование³. Идея трех переменных была затем воспринята рядом других исследователей⁴. Г. В. Голосов указывал на четыре базовых элемента:

- 1) основной принцип (мажоритарный, плюральный, пропорциональный);
- 2) величина округа (одномандатный или многомандатный);

вместо него термин «преференциальное», более привычное для русскоязычной литературы.

¹ Среди российских политологов иногда используется понятие «электоральная формула» как синоним понятия «избирательная система» (см., например: Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 188; Скрипкина Ж. Б. Избирательные системы и технологии. М., 2005. С. 102; Подвинцев О. Б., Голосов Г. В. Избирательная система // Выборы и электоральная политика: словарь. СПб., 2010. С. 60). Однако, как видно из данного перечня, электоральная формула — лишь один из основных элементов избирательной системы.

² Rae D. W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1971. P. 15–23.

³ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

⁴ Bawn K. The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // Amer. J. Political Sci. 1993. Vol. 37. № 4. P. 968–972; Постников А. Е. Избирательное право России. М., 1996. С. 39–49; Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Современные избирательные системы // Выборы. Законодательство и технологии. 2000. № 7–8. С. 54–59.

3) число голосов у избирателя (один или более одного);

4) структура избирательного бюллетеня, определяющая возможности избирателя (категорический или ординальный бюллетень)¹.

В целом подход Голосова близок к подходам Рэ и Таагеперы — Шугарта, с той разницей, что способ голосования разделен (с нашей точки зрения, неоправданно) на два разных элемента, а электоральная формула заменена (столь же неоправданно) на основной принцип.

Следует обратить внимание, что Д. Рэ предварительно отмечал в качестве самого первого вопроса, на который отвечает избирательная система: делает ли избиратель выбор между людьми или между партиями?² На наш взгляд, к трем параметрам Д. Рэ следует добавить этот в качестве первого, и тогда мы получаем четыре основных параметра:

1) голосует избиратель за конкретного кандидата (конкретных кандидатов) или за партию (возможен и комбинированный вариант одновременного голосования за кандидата и партию);

2) способ голосования (категорический, одобрительный, кумулятивный, преференциальный);

3) величина округа (одномандатный или многомандатный);

4) метод перевода голосов в мандаты³.

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 212.

² Rae D. W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1971. P. 14.

³ Любарев А. Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 120–121; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 11–12.

Из этих четырех параметров более подробного объяснения требуют второй и четвертый. Но, как будет показано в дальнейшем, четвертый параметр (метод перевода голосов в мандаты) сильно отличается в зависимости от трех остальных параметров. Сейчас мы более подробно остановимся только на втором параметре — способе голосования.

Категорическим называют голосование, когда избиратель может отметить в бюллетене только одного кандидата или один список.

Одобрительным называют голосование, при котором избиратель может отметить в бюллетене нескольких кандидатов, не выражая при этом никому из них предпочтения перед другими отмеченными кандидатами.

При *кумулятивном* голосовании избиратель также обладает несколькими голосами, но он их распределяет между кандидатами по своему усмотрению и может при этом отдать одному или нескольким кандидатам не один, а сразу несколько голосов (впрочем, здесь возможны определенные ограничения, например, одному кандидату нельзя давать больше трех голосов).

При *преференциальном* (ординальном) голосовании избиратель ранжирует кандидатов, помечая их в порядке убывания своих предпочтений числами 1, 2, 3 и т.д. (закон может требовать, чтобы избиратель отметил таким образом всех кандидатов, но в общем случае избиратель помечает только тех, кого готов поддержать).

Следует подчеркнуть, что этими четырьмя вариантами не исчерпываются все возможные способы голосования. Так, неоднократно предлагались более сложные способы. Например, голосование с четырьмя вариантами ответа: «за», «против», «воздерживаюсь» и «предпочитаю» (предпочтение можно вы-

разить только одному кандидату, количество других вариантов не ограничивается)¹. Или голосование, при котором избиратель должен оценить каждого кандидата по семибальной шкале (от –3 до +3)². Однако эти способы голосования пока не применялись на практике; более того, для них не разработаны и методы определения результатов выборов. Поэтому мы в своей работе ограничиваемся четырьмя указанными способами.

Говоря об избирательной системе как о совокупности правовых норм (см. предыдущий подраздел), мы должны отдавать себе отчет, что эти нормы чаще всего разбросаны по разным частям избирательного закона. Это затрудняет описание избирательной системы как единого целого. В учебниках и пособиях по избирательному праву России или зарубежных стран, а также по сравнительному избирательному праву обычно описываются нормы избирательного законодательства так, как они расположены в законе. Однако у закона и учебного пособия разные функции. Закон обычно структурирован так, чтобы правоисполнителям было удобно находить те нормы, которые нужно применять на конкретном этапе избирательной кампании и/или в отношении конкретного субъекта избирательного процесса. А учебное пособие должно способствовать пониманию общих правил и принципов.

Нормы, определяющие избирательную систему обычно включают:

- 1) правила образования избирательных округов;

¹ Гервер М. Л. Предлагаю изменить нашу избирательную систему // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 78–85.

² Огрызко К. В. Альтернативные методы голосования: совершенно разные результаты. На пути к подлинной демократической революции // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5.

- 2) правила формирования партийного списка (если система предусматривает голосование за списки кандидатов);
 - 3) содержание избирательного бюллетеня;
 - 4) правила голосования (заполнения бюллетеня)
- и правила признания бюллетеня недействительным;
- 5) правила определения результатов выборов¹.

Только описание всех этих норм вместе может дать правильное представление об избирательной системе, действующей на конкретных выборах.

1.1.3. Терминологические проблемы

При описании избирательных систем неизбежно приходится сталкиваться с терминологическими проблемами². Многие избирательные системы, методы распределения мандатов и другие понятия, связанные с избирательными системами, имеют несколько названий, чаще всего связанных с историческими и национальными различиями. В связи с этим мы будем стараться обращать внимание на синонимичные термины.

Сложнее с тем, что некоторые понятия могут использоваться в разных значениях. Так, в литературе преференциальным голосованием часто называют не только способ голосования, основанный на ранжировании кандидатов, но и любое голосование за кандидатов при системе открытых списков. Мы в данной работе будем использовать это понятие только в его первом значении.

¹ Похожий переченьдается в работе С.А. Белова (Избирательная система как правовой институт. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 68–69).

² Для прояснения многих терминов, связанных с выборами, рекомендуем обращаться к изданию: Выборы и электоральная политика: словарь. СПб., 2010.

В 19-м веке и в начале 20-го «выборами по спискам» называли выборы по мажоритарной системе в многомандатных округах. В настоящее время понятие «списки» практически всегда ассоциируются с пропорциональной системой.

Термин «заградительный барьер» обычно используется при описании пропорционально-списочных систем для обозначения порога (главным образом в виде процента голосов), который должен преодолеть партийный список, чтобы его допустили к распределению депутатских мандатов. Однако в некоторых работах заградительным барьером также называют порог, который в рамках мажоритарной системы с перебаллотировкой должен преодолеть кандидат для допуска во второй тур, и такое двойное использование этого термина создает некоторую путаницу.

Есть разночтения в понятии «открытые списки» (см. раздел 3.6). Даже понятие «избирательный округ» иногда используется в непривычном для нас значении¹.

Еще одно не вполне однозначное понятие — «метод (правило) наибольшей средней». Как будет показано в подразделе 4.1.4, этот термин используется для двух разных методов распределения мандатов, которые часто, но далеко не всегда дают одинаковые результаты.

Отмечалось также не вполне корректное использование в европейской литературе термина «система д’Ондта» в отношении любых разновидностей пропорциональной системы, использующих для распределения мандатов метод д’Ондта. Как мы увидим в дальнейшем, пропорциональные избирательные системы различаются во многих аспектах, помимо ме-

¹ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

тода распределения мандатов; таким образом, имя В. д'Онда следует использовать только для метода распределения мандатов, но не для совокупности избирательных систем¹.

1.2. Классификация избирательных систем

1.2.1. Зачем нужна классификация

Во многих учебниках, монографиях и статьях можно прочитать, что основных избирательных систем всего две — мажоритарная и пропорциональная². Такое утверждение полезно для создания самого общего представления об избирательных системах, но оно часто мешает понять реальное многообразие избирательных систем.

Отметим, что иногда высказывается и противоположная по существу точка зрения. Так, А. М. Салмин отмечал: «для специалистов никогда не существовало “вообще мажоритарных” и “вообще пропорциональных” систем: первые и вторые выступают в конкретной форме, в целом же их совокупность представляет собой некий континuum»³.

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 419.

² Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 55–57; Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. С. 271; Андреева Г.Н., Старостина И.А. Избирательное право в России и в зарубежных странах. М., 2010. С. 107–108; Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М., 2011. С. 254; Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2012. С. 168.

³ Салмин А. М. Избирательные системы и партии: выбор выборов // Полития. 2004. № 1. С. 12–24.

При этом сразу же оказывается, что есть избирательные системы, сочетающие в том или ином виде элементы мажоритарной и пропорциональной систем. Одни из них были объединены в группу смешанных систем, другие — в группу полупропорциональных¹. В чем разница между полупропорциональными и смешанными системами, обычно не объясняется. Слово «полупропорциональные» вообще режет слух людей, привыкших к математическому мышлению, хотя интуитивно можно понять, что речь идет о системах, где принцип пропорциональности действует не в полной мере. Но то же самое можно сказать и о некоторых смешанных системах. В подразделе 1.2.3 мы покажем, что между системами, которые обычно относят к полупропорциональным и смешанным, есть вполне понятная разница, но она основана не на принципе, а на юридических нормах.

Сталкиваясь с избирательными системами различных стран, исследователь обнаруживает, что трудно встретить две страны, избирательные системы которых были бы абсолютно идентичны. И в этом случае возможны два подхода. Один из них — подробно описывать все элементы избирательной системы каждой страны; именно такой подход преобладает сейчас в изданиях, которые готовятся под эгидой ЦИК России², при этом элементы избира-

¹ Как вариант все той же классификации можно рассматривать разделение избирательных систем на четыре семьи: мажоритарные, пропорционального представительства (куда входят списочная пропорциональная система и система единственного передаваемого голоса), мажоритарно-пропорциональные и иные, к которым отнесены полупропорциональные системы (Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 83–86).

² Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006; Вып. 2. М., 2007; Вып. 3. М., 2009; Вып. 4. М., 2009; Вып. 5.

тельной системы в узком смысле не отделяются от других норм и институтов избирательного права, к тому же зачастую данные элементы описываются в разных терминах, используемых в описываемых странах. Добавим еще, что при подобном описании часто упускаются весьма существенные «детали». Такой подход может быть полезен для знакомства с избирательной системой конкретной страны, однако он не годится для сравнительных исследований.

Если использовать аналогию с растительным или животным миром, исследователи, придерживающиеся указанного подхода, напоминают человека, который подробно описывает форму встреченного им растения или животного, не пытаясь отнести его к известным таксономическим единицам — классу, семейству, роду, виду.

В одном из учебников, где описывается большое число избирательных систем, говорится: «Мы надеемся, что, ознакомившись с ними, читатель, тем более профессиональный юрист, сможет впоследствии разобраться в любой избирательной системе, которая встретится в законодательстве и практике любой конкретной страны»¹. В этом утверждении следует усомниться, ибо любой новый объект способен поставить в тупик исследователя, не вооруженного четкой классификацией.

Второй подход — попытаться создать полную и стройную классификацию избирательных систем.

М., 2010; Вып. 6. М., 2011; Вып. 7. М., 2012; Вып. 8. М., 2013; Вып. 9. М., 2014; Вып. 10. М., 2015. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009; Вып. 2. Американский континент. М., 2010; Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013; Вып. 4. Европейско-Азиатский регион. М., 2015.

¹ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 457.

В этом случае при описании конкретной избирательной системы уже не придется тратить время на те элементы, которые лежат в основе классификации, а уделять внимание только тем, которые характеризуют отличия этой системы от других, близких к ней.

Проблемы, с которыми сталкивается исследователь при попытке классификации избирательных систем, весьма своеобразно охарактеризовал Д. Нолен: «В то время как мажоритарные избирательные системы относительно одинаковы, ни одна пропорциональная избирательная система не похожа на другую»¹. С этим утверждением невозможно согласиться: и среди мажоритарных систем имеются заметные различия, и пропорциональные системы схожи во многих элементах. Наибольшим разнообразием, кстати, отличаются смешанные системы.

Отсутствие четкой классификации мешает пониманию сущности конкретных избирательных систем. Весьма часто, сталкиваясь с избирательной системой какой-либо страны, не похожей на «классическую» мажоритарную или пропорциональную систему, авторы монографий и учебных пособий либо пытаются ее «подогнать» под известные им «стандарты», либо просто обходят ее стороной. Наиболее часто это случается с системой единственного передаваемого голоса (использующей преференциальный способ голосования), которая, с одной стороны, весьма интересна и перспективна, а с другой — хуже всего укладывается в традиционное деление. Хотя создатели этой системы характеризовали ее исключительно как пропорциональную, по многим формальным параметрам она ближе к мажоритарной.

¹ Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 59.

Так, много лет назад автора этих строк поразило обнаруженное им противоречие в Большой советской энциклопедии. В статье «Преференциальное голосование» (том 20, 1975 год) написано, что преференциальное голосование — метод голосования при мажоритарной системе, а в статье «Пропорциональная система представительства» (том 21, 1975 год) сказано, что преференциальное голосование — один из видов пропорциональной системы представительства.

В отношении к этой системе нет единой позиции и сегодня. Так, В. Е. Чиркин полагает, что система единственного передаваемого голоса ближе к мажоритарной системе¹. А. А. Мишин характеризует ее как особую разновидность пропорциональной системы². К. В. Киселев и Г. В. Голосов также относят эту систему к категории пропорциональных³. И. А. Алебастрова отмечает, что она сочетает черты мажоритарной и пропорциональной избирательных систем⁴, хотя то же самое можно сказать и о смешанных системах. В. А. Никонов и С. А. Колмаков рассматривают ее просто как разновидность смешанной системы⁵.

А вот пример, к чему приводит отсутствие представлений о системах с преференциальным голосо-

¹ Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М., 2011. С. 258.

² Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2013. С. 183.

³ Киселев К. В., Голосов Г. В. Единственного (единого, одного) передаваемого голоса система // Выборы и электоральная политика: словарь. СПб., 2010. С. 52–54.

⁴ Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. С. 278.

⁵ Никонов В. А., Колмаков С. А. Закон о выборах: Оптимальная модель для России // Российский монитор. 1993. Вып. 3. С. 23–34.

ванием у людей, которые, казалось бы, должны быть специалистами в области избирательных систем. Ниже приводится фрагмент из брошюры, изданной ЦИК России в 1996 году: «В Австралии существует система преимущественного права, в соответствии с которой можно выбирать кандидата по повторному выдвижению. Если кандидат не был избран, проводится повторное голосование, и это продолжается до тех пор, пока большинством голосов не будет избрано необходимое число членов Палаты представителей. При выборах в Сенат также применяется метод пропорционального голосования, который наиболее точно отражает различные политические мнения в стране»¹. Из этого странного текста очень трудно понять, что речь в первых двух предложениях идет о мажоритарно-преференциальной системе (системе альтернативного голосования), а в третьем — о системе единственного передаваемого голоса.

Однако и у более компетентных авторов можно увидеть противоречия. Так, В. В. Маклаков, следуя западной традиции, характеризует систему единственного передаваемого голоса как разновидность пропорциональной избирательной системы. И тут же определяет пропорциональную систему следующим образом: «способ определения результатов голосования, в основу которого положен принцип распределения мест пропорционально полученному каждой партией или списком кандидатов числу голосов... Пропорциональная система в основе всегда имеет полиноминальный список»². Однако система единственного передаваемого голоса не предусма-

¹ Особенности избирательных систем в Австралии, ФРГ, Канаде, Мексике, США. М., 1996. С. 5.

² Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 55–63.

тряивает обязательного наличия списков кандидатов и потому не укладывается в данное определение.

Весьма своеобразно решили данную проблему авторы еще одного учебника. Они просто заявили, что выделение в качестве особого вида избирательных систем, учитывающих интересы меньшинства (ограниченного голоса, кумулятивного голосования, единственного непередаваемого голоса, единственного передаваемого голоса и др.), «оправдано лишь в историческом аспекте как определенный промежуточный этап в эволюции доктрины и законодательства», поскольку «в настоящее время подобные системы представляют скорее исключение, чем правило, и могут рассматриваться как побочные ответвления традиционных избирательных систем»¹. Как-то даже не очень удобно напоминать, что изучение «исключений» иногда гораздо лучше помогает понять «правила», а «побочные ответвления» могут со временем оказаться если не «главным стволом», то вполне жизнеспособным ростком.

1.2.2. Принципы или электоральная формула как основа для классификации

Как отметил Д. Нолен, различие между мажоритарной и пропорциональной системами основывается не на формальных моментах, а на различных политических целях избирательных систем². В одном случае действует принцип большинства, в другом — принцип распределения мандатов пропорционально поданным голосам. И действительно, в

¹ Сравнительное конституционное право. М., 1996. С. 398.

² Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 55–57.

основе традиционной классификации лежат не юридические нормы, а «принципы».

Критикуя предложенную нами классификацию избирательных систем на основе юридических элементов, речь о которой пойдет в следующем подразделе, Е. Е. Скосаренко выступила в защиту «традиционной для науки точки зрения, что основным критерием классификации избирательных систем следует считать тип электоральной формулы (мажоритарный, пропорциональный или их соотнесение). Остальные, так называемые “уровни” классификации (характер голосования, тип большинства, количество мандатов в округе, степень свободы выбора и т.д.) — это особенности использования каждой отдельной системы, а также инструменты преодоления негативных черт отдельных избирательных систем либо достижения желательных свойств системы»¹.

Увы, все попытки построить классификацию на традиционной основе то ли принципов, то ли типа электоральной формулы (в том числе и классификация, предложенная самой Е. Е. Скосаренко²) приводят к повторению все тех же натяжек, обусловленных тем, что юридическим элементам оставляется второстепенная роль, а на первый план выходят даже не политологические, а просто политические факторы. При этом часто даже не пытаются сформулировать те принципы или формулы, которые кладутся в основу классификации. Ибо любая четкая формулировка сразу же выяснит явные противоречия.

Попробуем разобраться с принципами и электоральными формулами, которые лежат в основе традиционной классификации. И сразу станет ясно, что с ними не все гладко.

¹ Скосаренко Е. Е. Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М., 2007. С. 52–53.

² Там же. С. 54, 205.

Вот как, например, характеризует мажоритарную систему В. Е. Чиркин: «При мажоритарной системе действует принцип большинства, победитель, получивший большинство голосов, получает все мандаты (партийный список) или один — в одномандатном округе»¹. В более кратком виде этот принцип формулируется как «победитель получает все». Однако тот же В. Е. Чиркин относит к мажоритарным системам и полупропорциональные системы, и систему единственного передаваемого голоса, где данный принцип не действует. Даже блоковая система, при которой в многомандатном округе избиратель имеет столько голосов, сколько разыгрывается мандатов, не всегда приводит к тому, что лидирующая партия получает все мандаты.

Г. В. Голосов вслед за Д. Рэ считает, что фундаментальных принципов избирательной системы три — мажоритарный, плюральный и пропорциональный. В данном случае различие между требованием получения абсолютного и простого большинства расценивается как принципиальное². Таким образом, если следовать логике Д. Рэ и Г. В. Голосова, нужно разделять мажоритарный принцип (или мажоритарную формулу) и плюральный принцип (или плюральную формулу). Но тогда мажоритарная система абсолютного большинства и мажоритарно-преференциальная система попадают в один тип, а плюральная система вместе со всеми полупропорциональными системами — в другой тип. Однако на такое решение никто не осмеливается.

На наш взгляд, наиболее общий принцип, объединяющий все системы, не относящиеся к мажоритар-

¹ Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М., 2011. С. 254.

² Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 212–214.

ным, можно охарактеризовать лишь через противопоставление мажоритарному принципу «победитель получает все». Главное, что объединяет все эти системы, — подход, согласно которому в представительном органе обязательно должно быть представлено не только большинство, но и меньшинство, то есть мандаты должны получить представители разных политических сил, как минимум двух — власти и оппозиции. В идеальном варианте мандаты между партиями должны быть распределены пропорционально поддержке, которую избиратели оказывают этим партиям. Однако такой идеал не всегда достигается, даже при использовании систем, которые называются пропорциональными.

Как отмечалось в предыдущем подразделе, многие исследователи относят систему единственного передаваемого голоса к пропорциональным системам, объединяя ее с пропорционально-списочными системами. Однако в современной литературе трудно встретить обоснование для такого объединения. В одном случае избиратель голосует за список партии, в другом — за конкретных кандидатов. И хотя создатели системы единственного передаваемого голоса декларировали принцип пропорционального распределения, их электоральная формула (то есть метод распределения мандатов) внешне выглядит более похожей на плуральную. Разумеется, общим является использование многомандатных округов, но это относится и к блоковой системе, и к полупропорциональным.

Тем не менее еще в начале 20-го века В. М. Гессен отметил, помимо наличия многомандатных округов, еще две общие черты у системы единственного передаваемого голоса и пропорционально-списочных систем. Во-первых, это наличие «избирательного метра» (квоты), которым определяется числовое

значение группы, избирающей одного представителя. Во-вторых, «эвентуальный вотум», который заключается в том, что голос, подаваемый за кандидата, собравшего число голосов, превышающее избирательный метр, всегда и необходимо засчитывается другому кандидату, недобравшему необходимого числа голосов¹.

Однако эвентуальный вотум у этих систем имеет совершенно разную природу. В случае системы единственного передаваемого голоса передача голоса от одного кандидата к другому осуществляется на основе ясно выраженной воли избирателя. При пропорционально-списочных системах голос передается безотносительно к воле избирателя. Да и не во всех случаях можно говорить о передаче голоса от кандидата к кандидату, поскольку отдельные виды пропорционально-списочных систем (системы открытых списков) вообще не предусматривают голосование за кандидатов.

Что касается избирательного метра, то он выглядит скорее инструментом, чем сущностной характеристикой системы. Тем более, как мы увидим дальше (см. раздел 4.1), не все методы распределения мандатов используют избирательный метр в явном виде.

Тем не менее аргументация В.М. Гессена все же позволяет приблизиться к пониманию общности этих систем. Чтобы сформулировать общий для них принцип, нужно вернуться к мажоритарному и плюральному принципам в том виде, в каком они сформулированы Г.В. Голосовым. Мажоритарный принцип: *кандидат для избрания должен получить абсолютное большинство голосов*. Плюральный принцип: *кандидат для избрания должен получить большее* голо-

¹ Гессен В.М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 293.

сов, чем другие кандидаты¹. Фактически это принципы-формулы. Третий (пропорциональный) принцип (формула) должен в этой связи звучать так: *для завоевания мандата кандидат или партия должны получить определенное число голосов (метр, квоту), которое вычисляется на основе отношения общего числа голосов и числа распределяемых мандатов².*

И все же система единственного передаваемого голоса обладает особенностями, отличающими ее от пропорционально-списочных систем. Это, безусловно, разные системы. Причисление их к одному типу приводит к негативным практическим последствиям, поскольку система единственного передаваемого голоса теряется на фоне более широкого использования пропорционально-списочных систем.

То же самое можно сказать и об отличии системы единственного непередаваемого голоса³, которая почти столетие применялась в Японии, от мажоритарных систем. Характерный пример: в ряде работ⁴ систему, действовавшую в Японии до 1996 года, называют мажоритарной системой относительного большинства, но при этом отмечают, что она не позволяла одной партии получать все мандаты, хотя такое свой-

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 212.

² Как мы увидим в подразделах 3.4.1 и 4.1.2, используемые квоты не всегда равны отношению общего числа голосов и числа распределяемых мандатов, но всегда основаны на этом отношении.

³ К сожалению, названия двух систем — «единственного передаваемого голоса» и «единственного непередаваемого голоса» — слишком близки, и поэтому их иногда путают. Автору остается лишь призывать читателя быть внимательным.

⁴ Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов). М., 1980. С. 47–48; Цветова И. А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2002. С. 12–14.

ство совсем не характерно для мажоритарных систем. А в главе сборника, посвященной избирательной системе Японии¹, вообще упущен такой особенный момент истории японской избирательной системы.

Так же теряются и многие другие системы, остающиеся в тени более привычных. Мажоритарно-преверенциальная система существенно отличается от мажоритарной системы абсолютного большинства. Да и различие между закрытыми и открытыми списками, на наш взгляд, принципиально. Стоит отметить, что различия, о которых здесь идет речь, связаны главным образом со способом, с помощью которого избиратель выражает свою волю. И именно пренебрежение «фактором избирателя» в угоду политическим «принципам» характерно для традиционных классификаций.

Что касается смешанных систем, то их очень часто рассматривают просто как сочетание двух основных систем — мажоритарной и пропорциональной². И тут уже приверженцы «традиционной классификации» забывают о «принципах». Ибо с точки зрения принципа определения победителей следует различать связанные смешанные системы, подобные германской, которые основаны на принципе пропорционального распределения мандатов, и те системы (иногда называемые параллельными), где два принципа механически сочетаются.

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 350–446.

² Сравнительное конституционное право. М., 1996. С. 398; Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 483–484; Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. С. 278.

1.2.3. Классификация, основанная на юридических параметрах

Поскольку мы характеризуем избирательную систему как совокупность правовых норм (см. подраздел 1.1.1), нам следует и классификацию избирательных систем строить на основе правовых норм. Такие попытки ранее уже предпринимались. Так, Г. В. Голосов предложил классификацию, основанную на четырех выделенных им базовых элементах; правда, среди них только три можно отнести к правовым, а один является принципом (см. подраздел 1.1.2). У Г. В. Голосова получилось восемь «логически возможных чистых (не смешанных) избирательных систем»: мажоритарная (в данном случае имелась в виду система абсолютного большинства), мажоритарно-преференциальная, простого (относительного) большинства (плюральная), «единий непереходящий голос», блоковая, пропорциональная списочная, панашаж и «единий переходящий голос»¹. Однако данная классификация нас не вполне удовлетворяет, поскольку не охватывает все реально существующие избирательные системы.

Наша классификация, впервые предложенная в 2003 году², основана на четырех выделенных нами юридических параметрах избирательной системы (см. подраздел 1.1.2): 1) голосование за кандидата или партию; 2) размер избирательного округа; 3) способ голосования; 4) метод перевода голосов в манда-

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 212–214.

² Любарев А. Е. Избирательные системы и российское избирательное законодательство // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 120–123; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 10–16.

ты. На первом этапе для классификации использовались все параметры, кроме четвертого. У первого параметра рассматривались три значения: голосование за кандидата, голосование за партию и смешанный вариант. Однако смешанный вариант потребовал отдельного рассмотрения, поэтому вначале мы ограничились двумя вариантами. У второго параметра рассматривались два значения (одномандатные и многомандатные округа) — данный параметр полностью совпадал с одним из базовых элементов Г. В. Голосова. У третьего параметра рассматривались четыре значения — категорический, одобрительный, кумулятивный и преференциальный. Таким образом, теоретически возможны $2 \times 2 \times 4 = 16$ вариантов. Однако, как и у Г. В. Голосова, некоторые из возможных сочетаний параметров не имеют логического смысла или нецелесообразны с точки зрения рассматриваемых целей. Так, в одномандатном округе голосование за партию будет эквивалентно голосованию за конкретного кандидата от этой партии¹. Кроме того, в одномандатном округе не имеет смысла одобрительное или кумулятивное голосование, поскольку здесь выбирается одно лицо, и избирателю надо четко определиться со своим выбором². Голосование за партии

¹ Впрочем, известна система «двойного одновременного голоса», применявшаяся ранее в некоторых латиноамериканских странах (см. ниже), где это не совсем так, но ее мы относим к смешанному случаю.

² Впрочем, с этим утверждением не все исследователи согласны (см.: Кириченко Л. А. Избирательная система для общества переходного периода // Два опыта избирательной системы. М., 1993. С. 27–59; Огрызко К. В. Альтернативные методы голосования: совершенно разные результаты. На пути к подлинной демократической революции // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5).

также имеет смысл только категорическое, поскольку партии предлагают конкурирующие между собой политические платформы.

Таким образом, получилось семь основных типов избирательных систем (см. таблицу 1.1), не считая случаев смешанного голосования (за кандидата и партию). Получившийся перечень довольно близок к классификации Г. В. Голосова: совпадают пять (*мажоритарно-преференциальная, блоковая, единственного непередаваемого голоса, единственного передаваемого голоса и система закрытых партийных списков*), добавлена система *кумулятивного вотума* (которую Г. В. Голосов, вероятно, рассматривал как разновидность блоковой системы), исключена система панаширования (которая нами отнесена к системам со смешанным голосованием), и в один тип объединены *мажоритарные* системы относительного и абсолютного большинства.

Из этих семи основных типов некоторые следует далее разделить как минимум на два подтипа. Так, мажоритарную систему нужно разделить в зависимости от четвертого параметра на систему *относительного большинства (плюральную)* и систему с *перебаллотировкой*. В первом случае кандидату для избрания достаточно получить больше голосов, чем его соперники; во втором случае он должен еще преодолеть определенный порог поддержки, и если никто этот порог не преодолеет, проводится перебаллотировка (повторное голосование, второй тур). Мажоритарные системы абсолютного и квалифицированного большинства являются частными случаями мажоритарной системы с перебаллотировкой; в первом случае порог составляет 50%, во втором он может быть различным¹.

¹ В. В. Маклаков (Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 48) различает абсолют-

**Таблица 1.1. Классификация избирательных систем
(кроме систем со смешанным голосованием)**

Избирательная система	Избирательные округа	Голосование за кандидатов или за партии	Способ голосования
Мажоритарная (относительного большинства или с перебаллотировкой)	одномандатные	за кандидатов	категорическое
Мажоритарно-преференциальная	одномандатные	за кандидатов	преференциальное
Единственного передаваемого голоса	многомандатные	за кандидатов	категорическое
Блоковая или ограниченного вотума	многомандатные	за кандидатов	одобрительное
Кумулятивный вотум	многомандатные	за кандидатов	кумулятивное
Единственного передаваемого голоса или «очков»	многомандатные	за кандидатов	преференциальное
Закрытых партийных списков	многомандатные	за партии	категорическое

Отметим, что и при блоковой системе возможно требование абсолютного большинства. Системы с таким требованием ранее существовали, но позднее от них везде отказались. Поэтому мы их не включаем в нашу классификацию.

В то же время отдельно от блоковой системы следует рассматривать систему *ограниченного вотума*. Здесь критерий — количество голосов у избирателя. Если оно равно числу мандатов, распределяемых в округе, мы имеем систему «неограниченного» вотума (именно ее обычно называют блоковой); если же число голосов меньше числа мандатов, говорят о системе ограниченного вотума.

Отметим, что систему ограниченного вотума, систему единственного непередаваемого голоса и систему кумулятивного вотума обычно относят к полупропорциональным, поскольку они призваны обеспечить представительство меньшинства, но обычно не дают меньшинству долю мандатов, пропорциональную его поддержке избирателями. Однако эти три системы имеют и два общих юридических параметра — многоMANDATНЫЕ округа и голосование за конкретных кандидатов. Этим они отличаются, в частности, от смешанных систем, которые подразумевают голосование и за кандидатов, и за партии.

Системы с преференциальным голосованием в зависимости от четвертого параметра (способа определения результатов выборов) также можно разделить на две категории. В одном случае голос избирателя передается от одного кандидата другому в соответствии со следующей преференцией избирателя (мажоритарно-преференциальная система и система единственного передаваемого голоса), в другом го-

но-квалифицированное (порог больше 50%) и относительно-квалифицированное (порог меньше 50%) большинство.

лосу избирателя в зависимости от проставленного им номера присваивается определенное число очков (система «очков»). При этом системы с передачей голоса получили достаточное распространение в мире (см. раздел 3.4), а система «очков» в многоизбирательных округах применяется в настоящее время лишь в одном крошечном государстве (Науру).

Отдельного внимания заслуживает система закрытых партийных списков. Она тоже может подразделяться в зависимости от четвертого параметра на две принципиально разные системы. Одна из них — знакомая нам *пропорциональная система*, суть которой в том, что мандаты распределяются пропорционально голосам, поданным за партийные списки. Однако возможна и система, при которой списку, получившему большинство голосов, достаются все мандаты. Такую систему (которая по своему принципу мажоритарная) называют *партийно-блоковой*, и она используется крайне редко, причем в странах исключительно недемократических¹. В то же время возможны и некоторые промежуточные формы, при которых партия-лидер получает не все мандаты, но распределение мандатов происходит не по пропорциональному принципу (см. подраздел 3.5.1). Кроме того, есть модели, сохраняющие видимость пропорциональной системы, но направленные на искажение самой сути этой системы, когда партия-лидер получает «премию», позволяющую превратить относительное большинство в абсолютное или абсолютное большинство в квалифицированное. Такие искажения допускались во Франции и сейчас допускаются в Италии и Греции² (подробнее см. подраздел 4.3.1).

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 199–200.

² Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958.

Рассмотрим теперь системы, позволяющие избирателю голосовать как за кандидатов, так и за партии. Здесь сразу стоит отметить, что голосование за партии не всегда осуществляется явно. Как мы увидим в дальнейшем (см. подразделы 3.6.1, 3.6.4, 3.7.3), в некоторых случаях избиратель формально голосует только за кандидата (кандидатов), но его голос зачитывается как кандидату, так и партии, в список которой включен данный кандидат. Эти случаи мы тоже относим к системам смешанного голосования.

В наших ранних работах мы разделили системы со смешанным голосованием на четыре группы: открытые списки, панаширование, персонализированная пропорциональная (смешанная связанная) система и системы «добавочных представителей»¹. Сейчас мы должны внести в эту классификацию некоторые корректизы. Основной критерий, который мы будем использовать, — взаимосвязь голосования за кандидатов и за партии. Голосование может быть параллельным, когда избиратель отдельно голосует за кандидата и отдельно — за партию, и такие системы обычно называют *смешанными*. При этом чаще всего различаются и округа, в которых конкурируют кандидаты и партийные списки; например, кан-

С. 234–235, 242; Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 115–118, 277–278; Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 14–15.

¹ Любарев А. Е. Избирательные системы и российское избирательное законодательство // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 120–123; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 10–16; Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 47–48.

дидаты баллотируются в одномандатных округах, а партийные списки — в рамках больших многомандатных округов или даже единого округа; однако эта особенность не является для данной группы систем обязательной.

Далее эту группу следует разделить на две системы уже в зависимости от того, как определяются результаты выборов. Если результаты для кандидатов и партий определяются независимо друг от друга, мы имеем *параллельную (смешанную несвязанную)* систему. Если определение результатов взаимозависимое (обычно распределение мандатов между партиями зависит от результатов выборов кандидатов), речь идет о *смешанной связанной* системе.

Отметим, что ранее мы не считали правильным выделять параллельную систему в качестве самостоятельной избирательной системы, поскольку с юридической точки зрения она представляет просто сочетание двух разных систем. Однако с политологической точки зрения это не так: в ходе избирательной кампании ее основные участники (партии, кандидаты, избиратели) действуют с учетом обеих компонент, и потому результаты выборов уже не являются просто суммой результатов, которые получились бы, если бы обе компоненты действовали раздельно¹. Известен, например, эффект «контаминации», который заключается в том, что присутствие выдвинутых партией кандидатов в одномандатных округах улучшает результаты списка этой партии на данной территории².

¹ На этот момент указывала, в частности, Е. Е. Скосаренко (*Избирательная система России: мифы и политическая реальность*. М., 2007. С. 52–53).

² Яргомская Н. Б. Избирательная система и политическая фрагментация // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. С. 160–173; Голосов Г. В.

В других случаях голосование за кандидатов и партии сопряженное, но и здесь есть два разных подхода. В первом случае голос избирателя засчитывается в первую очередь партии, и на первом этапе происходит распределение мандатов между партиями. Это различные варианты *открытых списков*, включая и систему с *панашированием*. В другом случае голос избирателя засчитывается в первую очередь кандидату, и уже после подведения результатов выборов по кандидатам происходит распределение фиксированного или оставшегося числа мандатов между партиями. Такие системы получили название систем «*добавочных представителей*».

Таким образом, все системы со смешанным голосованием мы в настоящее время подразделяем на три группы: системы с параллельным голосованием (смешанные), открытые списки и системы «*добавочных представителей*». Системы с параллельным голосованием далее делятся, как отмечено выше, на параллельные и смешанные связанные. Открытые списки делятся в первую очередь на системы с панашированием (то есть с возможностью избирателя голосовать за кандидатов из разных списков) и без панаширования. Кроме того, открытые списки различаются по способу голосования за кандидатов (категорический, одобрительный, кумулятивный, преференциальный). Однако, как показывает опыт, в системах без панаширования обычно применяется категорическое или одобрительное голосование, гораздо реже — преференциальное, а в системах с панашированием преобладает кумулятивное голосование (см. раздел 3.7). Системы «*добавочных представителей*» мы подразделяем на *остаточно-пропорциональную* и систему «*компенсаторных представителей*».

Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006. С. 225.

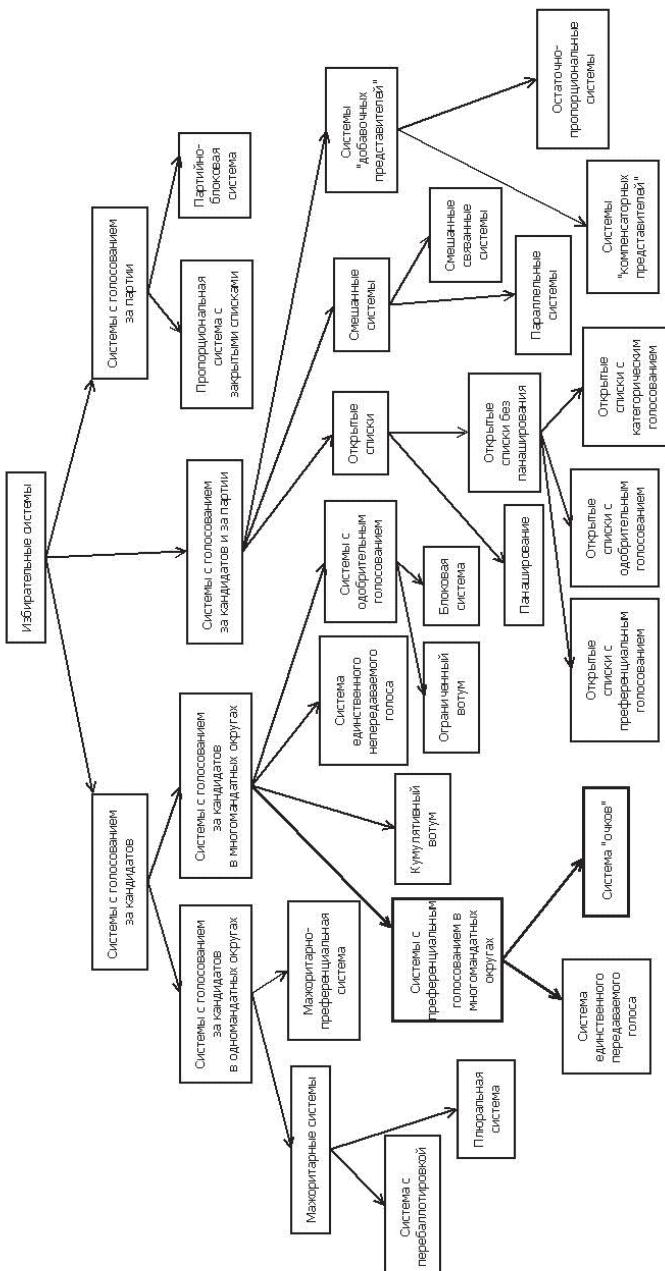
Отметим, что к смешанному типу относится и экзотическая система «*двойного одновременного голоса*», действовавшая на президентских выборах в Уругвае с 1910 года (отменена в 1996 году), а также в 1985 году в Гондурасе. При этой системе партия могла выдвигать несколько кандидатов; голоса за кандидатов от одной партии суммировались; победителем объявлялся кандидат от партии, получившей наибольшее число суммарных голосов, который в свою очередь получил больше голосов, чем другие кандидаты от этой партии¹.

Полностью предлагаемая нами классификация представлена на схеме (см. стр. 48).

Близкую к нашей классификацию использовали В. И. Лысенко и А. Г. Головин, анализируя избирательные системы, которые применяются в мире. По их данным, картина следующая (по-видимому, имелись в виду избирательные системы для выборов единственных или нижних палат парламента, по состоянию на 2006–2008 годы):

- 1) мажоритарная система относительного большинства – 47 стран;
- 2) мажоритарная система с перебаллотировкой – 22 страны;
- 3) мажоритарно-преференциальная система – 3 страны;
- 4) блоковая система – 15 стран;
- 5) партийно-блоковая система – 4 страны;
- 6) система ограниченного вотума – 1 страна;
- 7) система единственного непередаваемого голоса – 4 страны;
- 8) система единственного передаваемого голоса – 2 страны;

¹ Особенности избирательной системы Уругвая // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 3. С. 73–74; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 94–95.

- 9) система очков (Борда) — 1 страна;
- 10) пропорциональная система — 74 страны;
- 11) смешанная (классическая) избирательная система (первоначально распределяются мандаты по избирательным округам, а затем между партийными списками кандидатов; в нашей классификации этой группе, видимо, соответствует смешанная связанная система) — 9 стран;
- 12) смешанная (неклассическая) избирательная система (фиксированная часть депутатов избирается по избирательным округам, другая фиксированная часть — по партийным спискам; в нашей классификации этой группе соответствует параллельная система) — 17 стран¹.

Если же анализировать избирательные системы, используемые не только на национальном, но и на региональном и муниципальном уровнях, разнообразие будет еще больше.

Разумеется, избирательные системы, классифицированные таким образом, можно объединять в более крупные типы. Однако делать это можно по-разному в зависимости от целей исследования. Точно так же, как в зависимости от целей исследования животных можно объединять не только по таксономическим группам, но и, например, по среде обитания (земля, вода, воздух) или по способу питания (растительноядные, хищные).

Так, избирательные системы можно, как это традиционно делается, объединять на основе принципа определения победителя (см. предыдущий подраздел); в этом случае мы получим мажоритарные

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 23–24 (к сожалению, эта классификация приведена ими лишь во вводной главе, а в целом в книге и ее трех последующих выпусках сохранилось «традиционное» описание избирательных систем).

системы (которые можно далее разделить на собственно мажоритарные и плюральные), пропорциональные, полупропорциональные и смешанные¹.

Однако избирательные системы можно делить и по отмеченным нами параметрам. Например, на системы, использующие одномандатные округа или многомандатные округа. На системы, где избиратель голосует за кандидатов, за партии или как за кандидатов, так и за партии. Можно выделять системы с определенным способом голосования; в этом случае в одну группу попадают система единственного передаваемого голоса и мажоритарно-преференциальная система, и в этом есть определенная логика: не случайно именно эти две системы являются основными в Австралии. По этому же признаку можно объединять кумулятивный вотум (см. подраздел 3.3.4) и кумулятивное панаширование (см. подраздел 3.6.4).

¹ Стоит отметить, что некоторые системы, традиционно относимые к смешанным (например, смешанную связанную систему, действующую в Германии), если основываться на принципе определения победителя, следует относить к пропорциональным.

Глава 2

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Развитие избирательных систем тесно связано с процессами демократизации, и в истории этого развития также можно увидеть несколько волн. Однако эти волны не полностью совпадают с волнами демократизации.

С. Хантингтон выделил три волны демократизации. Первая продолжалась с 1828 года по 1926 год, при этом уже в 1922 году начался первый откат (захват власти в Италии Б. Муссолини). Вторая началась в 1943 году с оккупации союзниками большей части Италии и завершилась к 1962 году, но уже с 1958 года (с военного переворота в Пакистане) отмечено начало второго отката. Третья волна стартовала в 1974 году с «революции гвоздик» в Португалии¹.

Однако основным содержанием первой волны демократизации было смягчение и в конечном счете ликвидация различных цензов, в первую очередь имущественного, то есть существенное расширение корпуса избирателей. На этом фоне изменения избирательных систем были менее заметными. Для нас важной вехой являются 1890-е годы, когда пропорциональные системы были введены в Швейцарии и Бельгии.

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 23–37.

Новый этап развития избирательных систем (в первую очередь пропорциональных) начался после окончания Первой мировой войны. Начало следующего этапа — окончание Второй мировой войны — совпало с началом второй волны демократизации. Однако третья волна демократизации в первые полтора десятилетия (касавшаяся в основном Южной Европы и Латинской Америки) оказалась практически не связанный с развитием избирательных систем: почти везде использовались уже известные и широко применяемые модели. Новый этап развития избирательных систем начался в 1989 году с падением коммунистических режимов (когда третья волна демократизации получила «второе дыхание»).

Из этих соображений данная глава разбита на отдельные разделы. Первые два раздела относятся к периоду до 1917 года — в одном рассматривается история развития мажоритарных систем, в другом — пропорциональных и полупропорциональных. Далее разделы соответствуют этапам: 1917–1945, 1945–1989 и с 1989 года.

2.1. Развитие мажоритарных избирательных систем до 1917 года

В Древнем мире и в Средние века, а также в начале Нового времени выборы использовались не так повсеместно и регулярно, как в наше время. Тем не менее выборные процедуры применялись достаточно широко при формировании различных органов. В первую очередь это касается государств с республиканской формой правления (древнегреческие полисы, древний Рим, городские средневековые республики). Однако выборы практиковались и в монархиях. На ранних этапах у германцев и славян сами долж-

ности монархов были выборными (хотя бы формально). Впоследствии путем выборов обычно формировались сословно-представительные органы.

Однако вплоть до 19-го века избирательные процедуры были мало проработаны. Довольно часто на выборах не было конкуренции, особенно в тех случаях, когда выборная должность воспринималась как обременение, а не как привилегия. В других случаях выборы лишь легитимизировали решения, принятые узким кругом. Голосование часто проводилось на многолюдных собраниях, участники которых голосовали путем поднятия рук (число которых реально никто не считал), а то и выражали свое мнение криками, лязганьем оружия и т.п.

В древних Афинах, в средневековых городах Северной Италии для избрания городских органов широко использовались процедуры жеребьевки.

Представительные органы, особенно в крупных государствах, чаще всего формировались путем многоступенчатых выборов. При этом обычно не существовало единого для всей страны порядка, а все процедурные вопросы решали организаторы выборов на местах¹.

Что касается избирательных систем, то, судя по доступной информации², преобладала система, которую в современных терминах можно назвать мажоритарной системой в многомандатных округах с неограниченным вотумом (блоковая система). Чаще всего избиралось более одного лица. Так, в древнем

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002.

² Как отмечает А. С. Автономов, «многие процедурные вопросы выборов вообще и голосования в частности в исторических источниках излагаются довольно скучно, а то и вовсе отсутствуют» (Автономов А. С. Избирательная власть. М., 2002. С. 11).

Риме одновременно избирали двух консулов, другие должности магистратуры также были коллегиальными. В английском парламенте вплоть до середины 19-го века каждое графство и каждый город представляли по два депутата. На выборах Палаты представителей Конгресса США первоначально каждый штат представлял собой один многомандатный округ¹.

Число голосов у избирателя если и ограничивалось, то числом избираемых лиц. Так, по свидетельству Ю. Крижанича, в 17-м веке на предпоследнем этапе выборов венецианского дожа избирались три кандидата, при этом каждый выборщик подавал записку с тремя именами².

Как известно, при учреждении постов президента и вице-президента США было принято решение избирать их путем косвенных выборов (в тот период в мире не существовало практики общенациональных выборов главы государства, и технически прямые выборы представлялись многим неосуществимыми). При этом первоначально выборщики подавали два равноправных голоса; кандидат, получивший наибольшее число голосов, становился президентом, а кандидат, занявший второе место, — вице-президентом. Лишь после того, как на выборах 1800 года два кандидата получили одинаковое число голосов и выбирать президента пришлось Палате представителей, была в 1804 году принята поправка к Конституции, согласно которой выборщики один голос подавали за кандидата в президенты, а другой — за кандидата в вице-президенты³.

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 271.

² Крижанич Ю. Политика. М., 2003. С. 575–576.

³ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 257–268.

Любопытная процедура использовалась в Российской империи на выборах депутатов Уложенной комиссии 1767 года. Каждый участник избирательного собрания одновременно являлся кандидатом. За каждого отдельно подавались голоса. Голосовали бумажными шарами: шар следовало опустить в одну из двух секций избирательного ящика («избираю» и «не избираю»), при этом не было видно, в какую секцию опускается шар, что обеспечивало тайное голосование¹. Такой способ голосования предоставляет избирателям неограниченное число голосов: он может отдать свой голос «за» всем кандидатам.

В Англии закон 1429 года закрепил правило, по которому для избрания достаточно получения относительного большинства голосов. Этот принцип остался неизменным в английском избирательном праве².

Уникальное требование получения двух третей голосов (квалифицированного большинства) было принято для избрания римского папы в 1179 году на 3-м Латеранском соборе. Поскольку выполнение такого условия могло потребовать проведения многогодовых голосований и занять длительное время, по решению 2-го Лионского собора 1274 года избирающих папу кардиналов стали запирать — до тех пор, пока они не выберут папу³.

В конце 18-го века стало распространяться требование получения кандидатом абсолютного большинства голосов, в том числе и в многомандатных округах. Это означало допущение выборов в два или более тура. При этом правила проведения второго тура могли быть совсем иными. Так, в пяти штатах

¹ Там же. С. 454.

² Водовозов В. В. Избирательное право в Европе и России. СПб., 1906. С. 7, 55.

³ Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 126, 143–144.

Новой Англии длительное время (до 1844–1845 годов) сохранялась система, при которой кандидат в депутаты Палаты представителей Конгресса США должен был быть избран абсолютным большинством голосов, а если никто не набрал требуемого числа, выборы переносились в легислатуру штата¹.

Избирательный закон Франции 1795 года (закон 25 фрюктидора III года) предусматривал двухступенчатые выборы Законодательного корпуса. Избранным в первом туре считался кандидат, получивший абсолютное большинство голосов. Для второго тура был использован оригинальный способ «исключающего голосования»: «Для окончательного выбора каждый вотирующий кладет одновременно в две различные урны два билетика, один назначающий, а другой исключающий. На первом он пишет столько имен, сколько надлежит избрать должностных лиц, на втором же он пишет имена граждан, которых желал бы устраниТЬ из числа конкурентов. На последнем билете может не быть ни одного имени или может быть несколько имен, но во всяком случае не больше половины того числа имен, которое внесено в список... Сначала должен быть произведен общий подсчет вотумов на исключающих билетиках, и те кандидаты, которые внесены в эти билетики абсолютным числом вотирующих, не могут быть избраны, какое бы число голосов ни было подано за них в избирательной урне».

Однако уже в 1796 году (законом 28 плювиоза IV года) «исключающее голосование» было отменено. При этом было предусмотрено, что, если второй тур не определял победителя, назначался третий этап голосования, когда в избирательные бюллетени

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 269, 348–349.

включались имена двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов¹.

Следует отметить, что в случае косвенных выборов многотуровое голосование на последнем этапе технически было более реализуемым, чем при прямых выборах. Это отражалось и на законодательстве. Так, в Пруссии еще в конце 19-го века депутаты ландтага избирались путем двухступенчатых выборов, а члены муниципальных советов — посредством прямых выборов. При этом для выборов муниципальных советов было предусмотрено только два тура, при перебаллотировке победители должны были получить простое большинство, и в ней участвовало вдвое больше кандидатов, чем осталось вакантных мест. На выборах в ландтаг допускались три тура, и только в третьем голосовании участвовали два кандидата, получившие относительно наибольшее число голосов. Аналогичные нормы действовали в Саксонии².

В случае прямых выборов в 19-м веке сформировались две системы перебаллотировки — германская и французская. При германской системе во втором туре участвовали только два кандидата, получившие наибольшее число голосов. Французская система предусматривала возможность участия в выборах тех же кандидатов. По сути, кандидатам и партиям предоставлялась возможность самим войти между собой в соглашение и снять лишние кандидатуры, оставив лишь двух кандидатов. Если же соглашение не получалось и во втором туре участвовали более двух кандидатов, вопрос об избрании в этом туре решался относительным большинством³.

¹ Там же. С. 308–312.

² Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 39–43, 115–121.

³ Водовозов В. В. Избирательное право в Европе и России. СПб., 1906. С. 56–57.

Первой попыткой ввести одномандатные округа при прямых выборах следует считать положения якобинской конституции 1793 года о выборах Национального конвента Франции. «На каждые 40000 человек приходится один представитель... Каждое первичное собрание, объединяющее население от 39000 до 41000 человек, выбирает непосредственно по одному представителю». Избирать предписывалось простым большинством, при этом было записано, что собрание «приступает к выборам при наличии любого числа граждан, имеющих право голоса... Выборы производятся подачей записок или открытым голосованием по желанию каждого голосующего». Конституция 1793 года не была введена в действие, и ее нормы, касающиеся выборов, не были реализованы¹. Сегодня они выглядят не вполне реалистичными и в значительной степени допускающими возможность манипуляций и произвола.

Широкое использование одномандатных округов началось в середине 19-го века. В США переход на одномандатные округа на выборах в Палату представителей был завершен в 1842 году. Во Франции одномандатные округа были установлены декретом 1852 года, а затем законом 1875 года². В Великобритании одномандатные округа для выборов Палаты общин вначале появились в некоторых городах в результате реформы 1832 года. Переход на одномандатные округа стал в 1830–1840-х годах одним из требований чартистов. Однако лишь реформа 1884–1885 годов привела к повсеместной замене двухмандатных округов на од-

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 307–308.

² В 1871 и 1885 годах восстанавливались многомандатные округа, но в обоих случаях через 4 года происходил возврат к одномандатным округам (Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 121).

номандатные, при этом для университетских и некоторых городских округов было сделано исключение.

В Германии образование одномандатных округов было первоначально провозглашено законом 1849 года, но этот закон не обладал прямым действием и не был нигде реализован. Лишь с образованием в 1871 году Германской империи выборы в рейхстаг стали прямыми и с использованием одномандатных округов¹. В то же время в ряде государств, входящих в Германскую империю (в том числе и в главном — королевстве Пруссия), по-прежнему сохранялись многомандатные округа и зачастую косвенные выборы. Так, на выборах в ландтаг Пруссии использовались 105 одномандатных округов, 125 двухмандатных и 26 трехмандатных. В королевстве Бавария действовали 8 одномандатных округов, 25 двухмандатных, 20 трехмандатных, 9 четырехмандатных и один пятиMANDATНЫЙ. В королевствах Бюргенберг и Саксония округа были одномандатными (но при этом в Саксонии сохранились двухступенчатые выборы)².

В 1896 году многомандатные округа были окончательно отменены на парламентских выборах в Голландии (до этого они сохранялись в крупных городах; так, Амстердам составлял девятимандатный округ, Роттердам — пятиMANDATНЫЙ)³. В 1905 году одномандатные округа были введены в Норвегии, в 1907 году — в австрийской части Австро-Венгерской империи (за исключением сельских округов Галиции, где избиралось по два депутата)⁴.

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 271, 329, 332–335, 337–340, 359–361.

² Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 46, 96, 105–106, 119–120.

³ Там же. С. 297–314.

⁴ Даревский В.Д. Избирательное право в Австрии // Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 213–245.

Как отметил в 1906 году В. В. Водовозов, мажоритарная система в многомандатных округах (в терминологии тех лет — система избрания по спискам) «мало-помалу исчезает отовсюду». В указанное время из европейских стран, по его данным, она оставалась на общенациональных выборах только в Швейцарии¹. На местных выборах эта система продолжала действовать в большем или меньшем масштабе еще в ряде стран. Сохранялась она в начале 20-го века и в ряде восточноевропейских государств. Так, в Болгарии из 186 депутатов лишь 8 избирались в одномандатных округах, а 82 избирались в двухмандатных и 96 — в трехмандатных².

Прямые выборы главы государства в 19-м веке еще были редкостью. В это время еще преобладали государства с монархической формой правления, а в редких республиках чаще всего избрание главы осуществлялось путем непрямых выборов. Так, в Европе большую часть 19-го века существовали лишь две республики — Сан-Марино и Швейцария. Третьим европейским государством с республиканской формой правления стала Франция, где республика существовала в короткие периоды 1792–1804 и 1848–1852 годов и окончательно утвердила после 1870 года. В 1910 году республикой стала также Португалия. Период существования республик в небольших итальянских государствах был в 19-м веке совсем коротким.

В Азии республик не было до революции в Китае 1911 года. В Африке в 1847 году появилась Либерия, во второй половине 19-го века существовали также Трансвааль и Оранжевая Республика.

¹ Водовозов В. В. Избирательное право в Европе и России. СПб., 1906. С. 52.

² Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 286–289.

Иной была ситуация в Латинской Америке, где к середине 19-го века в результате освободительной борьбы против Испании, Португалии и Франции образовалось 18 независимых государств, из которых только Бразилия имела монархическую форму правления (до 1889 года). Однако в первые десятилетия независимости президенты этих республик избирались либо парламентом, либо (по образцу США) коллегией выборщиков.

Первые в Европе (и, вероятно, в мире) прямые выборы президента состоялись во Франции в декабре 1848 года. На них президентом был избран Луи Бонапарт (будущий Наполеон III). Следующие прямые президентские выборы во Франции прошли только в 1965 году, а в Европе — в 1918 году (в Португалии).

Страны Латинской Америки во второй половине 19-го века постепенно начинали переходить на прямые выборы своих президентов. Есть неясная информация о прямых выборах в Эквадоре в 1830 году и в Гондурасе в 1848 году, но достоверным можно считать проведение прямых выборов в Гондурасе с 1860 года, а в Эквадоре с 1865 года. В Венесуэле прямые выборы президента практиковались с 1860 года, в Доминиканской Республике — с 1866 года, в Парагвае — с 1874 года, в Боливии — с 1884 года, в Колумбии — с 1886 года, в Бразилии — с 1894 года, в Гватемале — с 1904 года, в Панаме — с 1908 года, в Никарагуа — с 1912 года. В африканской Либерии прямые выборы президента были введены в 1907 году¹. Использовалась в основном система относительного большинства. Впрочем, в большинстве случаев латиноамериканские выборы 19-го века были далеки от

¹ Танин-Львов А.А. Выборы во всем мире. М., 2001.

демократических стандартов, и на них побеждали заранее намеченные властью кандидаты¹.

В США большинство штатов постепенно перешли на прямые выборы губернаторов. Первоначально населением избирались губернаторы лишь четырех штатов (Коннектикут, Массачусетс, Род-Айленд и Нью-Йорк). К середине 19-го века избрание губернатора легислатурой осталось лишь в Южной Каролине, которая ввела прямые выборы только в 1866 году².

2.2. Появление пропорциональных и полупропорциональных избирательных систем

В 19-м веке общественность европейских стран постепенно начала осознавать несправедливость избирательных систем, основанных на принципе большинства, которые лишали представительства значительные группы избирателей. Этому во многом способствовали произошедшие в тот период кардинальные изменения в избирательном праве — сокращение и в конечном счете полная ликвидация имущественных цензов. Как отмечал Н. М. Коркунов, «пока преобладали системы представительства с довольно высоким избирательным цензом, это лишение представителей значительного числа избирателей не так бросалось в глаза. Избиратели и так представляли ничтожное меньшинство населения... При общем избирательном праве такая организация выборов, которая приводит к фактическому лишению представительства значительного числа граждан, наделенных

¹ Жидков О. А. История государства и права стран Латинской Америки. М., 1967. С. 109–110.

² Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 96, 98.

по закону избирательным правом, представляется бьющим в глаза самопротиворечием... Но этого мало. Именно при общем избирательном праве с особенной резкостью проявляется подавление меньшинства большинством... При ограниченном избирательном праве меньшинство, более развитое, всегда получает известное обеспечение своего влияния на исход выборов. Но всеобщая подача голосов, всех уравнивая, решительно подчиняет качество количеству, достоинство — числу»¹.

Поиски новых избирательных систем велись в двух направлениях:

- 1) системы, обеспечивающие некоторое представительство меньшинств (часто именуемые полуправорциональными системами);
- 2) системы, приводящие к пропорциональному представительству различных политических сил.

Все такие системы предусматривают проведение выборов в многомандатных округах.

Первое направление вначале было представлено системой ограниченного вотума (у избирателя меньше голосов, чем замещается мандатов) и ее крайним вариантом — системой единственного непередаваемого голоса (избирается несколько депутатов, но у избирателя только один голос). Оба варианта предлагались еще в 1793 году в революционной Франции маркизом де Кондорсе для выборов бюро первичных собраний и присяжных.

В английском парламенте систему ограниченного вотума впервые предложил в 1831 году М. Прэд, затем в 1854 году — лорд Дж. Рассел, а в 1867 году — лорд Кэрнс. Последний проект был реализован: в результате реформы 1867 года в 12 округах стали избирать

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 10–11.

трех депутатов, но при этом у избирателя остались два голоса, еще в одном округе — в Лондоне — избирали четырех депутатов, и у избирателя было три голоса (система просуществовала до 1885 года, когда многомандатные округа были заменены одномандатными).

Также эта система короткое время просуществовала на парламентских выборах в Италии (1882–1891 годы, в 35 округах, избравших по 5 депутатов, избиратель имел 4 голоса), Португалии (1884–1896 годы) и Бразилии (1875–1881 годы). В Италии подобная система сохранилась на местных выборах в городах с населением более 10 тысяч. С 1878 года эта система действовала на парламентских выборах в Испании (избиратель располагал двумя голосами в округах с 5–8 мандатами и тремя голосами, если мандатов было больше 8), еще раньше она была введена там на местных выборах. В США система ограниченного вотума применялась при избрании Конституционного собрания Нью-Йорка в 1867 году и Пенсильвании в 1873 году, на выборах олдерменов Нью-Йорка в 1873–1887 годах и Бостона в 1894–1898 годах, а также в некоторых американских штатах при избрании судей. Кроме того, она использовалась на Мальте в 1861–1888 годах, на муниципальных выборах в Чили в 1874–1890 годах; с 1915 года эта система стала использоваться на выборах представительных органов в Колумбии¹.

¹ Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 237–238, 262–263; Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 141–143; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 66; Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. Р. 42–45; Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 83–88; Очерки по истории

Система единственного непередаваемого голоса была применена в 1835 году в американском штате Северная Каролина для избрания членов Учредительного собрания; в 1878 году она использовалась в Испании при избрании 10 депутатов (в округах с 2–4 мандатами), а в 1884 году — в Португалии при избрании 6 депутатов, но затем эта система была отвергнута в обеих странах¹. В 1900 году система единственного непередаваемого голоса начала использоваться в Японии, в 1913 году по этой системе прошли выборы в Китае².

В 1907 году система единственного непередаваемого голоса была введена австрийским законом в 36 двухмандатных округах Галиции, где большинство населения составляли русины. Тем самым были обеспечены права польского меньшинства. В то же время на территориях Галиции с польским большинством были образованы 34 одномандатных округа, и в результате таких манипуляций находившиеся в меньшинстве поляки получили в австрийском парламенте большее представительство, чем русины³.

Еще одним вариантом стала система *кумулятивного голосования*, при которой избиратель имеет несколько голосов (обычно столько, сколько замещается мандатов), которые он может как распределить между несколькими кандидатами, так и отдать все одному. Эта система в 1852–1909 годах применялась в Капской колонии (владение Великобритании, ны-

выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 376; Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 287–291.

¹ Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 144–145.

² Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 45–50.

³ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 252–254.

не — ЮАР) на выборах членов верхней палаты¹, в 1853 году была предложена Дж. Г. Маршаллом для выборов британского парламента; в 1867 году Р. Лоу внес соответствующий законопроект в парламент, но он был отвергнут; позже (в 1870 году) по предложению лорда Ф. Кавендиша эта система была принята в Англии и Шотландии для выборов школьных советов. С 1870 года она использовалась в американском штате Иллинойс на выборах Генеральной ассамблеи штата (избиратель имел 3 голоса) и на муниципальных выборах. Использовалась она также в некоторых штатах США при избрании административных советов. В пользу этой системы, предложенной для избрания членов Конгресса, высказался Сенат Соединенных Штатов; однако в Палате представителей не хватило для ее поддержки трех голосов. С 1874 года система кумулятивного голоса применялась в Чили — сначала для выборов Палаты депутатов, а с 1890 года — также для выборов Сената и муниципальных советов².

Идея пропорциональных выборов впервые, по данным Н. М. Коркунова, была высказана в 1793 году в Конвенте Л. А. Сен-Жюстом — в довольно неопределенной форме³. В середине 19-го века обозначи-

¹ Это имело важное значение, поскольку в колонии было сильное противостояние жителей английского и голландского происхождения.

² Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 143–144; Велихов Б.А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 64–65; Hoag C.G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 50–52; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 89–93; Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 376–377.

³ Коркунов Н.М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 41.

лись две сильно отличающиеся друг от друга избирательные системы, претендующие на обеспечение пропорционального представительства, — система единственного передаваемого голоса и система конкурирующих списков.

Встречается утверждение, что *систему единственного передаваемого голоса* изобрел герцог Ричмонд в 1780 году¹, но подробности его предложения не приводятся. Есть интересный рассказ о том, как подобная система стихийно возникла в 1821 году при избрании школьниками своего комитета в бирмингемской школе (Англия), которой руководил Т. Р. Хилл, однако этот рассказ был опубликован лишь в 1880 году². В 1839 году сын Т. Р. Хилла, Р. Хилл, позднее ставший известным как создатель современной почтовой системы, попытался реализовать идею пропорционального представительства в городках Южной Австралии, однако предложенная им модель была упрощенной и могла использоваться лишь в небольших сообществах³.

В 1850 году с достаточно четким проектом системы единственного передаваемого голоса выступил бразильский публицист Н. Кавальканти. В 1855 году по предложению датского профессора К. Андрэ (занимавшего в то время должность министра финансов) король Фредерик VII издал без обсуждения в парламенте и обществе закон, предусматривавший избрание по системе единственного передаваемого

¹ Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 146.

² Hoag C.G., Halett G.H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 164–167; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 306.

³ Hoag C.G., Halett G.H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 167–171.

голоса 17 из 80 членов риксрода — представительного органа королевства, объединявшего Данию, Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург (в двух округах избиралось по 7 депутатов, в одном — 3). После 1866 года система Андрэ использовалась для избрания выборщиками части депутатов верхней палаты (ландстинга) Дании¹.

Независимо от Кавальканти и Андрэ систему единственного передаваемого голоса разработал английский адвокат Т. Хэйр (Hare), издавший в 1857 году брошюру «The machinery of representation», а затем в 1859 году большое сочинение «Treatise on the election of representatives». По мнению Н. М. Коркунова, эта книга «есть самое обстоятельное исследование, дающее более чем какое-либо другое из произведений, посвященных этому вопросу, полное и глубокое теоретическое обоснование идеи пропорциональных выборов. Это действительно научный трактат: вся остальная литература вопроса слагается лишь из небольших брошюр»². Идея была подхвачена известным английским философом и экономистом Дж. С. Миллем, который посвятил системе Хэйра главу своей книги «Размышления о представительном правлении» (1861)³, а впоследствии, став депутатом Палаты общин, предлагал в 1867 году принять ее для парламентских выборов.

Суть системы единственного передаваемого голоса в том, что избиратель указывает несколько кан-

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 43–49; Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 171–175; Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 194.

² Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 49–50.

³ Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863. С. 120–151.

дидатов в порядке предпочтения. Сначала учитываются только первые предпочтения. Если кандидат получил по первым предпочтениям достаточное для избрания число голосов, полученные им «лишние» голоса передаются кандидатам, отмеченным номером 2 и т.д. (подробнее об этой системе см. подраздел 3.4.1).

В России сторонником системы Хэйра стал барон (впоследствии граф) М.А. Корф (главноуправляющий II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, одноклассник А.С. Пушкина и А.М. Горчакова), предложивший в начале 1860-х годов использовать ее для избрания губернских гласных. Предложение ни с чьей стороны не нашло поддержки, и идея пропорциональных выборов больше в России не обсуждалась вплоть до появления в 1896 году книги Н.М. Коркунова¹.

В 1896 году генеральный прокурор Тасмании (остров и штат в составе Австралийского Союза) А.И. Кларк² добился применения системы единственного передаваемого голоса в двух городах Тасмании при избрании их городских советников, а также представителей в нижнюю палату тасманийского парламента. С 1907 года все депутаты Законодательного собрания Тасмании избираются на основе этой системы в пяти шестимандатных избирательных округах. Две попытки изменить систему (в 1914 и 1932 годах) потерпели неудачу³.

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 50–53.

² Поскольку А. И. Кларк усовершенствовал метод распределения мандатов, систему единственного передаваемого голоса часто называют системой Хэйра — Кларка.

³ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 257–258.

В 1915 году система единственного передаваемого голоса была введена в городе Аштабьюла (США, штат Огайо)¹. С 1910 по 1928 год по данной системе избиралась шотландская школьная администрация — и это было весьма удачно, поскольку на этих выборах расхождение вызывали главным образом не партийные, а религиозные проблемы².

Искаженная форма системы единственного передаваемого голоса, сохранившая сверхпредставительство крупных партий, использовалась в 1905 году на выборах части депутатов сейма Моравии (провинция Австро-Венгерской империи) и с 1913 года в Коста-Рике³.

Другая система — *конкурирующих списков* — была впервые предложена В. Консидераном (французский философ и экономист, последователь Ш. Фурье) в 1842 и затем в 1846 году в письме к женевскому Большому совету. Суть ее в том, что избиратель голосует не за отдельного кандидата, а за список кандидатов, и мандаты распределяются между списками пропорционально числу голосов, поданных за них.

Предложения о введении пропорциональной системы обсуждались в парламентах многих европейских стран. Но долгое время эти предложения не имели успеха.

Впервые система конкурирующих списков была введена в 1876 году в аргентинской провинции Бу-

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 193–201; Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 49.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 254–255.

³ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 270–271.

энос-Айрес для избрания как депутатов, так и сенаторов. В 1888 году подобная система была принята в Сербии для выборов парламента (Скупщины)¹.

Наиболее широкую поддержку идея пропорциональных выборов получила в Швейцарии и Бельгии — двух европейских странах со сложным национальным и конфессиональным составом. Кроме того, в обеих странах в то время действовала мажоритарная система в многомандатных округах, в наибольшей степени неблагоприятная для представительства меньшинств.

В Швейцарии идея В. Консiderана первоначально, казалось бы, не была воспринята. Однако в 1865 году (после кровавых событий в Женеве 1864 года, последовавших за поражением радикалов на выборах) там возникла Association Réformiste во главе с философом и богословом Э. Навиллем, которая начала борьбу за пропорциональное представительство. Первый шаг был сделан во франкоязычном кантоне Невшатель в 1888 году, когда кантональный закон разрешил устанавливать для коммунальных выборов по инициативе жителей любую избирательную систему, обеспечивающую права меньшинства. Однако этим правом в тот момент воспользовались лишь 6 из 64 коммун, введя систему ограниченного вотума.

В 1889 году в италоязычном кантоне Тессин (Тичино) прошли выборы, которые дали консерватарам, получившим 12 783 голоса, 77 мест, в то время как либералам при почти таком же количестве голосов (12 166) досталось только 35 мест. После этого в кантоне начались беспорядки, приведшие к жертвам

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 54–57; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 46; Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 64–67, 171, 178.

и потребовавшие вмешательства Союзного совета. В результате было достигнуто соглашение о введении пропорциональной системы. Эта система была вначале принята в 1890 году для выборов в Учредительное собрание кантона, а затем в 1891 году включена в кантональную конституцию для выборов в кантональный совет, учредительные собрания и муниципальные советы. Успех новой системы способствовал тому, что она начала распространяться и в других кантонах.

Уже в 1891 году пропорциональная система была принята в Невшателе для кантональных выборов, затем в 1892 году — во франкоязычной Женеве (где число протестантов и католиков было почти одинаковым, но мажоритарные выборы давали преобладание в совете католиков). В 1894 году их примеру последовал немецкоязычный кантон Золотурн. Этому предшествовали кантональные выборы 1892 года, вызвавшие недовольство консервативного меньшинства, которое получило 3489 голосов и лишь 6 мест, в то время как за либералов было подано 8878 голосов, но им досталось 99 мест. Таким образом, введение в этом кантоне пропорциональной системы было невыгодно либералам, но они не решились противодействовать мере, отвечающей требованиям справедливости.

Начиная с 1894 года пропорциональные выборы были приняты еще в нескольких кантонах: Цуг и Швиц ввели их для всех выборов, а Люцерн, Берн, Фрибур — для коммунальных выборов.

В то же время попытки введения пропорциональной системы для выборов в нижнюю палату федерального парламента (Национальный совет) долгое время не имели успеха. В 1898 году такой проект был отвергнут парламентом. В 1900 году на общешвейцарском референдуме предложение было

отклонено большинством граждан в пропорции 3:2 (за — 169 тыс., против — 245 тыс.) и большинством кантонов в соотношении 11,5:10,5. В 1910 году на новом референдуме соотношение голосов уже было близким (240 тыс. за и 265 тыс. против), причем за было большинство кантонов (12 против 10)¹.

В Бельгии действие мажоритарной системы с перебаллотировкой в многомандатных округах приводило к тому, что в сельскохозяйственной Фландрии, населенной фламандцами, избирались консерваторы-клерикалы (католическая партия), а в промышленной Валлонии с франкоязычным населением — вначале либералы, а затем преимущественно социалисты. Таким образом, на политическое противостояние накладывалось этническое и территориальное.

Кроме того, представительство партий в парламенте сильно расходилось с итогами голосования. Так, после выборов 1898 года консерваторы-клерикалы, имея 927 тыс. голосов, располагали 104 местами,

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 57–61; Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 322–325; Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 9, 42–44; Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 148–154; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 48; Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 3–4; Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 64–67, 177–178; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 206–208; Каюнов О. Н. Пропорциональная система выборов — способ выражения общей политической позиции общества // Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 78–79; Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 103, 104, 126.

в то время как их противники (либералы и социалисты), имея 850 тыс. голосов, владели только 48 мандатами. Такие диспропорции приводили к бурным манифестациям в Брюсселе и больших городах, а также к шахтерским забастовкам.

В то же время в правящих кругах начинали осознавать, что получаемое консерваторами большинство весьма ненадежно: достижение либералами и социалистами небольшого перевеса в трех главных городах страны привело бы к переходу власти в их руки, даже если бы консервативная партия и получила в стране большинство голосов.

Впервые предложение ввести пропорциональные выборы было высказано в бельгийском парламенте в 1866 году. В 1881 году в стране возникла реформаторская ассоциация (*Association Réformiste Belge pour l'adoption de la représentation proportionnelle*). В 1882 году вышла книга профессора Виктора д'ОНдта (*D'Hondt*) «Удобная система пропорционального представительства» (*Système pratique de representation proportionnelle*). В 1885 году в Антверпене прошла первая международная конференция по вопросу о пропорциональных выборах.

Первый шаг в Бельгии был сделан в 1895 году, когда были введены элементы пропорциональной системы на коммунальных выборах. По новой системе, как и раньше, для избрания в первом туре требовалось получить в многомандатном округе (размером от 7 до 31 мандата) абсолютное большинство голосов. Но, в отличие от прежней системы, дальше второй тур не проводился, а оставшиеся незамещенными мандаты распределялись пропорционально голосам, поданным за партии (исследователями отмечалось, что в Бельгии благодаря силе партийных организаций каждый избиратель почти всегда голосовал за весь список своей партии).

В 1899 году правительство внесло законопроект, предусматривавший проведение парламентских выборов по пропорциональной системе только в больших округах при сохранении мажоритарной системы в округах, где избиралось менее 6 депутатов. Этот проект был назван «мошенническим», поскольку явно был выгоден консерваторам-клерикалам: пропорциональная система вводилась в городах, где ранее побеждали либо социалисты, либо либералы, а клерикалы оставались в меньшинстве и мандатов не получали; в сельских же округах, где избирались клерикалы, предлагалось сохранить статус-кво. Проект вызвал возмущение, которое привело к отставке правительства.

Наконец, в конце 1899 года был принят закон, в основе которого лежали идеи В. д'Ондана. Он предусматривал избрание обеих палат парламента полностью по пропорциональной системе.

Исследователи отмечали благотворное влияние изменения избирательной системы: оно способствовало достижению мира и спокойствия в стране и по существу оказалось выгодно всем партиям. Консерваторы сохранили большинство в парламенте, при этом оно стало менее выразительным, но более устойчивым¹.

В 1897 году в ландтаге королевства Бюргемберг (часть Германской империи) рассматривался проект, предусматривавший избрание 23 из 93 депутатов

¹ Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 210–236; Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 42–44; Велихов Б.А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 50–51; Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 68–69, 211–214; Гессен В.М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 291–293.

ландтага по пропорциональной системе. Первоначально проект был отвергнут верхней палатой, но в 1906 году эта идея все же была реализована¹.

Также в 1906 году пропорциональная система была установлена для Финляндии (часть Российской империи, имевшая особый статус): идя навстречу желаниям финского общества, царское правительство поручило финляндскому сенату выработать новый сеймовый устав, который в июле 1906 года был одобрен Николаем II. В результате финляндская избирательная система, которая до того была самой отсталой в Европе, сделалась самой передовой во всем мире (помимо введения пропорционального представительства, она была построена на принципе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, без различия пола, национальности и религии)².

В том же 1906 году пропорциональная система была введена в Гамбурге, в 1908 году — на Кубе, в 1910 году — в Уругвае, в 1911 году — в Швеции и в 1912 году — в Болгарии и Аргентине³.

По оценке, сделанной в 1905 году В. В. Водовозовым⁴, «сторонники пропорционального представи-

¹ Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 42–44; Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 246–247.

² Даревский В. Д. Избирательное право в Финляндии // Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 216–224.

³ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. Р. 178, 280–287; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 200; Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 379; Танин-Львов А. А. Выборы во всем мире. М., 2001; Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 291–293.

⁴ Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 19–21.

тельства предложили не менее 150 различных его систем, отличающихся друг от друга либо в деталях, либо в довольно существенных пунктах». Правда, в данном контексте Водовозов отнес к системам пропорционального представительства и полупропорциональные системы (ограниченный вотум, систему единственного непередаваемого голоса, кумулятивное голосование). Анализ показывает, что действительно к началу 20-го века были предложены и в основном реализованы почти все варианты, которые использовались в дальнейшем. Основные различия, как и в более общем случае, были связаны с размерами избирательных округов, способом голосования и правилами распределения мандатов.

Ряд adeptov пропорционального представительства (Т. Хэйр, Дж. С. Милль и др.) ратовали за проведение выборов в едином общенациональном *избирательном округе*. Специалисты понимали, что чем больше избирательный округ, тем относительно меньше будет искажение пропорциональности. Однако, как отмечал В. В. Водовозов, «технические трудности, представляемые осуществлением пропорциональной системы в больших размерах, так велики, противодействие против объединения всей страны в один избирательный округ так сильно (особенно в таких странах, как Швейцария), что громадное большинство сторонников пропорциональной системы об этом в настоящее время даже не говорит, предпочитая останавливаться на промежуточной мере, именно на избрании депутатов по провинциям, кантонам или другим единицам, на которые делится страна»¹.

Действительно, в тот период использование пропорциональной системы в едином округе не практиковалось. Так, кантон Женева, где избиралось 100 депутатов, был разбит на три округа (город Женева,

¹ Там же. С. 26.

правый берег Роны и левый берег Роны). Бельгия была разделена на 30 избирательных округов, в которых избирались 166 депутатов (от 3 до 21 в каждом)¹. В Вюртемберге в трех округах избирались 6, 8 и 9 депутатов². В Финляндии сейм состоял из 200 депутатов, княжество было разделено на 16 округов (часть губерний составляла один округ, часть делилась на несколько округов), один округ был одномандатным, в остальных действовала пропорциональная система³.

По принципу определения очередности, с которой кандидаты из списка получают мандаты, причитающиеся списку, все системы конкурирующих списков можно разделить на три категории:

- 1) очередьность жестко устанавливается субъектом выдвижения списка⁴;
- 2) очередьность полностью определяется избирателями;
- 3) при определении очередности учитываются как голоса избирателей, так и пожелания субъекта выдвижения.

В данный период были реализованы все три варианта. Так, в Сербии избиратели голосовали шарами, опуская их в урну, соответствующую выбранному ими списку. Таким образом, они могли голосовать только за список целиком, и кандидаты получали мандаты в очередности, установленной при выдвижении списка.

¹ Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 22–24.

² Гессен В.М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 246–247.

³ Даревский В.Д. Избирательное право в Финляндии // Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 216–224.

⁴ В тот период списки формально выдвигались группами избирателей, но фактически — партийными организациями.

Второй подход был использован в Швейцарии. Швейцарская система получила название «планаширование» (от французского *panacher* — смешивать). Избиратель обязан был указать, за какой список он голосует. Но при этом он имел право вычеркивать из этого списка несимпатичных ему кандидатов, а также отмечать кандидатов из других списков. Всего он мог таким образом проголосовать за стольких кандидатов, сколько в округе распределялось мандатов. Очередность получения мандатов кандидатами определялась числом полученных ими индивидуальных голосов. Подобные же правила были введены затем в Вюртемберге¹.

Иная система голосования была принята в Финляндии. Списки могли состоять не более чем из трех кандидатов (при этом несколько списков разрешалось соединять, но такое соединение действовало уже только при распределении мандатов). Избиратель в списке, за который он голосовал, ранжировал кандидатов, отмечая их цифрами 1, 2 или 3. Для установления очередности получения мандатов кандидатам начислялись баллы: кандидат получал столько баллов, в скольких бюллетенях он был поставлен на первое место, плюс половина бюллетеней, где он был на втором месте, и треть бюллетеней, где он был на третьем месте².

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 56–61; Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 32–33; Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 148–154; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 47–50; Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 295–299.

² Даревский В. Д. Избирательное право в Финляндии // Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 216–224.

Примером третьего подхода может служить Бельгия. Все списки помещались на одном бюллете-не в порядке, определенном жребием. Под номером списка помещались в последовательности, опреде-ленной выдвинувшими список людьми (фактически партией), сначала фамилии кандидатов в депутаты, а ниже — фамилии кандидатов в заместители. Над каждым списком и против фамилии каждого канди-дата печатался черный квадрат с белой точкой посе-редине (см. иллюстрацию 2.1).

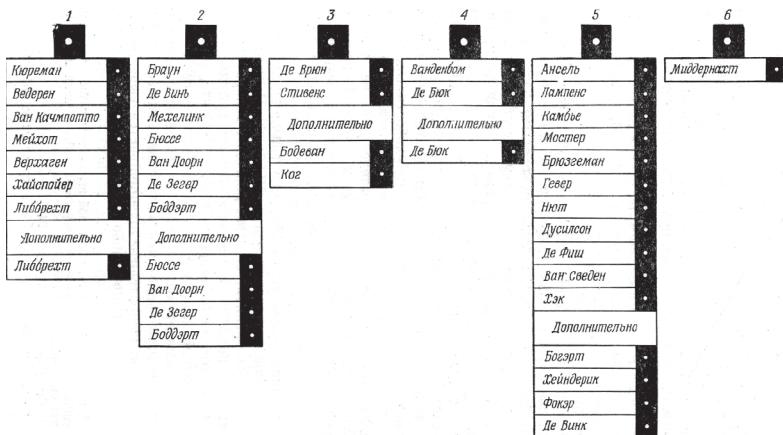

Иллюстрация 2.1. Факсимile бельгийского избирательного бюллетеня (источник: Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 107)

Избиратель мог зачернить либо белую точку ква-драта, помещенного во главе списка, — это означало, что он согласен с последовательностью, установленной партией, либо белую точку квадрата против фа-милии одного кандидата в депутаты (а также точку против фамилии одного кандидата в заместители). Мандаты между кандидатами внутри списка рас-пределялись по методу «дополняющих голосов»,

описанному в подразделе 3.6.1. Опыт показал, что 9/10 избирателей соглашались с последовательностью, определенной партией¹.

Зафиксированы и первые случаи установления *заградительного барьера*. Так, в Невшателе не участвовал в распределении мандатов список, у которого ни один из его кандидатов не получил 15% или более от общего числа поданных голосов. В Женеве в 1901 году была принята поправка, установившая минимум голосов, при котором из данного списка мог быть взят хотя бы один депутат; этот минимум был равен естественной квоте (число всех поданных голосов, деленное на число мандатов в округе). Ранее такой же барьер был установлен в Тессине².

В Бельгии для коммунальных выборов были установлены следующие барьеры: к распределению мандатов допускались списки, получившие не менее трети голосов, если избиралось менее 4 депутатов; четверти — при избрании от 4 до 6 депутатов; пятой части — при избрании от 7 до 12 депутатов; шестой части — при избрании более 12 депутатов. Для парламентских выборов никаких барьеров не было³.

Для распределения мандатов между списками практически сразу же стали использоваться два основных

¹ Велихов Б.А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 51–54; Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 12–14, 22–26.

² Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 59–60; Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 27–28; Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 148–154; Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 103.

³ Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 228–235.

подхода — методы квот и методы делителей (подробнее об этих методах см. раздел 4.1). В Женеве использовался метод наибольших остатков с естественной квотой (там он назывался методом Навилля, сейчас его чаще всего называют методом Хэйра — Нимейера). Аналогичный метод был использован в Буэнос-Айресе и Сербии. В Невшателе, Тессине и Золотурне при распределении мандатов использовалась квота Гогенбах-Бишофса¹. В Бельгии был взят на вооружение метод делителей д'Ондта². Этот же метод был впоследствии использован также в Вюртемберге³ и в Финляндии⁴.

Наконец, стоит отметить появление двух систем, которые можно отнести к смешанным. Во-первых, это смешанная несвязанная (параллельная) система, установленная в 1906 году в Вюртемберге: 70 депутатов избирались по мажоритарной системе в одномандатных округах, а 23 — по пропорциональной системе в трех многомандатных округах⁵. Во-вторых, это система «добавочных представителей», использованная на коммунальных выборах в Бельгии: сначала

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 59–61; Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 22–25; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 47–50.

² Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 51–54; Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 18–22.

³ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 299.

⁴ Даревский В. Д. Избирательное право в Финляндии // Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 216–224.

⁵ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 246–247.

избранными признавались кандидаты, получившие абсолютное большинство голосов, а затем остальные мандаты распределялись по пропорциональному принципу¹.

В заключение данного раздела отметим, что В. В. Водовозов полагал целесообразным вводить пропорциональную систему только для выборов на небольших территориях и в странах с высоким уровнем политической культуры². В 1905 году он предсказывал: «Можно думать, что пропорциональная система сделает еще немало завоеваний в швейцарских кантонах и в небольших государствах вообще; что она будет применяться к выборам в органы местного самоуправления, в особенности к выборам городским... В странах больших, как Франция, Германия, Англия, Соединенные Штаты, и даже Швейцария в целом, пропорциональная система еще долгое время не имеет шансов быть принятой. В странах молодых, не привыкших еще к политической борьбе, она тем менее может иметь место»³. Дальнейшие события показали, что он сильно ошибся в своем прогнозе.

¹ Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905. С. 228–230.

² В 1917 году, будучи членом Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, В. В. Водовозов выступал против использования пропорциональной системы в России (Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 101–114).

³ Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 44.

2.3. Развитие избирательных систем в период между двумя мировыми войнами

Первая мировая война (1914–1918 годы) привела к падению сразу четырех империй — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. В результате возник ряд новых государств с республиканской формой правления: Республикой стала Германия, появились Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Чехословакия, Австрия, Турция, в большей или меньшей степени пытавшиеся строить демократическую государственность. В тот же период самостоятельными государствами стали в 1918 году Исландия (сохранявшая до 1944 года личную унию с Данией) и в 1921 году Ирландия (до 1949 года — британский доминион).

Демократические преобразования получили новый импульс и в других странах Европы, а также в США. Окончательно утвердились принципы всеобщего и равного избирательного права, тайного голосования. В большинстве западных стран право голоса получили женщины¹.

В области избирательных систем главной тенденцией стало распространение пропорциональной системы — в первую очередь системы конкурирующих списков. Как отмечал в те годы В. М. Гессен, опыт применения пропорциональной системы, накопленный к началу Первой мировой войны (в первую очередь бельгийский), опроверг немало предубеждений, направленных против пропорциональной системы, и одновременно рассеял немало иллюзий, связанных

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 354–357.

с ней¹. Очевидно, положительные эффекты применения новой избирательной системы оказались сильнее.

В 1917 году по данной системе была избрана большая часть членов Всероссийского Учредительного собрания². В 1918 году эта система была применена на парламентских и местных выборах в Армении, в 1919 году — в Грузии, в 1921 году — в Дальневосточной республике.

В 1917 году выборы по пропорциональной системе конкурирующих списков были введены в Нидерландах, в 1918 году — в Дании, в 1919 году — в Австрии, Германии, Италии, Литве, Люксембурге, Польше, Чехословакии и Эстонии, в 1920 году — в Югославии, в 1921 году — в Норвегии, в 1922 году — в Латвии, в 1925 году — в Чили, в 1926 году — в Греции (в Греции несколько раз система менялась с пропорциональной на мажоритарную и обратно; в Литве и Эстонии пропорциональная система впоследствии была заменена на мажоритарную). Также пропорциональная система использовалась для избрания части депутатов в парламенты Венгрии и Португалии³.

¹ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 306–313.

² В 12 избирательных округах, которым выделялись один-два мандата, выборы проходили по мажоритарной системе (Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 29–37; Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 270, 323–325).

³ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 280–287; Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 193–237; Танин-Львов А. А. Выборы во всем мире. М., 2001; Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 379.

В Швейцарии вопрос о введении пропорциональной системы на выборах в Национальный совет в 1918 году был третий раз вынесен на референдум. На этот раз сторонники этой системы добились успеха: за проголосовало 300 тыс. человек и 19½ кантона, против — 149 тыс. человек и 2½ кантона. Первые общенациональные выборы по пропорциональной системе прошли в 1919 году¹.

Во Франции в 1919 году была введена система «добавочных представителей», похожая на систему, ранее использованную на коммунальных выборах в Бельгии. Если какая-либо партия в избирательном округе получала абсолютное большинство, она забирала в округе все мандаты, если этого не происходило, мандаты распределялись пропорционально голосам избирателей. После выборов 1924 года от этой системы отказались².

Как и в предшествующий период, в различных странах по-разному решался вопрос, в какой последовательности кандидаты из партийного списка получают мандаты. В Германии, Чехословакии, Югославии, России и Армении использовались связанные (закрытые) списки, при которых последовательность получения мандатов полностью определялась выдвинувшей список партией.

В других странах использовались различные варианты открытых списков, то есть избиратели име-

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 64–67; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 208.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 237–240; Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 52.

ли возможность выражать свои предпочтения определенным кандидатам. Различались эти варианты в первую очередь по способу голосования. В Болгарии и на Кубе, а также на муниципальных выборах в некоторых других странах применялся «неограниченный» вотум, когда избиратель мог отметить столько кандидатов, сколько в округе распределялось мандатов. При этом чаще всего разрешалось «панаширование», то есть голосование за кандидатов из разных списков. В Италии (до 1924 года) использовался ограниченный вотум: избиратель мог отметить не более трех кандидатов. В Бельгии, Нидерландах, Дании и Уругвае избиратель мог проголосовать только за одного кандидата. В Швейцарии на общегражданских выборах, а также в некоторых кантонах допускалось кумулятивное голосование в ограниченном варианте: у избирателя было столько голосов, сколько мандатов распределялось в округе, но при этом он мог давать кандидатам не только один голос, но также два голоса. Аналогичная система применялась и на муниципальных выборах в Норвегии, но там избиратель мог дать одному кандидату до трех голосов. В Финляндии, Швеции и Нидерландах использовалось преференциальное голосование, при котором избиратель нумерует кандидатов в порядке своего предпочтения¹.

Как и в предшествующий период, выборы по пропорциональной системе конкурирующих списков проводились в нескольких многомандатных округах, чаще всего соответствовавших административным единицам. Однако в Германии впервые была использована «многоуровневая» система распределения мандатов, позволяющая достигать более точного

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 435–456.

соответствия между долями поданных за партии голосов и долями полученных ими мандатов. До введения данной системы, на выборах Учредительного собрания 1919 года, были зафиксированы диспропорции: так, Немецкая народная партия, имея 5369 тыс. голосов, получила 88 мест, а Немецкая демократическая партия с 5553 тыс. голосов довольствовалась 77 местами.

Закон, принятый в 1920 году, установил «единую квоту» — 60 тыс. голосов. Выборы проводились в 37 избирательных округах, и на первом этапе число мандатов, получаемых партией в округе, определялось как целая часть от деления числа голосов, поданных за партию в этом округе, на единую квоту. Затем неиспользованные остатки голосов объединялись в рамках региона, включавшего несколько округов, и сумма этих голосов также делилась на единую квоту. Далее остатки голосов, не использованные в регионах, объединялись уже в масштабе всей страны, и вновь путем деления на единую квоту распределялись дополнительные мандаты. При такой системе не только в округах, но и в масштабах всей страны число мандатов не было фиксированным, а зависело в основном от активности избирателей. Важным следствием данной системы стала также возможность получения представительства мелкими партиями¹.

В Дании был использован другой способ достижения более точной пропорциональности — добавочные мандаты. 118 мест в фолькетинге распределялись в 24 избирательных округах, но еще 31 место распределялось с учетом результатов партий в масштабах страны. Иные методы выравнивания при-

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 426–428; Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 100–101.

менялись в Нидерландах и Чехословакии также в масштабах всей страны и в Бельгии в пределах провинций¹.

Методы распределения мандатов между списками отличались достаточным разнообразием (подробнее об этих методах см. раздел 4.1). Метод наибольших остатков с квотой Хэйра использовался в Нидерландах, Венгрии, на Кубе, с квотой Друпа — в Болгарии и Чехословакии. Наибольшее распространение получил метод делителей д’Ондта — его использовали в Швеции, Дании, Норвегии, Югославии, Португалии, а также в Италии (до 1924 года) и на выборах во Всероссийское Учредительное собрание². В Германии, как отмечалось выше, использовалась «единая квота».

В этот период нам неизвестны случаи использования метода делителей Сент-Лагю (более справедливого, чем метод д’Ондта), хотя этот метод был предложен еще в 1910 году. Более благоприятной оказалась в те годы судьба наименее справедливого из методов делителей, — метода Империали. Бельгийский сенатор маркиз П. Г. Империали³ предложил два метода, искажающих пропорциональность в пользу партий-лидеров, — квоту Империали и метод делителей Империали. Последний стал с 1921 года использоваться на муниципальных выборах в Бельгии⁴.

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 428–432.

² Ibid. P. 414–420.

³ В ряде публикаций Империали ошибочно назван итальянским ученым.

⁴ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 420; Любарев А. Арифметика власти // Полит. журн. 2007. № 13–14 (156–157). С. 68–79; Киселев К. В., Голосов Г. В. Империали метод // Выборы и избирательная политика: словарь. СПб., 2010. С. 63–64.

В Италии после прихода к власти Б. Муссолини в 1923 году был принят закон, лишивший пропорциональную систему ее изначального смысла. По этому закону партия, собравшая наибольшее количество голосов, получала право на две трети мест в Палате депутатов, а оставшиеся места пропорционально распределялись между другими партиями. Впрочем, после 1928 года выборы в Италии даже формально стали «выборами без выбора»¹.

В государствах Британской империи и США некоторое развитие получила в этот период система единственного передаваемого голоса. В 1917 году конференция при спикере английского парламента рекомендовала эту систему для многомандатных округов. В том же году эта система была принята для выборов в парламент Великобритании в пяти университетских избирательных округах (четырех двухмандатных и одном трехмандатном). Она действовала до 1945 года, когда были полностью ликвидированы многомандатные округа.

Британский парламент не захотел более широко использовать систему единственного передаваемого голоса в самой Великобритании, но рекомендовал ее применение на зависимых от Англии территориях, особенно там, где национальные и религиозные меньшинства нуждались в защите. В 1921 году эта система была введена на Мальте. Короткое время (1920–1925 годы) она действовала в Австралии. В Индии и Бирме из-за низкой грамотности населения система единственного передаваемого голо-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 234; Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 277–278; Карпикова И.С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 11–13.

са применялась только на втором этапе косвенных выборов¹.

Наиболее успешным стал опыт введения системы единственного передаваемого голоса в Ирландии. Она была опробована сначала на муниципальных выборах в г. Слайго в 1919 году. В 1920 году по этой системе были проведены выборы во все местные органы власти, а затем и выборы ирландского парламента. Позднее положение о данной системе было включено в ирландскую конституцию.

Также система единственного передаваемого голоса использовалась в отдельных муниципалитетах Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза. В США, как отмечалось в предыдущем разделе, первый опыт применения этой системы относится к 1915 году. В 1920–1930-е годы ее ввели примерно два десятка американских городов, в том числе Цинциннати, Кливленд, Гамильтон, Толедо (штат Огайо), Нью-Йорк (с 1936 года). В нескольких городах Канады (в частности, в Виннипеге, Калгари, Эдмонтоне) данная система стала использоваться не только на муниципальных выборах, но и для избрания от этих городов депутатов провинциальных легислатур².

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 248–254, 259–261, 268–271.

² Hoag C.G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 196–234, 275–280; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 261–268; Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 49–50.

2.4. Развитие избирательных систем в 1945–1989 годах

После окончания Второй мировой войны в Европе и Азии начался новый этап развития избирательных систем¹, носивший противоречивый характер. С одной стороны, почти вся Восточная Европа и значительная часть Восточной Азии попали в советскую сферу влияния, и в расположенных в этих частях мира странах были установлены режимы, близкие к советскому, не допускающие свободных выборов. Правда, Чехословакия и Венгрия еще несколько лет шли по пути демократического развития, но затем и в этих странах сформировались коммунистические режимы.

С другой стороны, на путь демократического развития прочно встали Западная Германия, Италия, Австрия и Япония. Позднее, в 1970-е годы, пали фашистские режимы в Португалии и Испании, а также в Греции (где такой режим был установлен в 1967 году)². В других странах Западной Европы и в Латинской Америке не без влияния усилившимся в годы войны левых сил демократические процессы также получили новый импульс (чего нельзя сказать про США, особенно в период маккартизма).

Начался распад британской колониальной империи; из возникших при этом независимых государств наибольший интерес с точки зрения развития избирательных систем представляют Израиль и Индия. Позднее (в конце 1950-х и начале 1960-х годов) независимость получили большинство стран

¹ Начало этого этапа практически совпадает с началом второй волны демократизации (см.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 29).

² Согласно С. Хантингтону (см.: Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 32), эти события положили начало третьей волне демократизации.

Африки, бывшие ранее в основном французскими и английскими колониями.

В плане развития избирательных систем наиболее интересен опыт *Федеративной Республики Германии*. Здесь сложилось убеждение, что значительная степень вины за приход к власти нацистов лежит на избирательной системе Веймарской республики. И хотя такое мнение весьма спорно, оно сыграло существенную роль в выработке новой избирательной системы. Минусом прежней избирательной системы считалась также безличность связанных списков.

Первые выборы в освобожденной Западной Германии (выборы в местные советы в 1946 году и в ландтаги в 1947 году) проводились под контролем оккупационных администраций. При этом в американской и французской зонах выборы проводились по старой веймарской системе, а в английской зоне стали искать компромисс между веймарской системой и мажоритарной системой относительного большинства. По этому пути в дальнейшем пошли и при разработке системы выборов в бундестаг.

Временный закон для первых выборов 1949 года разрабатывался Парламентским советом, сформированным из представителей ландтагов. Затем он подлежал утверждению конференции министров-президентов (глав исполнительной власти земель) и военными губернаторами. В Парламентском совете сложилось большинство, включающее Социал-демократическую партию, Свободную демократическую партию, Партию центра и Коммунистическую партию, которое, несмотря на противодействие христианских демократов и Немецкой партии, добилось принятия избирательной системы, основанной на идее пропорционального представительства¹.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958.

Принятая для выборов 1949 года избирательная система сочетала голосование за кандидатов в одномандатных округах (что позволяло преодолеть безличность связанных списков) с пропорциональным распределением мандатов между партиями в масштабе страны. Такая система получила в Германии название персонализированной пропорциональной. Ее можно отнести к системам «добавочных представителей»¹ в наиболее связанном варианте (подробнее эта система описана в подразделе 3.7.3).

В первоначальном варианте Парламентского совета не предполагалось введения заградительного барьера. Он был установлен по требованию министров-президентов, поддержанному оккупационными властями, — для предотвращения партийного дробления и защиты функциональной способности парламента². Для первых выборов 5-процентный барьер действовал отдельно в каждой земле³.

Для выборов 1953 года был вновь принят временный закон. При этом избирательная система была подвергнута существенной модификации. Если в 1949 году избиратель имел один голос, который зачитывался и кандидату, и выдвинувшей его партии, то с 1953 года немецкий избиратель имеет два голо-

С. 224–231; Bawn K. The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // Amer. J. Political Sci. 1993. Vol. 37. № 4. P. 968–972; Веденеев Ю.А., Васильев А. В. Сравнительный анализ избирательных систем России и Германии // Журнал о выборах. 2001. № 4. С. 22–26.

¹ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

² Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 125, 137–138.

³ Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 108.

са — один он отдает кандидату в одномандатном округе, другой — земельному партийному списку. Другое изменение — 5-процентный барьер стал действовать в масштабах страны. В 1956 году был принят уже постоянный закон о выборах в бундестаг, но в основных чертах система, принятая в 1953 году, сохранилась до наших дней¹.

Избирательная система, принятая в Германии, долгое время была уникальной. В 1977 году под давлением общества некое подобие смешанной системы было создано в *Мексике*, где действовавшая до того времени мажоритарная система позволяла Институционно-революционной партии абсолютно доминировать в парламенте. Принятые в 1977 году поправки к Конституции и новый закон о выборах добавили к депутатам нижней палаты, избираемым в 300 одномандатных округах, еще 100 депутатов, избираемых по региональным партийным спискам. При этом в распределении данных мандатов не должны были участвовать как партии, получившие в масштабах страны менее 1,5% голосов, так и партии, выигравшие в 60 и более одномандатных округах. Фактически это были 100 мест для оппозиции. На прошедших в 1979, 1982 и 1985 годах выборах Институционно-революционная партия сохранила доминирование (290–299 мест из 400), но оппозиция (как правая, так и левая) также получила заметное представительство².

В 1986 году число депутатов, избираемых по партийным спискам, было увеличено до 200. Но при этом

¹ Bawn K. The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // Amer. J. Political Sci. 1993. Vol. 37. № 4. P. 976; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 109.

² Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты. М., 1986. С. 24–25, 67–68, 136, 182–185, 205–206.

было установлено, что партия, проведшая наибольшее количество своих кандидатов в одномандатных округах, должна получить в нижней палате (Палате депутатов) как минимум 50% мест плюс одно место¹.

В 1982 году смешанная система была введена в *Сенегале*. Хотя в ее разработке принимали участие западногерманские эксперты, получившаяся система сильно отличалась от германской. Во-первых, она была несвязанной, то есть результаты выборов по пропорциональной и мажоритарной части (и там, и там распределялись по 60 мандатов) определялись порознь. Во-вторых, в мажоритарной части действовала партийно-блоковая система в департаментских округах (см. подраздел 3.3.1). Такая модель позволила Социалистической партии Сенегала сохранить доминирование².

В *Египте* в 1984 году выборы впервые прошли по пропорциональной системе с 8-процентным заградительным барьером и без права выдвижения независимых кандидатов. Правящая Национально-демократическая партия сохранила доминирование (70% голосов и 87% мандатов). Закон, по которому проводились выборы, был оспорен в Конституционном суде. Не дожидаясь принятия судом решения, правящая партия предложила принять новый закон со смешанной системой. После его принятия парламент был распущен, и в 1987 году состоялись новые выборы. Они проводились в 48 избирательных округах. В каждом округе избирался один депутат на индивидуальной основе, а остальные мандаты распределялись по пропорциональной системе. Всего таким

¹ Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 133.

² Супатаев М.А. Избирательная реформа и выборы в Сенегале: опыт 80-х годов // Государство и право в развивающихся странах. Вып. 10. М., 1990. С. 161–168; Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 221.

образом по пропорциональной системе распределялось 400 мандатов, а по мажоритарной — 48¹.

В Японии, вставшей на путь демократического развития, избираться стала не только Палата представителей, но и верхняя палата, получившая название Палаты советников. Для избрания обеих палат первоначально использовалась традиционная для Японии система единственного непередаваемого голоса. При этом для выборов Палаты представителей использовались только небольшие округа (до пяти, позднее до шести мандатов), а на выборах Палаты советников (обновлявшейся раз в три года наполовину), помимо небольших округов (где одновременно замещалось до четырех мандатов), действовал единый общенациональный округ, в котором одновременно замещалось 50 мандатов.

В 1982 году система выборов в общенациональном округе была изменена: выборы в этом округе стали проводиться по пропорциональной системе². Таким образом, в целом на выборах Палаты советников получилась смешанная (параллельная) избирательная система.

Вслед за Японией система единственного непередаваемого голоса стала использоваться с 1948 года в

¹ Георгиев А. Г., Сюккийнен Л. Р. Парламентские выборы в Египте 1987 г. (законодательство и практика) // Государство и право в развивающихся странах. Вып. 10. М., 1990. С. 135–148.

² Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 232–238; Батуренко В. В. Парламентские выборы 70-х годов в Японии // Избирательные системы и партии в буржуазном государстве. М., 1979. С. 57–58; Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995. С. 204–206; Цветова И. А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2002. С. 12–14.

Южной Кореи. В 1963 году система стала смешанной: две трети депутатов избирались по системе единственного непередаваемого голоса, а треть — по пропорциональной системе в едином общенациональном округе¹.

Отдельного внимания заслуживает *Франция* — в этой стране в данный период избирательная система менялась так часто, как нигде больше (нетрудно понять, что изменения носили преимущественно конъюнктурный характер). Сразу после освобождения страны под давлением левых сил была принята пропорциональная система с закрытыми списками. По этой системе избирались первое (в 1945 году) и второе (в июне 1946 года) Учредительные собрания. Для выборов первого созыва Национального собрания в ноябре 1946 года система была слегка модифицирована: избиратель получил право оказывать предпочтение определенному кандидату в пределах партийного списка. Однако практически это было бесполезно, поскольку предпочтение становилось эффективным только в том случае, если его выражало больше половины сторонников данной партии.

В 1951 году система была существенно изменена, приблизившись к той, которая действовала в 1919–1924 годах. В части округов (где были сильны коммунисты) сохранилась пропорциональная система, но в большей части правила стали «смешанными»: если партия или коалиция получала абсолютное большинство, ей доставались все мандаты в округе, если же никакая партия такого большинства не получала, мандаты распределялись пропорционально.

В 1958 году при переходе к Пятой республике от пропорциональной системы полностью отказались,

¹ Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 384.

вернувшись к мажоритарной системе с перебаллотировкой. Далее дважды (в 1966 и 1976 годах) повышался порог для выхода кандидата во второй тур (см. раздел 3.2). После прихода к власти социалистов в 1985 году вновь была введена пропорциональная система. Однако на выборах 1986 года социалисты потерпели поражение, и правые партии в том же году восстановили мажоритарную систему с перебаллотировкой¹.

В большинстве стран Западной Европы действовала пропорциональная система конкурирующих списков. В 1970-е годы, после падения фашистских режимов, пропорциональную систему ввели Португалия и Испания. Постепенно на пропорциональную систему перешло и большинство латиноамериканских стран (в частности, Венесуэла в 1947 году, Коста-Рика в 1948 году, Гондурас в 1956 году, Гайана в 1963 году, Никарагуа в 1974 году, Бразилия и Колумбия в 1977 году, Перу в 1979 году). Также пропорциональная система была принята в Израиле (где выборы по этой системе проводились еще в период действия британского мандата) и на Кипре (с 1960 года, после обретения независимости)².

В отличие от Европы и Латинской Америки, в развивающихся странах Азии и Африки использование

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 240–242; Даниленко В. Н. Избирательные системы и политические партии Франции. М., 1979. С. 14; Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 121–122.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 192–247; Избирательные системы стран мира. М., 1961; Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 55–60; Танин-Львов А.А. Выборы во всем мире. М., 2001.

пропорциональной системы было редкостью. Бывшие английские колонии в основном предпочитали английскую плюральную систему, бывшие французские — французскую мажоритарную систему с перебаллотировкой¹.

В Западной Европе до 1970-х годов пропорциональная система повсеместно использовалась в формате открытых списков в различных модификациях (ФРГ не в счет, поскольку здесь действовала смешанная система, где персонализация достигалась другими средствами). Однако Испания и Португалия нарушили эту традицию, установив закрытые (связанные) списки. Система закрытых списков также была установлена в Израиле, Коста-Рике, Колумбии, Парагвае, Уругвае и Эквадоре².

Одной из главных тенденций развития пропорциональных систем конкурирующих списков стало стремление к достижению как можно более строгой пропорциональности. В некоторых странах (Израиль, Нидерланды, Уругвай) выборы по пропорциональной системе стали проводиться в едином общегосударственном округе³.

Еще в нескольких странах пропорциональная система стала двухуровневой: выборы проводились в нескольких многомандатных округах, и большая

¹ Чиркин В. Е. Выборы в политическом процессе в развивающихся странах // Государство и право в развивающихся странах. Вып. 10. М., 1990. С. 19.

² Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 283; Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 58.

³ Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 269–270; Rae D. W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1971. P. 19, 43–44; Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 55–57.

часть мандатов распределялась на уровне этих округов, но часть мандатов распределялась в масштабах единого общенационального округа или укрупненных округов — для достижения более строгой пропорциональности (см. подраздел 4.2.3). Использовались два основных варианта этой системы. Первый вариант, введенный в Австрии в 1945 году и в Италии в 1946 году, предусматривал распределение в едином округе мандатов, оставшихся нераспределенными после первого этапа их распределения по методу квот (подробнее о методах квот см. раздел 4.1). Второй вариант, применявшийся в Бельгии, Дании и Исландии еще до Второй мировой войны, предусматривал распределение в более крупных округах фиксированного числа «уравнивающих» мандатов¹.

Так, в *Италии* начиная с первых послевоенных выборов Палата депутатов избиралась в многомандатных округах, включавших от одной до пяти провинций. Для распределения мандатов внутри каждого округа использовалась квота Империали, дающая преимущество лидирующим партиям. Однако при этом часть мандатов распределялась в рамках единого общенационального округа. Но в отличие от скандинавских стран, в едином округе распределялось не фиксированное число мандатов, а мандаты, оставшиеся нераспределенными после первого этапа распределения (в результате которого партиям доставалось столько мандатов, сколько раз квота Империали укладывалась в полученном ими числе голосов). При этом распределение этих оставшихся мандатов проводилось по методу наибольших остатков с использованием квоты Хэйра. В целом в Италии получалось достаточное соответствие между

¹ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. P. 32–37.

поданными за партии голосами и местами, занимаемыми ими в Палате депутатов.

На выборах в итальянский сенат избирательная система была иной (по сути — одна из разновидностей системы «добавочных представителей»). Голосование проводилось в одномандатных округах, и на первом этапе для избрания требовалось квалифицированное большинство (65% голосов). В большинстве округов (94–98%) после первого этапа мандаты оставались незамещенными, и далее эти мандаты распределялись в рамках отдельных областей по пропорциональной системе с использованием метода д’Ондта между заранее определенными группами кандидатов (это могли быть кандидаты от одной партии, но допускалось и объединение кандидатов от разных партий). Здесь соответствие между голосами и мандатами было менее точным, чем в Палате депутатов¹.

Кроме того, стало очевидно, что наиболее распространенный метод распределения мандатов, метод д’Ондта, искажает пропорциональность в пользу партий-лидеров (см. раздел 4.1). В скандинавских странах его бенефициаром были в первую очередь социал-демократические партии, поэтому в этих странах борьбу за строгую пропорциональность возглавили буржуазные партии. В 1952 году в Швеции и Норвегии метод д’Ондта был заменен на метод Сент-Лагю, но в модифицированном варианте (в качестве первого делителя использовалась не единица, а 1,4)², в 1953 году их примеру последовала Дания.

¹ Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 68–114.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 102–103; Могунова М.А. Скандинавский парламентализм. Теория и практика. М., 2001. С. 144–146.

Однако это изменение не позволило устраниТЬ искаЖения пропорциональности, поскольку главной их причиной было распределение мандатов в небольших избирательных округах. Следующим этапом реформы стало введение дополнительных («уравнивающих») мандатов, которые распределялись уже в масштабах всей страны. В Швеции они были введены в 1969 году, в Норвегии — в 1989 году¹ (в Дании «уравнивающие» мандаты существовали с самого начала использования пропорциональной системы).

В ФРГ в 1985 году метод д'Ондта был заменен на метод наибольших остатков с квотой Хэйра, названный там именем предложившего данную реформу математика Нимейера (часто именуется методом Хэйра — Нимейера, см. подраздел 4.1.1)².

С другой стороны, возникло стремление ввести в пропорциональную систему ограничения, лишающие мандатов мелкие партии и тем самым препятствующие излишнему дроблению депутатского корпуса. Основным средством для достижения этой цели стал заградительный барьер. По данным Лейпхарта, в период 1945–1990 годов заградительные барьеры на национальных выборах действовали в Нидерландах (на национальном уровне — в 1946–1952 годах 1%, с 1956 года 0,67%), ФРГ (5%, в 1949 году на региональном уровне, а с 1953 года на национальном), Израиле (с 1951 года, 1% на национальном уровне), Дании (на национальном уровне — в 1953–1960 годах 2,6%, с 1964 года 2%), Швеции (с 1970 года, 4% на национальном уровне), Испании (с 1977 года, 3% на уровне округов), Франции (1986 год, 5% на уровне округов),

¹ Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 144–148.

² Нолен Д. Избирательные системы // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 59.

Норвегии (с 1989 года, 4% на национальном уровне). На выборах в Европарламент барьер действовал в Нидерландах (4%), ФРГ (5%), Франции (5%)¹.

Следует отметить, что обе описанные выше тенденции были взаимосвязаны. Когда выборы по пропорциональной системе проводились в небольших избирательных округах с использованием метода д’Ондта, сам размер округа вместе с методом распределения мандатов и был ограничителем для мелких партий (см. подраздел 4.6.1). Проведение выборов в едином общенациональном округе либо введение «уравнивающих» мандатов (при котором мандаты фактически стали распределяться в едином общенациональном округе) резко повышали возможности мелких партий попасть в парламент, и это стало главным стимулом для введения заградительного барьера. Не случайно первыми установили такой барьер страны, где мандаты (или их часть) распределялись на национальном уровне (Австрия, Нидерланды, ФРГ, Израиль), а в Швеции барьер был введен в 1969 году одновременно с «уравнивающими» мандатами².

Продолжались также попытки вводить правила, искающие саму суть пропорциональной системы. Так, в 1953 году в Италии Христианско-демократическая партия сумела провести закон, по которому партии или блоку партий, получившим в масштабе страны абсолютное большинство голосов, должно было достаться почти две трети мест в Палате депутатов (этот закон получил в народе прозвище «мошеннического»). Однако на парламентских выборах 1953 года блок, возглавляемый христианскими демо-

¹ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. P. 22, 31, 33–35.

² Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 146–148, 314.

кратами, немного не дотянул до заветной планки, получив 49,7% голосов. Вскоре после выборов «мощеннический» закон был отменен¹.

В то же время в Греции нормы, искажающие пропорциональность, действовали длительное время. Так, в 1958 году здесь была принята модель, при которой мандаты распределялись в два этапа. Часть мандатов распределялась между партиями, преодолевшими в масштабе страны 5-процентный барьер, а другая часть — только между партиями, получившими более 25% голосов, блоками из двух партий, получившими более 35% голосов, и блоками из более чем двух партий, получившими более 40% голосов. В результате Национально-радикальный союз, получивший на выборах 1958 года 41% голосов, взял 57% мандатов².

Эта же модель была принята и после падения режима «черных полковников» в 1974 году. Разница лишь в том, что для участия во втором этапе распределения мандатов требовалось получить меньшую долю голосов: для партий — 17%, для блоков двух партий — 25%, для блоков трех и более партий — 30%. На выборах 1977 года партия «Новая демократия», собрав 42% голосов, получила 58% мандатов³.

Позднее в Греции было установлено правило, согласно которому ведущая политическая партия получает абсолютное большинство мест в Палате депутатов, если она наберет по меньшей мере 46% по-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 235; Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 137–141, 277–278; Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 66.

² Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 115–118.

³ Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов). М., 1980. С. 33–34, 44–46.

данных голосов и опередит идущую следом за ней партию по меньшей мере на 7%¹.

Развитие получила и система единственного передаваемого голоса. В 1949 году она была введена на выборах в австралийский сенат вместо мажоритарно-преференциальной системы. С 1953 года она также стала использоваться на местных выборах в австралийском штате Новый Южный Уэльс². В 1972 году была предпринята попытка установить эту систему для выборов в Ассамблею Северной Ирландии, однако в связи с введением чрезвычайного положения выборы там были отменены³.

В то же время в США в 1940–1950-е годы произошел почти повсеместный отказ от системы единственного передаваемого голоса в тех городах, где она применялась. Начало этому процессу положил Нью-Йорк, отменивший данную систему на своем референдуме в 1947 году. Его примеру последовали другие города, и к 1962 году систему единственного передаваемого голоса сохранил лишь Кембридж (штат Массачусетс).

Исследователи видят две причины такой отмены. В первую очередь следует отметить, что в американском обществе в те годы сохранялось сильно негативное отношение к расовым и национальным меньшинствам, плюс с началом холодной войны чрезвычайно усилилась антикоммунистическая пропаганда. И то обстоятельство, что система единственного передаваемого голоса в городах штата Огайо привела к избранию афроамериканцев (а также ирландцев и по-

¹ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 14–15.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 260, 264–265.

³ Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов). М., 1980. С. 94.

ляков), а в Нью-Йорке в 1941 году в городской совет были избраны два коммуниста (из 30 членов совета), стало сильным аргументом в руках противников этой системы.

Но, по-видимому, это было скорее поводом, чем главной причиной. Отмечалось, что система единственного передаваемого голоса подорвала власть коррумпированных партийных боссов, и они приложили максимум усилий для реванша. В Нью-Йорке систему единственного передаваемого голоса дважды безуспешно (в 1938 и 1940 годах) пытались отменить путем референдума; успешной стала третья попытка, когда Тамани-холл (главное орудие Демократической партии в городе) истратил на кампанию 35 тыс. долларов. В Кливленде и Гамильтоне (штат Огайо) отменить систему единственного передаваемого голоса удалось лишь с пятой попытки. В Цинциннати система продержалась до 1957 года. В целом можно прийти к выводу, что причины отмены системы единственного передаваемого голоса в США связаны скорее с достоинствами, чем с недостатками данной системы¹.

2.5. Развитие избирательных систем с 1989 года

В 1989 году началось падение коммунистических режимов. В марте этого года в СССР впервые после семи десятилетий диктатуры прошли альтернативные выборы. В июне того же года в Польше были

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 265–267; Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 50–52.

проведены выборы, в которых приняла участие оппозиция в лице «Солидарности». В октябре решение о проведении свободных многопартийных выборов было принято в Венгрии. В ноябре произошла «бархатная революция» в Чехословакии, тогда же пала Берлинская стена. В декабре в Румынии был свергнут режим Н. Чаушеску. В 1990 году свободные выборы прошли в ГДР (март), Венгрии (март – апрель), Румынии (май), Чехословакии (июнь) и Болгарии (июнь). В апреле – мае того же года прошли многопартийные выборы в Словении и Хорватии, в ноябре – декабре – в остальных югославских республиках. В том же году многопартийные выборы прошли и в Монголии.

В 1991 году распался СССР, тогда же начался распад Югославии. В 1993 году Чехословакия разделилась на Чехию и Словакию. ГДР, напротив, объединилась в 1990 году с ФРГ и Западным Берлином в единую Германию.

Практически одновременно процессы демократизации затронули еще ряд стран – Бразилию, Чили, Южную Корею, Пакистан, ЮАР и другие¹. Позднее (в конце 1990-х – начале 2000-х годов) демократические преобразования начались в Индонезии², Афганистане и некоторых других странах.

По данным международной организации Freedom House, за 1989–2011 годы число стран, относимых к электоральным демократиям, выросло с 69 (41% от общего числа государств) до 117 (60%)³.

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 33–35; Шаблинский И. Г. Эволюция политического режима в России. М., 2014. С. 5.

² Конкин Н. Е., Перевозчиков В. Н. Демократия трех тысяч островов // Журнал о выборах. 2005. № 1. С. 37–40; Современные избирательные системы. Вып. 9. М., 2014. С. 38–53.

³ Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 4.

Параллельно процессы демократизации получили новый импульс и в странах со сложившейся демократией. С одной стороны, повлияли процессы в СССР и Восточной Европе, которые привели к прекращению противостояния по линии Восток — Запад и снижению популярности коммунистических партий (поскольку антидемократические тенденции на Западе частично были обусловлены страхом перед коммунистической угрозой). С другой стороны, свою роль сыграли постепенный переход к постиндустриальному и информационному обществу, а также процессы межгосударственной интеграции (в частности, создание Европейского союза) и параллельно проходившие в ряде стран процессы регионализации¹.

Часть вступивших на путь демократического транзита постсоциалистических государств — ГДР (до воссоединения с ФРГ), Румыния, Чехословакия (затем отдельно Чехия и Словакия) — сразу приняли пропорциональную избирательную систему; при проведении вторых выборов к ним присоединились Польша, Сербия, Черногория, Латвия, Молдова. Но во многих странах популярной стала идея смешанной системы. Различные варианты такой системы были взяты на вооружение в Болгарии, Венгрии, затем в Албании, Македонии, Грузии, Хорватии, Литве, Эстонии, России, еще позже — в Румынии, Азербайджане, Армении, Казахстане, Украине, Таджикистане, Монголии². При этом в Эстонии и Румынии были

¹ Лысенко В. И. Выборы и представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80–90-х годов. М., 1994. С. 10–49; Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М., 2015. С. 19.

² Алебастрова И.А. Избирательные реформы в государствах Восточной Европы // Современное конституционное право зарубежных стран. М., 1991. С. 319–320; На-

приняты редко встречающиеся системы «компенсаторных представителей» (см. подраздел 3.7.3).

Позднее начались отказы от смешанной системы: к полностью пропорциональной перешли Албания, Болгария, Хорватия, Киргизстан, Казахстан, Украина, Россия (но Украина и Россия позже вернулись к смешанной). Азербайджан, напротив, в 2002 году перешел от смешанной системы к мажоритарной¹.

В это же время смешанные системы стали вводить и в других странах. С 1996 года смешанная связанная система используется в *Новой Зеландии* (переход к ней был одобрен в 1992 году на консультативном референдуме и в 1993 году на обязательном референдуме)².

В *Японии* после ряда коррупционных скандалов, раскола правящей Либерально-демократической партии и ее поражения на выборах 1993 года произошла кардинальная реформа системы выборов в Палату

даис А. Выбор избирательных систем // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 70–78; Осипова Р.И. Роль выборов в процессе преобразования политических систем в странах Восточной Европы в 1989–90 гг. // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 109–118; Голосов Г.В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 102–113; Танин-Львов А.А. Выборы во всем мире. М., 2001; Яжболовская И.С. Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: партии, избирательные системы и выборы в условиях политической трансформации // Журнал о выборах. 2002. № 2. С. 42–45; Яжболовская И.С. Развитие парламентской избирательной системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Журнал о выборах. 2005. № 2. С. 45–47; № 3. С. 63–67.

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 24–25.

² Котегова М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 59–60.

представителей. Принятым в 1994 году законом вместо системы единственного непередаваемого голоса была введена смешанная несвязанная (параллельная) система: 300 депутатов стали избираться в одномандатных округах, а 200 — по пропорциональной системе в 11 многомандатных округах¹.

В Италии с 1993 года прошла череда избирательных реформ. Она была вызвана широким недовольством граждан сложившейся политической системой, при которой, с одной стороны, правительства получались коалиционными и их устойчивость была слабой, с другой стороны, произошло сращивание партий, постоянно входящих в правительственные коалиции, с государственным аппаратом, что привело к нетерпимому уровню коррупции. Винить в этом стало модно пропорциональную систему, и общество было настроено на отказ от идеи чистой пропорциональности.

В 1990 году была создана первая инициативная группа по проведению референдума. Было инициировано несколько референдумов, но Конституционный суд в 1991 году разрешил провести только один — о порядке голосования за кандидатов внутри партийного списка (это считалось не самой острой проблемой). Несмотря на противодействие ведущих партий, большинство граждан положительно ответило на вопрос референдума. Затем прошел еще ряд референдумов, последним в апреле 1993 года был референдум, на котором большинство граждан высказалось за изменение порядка избрания Сената. Параллельно в парламенте были подготовлены новые

¹ Об избирательной системе Японии // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 4. С. 139–142; Цветова И. А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2002. С. 51–52; Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 57–59.

законы, в результате для выборов обеих палат были приняты довольно своеобразные варианты смешанной связанной системы (см. подраздел 3.7.2)¹.

Однако новая система просуществовала недолго, она использовалась лишь трижды на общенациональных выборах (в 1994, 1996 и 2001 годах). В 2005 году по инициативе С. Берлускони была возвращена пропорциональная система, но с закрытыми списками и «премией» для большинства — «закон Кальдероли» (см. подраздел 4.3.1)². Однако и этой новации не суждена была долгая жизнь. Закон также применялся только на трех общенациональных выборах (2006, 2008 и 2013 годов). В 2013 году Конституционный суд признал неконституционными несколько положений «закона Кальдероли», и в 2015 году был принят новый закон, где система «премий» было ограничена и восстанавливались открытые списки³.

Избирательная реформа началась и в Великобритании, несмотря на традиционный консерватизм

¹ Левин И. Б. О реформе избирательной системы в Италии // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 79–85; Фузаро К. Правила переходного периода: новое избирательное законодательство Италии 1993 года // Реформы избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы. М., 1995. С. 8–38; Васильева Т. А. Избирательное право Итальянской республики: Вступительная статья // Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства. М., 2004. С. 353–361; Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 60–61.

² Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 62–63; Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 167; Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 20–22.

³ Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 22–25.

британцев. В 1998 году были приняты акты о Шотландии, о Северной Ирландии и об управлении Уэльсом. Они закрепили систему единственного передаваемого голоса на выборах в Национальное собрание Северной Ирландии и ввели смешанную связанную систему на выборах в Парламент Шотландии и Национальное собрание Уэльса. В конце того же года был принят и в 1999 году получил королевскую санкцию акт, предусматривающий переход на пропорционально-списочную систему выборов в Европейский парламент от Англии, Уэльса и Шотландии при сохранении системы единственного передаваемого голоса для Северной Ирландии.

Смешанная связанная система также была введена в 1999 году для избрания Ассамблеи Лондона. На выборах мэра Лондона и других английских городов стала применяться мажоритарно-преференциальная система. Началась кампания по внедрению данной системы и на выборы в Палату общин. В 2011 году этот вопрос был вынесен на референдум, но не получил большинства голосов¹.

В ряде стран (Боливия, Венесуэла, Венгрия) происходили переходы между различными типами смешанной системы². В некоторых странах при не-

¹ Алексеев Н.А. Реформа избирательной системы в Великобритании (на примере выборов в Европейский парламент) // Вестник ЦИК РФ. 1999. № 7. С. 42–46; Коданева С. И. Британский регионализм (конституционная реформа). М., 2004. С. 52–79; Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 27–40; Хилл С. Новый метод голосования для повышения демократии «прививается» // Управление собственностью: теория и практика. 2011. № 2. С. 33–37; Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 154–163.

² Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 2. Американский континент. М., 2010. С. 36; Вып. 4. Европейско-Азиатский регион. М., 2015. С. 249–259;

измененных общих чертах избирательной системы произошли важные изменения в ее отдельных элементах. Так, в Австрии в 1992 году двухуровневая система была заменена на трехуровневую¹ (см. подраздел 4.2.3). В Мексике в 1993 году было установлено, что одна партия не вправе занимать более 63% мест в нижней палате парламента². В Израиле в три приема был повышен заградительный барьер с 1% до 3,25%, в Германии в 2013 году были внесены существенные изменения в правила распределения мандатов, в частности введены «выравнивающие» мандаты (см. подраздел 3.7.2).

Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

¹ Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 26–27.

² Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 134.

Глава 3

ОСНОВНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

При описании избирательных систем мы будем в основном придерживаться нашей классификации, описанной в разделе 1.2. Единственное исключение — объединение в одном разделе (3.4) двух систем с преференциальным голосованием, системы единственного передаваемого голоса и мажоритарно-преференциальной системы, в связи с тем, что они схожи не только способом голосования, но и методами определения победителей.

3.1. Мажоритарная система относительного большинства

Мажоритарная система относительного большинства, или, иначе, *плюральная* система, до недавнего времени была распространена главным образом в Великобритании и странах, ранее входивших в Британскую империю (США, Канада, Новая Зеландия, ЮАР и др.). В этих странах она чаще всего называется *the first-past-the-post* («первый оказавшийся избранным»)¹. Система наиболее простая: вся территория

¹ Иногда это название переводится как «первый, кто прокоччит финишный столб», поскольку оно заимствовано из

делился на одномандатные округа, и в каждом избранным признается кандидат, получивший больше голосов, чем другие кандидаты¹.

После 1993 года эта система получила широкое распространение и в России. В 1993–2002 годах она доминировала на выборах законодательных органов субъектов РФ, а в значительной части регионов применялась и на выборах их глав². В 2014 году эта система вернулась на выборы Московской городской Думы. Продолжает доминировать она на муниципальных выборах — как на выборах представительных органов, так и на выборах глав муниципальных образований³.

На местных выборах, где территориальное представительство часто важнее политического и где реально возможны постоянные контакты депутатов с избирателями, плуральная система имеет несомненные достоинства. На выборах же более высокого уровня, которые обычно носят явно политический (то есть партийный) характер, часто довольно сильно проявляется главный недостаток данной системы — она редко позволяет достигать соответствия между

терминологии скачек (Оливер Д. Реформа избирательной системы Соединенного Королевства // Современный конституционализм. М., 1990. С. 121).

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 19, 292.

² Голосов Г. В. Измерения российских избирательных систем // ПОЛИС. 2001. № 4. С. 71–84; Голосов Г. В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006. С. 209–220; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 362–390.

³ Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 36–63.

соотношением партийных предпочтений избирателей и партийным составом депутатского корпуса.

Так, Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт отметили, что за период с 1885 по 1951 год в Великобритании 18 раз проводились парламентские выборы и при этом лишь дважды не было серьезного искажения представительства основных партий. В частности, дважды за этот период (в 1929 и 1951 годах) получалось так, что партия, становившаяся правящей, получала меньше голосов, чем самая большая из оппозиционных партий. Существенные искажения имели место также в Канаде и Южно-Африканском Союзе¹. Искажения наблюдались и в последующие годы; так, в 1974 году консерваторы, набрав 38,3% голосов, получили 296 мандатов в Палате общин (46,6%), а лейбористы, собрав голосов меньше (37,5%), обеспечили себе 301 место (47,4%)²; в 2005 году в Великобритании лейбористы получили 36% голосов, но заняли в парламенте абсолютное большинство мест, а консерваторы, уступившие им только 3% голосов, получили на 159 мест меньше³.

В Индии на выборах в Народную палату Индийский национальный конгресс в период с 1952 по 1984 год всегда получал менеес половины голосов избирателей, но неизменно (за исключением 1977 года) имел более половины (обычно больше двух третей) мест. В 1977 году так же победила партия Джаната (43,2% голосов, 55% мандатов)⁴.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 19–25, 30–35, 74–79.

² Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 458–459.

³ Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 36.

⁴ Танин-Львов А.А. Выборы во всем мире. М., 2001. С. 800–804; Филинина И. М. Конституционно-правовая модель избирательной системы. Хабаровск, 2013. С. 25.

Можно привести немало и российских примеров. Так, на выборах Московской городской Думы и представительных органов региональных центров 14 сентября 2014 года, проходивших по плюральной системе, «Единая Россия» в 9 из 12 городов получила менее 50% голосов от числа участвовавших в голосовании избирателей, но во всех случаях ей досталось более 60% мандатов. Например, в Йошкар-Оле, имея 44,9% голосов, она получила 91,4% мандатов¹. Известны также случаи, когда «Единая Россия» выигрывала абсолютно во всех одномандатных округах (Совет депутатов Центрального района г. Челябинска по 20 одномандатным округам, Озерский районный Совет депутатов Калининградской области по 15 одномандатным округам — оба на выборах 14 сентября 2014 года, и др.)².

Ситуация, когда партия, за которую голосует менее половины избирателей, выигрывает более половины мандатов, получила название «*сфабрикованное большинство*». Как показывает анализ, такая ситуация при использовании плюральной системы наблюдается достаточно часто³.

Давно известно, что результаты выборов при использовании плюральной системы и других разновидностей мажоритарной системы могут сильно

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 362–363.

² Здесь и далее: данные об итогах голосования и результатах выборов в Российской Федерации начиная с декабря 2003 года получены с официального портала ЦИК России (<http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>).

³ Rae D. W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1971. P. 74–77, 92, 179; Голосов Г. В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // ПОЛИС. 2005. № 1. С. 108–119.

зависеть от нарезки избирательных округов. Поскольку такая нарезка обычно оказывается в руках действующей власти, последняя имеет возможность создавать себе преимущества путем манипуляций с округами. Суть манипуляции в том, что оппозиционный электорат сосредотачивается в меньшем числе округов, где он составляет подавляющее большинство, а в большей части округов провластный электорат имеет небольшой перевес над оппозиционным.

Самым ярким примером, вошедшим во многие книги по выборам, стал случай с нарезкой округов по выборам в сенат штата Массачусетс 1812 года, которую осуществил губернатор штата Э. Джерри. В результате от губернаторской партии, получившей 50 164 голоса, было избрано 29 сенаторов, а от соперничавшей с ней партии, за которую проголосовали 51 766 избирателей, — только 11. Отмечалось, что границы округов были установлены вопреки всем естественным и традиционным делениям и привели к образованию округов самой странной конфигурации. Кто-то заметил, что один из округов напоминает саламандру, на что издатель местной газеты ответил: «Я назвал бы это джерримандер» (*gerrymander*)¹. С тех пор термин «джерримандеринг» стал использоваться для обозначения манипуляций с нарезкой избирательных округов.

Практика американских выборов демонстрировала много примеров подобного рода. Так, отмечалось, что в штате Миссисипи был округ в форме башмачной завязки, имевший 500 миль в длину при 40 милях в ширину; один из округов в Пенсильвании имел форму

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 80–81.

гири для гимнастики. В Миссури имелся округ, который был, если измерить длину его извилин, длиннее всего штата; к нему постарались причислить как можно больше избирателей из афроамериканцев¹. Отмечается, что «игра дожила до наших дней; некоторые из округов, нарезанных в Калифорнии в 1980-е годы, не уступали исторической “ящерице” по нелепости очертаний»². Когда после переписи 2000 года была изменена нарезка округов, то в большинстве штатов она оказалась направлена на укрепление господства одной из двух партий. В некоторых случаях нарезку удалось оспорить в суде³.

Для борьбы с джерримендерингом в законодательство стали вводиться нормы, требующие примерного равенства округов по численности населения или избирателей, а также запрещающие образовывать округа из не граничащих между собой территорий. Однако эти меры не могут полностью гарантировать от манипуляций.

Так, в Южно-Африканском Союзе как минимум трижды (в 1948, 1953 и 1958 годах) Националистическая партия (ответственная за политику апартеида) получала меньше голосов, чем оппозиционная Объединенная партия, но при этом ей доставалось значительно больше мандатов⁴. Как отмечали Э. Лейкман и Дж. Д. Ламберт, неравенство округов по численности населения не было значительным и не играло главной роли. Анализ показал, что большая часть кандидатов Объединенной партии выигрывала в сво-

¹ Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 360–361.

² Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

³ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 128–130.

⁴ Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 227–231.

их округах со значительным перевесом, в то время как большая часть кандидатов Националистической партии получила свои мандаты незначительным большинством¹.

Как видно из приведенных примеров, даже в случае двухпартийной системы плюральная избирательная система не всегда приводит к адекватным результатам. И тем большие искажения допускает она при наличии более чем двух партий. При этом, хотя известный закон Дюверже² утверждает, что плюральная система способствует двухпартийности, опыт Великобритании, Канады и других стран свидетельствует, что даже при длительном применении этой системы помимо двух основных партий продолжают существовать и другие достаточно сильные партии³.

Кроме того, как отмечает Г. В. Голосов, в новых демократиях плюральная система зачастую подрывает возможность развития партий, поскольку кандидатам оказывается выгоднее баллотироваться в независимом статусе, чем от какой-либо партии. Примером могут служить региональные выборы в России в 1990-х годах, где преимущественно побеждали непартийные кандидаты⁴.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 76–77.

² Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 264–265, 278–288.

³ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 31–32.

⁴ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 193; Голосов Г. В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006.

3.2. Мажоритарная система с перебаллотировкой

Общим принципом мажоритарных систем с перебаллотировкой является требование, согласно которому избранным при первичном голосовании (в первом туре) считается кандидат, получивший определенный уровень поддержки избирателей. Если никто из кандидатов не удовлетворяет этому требованию, проводится перебаллотировка (второй тур, повторное голосование), правила проведения которой могут отличаться (иногда существенно) от правил проведения первого тура. Возможны варианты системы, допускающие проведение третьего и последующих туров, но они в случае прямых выборов практически не используются¹.

Наиболее распространенным вариантом мажоритарной системы с перебаллотировкой является *мажоритарная система абсолютного большинства*. Она предусматривает избрание в первом туре кандидата, получившего более 50% голосов избирателей. Считать проценты можно от числа проголосовавших избирателей (как в России) или от числа действительных бюллетеней (как во многих других странах)². Между этими двумя вариантами есть неболь-

¹ Как справедливо заметили Лейкман и Ламберт (Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 56), проведение дополнительного тура может быть простой и удобной процедурой, если голосование проводится поднятием рук на собрании, а не связано с печатанием бюллетеней и т.п.

² Еще один вариант был использован в некоторых российских регионах (Республика Мордовия, Ленинградская область) в условиях существования голосования «против всех»: кандидат должен был получить более половины го-

шая разница, но она может оказаться существенной, если доля недействительных бюллетеней велика или лидирующий кандидат получает результат, близкий к 50%. Так, на выборах главы Нытвенского района Пермского края 2 декабря 2007 года кандидат А. Л. Каменев получил 50,13% от числа действительных бюллетеней, но только 48,75% от числа проголосовавших избирателей. В соответствии с краевым законом было назначено повторное голосование, в результате которого А. Л. Каменев проиграл. Аналогичный казус произошел и совсем недавно на выборах губернатора Иркутской области: в первом туре, прошедшем 13 сентября 2015 года, кандидат С. В. Ерощенко получил 51,07% от числа действительных бюллетеней, но только 49,60% от числа проголосовавших избирателей. Во втором туре С. В. Ерощенко потерпел поражение. Причины таких аномалий будут обсуждены в подразделе 5.3.1.

Во второй тур при данной системе выходят два кандидата, получившие в первом туре наибольшее число голосов. По результатам второго тура избранным обычно признается кандидат, получивший больше голосов, чем его соперник¹ (если нет голосования против всех кандидатов и проценты считаются от числа действительных бюллетеней, то кандидат, получивший больше соперника, автоматически получает и абсолютное большинство).

голосов от общего числа голосов избирателей, отданных за всех кандидатов.

¹ На выборах Верховной Рады Украины 1998 года во втором туре (как и в первом) требовалось получить более половины от числа проголосовавших избирателей; это привело к снижению результативности выборов и повлекло серию повторных выборов, также оказавшихся нерезультативными (Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 97).

Данная система широко распространена на выборах должностных лиц. В частности, она используется на выборах президентов Российской Федерации, Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Литвы, Узбекистана, Украины, Австрии, Болгарии, Македонии, Польши, Португалии, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Финляндии, Франции, Хорватии, Черногории, Чехии, Афганистана, Индонезии, Кипра, Монголии, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гаити, Гватемалы, Колумбии, Мексики, Панамы, Перу, Сальвадора, Уругвая, Чили¹. Применяется она и на выборах глав регионов, мэров и т.п.

Так, в России в 2002 году федеральный закон обязал использовать систему абсолютного большинства для выборов глав регионов. И в период с сентября 2002 года по февраль 2005 года все губернаторские выборы проводились по этой системе. Используется данная система и после восстановления прямых выборов глав регионов в 2012 году².

Также система абсолютного большинства ранее часто применялась в России на выборах глав муниципальных образований. Однако в последние годы

¹ Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 426–427; Вып. 3. М., 2009. С. 309; Вып. 4. М., 2009. С. 437; Вып. 5. М., 2010. С. 328–329; Вып. 6. М., 2011. С. 95, 398; Вып. 7. М., 2012. С. 297; Вып. 8. М., 2013. С. 29, 207, 302; Вып. 9. М., 2014. С. 65, 216–217, 426; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 102–104, 153, 194–196, 465–466; Вып. 2. Американский континент. М., 2010. С. 33–34; Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 44; Вып. 4. Европейско-Азиатский регион. М., 2015. С. 247, 579, 831, 947, 1121, 1255.

² Правда, за четыре года ее использования (64 кампании) второй тур потребовался только один раз — в Иркутской области в 2015 году. Но это связано главным образом с тем, что «муниципальный фильтр» искусственно ограничивает конкуренцию на губернаторских выборах.

законодатели большинства регионов установили для выборов муниципальных должностных лиц систему относительного большинства (а во многих городах вообще отменены прямые выборы мэров).

На выборах представительных органов система абсолютного большинства (как и другие варианты мажоритарной системы с перебаллотировкой) встречается гораздо реже. Как отмечали еще в середине 20-го века Э. Лейкман и Дж. Д. Ламберт, метод перебаллотировки испытан во многих европейских странах, а также в английских профсоюзах, но от него почти повсюду отказались; исключение составляли лишь некоторые выборы во Франции¹.

В СССР, где в течение многих лет развивался «культ большинства», по мажоритарной системе абсолютного большинства были избраны в 1989 году две трети народных депутатов СССР, а в 1990 году — народные депутаты союзных республик, в том числе РСФСР, а также депутаты местных советов. Однако затем использование этой системы в России на выборах представительных органов стало сходить на нет. Так, на выборах региональных парламентов в 1993–2003 годах мажоритарная система абсолютного большинства использовалась в чистом виде только в восьми республиках (Бурятия, Дагестан, Саха, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Хакасия, Чувашия) и Санкт-Петербурге². Редким стало ее использование и на выборах муниципальных советов.

На Украине выборы Верховной Рады по мажоритарной системе абсолютного большинства прошли еще раз в 1994 году, и больше эта система здесь на выборах депутатов не применялась. На местных вы-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 55.

² Голосов Г. В. Измерения российских избирательных систем // ПОЛИС. 2001. № 4. С. 71–84.

борах переход к системе относительного большинства произошел еще раньше — в 1994 году¹.

Мажоритарная система абсолютного большинства сохранилась в Беларуси на выборах Палаты представителей Национального Собрания. До 2006 года она же действовала и на выборах местных советов². Сохранилась она также в Туркменистане³.

Помимо описанной выше системы, возможны и *другие варианты мажоритарной системы с перебаллотировкой*. При этом могут варьироваться:

- правила определения победителя в первом туре;
- условия отбора кандидатов во второй тур;
- правила проведения второго тура.

Ярким примером второго направления являются системы выборов в Национальное собрание Франции, действующие с перерывами с 1875 года. В период Третьей республики (до 1940 года) большую часть времени действовало правило, по которому во втором туре могли участвовать те же кандидаты, что и в первом туре, и даже новые кандидаты. Расчет был на то, что кандидаты или партии, получив в ходе первого тура информацию о предпочтениях избирателей, сами сгруппируются и выберут наиболее перспективных кандидатов, а остальные добровольно снимут свои кандидатуры. Однако это происходило далеко не всегда.

¹ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 94–98; Виборча реформа для всіх і для кожного. Київ, 2011. С. 11–12; Яцунская Е. Эффекты изменения избирательных систем: сравнительный анализ местных выборов 2006 и 2010 годов в Украине // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 53–54.

² Альфер С. А. Избирательное право Республики Беларусь. Минск, 2008. С. 123–124.

³ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 194–197.

В период Пятой республики была принята другая система. Первоначально (в 1958 году) для выхода во второй тур кандидат должен был набрать 5% голосов, в 1966 году этот показатель был увеличен до 10%. С 1976 года для выхода во второй тур нужно набрать не менее 12,5% от числа избирателей, включенных в списки. Если только один кандидат удовлетворяет этому условию или ни один ему не удовлетворяет, во втором туре участвуют два кандидата, получившие в первом туре наибольшее число голосов¹. Для избрания во втором туре, как и раньше, достаточно относительного большинства.

Как и в период Третьей республики, перед вторым туром часто происходит группировка политических сил, в результате которой «лишние» кандидаты снимают свои кандидатуры. Наиболее ярким примером являются выборы 1978 года, на которых противостояние левого и правого блоков достигло апогея. Во втором туре только в двух округах осталось по три кандидата — случай беспрецедентный в истории французских выборов². При этом вокруг снятия неперспективных кандидатов часто идет ожесточенный торг, особенно тогда, когда более радикальный кандидат опережает в первом туре более умеренного, — в этих случаях не всегда легко определить, кто из них перспективнее. В целом такая система дает некоторые преимущества умеренным партиям перед крайними³.

В Венгрии ранее в рамках смешанной системы в одномандатных округах действовали правила, со-

¹ Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 208.

² Даниленко В. Н. Избирательные системы и политические партии Франции. М., 1979. С. 80–81.

³ Рубинский Ю. Новые правила игры? // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 8–9. С. 58–63.

гласно которым во второй тур выходили кандидаты, получившие более 15% голосов, но не менее трех кандидатов¹.

Правила определения победителя в первом туре могут учитывать не только долю полученных кандидатом голосов от числа проголосовавших избирателей, но и долю этих голосов от числа избирателей, включенных в списки, а также разрыв между кандидатами.

Известны случаи, когда требование получения абсолютного большинства дополняется требованием получения не менее 25% голосов от числа избирателей, включенных в списки. Именно таковы сейчас требования на французских выборах. Такие же требования были на выборах в Верховную Раду Украины 1994 года².

Закон РСФСР 1991 года «О выборах главы администрации» предусматривал избрание в первом туре кандидата, получившего наибольшее число голосов избирателей, но не менее 25% от числа граждан, внесенных в списки избирателей. Очевидно, что при явке более 50% такие правила получались более мягкими, чем у системы абсолютного большинства, а при меньшей явке — более жесткими. По этой системе в апреле 1993 года проходили выборы глав Красноярского края и семи областей. В трех областях выборы завершились в один тур, а в четырех регионах потребовался второй тур. В период 1994–2002 годов, когда субъекты РФ самостоятельно выбирали систему для губернаторских выборов, эту же модель использовали в Белгородской, Рязанской и некоторых других областях. В Иркутской, Ленинградской и Читинской

¹ Надаис А. Выбор избирательных систем // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 70–78.

² Виборча реформа для всіх і для кожного. Київ, 2011. С. 11.

областях была принята более мягкая система: для избрания кандидат должен был получить относительное большинство, но не менее 25% от числа избирателей, принявших участие в голосовании.

В нескольких странах Латинской Америки существует система, которая получила название системы «смешанного большинства». В Коста-Рике для избрания в первом туре кандидат должен получить не менее 40% действительных голосов. В Аргентине, Никарагуа и Эквадоре для избрания в первом туре нужно не только получить определенный процент голосов (который меньше 50%), но и достичь определенного отрыва от основного соперника. В Эквадоре кандидату в президенты для победы в первом туре необходимо получить 40% при условии, что отрыв от следующего кандидата составляет не менее 10%. В Аргентине действует то же правило с дополнением, согласно которому, если кандидат получил более 45% голосов, отрыв не имеет значения. В Никарагуа кандидату для избрания в первом туре нужно получить либо более 40% голосов, либо более 35% с отрывом не менее 5%¹. Разумность таких норм подтверждается данными, которые будут приведены в подразделе 5.3.1.

Особым случаем мажоритарной системы с перебаллотировкой можно считать *систему выборов президента США*. Хотя формально она предусматривает косвенные выборы, фактически с 1824 года выборы прямые, поскольку реально избиратели голосуют за кандидатов в президенты, а выборщики лишь транслируют их волю (имена выборщиков даже не указы-

¹ Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 22; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 2. Американский континент. М., 2010. С. 33–35.

ваются в бюллетенях или в «окнах» машин для голосования). Однако при этом выборы не равные: голоса избирателей из небольших штатов весят больше, чем голоса избирателей из крупных штатов. Каждый штат отбирает столько выборщиков, сколько у него конгрессменов, при этом число депутатов Палаты представителей зависит от численности населения, а число сенаторов у всех штатов одинаковое (2). В большинстве штатов действует правило, по которому кандидат, получивший в штате относительное большинство голосов, «забирает» всех выборщиков от штата. Только в штатах Мэн и Небраска действует иной порядок: два выборщика избираются от штата в целом, а остальные — от округов по выборам депутатов Палаты представителей. При такой системе возможна ситуация, когда кандидат, получивший меньше голосов избирателей, чем его соперник, приобретает большинство выборщиков и становится президентом. Такое происходило в 1824, 1876, 1888 и 2000 годах.

Согласно 12-й поправке к Конституции США, если ни один кандидат не получает абсолютного большинства голосов выборщиков, президента избирает Палата представителей из трех кандидатов, набравших наибольшее число голосов. При этом каждый штат имеет один голос, и кандидат для избрания должен получить голоса более половины штатов. К такой процедуре пришлось прибегать лишь в 1825 году¹.

Довольно распространено мнение, что мажоритарная система с перебаллотировкой более справедлива и демократична, чем мажоритарная система относительного большинства (плюральная система), рассмотренная в предыдущем разделе². В отно-

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 120, 121, 155, 158.

² Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999. С. 106; Дмитриев Ю.А., Исаев-

шении выборов должностных лиц это чаще всего так — здесь важно, чтобы избранное лицо получило поддержку как можно большего числа избирателей. Однако для выборов представительного органа, где важнее соотношение политических сил в этом органе в целом, система с перебаллотировкой может приводить к еще большим искажениям. Часто это связано с тем, что при перебаллотировке против одной из партий объединяются остальные, и представители этой партии почти повсеместно оказываются в меньшинстве. Так, в Германии в 1907 году социал-демократы получили в первом туре 28,9% голосов и лидировали в 18,4% одномандатных округов, то есть при плюральной системе они получили бы 18,4% мандатов. Однако двухтуровая система снизила их представительство в парламенте до 10,8%. Другой пример взят с выборов в Национальное собрание Франции 1936 года: в департаменте Дю Нор Национальный фронт получил в первом туре 191 908 голосов, а коммунисты — 104 804 голоса; при плюральной системе у первой партии было бы 10 мест, а у второй — 4, но в результате Национальный фронт получил только 4 мандата, а коммунисты — ⁶¹.

В 1958 году главной жертвой французской избирательной системы оказались коммунисты. Получив в первом туре 19,2% голосов, они по результатам двух туров довольствовались лишь 10 местами (2%), в то время как голлистское Объединение в поддержку республики, получив в первом туре 17,1% голосов,

лян В. Б., Комарова В. В., Макаров Б. А. Народные голосования в Российской Федерации. М., 2010. С. 430; Пылин В. В. Муниципальное право Российской Федерации. СПб., 2013. С. 226.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 61–62, 225.

завоевало в конечном итоге 194 места (44%)¹. На выборах 1993 года правоцентристская партийная коалиция собрала в целом по стране 39% голосов, но получила в Национальном собрании 80% депутатских мест².

Считается также, что система с перебаллотировкой выгоднее оппозиции, чем власти, поскольку оппозиция может перед вторым туром консолидироваться против власти. Российский опыт показывает, что чаще всего это верно (см. подраздел 5.3.1), однако есть и противоположные примеры. Так, на выборах в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в 1998 году главная оппозиционная сила, «Яблоко», в ходе первого тура лидировала в 16 округах и еще в 7 ее кандидат занял второе место и также вышел во второй тур, но в результате второго тура были избраны только 7 «яблочных» кандидатов³.

3.3. Мажоритарные и полупропорциональные системы в многомандатных округах

Общими чертами избирательных систем, рассматриваемых в данном разделе, являются наличие

¹ Даниленко В. Н. Избирательные системы и политические партии Франции. М., 1979. С. 15, 23–24.

² Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2012. С. 168; Конституционное право зарубежных стран. М., 2012. С. 169–170.

³ Горный М. Б. Выборы в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в 1998 г. (опыт избирательной кампании на примере 33-го округа) // Выборы в Российской Федерации. СПб., 2002. С. 210–219; Голосов Г. В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006. С. 238–239, 242.

многомандатных округов и голосование за индивидуальных кандидатов. Способы голосования различны — одобрительное, категорическое и кумулятивное. Система, использующая четвертый способ голосования (преференциальный), будет рассмотрена в следующем разделе.

Но прежде хотелось бы отметить две системы, имеющие лишь историческое значение. Первая из них — мажоритарная система в многомандатном округе с перебаллотировкой. Как отмечалось в разделах 2.1 и 2.2, данная система применялась в 19-м веке во Франции, Бельгии, Пруссии и Саксонии. В настоящее время нам неизвестны примеры ее использования. Одним из последних государств, ее применявшим, было княжество Монако¹.

Другой вариант — предоставление избирателю неограниченного числа голосов. Такая система применялась в СССР на некоторых выборах местных советов в 1987 году, где в порядке эксперимента было позволено участие большего числа кандидатов, чем избиралось депутатов. Но данный способ голосования не стимулирует избирателя делать выбор; неудивительно, что из 120 тыс. кандидатов лишь 599 не получили абсолютного большинства голосов². Кроме того, при такой системе проигрывают наиболее яркие и известные личности, которые имеют хотя бы небольшое число недоброжелателей, в то время как бесцветные кандидаты легко получают 100% голосов.

¹ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 54–55; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 24–25.

² Лысцов В. В. Российское избирательное право: от империи до федерации. Воронеж, 1998. С. 74–75.

3.3.1. Блоковая система

Блоковой обычно называют систему выборов в многомандатных округах, при которой избиратель имеет столько голосов, сколько в округе избираются депутатов. Название отражает ту особенность системы, что партии (формальные или неформальные) представляют своих кандидатов в виде единых блоков, и многие избиратели голосуют за всех кандидатов, входящих в определенный блок. Ниже приведен пример неформального блока на недавних муниципальных выборах в Новой Москве: 10 кандидатов на 10 мандатов, из них 7 выдвинуты «Единой Россией» и 3 самовыдвиженца; 9 из них были избраны.

В литературе начала 20-го века данная система обычно именовалась «выборами по спискам» (*scrutin de liste*), но сейчас от применения такого термина желательно воздерживаться, чтобы не возникало путаницы с партийно-списочной пропорциональной системой. Также иногда данную модель называют системой неограниченного вотума (как противопоставление системе ограниченного вотума, которая будет рассмотрена в следующем подразделе)¹, однако это не совсем точно, поскольку число голосов у избирателя все же ограничено числом мандатов.

Система эта, исторически одна из первых, была широко распространена в 19-м веке, но постепенно заменялась другими. Э. Лейкман и Дж. Д. Ламберт в начале 1950-х годов отметили ее использование на парламентских выборах в Турции (1950, 1954), Греции, на выборах парламента канадской провинции Нью-Брансуик, а также на некоторых местных выборах в Великобритании и США. Г. В. Голосов отмечал

¹ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

Иллюстрация 3.1. Агитация на выборах Совета депутатов Роговского поселения (Новая Москва) 14 сентября 2014 года по десятимандатному избирательному округу (фото автора)

применение блоковой системы в 1980–1990-х годах в нескольких странах Азии и Тихоокеанского региона

(Иордания, Кувейт, Маврикий, Таиланд, Фиджи и Филиппины), которые не могут считаться образцами демократии¹. Однако она достаточно широко использовалась и в США: в 1998 году зафиксировано ее применение на выборах законодательных собраний 13 штатов².

В России блоковая система использовалась в 1993 году на выборах в Совет Федерации в двухмандатных округах, в 1994–2002 годах — на выборах законодательных органов многих субъектов РФ: в 9 регионах (Республика Ингушетия, Краснодарский край, Амурская, Брянская, Камчатская, Кировская, Сахалинская, Свердловская и Томская области) законодательные органы один или два раза избирались полностью по многомандатным округам, еще в большем числе регионов многомандатные округа сочетались с одномандатными³. Еще более широкое распространение она получила на муниципальных выборах. Так, в период 1995–1998 годов в многомандатных округах замещались 31% мандатов. При этом округа с числом мандатов менее 6 составляли 41%, от 6 до 11 — 52%, от 11 до 16 — 6%⁴.

Избирательные округа на выборах законодательных органов субъектов РФ были в основном двух- и трехмандатные, реже четырехмандатные. В то же время в Республике Ингушетии выборы 1994 года проходили по единому 21-мандатному округу. В Крас-

¹ Голосов Г. В. Измерения российских избирательных систем // ПОЛИС. 2001. № 4. С. 71–84.

² Голосов Г. В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006. С. 223.

³ Голосов Г. В. Измерения российских избирательных систем // ПОЛИС. 2001. № 4. С. 71–84.

⁴ Формирование органов местного самоуправления в Российской Федерации. 1995–1998. Электоральная статистика. М., 1999. С. 30, 39.

нодарском крае на выборах 1994 года образовывались 7- и 8-мандатные округа¹. На выборах советников районных собраний Москвы, прошедших 14 декабря 1997 года, наибольшее число мандатов (18) было зафиксировано в едином многомандатном округе района Ясенево².

В 1997 году в федеральном законе появилось ограничение на размер многомандатного округа — не более пяти мандатов. Однако затем в законе были предусмотрены исключения: в 2002 году данное требование было отменено в отношении избирательного округа, образованного в пределах избирательного участка, в 2005 году — в отношении любых сельских поселений. Мотивировалось это снижением организационных и финансовых издержек (снималась необходимость образования нескольких избирательных участков и изготовления различных бюллетеней)³. В результате достаточно частыми стали случаи выборов в десятиMANDATНЫХ округах.

Как показывает анализ, *блоковая система приводит к еще большим искажениям*, чем плюральная, и часто ведет к тому, что все или почти все места получает одна партия, в том числе собравшая лишь относительное большинство голосов. Так, на муниципальных выборах в одном из районов Лондона в 1945 году лейбористы получили все 9 мест, набрав 56,5% голосов против

¹ Филиппов А. Выборы законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации (1990–1998) // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000. С. 111–112.

² Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 207, 360–362.

³ Князев С.Д. Правовой режим проведения выборов по многомандатным избирательным округам: состояние и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 71–80.

43,5% у консерваторов; четыре года спустя все 9 мест достались консерваторам в результате перехода к последним всего 11,5% голосов от лейбористов. В другом районе Лондона в 1949 году консерваторы получили все 6 мест, имея лишь 49,4% голосов¹.

В 2010 году на выборах Думы Маловишерского района Новгородской области по пяти трехмандатным округам «Единая Россия» получила все 15 мандатов, хотя в среднем за ее кандидатов голосовало всего 46% избирателей.

С другой стороны, блоковая система может способствовать успеху сплоченного радикального меньшинства. Так произошло в 1989 году в Иордании, где Мусульманское братство, набравшее менее 20% голосов, приобрело около 30% парламентских мест².

У политологов даже появился характеризующий блоковую систему термин — «эффект метлы»: мандаты как будто метлой сметаются в закрома одной партии. Правда, в России такой эффект наблюдался далеко не всегда. Он, например, хорошо проявился на выборах Законодательного Собрания Краснодарского края 1998 года (когда возглавляемое губернатором края Н. И. Кондратенко «Отечество» получило 78% мест при поддержке 37% избирателей), но не был заметен в 1990-х годах в большинстве других случаев (в том числе и на выборах того же Законодательного Собрания в 1994 году). Одно из наиболее удачных объяснений отсутствия данного эффекта в том, что значительная часть российских избирателей не использует все имеющиеся у них голоса (см. также подраздел 5.3.2), и в этом случае блоковая система ста-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 25–30.

² Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 198.

новится похожа на систему ограниченного вотума¹, которая рассматривается в следующем подразделе.

Однако тот факт, что часть избирателей не использует все предоставленные им голоса, означает фактическое неравенство: одни избиратели имеют больше голосов, чем другие. Хотя такое неравенство добровольное, оно может быть вызвано объективными причинами: партия-лидер обычно выдвигает столько кандидатов, сколько есть мандатов, а более слабые партии чаще выдвигают меньшее количество кандидатов. И это обстоятельство также работает в пользу сильных партий.

Использование многомандатных округов может быть удобно в условиях низкой конкуренции, когда число кандидатов менее чем вдвое превышает число замещаемых мандатов. Однако блоковая система в этом случае может приводить к тому, что кандидат, получивший более 50% голосов, остается без мандата. Подобные случаи в российской практике имели место; так, на выборах Совета депутатов городского поселения Таежный в Ханты-Мансийском АО в 2005 году не был избран кандидат, поддержанный 52,85% избирателей². И это обстоятельство также является аргументом в пользу ограничения числа голосов у избирателя.

3.3.2. Система ограниченного вотума

Системой ограниченного вотума обычно называют модель, при которой избиратель имеет меньше голосов, чем в данном округе избирается депутатов,

¹ Голосов Г. В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб., 2006. С. 223, 231–237.

² Гаврилов Г. А. Некоторые особенности выборов по многомандатным избирательным округам // ПОЛИС. 2006. № 4. С. 102–109.

но больше одного голоса. Очевидно, что округа при этом должны быть как минимум трехмандатными.

Система эта применялась и применяется достаточно редко. Одна из стран, где ограниченный вотум имеет давнюю историю, — Испания. В настоящее время он применяется на выборах в испанский сенат в большинстве провинций: в 47 округах избираются по четыре сенатора, а избиратели имеют по три голоса, острова Гран-Канария, Тенерифе и Майорка избирают по три сенатора, а у избирателей по два голоса¹.

В Российской Федерации нам неизвестны случаи применения системы ограниченного вотума до 2000 года. 23 марта 2000 года Конституционный Суд РФ принял постановление, согласно которому в случае образования избирательных округов с разным числом мандатов все избиратели должны иметь равное число голосов. После этого система ограниченного вотума стала применяться в тех случаях, когда на выборах представительного органа образуются округа с разным числом мандатов. Такая ситуация имела место, например, на выборах Совета депутатов Анадыря (административный центр Чукотского автономного округа) 14 сентября 2014 года, где были образованы три четырехмандатных и один трехмандатный округ: избиратели во всех округах имели по три голоса, то есть в четырехмандатных округах применялась система ограниченного вотума².

Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт отмечали, что на выборах в английский парламент в 1868–1880 годах в 12 трехмандатных и одном четырехмандатном округе система ограниченного вотума в большинстве случаев

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 51, 71.

² Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 54–55.

позволяла партии меньшинства (в одних случаях — либералам, в других — консерваторам) получать одно место. Однако система ненадежна и требует от партии правильно оценивать свою поддержку избирателями и не выставлять избыточное количество кандидатов¹.

Следует отметить, что эффекты системы ограниченного вотума в значительной степени зависят от соотношения числа голосов у избирателя и числа мандатов, распределяемых в округе. Если первое лишь незначительно меньше второго, то система ограниченного вотума будет мало отличаться от блоковой системы.

3.3.3. Система единственного непередаваемого голоса

Систему единственного непередаваемого голоса можно считать предельным случаем ограниченного вотума: избиратель в многомандатном округе имеет всего один голос, то есть в данном случае голосование категорическое. Избирательный округ должен быть как минимум двухмандатным.

Наиболее богатый опыт применения системы единственного непередаваемого голоса накоплен в Японии, где данная система применялась с 1900 года². С 1925 года на выборах Палаты представителей там действовала преимущественно система «средних» округов, в которых распределялось от трех до пяти мандатов. На первых выборах после поражения Японии во Второй мировой войне (1946 год) была установлена система более крупных округов (39 округов

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 83–88.

² Hoag C.G., Halett G.H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 45–50.

избирали от 4 до 10 депутатов, 14 округов — от 11 до 14 депутатов), однако после этих выборов было решено вернуться к системе «средних» округов¹.

После принятия Конституции 1947 года в Японии стала избираться и верхняя палата (Палата советников). Часть ее депутатов избиралась в префектуральных округах, посылавших в палату от 2 до 8 депутатов. Однако, поскольку Палата советников каждые три года обновлялась наполовину, префектуры, посылавшие двух депутатов (16 из 47), являлись одномандатными округами (то есть там действовала плюральная система), а наибольшие округа были четырехмандатными².

В то же время 100 депутатов Палаты советников (то есть одновременно 50 депутатов) до 1982 года избирались по системе единственного непередаваемого голоса в едином общенациональном округе. Результаты таких выборов оказывались труднопредсказуемыми. С 1982 года выборы по единому округу стали проводиться по пропорциональной системе³.

В период 1955–1993 годов в Японии доминировала Либерально-демократическая партия (ЛДП), разбитая на несколько самостоятельных фракций. Таким образом, система единственного непередаваемого голоса позволяла представителям разных фракций ЛДП конкурировать между собой и тем самым удер-

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 364–365.

² Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 232–238; Цветова И. А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2002. С. 12–14.

³ Батуренко В. В. Парламентские выборы 70-х годов в Японии // Избирательные системы и партии в буржуазном государстве. М., 1979. С. 57–58; Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организаций и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995. С. 205–206.

живала партию от распада. Остальные партии обычно на выборах Палаты представителей выдвигали в каждом округе по одному кандидату¹.

В целом применение системы единственного непередаваемого голоса в Японии гарантировало многопартийный состав Палаты представителей, присутствие в ней всех партий, имевших заметную поддержку определенных классов и слоев общества. При этом она не позволяла ЛДП завоевать две трети мест, необходимых для безраздельного господства в парламенте. Поэтому ЛДП долгое время стремилась заменить эту систему на плюральная либо на параллельную систему с доминированием плюральной составляющей. После раскола ЛДП и ее поражения на выборах 1993 года в результате межпартийного компромисса от системы единственного непередаваемого голоса отказались на выборах Палаты представителей; она сохранилась для избрания части депутатов Палаты советников².

Как отмечает Г. В. Голосов, система единственного непередаваемого голоса ставит перед крупной партией проблемы: если она выдвинет мало кандидатов, она может получить меньше мандатов, чем

¹ Батуренко В. В. Парламентские выборы 70-х годов в Японии // Избирательные системы и партии в буржуазном государстве. М., 1979. С. 57–58; Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995. С. 215; Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 197–198; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 96–97.

² Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995. С. 204; Цветова И. А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М., 2002. С. 12–14, 51–52.

могла бы; если она выдвинет много кандидатов, она может вообще не получить мандатов из-за распыления голосов. Кроме того, ей нужно позаботиться, чтобы ни один из кандидатов не «стягивал на себя» все голоса ее сторонников, лишая остальных кандидатов шансов на избрание¹.

Помимо Японии, система единственного непередаваемого голоса длительное время действовала в Южной Корее². Позже она сохранилась в Иордании и Вануату, а в рамках параллельной системы — на Тайване³.

В Российской Федерации первой попыткой введения системы единственного непередаваемого голоса был проект Закона РФ «О выборах в Верховный Совет Российской Федерации», подготовленный группой В. Л. Шейниса⁴. В этом проекте для выборов в Совет Федерации были предусмотрены двухмандатные округа с одним голосом у избирателя. Однако при подготовке в президентской администрации на основе данного проекта Положения «О выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1993 году» было принято решение предоставить избирателям по два голоса — чиновники не смогли воспринять идею ограничения числа голосов⁵.

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 197.

² Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 384.

³ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 197, 220–221; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 59–60.

⁴ Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 4–52.

⁵ Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М.: Магистр, 1997. С. 44–45; Шейнис В. Взлет и падение пар-

Как отмечалось в предыдущем подразделе, в 2000 году Конституционный Суд РФ обязал предоставлять всем избирателям одинаковое число голосов, в том числе и при образовании избирательных округов разной величины. С этого времени в Российской Федерации иногда стала использоваться система единственного непередаваемого голоса: в некоторых регионах и муниципальных образованиях параллельно существовали как одномандатные, так и многомандатные округа, и в многомандатных округах избиратели также имели один голос. На региональных выборах данная система использовалась в Мурманской (2 одномандатных, 7 двухмандатных и 3 трехмандатных округа) и Тверской областях в 2001 году¹, позднее в рамках параллельной системы в Калининградской области в 2006 году (11 одномандатных округов и три трехмандатных округа), в Смоленской области в 2007 году (22 одномандатных округа и один двухмандатный округ), а также в объединяющихся регионах, где многомандатные округа образовывались на территории ликвидирующихся автономий — в Камчатском (14 одномандатных округов, один четырехмандатный и один пятимандатный округ) и Красноярском (22 одномандатных и два двухмандатных округа) краях в 2007 году, в Забайкальском крае (20 одномандатных округов и один пятимандатный округ) и Иркутской области (21 одномандатный и один четырехмандатный округ) в 2008 году². В следующем избирательном

ламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. М., 2005. С. 586.

¹ Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. М., 2002. С. 28, 35.

² Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 54–55, 189, 197, 208, 299, 305, 424.

цикле такая система сохранилась лишь в Красноярском крае (на выборах 2011 года)¹.

Еще в начале 20-го века в качестве недостатка данной системы указывалось, что она приводит к избранию депутатов, получивших существенно разное количество голосов. Для исправления этого недостатка иногда применялся порог прохождения — минимум голосов (в абсолютных или относительных величинах), который кандидат должен получить для избрания². Однако наличие такого порога приводит к тому, что с первого раза не удается избрать весь депутатский корпус, а проведение повторного голосования или повторных выборов лишает данную систему ее главного достоинства — обеспечения представительства меньшинств.

В связи с этим интересен опыт применения системы единственного непередаваемого голоса на российских выборах 2006–2011 годов.

В Смоленской области на выборах 2007 года двухмандатный округ включал г. Рославль и два небольших района. Баллотировались 7 кандидатов. Победили оба кандидата «Единой России», получившие соответственно 25,85 и 25,6% голосов; третье место занял кандидат КПРФ с 11,6%. Параллельно по единому округу на этих же выборах за «Единую Россию» проголосовало 55,5% избирателей; таким образом, суммарный результат победителей близок к результату партии. Можно было бы предположить, что партия сумела удачно разделить поровну голоса между двумя ее кандидатами, однако анализ показывает, что так получилось, скорее всего, случайно: на

¹ Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 79–80, 270.

² Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 144–145.

большинстве избирательных участков соотношение голосов за обоих кандидатов было близким.

В Красноярском крае на выборах 2007 года в Таймырском двухмандатном округе баллотировались 10 кандидатов. Победили также оба кандидата «Единой России», получившие соответственно 30,1 и 16,5% (за список «Единой России» в этом округе проголосовало 49,2%). В Эвенкийском двухмандатном округе баллотировались 6 кандидатов; здесь также победили кандидаты «Единой России» с результатами 42,5 и 34,5% (за «Единую Россию» голосовали 66,2%). Аналогичные результаты получились в этих округах и в 2011 году (в Таймырском — 39,6 и 27,1%; в Эвенкийском — 35,0 и 21,4%).

В Калининградской области в 2006 году три трехмандатных округа были образованы в областном центре. Результаты оказались совершенно разными. В округе № 1 (11 кандидатов) все три мандата достались самовыдвиженцам — двум депутатам областной Думы и одному депутату городской Думы (15,0, 14,3 и 13,7%), два кандидата «Единой России» получили значительно меньше. В округе № 2 (10 кандидатов) выиграли представители трех разных партий: кандидат «Единой России» получил 24,8%, кандидат Народной партии РФ — 11,3%, кандидат «Патриотов России» — 9,3%. В округе № 3 (18 кандидатов) победили два представителя «Единой России» (7,9 и 7,2%) и кандидат Народной партии РФ (30,4%). В одномандатных округах победили только кандидаты «Единой России» и самовыдвиженцы.

В Иркутской области в 2008 году в четырехмандатном округе (Усть-Ордынский Бурятский округ) баллотировались 15 кандидатов. Избраны два кандидата «Единой России» (14,8 и 14,0%), кандидат Аграрной партии России (16,2%) и самовыдвиженец (18,1%).

В Забайкальском крае в 2008 году в Агинском пятиMANDATном округе, где баллотировались 18 кандидатов, победили четыре представителя «Единой России» (12,0, 9,4, 8,9 и 8,6%) и один самовыдвиженец (9,5%).

В Камчатском крае в 2007 году в пятиMANDATном округе № 14 (11 кандидатов) были избраны четыре кандидата «Единой России» (25,8, 17,6, 15,9 и 9,9%) и один самовыдвиженец (7,1%). В четырехMANDATном округе № 16 (17 кандидатов) победили два представителя «Единой России» (23,5 и 21,3%), один самовыдвиженец (22,2%) и один коммунист (3,8%).

Оригинальный вариант системы единственного непередаваемого голоса для выборов общенационального парламента предложили Д. М. Худолей и К. М. Худолей. Страна разбивается на избирательные округа, число которых в 1,5 раза меньше, чем число парламентских мандатов. В округах баллотируются партийные и независимые кандидаты, при этом партия может выдвинуть в округе не более одного кандидата. Каждый избиратель имеет один голос. Результаты выборов подводятся в едином округе: кандидаты ранжируются в соответствии с полученной ими долей голосов от списочного числа избирателей в округе и в результате избирается нужное число кандидатов, имеющих наибольшую долю¹.

При такой системе никакая партия не сможет получить более двух третей мандатов, однако «сфабрикованное большинство» здесь вполне возможно. Кроме того, не исключена ситуация, когда в каких-то округах не окажется избранного кандидата.

¹ Худолей Д. М. Избирательное право и процесс Российской Федерации. Пермь, 2009. С. 301–306; Худолей Д. М., Худолей К. М. Проект реформирования избирательной системы Российской Федерации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. № 1. С. 49–58.

3.3.4. Кумулятивное голосование

При кумулятивном голосовании у избирателя, как и в случае блоковой системы, есть столько голосов, сколько в округе избирается депутатов. Однако он не обязан отдавать каждому кандидату только один голос; он может все свои голоса отдать одному кандидату или распределить свои голоса так, что разным кандидатам достанется разное число голосов.

Наибольший опыт кумулятивного голосования накоплен в американском штате Иллинойс, где эта система применялась для выборов Генеральной ассамблеи штата более ста лет — с 1870 до 1980 года. Избирательные округа были трехмандатными, избиратель имел три голоса, которые он мог отдать одному кандидату или разделить между кандидатами. В результате обе ведущие партии имели своих депутатов в каждом из округов¹.

В России система кумулятивного голосования никогда не применялась на выборах органов публичной власти.

Как отмечал еще в начале 20-го века профессор В. М. Гессен, «при всей своей теоретической правильности, система кумулятивного вотума оказывается на практике совершенно неприменимой. Она предполагает такую строгость партийной дисциплины, такой дар предвидения и такую способность учета своих сил, каких ни у одной партии никогда не было и быть не может»².

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 92; Очерки по истории выборов и избирательного права. Калуга; М., 2002. С. 376–377; Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 24.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 287–291.

В то же время кумулятивное голосование получило некоторое распространение в рамках пропорциональной избирательной системы («кумулятивное панаширование», см. подраздел 3.6.4).

3.4. Преференциальные системы

В данном разделе объединены две избирательные системы, основанные на преференциальном голосовании, при котором избиратель ранжирует кандидатов в порядке своего предпочтения, давая им номера 1, 2, 3 и т.д. Общим для них является и принцип подведения итогов: сначала подсчитываются первые предпочтения, а затем, если кандидат, указанный первым, получил больше голосов, чем нужно для его избрания, или, наоборот, получил слишком мало голосов и не может быть избран, голоса, поданные за него, передаются следующему кандидату в порядке предпочтения избирателей.

Такой порядок голосования и подведения итогов возможен как в многомандатных, так и в одномандатных округах. В первом случае получается модель, которую обычно именуют системой единственного передаваемого голоса. Преференциальная система, используемая в одномандатных округах, имеет разные наименования; мы предпочитаем называть ее мажоритарно-преференциальной.

Также в данный раздел включена система «очков», которая совпадает с двумя указанными системами по способу голосования, но отличается по методу определения результатов выборов.

3.4.1. Система единственного передаваемого голоса

Систему единственного передаваемого голоса (Single Transferable Vote) иначе называют еще системой Хэйра — Кларка. Хотя английский адвокат Т. Хэйр не был первым, кто предложил такую избирательную систему (см. раздел 2.2), его активная деятельность способствовала тому, что идея данной системы стала популярна в англоязычных странах (включая и страны, входившие в Британскую империю, где английский язык стал одним из основных), и именно в этих странах она в основном нашла свое применение. Позднее система Хэйра была усовершенствована прокурором Тасмании А. И. Кларком и потому заслуженно носит их имена. Вот что писали об этой системе Э. Лейкман и Дж. Д. Ламберт: «Те, кто вначале защищал систему единственного передаваемого голоса, не так были озабочены интересами партий, как стремлением обеспечить большую свободу действий отдельному избирателю. Система эта предназначена для того, чтобы насколько возможно сделать эффективным каждый голос независимо от того, используется он для поддержки партии или нет... Когда избиратели руководствуются в значительной степени партийными соображениями, это приводит к тому, что партия добивается пропорционального представительства, но это зависит только от выбора избирателей. Цель системы единственного передаваемого голоса — дать возможность каждому гражданину принимать участие в избрании своего собственного представителя настолько свободно и полно, насколько это возможно, исходя из убеждения, что в этом и заключается сущность подлинной демократии»¹.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 113–114.

Как отмечалось выше, действия избирателя состоят в том, чтобы отметить в бюллетене кандидатов в порядке своего предпочтения. Кандидат, которого избиратель хотел бы видеть избранным в первую очередь, помечается числом 1; кандидат, которого он хотел бы избрать в следующую очередь, — числом 2, и т.д. Числа, которыми помечаются кандидаты, составляют непрерывный ряд и не должны повторяться, то есть у каждого кандидата должен быть свой уникальный номер. Здесь возможны два ограничения, которые иногда применяются на практике. Первое — ограничивается число отмечаемых таким образом кандидатов, например, избирателю дается право отметить только двух кандидатов, только трех, только четырех и т.п. Второе ограничение противоположное — избиратель обязывается отметить числами абсолютно всех кандидатов. Вслед за Э. Лейкман и Дж.Д. Ламбертом мы считаем такие ограничения излишними. В частности, нет смысла заставлять избирателя каким-то образом ранжировать тех кандидатов, которых он равным образом не желает видеть избранными¹.

Таким образом, с точки зрения действий избирателя система единственного передаваемого голоса достаточна проста и понятна. Сложным, однако, является механизм подсчета голосов и определения победителей — в этом отношении данная система, пожалуй, сложнее всех других из числа нашедших применение. В первую очередь следует учесть, что обработка бюллетеней (кроме, возможно, самой первой стадии) должна проводиться не на избирательных участках, а централизованно во всем избирательном округе. Из этого следует, что избирательные округа

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 153–154.

не могут быть слишком большими (если, конечно, не использовать технические средства обработки бюллетеней).

Порядок подведения итогов следующий. В первую очередь определяется число голосов, достаточное для избрания кандидата. Затем подсчитываются первые предпочтения избирателей (то есть в скольких бюллетенях каждый кандидат отмечен числом 1). Если кто-то из кандидатов получил больше голосов, чем необходимо для избрания, он объявляется избранным, а «излишек» поданных за него голосов передается тем кандидатам, которые отмечены в поданных за него бюллетенях следующим номером. Если таких кандидатов не оказывается, то кандидат, получивший наименьшее число голосов, объявляется выбывшим, и все голоса, поданные за него, также передаются кандидатам, отмеченным как следующее предпочтение. Эти процедуры повторяются до тех пор, пока все мандаты в округе не будут замещены.

Здесь возникают два принципиальных вопроса. Первый — как определить число голосов, достаточное для избрания кандидата? Т. Хэйр полагал, что таковым числом следует считать «естественную квоту» — отношение числа поданных голосов к числу распределяемых мандатов. Это отношение впоследствии получило название «квота Хэйра», оно теперь используется при распределении мандатов по методу наибольших остатков в пропорционально-списочной системе (см. подраздел 4.1.1), хотя сам Т. Хэйр никакого отношения к этой системе и данному методу не имел. Но для определения результатов выборов по системе единственного передаваемого голоса квота Хэйра в настоящее время не применяется.

Впоследствии были предложены квота Гогенбах-Бишофа и квота Друпа. Логика в этих предложениях

следующая. В одномандатном округе для избрания необходимо получить $\frac{1}{2}$ голосов плюс один голос — такое количество голосов может получить только один кандидат. Точно так же, если округ двухмандатный, то достаточно будет двум кандидатам получить $\frac{1}{3}$ голосов плюс один голос — сразу три кандидата столько получить не смогут. Таким образом, в общем случае для n голосов и m мандатов получается формула: $1+n/(m+1)$. Это и есть квота Друпа¹. Квота Гогенбах-Бишофа проще: $n/(m+1)$.

Сразу следует отметить, что приведенные выше рассуждения не совсем точны: они не учитывают возможности дробных результатов. Так, если в одномандатном округе проголосует нечетное число избирателей, то для избрания должно быть достаточно не $\frac{1}{2}$ голосов плюс один голос, а $\frac{1}{2}$ голосов плюс полголоса, или, что то же самое, $\frac{1}{2}$ голосов, округленной до большего целого. При $m>2$ еще выше вероятность, что квоты Гогенбах-Бишофса и Друпа окажутся дробными. И если исходить из того, что число голосов, необходимое для избрания, должно быть целым, то оно должно определяться как квота Гогенбах-Бишофса плюс один в случае, если эта квота получилась целым числом, или квота Гогенбах-Бишофса, округленная до большего целого, если она оказалась дробной. Либо, что то же самое, — как квота Друпа, если эта квота получилась целым числом, или квота Друпа, округленная до меньшего целого, если она оказалась дробной.

Однако еще проще определить число голосов, необходимое для избрания, как любое число, большее,

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 64–66; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 21; Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 121–122.

чем квота Гогенбах-Бишофса. Это целесообразно еще и с той точки зрения, что, как мы увидим дальше, полученное кандидатом число голосов тоже может оказаться дробным.

Второй принципиальный вопрос — как отделить «излишек» голосов от голосов, достаточных для избрания. Первоначальная идея состояла в том, что бюллетени в урне хорошо перемешиваются и вынимаются из урны по одному, при этом сразу же ведется подсчет по первым предпочтениям. Если число бюллетеней, зачтенных какому-либо кандидату, достигает необходимой квоты, в дальнейшем бюллетени, где он указан первым номером, засчитываются следующему по предпочтению кандидату, и т.д. Такой порядок подвергался справедливой критике: отмечалось, что результат выборов может зависеть от очередности вынимания бюллетеней, то есть от случайного фактора¹.

Для исключения фактора случайности были разработаны правила, согласно которым от избранного кандидата передается не избыточная часть бюллетеней, а все бюллетени, но с дробным коэффициентом, равным доле «излишка» от числа всех голосов, зачтенных кандидату. Это увеличивает длительность процесса подсчета голосов, но делает его более справедливым². Стоит также отметить, что в последние десятилетия с появлением компьютеров техни-

¹ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 47; Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 146–148; Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 69; Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 294–295.

² Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 146–151, 339–343.

ческие проблемы определения результатов выборов по системе единственного передаваемого голоса стали решаться значительно проще¹.

Важным также остается вопрос о размере избирательного округа. Как отмечали Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт, если не происходит потери голосов из-за того, что некоторые избиратели отметили меньшее число кандидатов, чем это понадобилось при подсчете, то доля потерянных (неэффективных) голосов оценивается как $1/(m+1)$. Таким образом, чем больше мандатов распределяется в округе, тем меньше теряется голосов. С другой стороны, увеличение округа обычно приводит к увеличению числа кандидатов, то есть усложняет выбор избирателя; увеличиваются и технические проблемы. Из этого можно сделать вывод, что оптимальными для системы единственного передаваемого голоса являются округа, в которых избирается от 5 до 10 депутатов².

Если не считать косвенных выборов в Дании, Индии и Бирме, то основной опыт применения системы единственного передаваемого голоса получен в Австралии, Ирландии, Северной Ирландии и на Мальте. Короткое время (два-три десятилетия) эта система применялась также на парламентских выборах в нескольких округах Великобритании и на муниципальных выборах в нескольких городах США и

¹ С подробными правилами определения результатов выборов и примерами можно ознакомиться в книгах: Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 119–129, 146–149, 309–343; Иванченко А.В., Кынев А.В., Любашев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 330–333.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 133–137.

Канады (в том числе таких крупных, как Нью-Йорк, Кливленд, Цинциннати и Виннипег). Следует также отметить, что в англоязычных странах система единственного передаваемого голоса часто применяется в общественных, религиозных, кооперативных организациях и ассоциациях для избрания их руководящих органов¹.

В Ирландии несколько раз (в частности, в 1959 и 1968 годах) предпринимались попытки путем референдума отменить систему единственного передаваемого голоса, но ирландские избиратели неизменно высказывались в ее поддержку².

В 1989 году эта система была использована на выборах в местные советы в Эстонии, однако процедура подведения итогов голосования не только не была в достаточной степени проработана, но и осталась скрытой от граждан, что вызвало их серьезное недовольство и подозрения в возможности манипуляций — особенно среди русскоязычного населения, чьи интересы она была призвана защитить³.

В Ирландии на выборах Палаты представителей первоначально действовали избирательные округа размером до 9 мандатов. В 1934 году максимальное число мандатов в округе было снижено до пяти. Минимальное число мандатов в соответствии с ирландской Конституцией — три⁴. На выборах в Европарламент Ирландия избирает 12 депутатов в четырех

¹ Там же. С. 296–298.

² Там же. С. 271–287; Lijphart A. *Electoral Systems and Party Systems*. Oxford, 1994. P. 151; Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 152.

³ Шелютто Н. В. Организация и порядок голосования // Избирательная реформа: опыт, проблемы, перспективы / Под ред. В. И. Васильева. М.: Манускрипт, 1993. С. 99–116.

⁴ Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958.

трехмандатных округах (ранее избирались 13 депутатов)¹. Трехмандатный округ на выборах в Европарламент представляет и территория Северной Ирландии². На выборах в Ассамблею Северной Ирландии были образованы 18 шестимандатных округов³.

В Австралии на выборах в Сенат избирательные округа соответствуют штатам. Каждый штат посыпает в Сенат по 12 депутатов, но поскольку Сенат обновляется на каждых очередных выборах наполовину, одновременно от каждого штата избирается 6 сенаторов и только на досрочных выборах в случае роспуска Сената должно избираться по 12 сенаторов⁴.

На муниципальных выборах размер округов часто бывает больше. Так, Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт приводили пример ирландского города Корк, где выборы в городской совет проводились по единому 21-мандатному округу⁵.

Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт, а также другие исследователи отметили ряд достоинств системы единственного передаваемого голоса. Во-первых, она позволяет сделать эффективным практически каждый

С. 279; Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 174.

¹ Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 157; Лафитский В.И. Выборы в Европейский парламент. М., 2005. С. 127.

² Алексеев Н.А. Реформа избирательной системы в Великобритании (на примере выборов в Европейский парламент) // Вестник ЦИК РФ. 1999. № 7. С. 42–46.

³ Коданева С. И. Британский регионализм (конституционная реформа). М., 2004. С. 79; Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 33.

⁴ Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 11–12.

⁵ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 135.

голос избирателя: доля «пропадающих» голосов обычно невелика.

Во-вторых, избиратели могут смело голосовать за того кандидата, которого они в первую очередь хотят видеть избранным, даже если этот кандидат не слишком популярен, не опасаясь, что в случае его поражения их голоса «пропадут». Кроме того, в отличие от других систем, используемых в многомандатных округах, последующее предпочтение не может повредить предыдущему ни при каких условиях, поскольку учитывается лишь тогда, когда предыдущий кандидат либо уже признан победителем, либо заведомо проиграл. Таким образом, ни один голос не может помочь избранию какого-либо кандидата, если избиратель в прямой форме не укажет, что такова его воля. Благодаря этому не происходит «раскола» голосов — близкие платформы не мешают друг другу. Тем самым система способствует сближению платформ, отличающихся по маловажным для избирателя признакам.

В-третьих, данная система позволяет достичь пропорционального представительства сразу по нескольким признакам, даже если эти признаки не связаны с политической платформой кандидата, но важны для избирателя (например, по полу, социальному положению, национальности и т.д.). Это обстоятельство делает систему единственного передаваемого голоса особенно привлекательной для местных выборов, где партийные платформы кандидатов менее важны для избирателей, чем на федеральных и региональных выборах, а также на территориях со сложным национальным и конфессиональным составом.

В-четвертых, в отличие от многих других систем, которые выдвигают на первые места наименее спорных (то есть наиболее бесцветных) кандидатов, система единственного передаваемого голоса обе-

спечивает победу наиболее ярких лиц (в том числе и независимых кандидатов), получивших большинство в своей группе плюралистического спектра¹.

Для наглядности приведем теоретический пример того, как может работать система единственного передаваемого голоса в сравнении с другими системами голосования за кандидатов в многомандатных округах. Пусть выборы проходят в шестимандатном округе и в них участвуют шесть партий — А (крайне левая), Б (умеренно левая), В (левоцентристская), Г (правоцентристская), Д (умеренно правая) и Е (крайне правая). Их поддержка, по соцопросам, примерно следующая: А — 12%, Б — 30%, В — 15%, Г — 18%, Д — 20%, Е — 5%. Избиратели голосуют, ориентируясь преимущественно на партийную принадлежность кандидатов.

При блоковой системе ситуация будет следующей. Если все партии выдвинут по шесть кандидатов, скорее всего, все шесть мандатов достанутся партии Б. Если партии В и Г сумеют сформировать блок и выдвинуть по три кандидата, призвав своих избирателей голосовать за кандидатов блока, а остальные партии пойдут в одиночку, все шесть мандатов достанутся данному блоку (за них проголосуют 33%). То же самое будет в случае создания блока между партиями Г и Д (38%). Но если блок образуют еще А и Б, то теперь у этого блока будут хорошие шансы захватить все мандаты (42%). Впрочем, сильнее блока между А и Б окажется блок В, Г и Д (53%).

При системе единственного непередаваемого голоса партиям А, В, Г и Е нет смысла выдвигать более одного кандидата. Партия Д может попробовать вы-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 131–146, 277–287; Базилева И., Эмерсон П. Через разногласия — к согласию // Век XX и мир. 1989. № 11. С. 28–32.

двинуть двух, а партия Б — трех. Но если голоса избирателей партии Д разделятся примерно поровну между выдвинутыми кандидатами (например, 10,5 и 9,5%), а голоса избирателей партии Б распределяются чуть менее равномерно (например, 13, 9 и 8%), то пройдут кандидаты от партий Г (18%), В (15%) и А (12%) плюс один кандидат партии Б (13%) и два кандидата партии Д (10,5 и 9,5%). Иными словами, партия Д может получить больше мандатов, чем партия Б, несмотря на меньшую поддержку.

В случае кумулятивного вотума партии А, В, Г и Е также, скорее всего, выдвинут по одному кандидату, и их избиратели все шесть своих голосов отдадут этим кандидатам. Партия Д может выдвинуть двух кандидатов и предложить своим избирателям отдать каждому по три голоса. Аналогично партия Б выдвинет трех кандидатов и предложит отдать им по два голоса. В этом случае также будут избраны кандидаты от партий Г (18%), В (15%) и А (12%), а кандидаты от партий Б и Д получат примерно по 10%, и здесь в зависимости от незначительного числа голосов возможны разные варианты: либо партия Б получит три оставшихся мандата, либо Б получит два, а Д — один, либо Б получит один, а Д — два.

В случае системы единственного передаваемого голоса партии могут выдвинуть большее число кандидатов. Партиям А и Е все равно нет смысла выдвигать больше одного, а вот партии В и Г, как и партия Д, вероятно, выдвинут двух, партия Б — трех.

Избиратели партии А свои первые предпочтения отдадут кандидату своей партии, а вторые и последующие — кандидатам партии Б. Избиратели партии Б первые три предпочтения отдадут кандидатам своей партии, а дальше — либо А, либо В. Избиратели партии В первые два предпочтения отдадут кандидатам своей партии, а дальше, скорее всего, кандидатам

партии Г. Аналогично поведут себя избиратели партии Г (иными словами, партии В и Г близки друг другу, и их избиратели хотят избегать крайностей), но следующие их предпочтения — кандидатам партии Д. Избиратели партии Д первые два предпочтения отдадут кандидатам своей партии, а дальше — либо Г, либо Е. Избиратели партии Е свои первые предпочтения отдадут кандидату своей партии, а вторые и последующие — кандидатам партии Д.

Предположим теперь для простоты, что у партий, выдвинувших двух кандидатов, первые предпочтения разделились в пропорции 2:1, а у партии Б — в пропорции 3:2:1. Таким образом, по первым предпочтениям получится следующая картина: А — 12%, Б1—15%, Б2—10%, Б3—5%, В1—10%, В2—5%, Г1—12%, Г2—6%, Д1—13,3%, Д2—6,7%, Е — 5%.

Квота Гогенбах-Бишофа — $100\% / 7 = 14,3\%$. Избранным признается кандидат Б1, излишек его голосов (0,7%) делится между кандидатами Б2 и Б3 в соответствии со вторыми предпочтениями. Пусть эти кандидаты получат соответственно 0,4 и 0,3%, тогда у кандидата Б2 будет 10,4%, а у кандидата Б3—5,3% (см. таблицу 3.1).

Таблица 3.1. Пример определения результатов выборов по системе единственного передаваемого голоса в шестимандатном избирательном округе

Шаг	А	Б1	Б2	Б3	В1	В2	Г1	Г2	Д1	Д2	Е
1	12	15	10	5	10	5	12	6	13,3	6,7	5
2	12		10,4	5,3	10	5	12	6	13,3	6,7	5
3	12		10,4	5,3	15		12	6	13,3	6,7	5
4	12		10,4	5,3			12,3	6,4	13,3	6,7	5
5	12		10,4	5,3			12,3	6,4	15,3	9,7	

6	12		10,4	5,3		12,3	6,4		10,7	
7	12		15,7			12,3	6,4		10,7	
8	13,4					12,3	6,4		10,7	
9						18,7				
10									15,1	

Примечания.

Результаты кандидатов даны в процентах от числа действительных бюллетеней.

Жирным шрифтом выделены результаты, превышающие квоту и таким образом приводящие к получению мандата.

Поскольку на данном этапе ни один кандидат не преодолел квоту, из распределения мандатов исключается кандидат, занимающий последнее место. В нашем примере 5% получили кандидаты В2 и Е, будем считать, что кандидат В2 получил меньше. Его голоса передаются кандидату В1, теперь у него оказывается 15% и он получает второй мандат. Поскольку кандидата В2 уже нет, излишek голосов кандидата В1 (0,7%) переходит кандидатам Г1 и Г2 (пусть соответственно 0,3 и 0,4%). Однако этих голосов для их избрания недостаточно, и вновь приходится исключать из распределения кандидата-аутсайдера. Теперь это Е. Его голоса переходят кандидатам Д1 и Д2 (пусть соответственно 2 и 3%), и теперь у кандидата Д1 уже 15,3% и он получает третий мандат. Излишek (1%) переходит кандидату Д2, у которого теперь $6,7+3+1=10,7\%$.

Далее из распределения мандатов исключается кандидат Б3, его голоса достаются кандидату Б2, и тот получает четвертый мандат.

Излишek голосов от кандидата Б2 (1,4%) весь достается кандидату А (поскольку оба кандидата партии В уже не участвуют в распределении). Однако для по-

лучения мандата 13,4% недостаточно. Теперь из распределения исключается кандидат Г2, его голоса достаются кандидату Г1, и он получает пятый мандат. Излишек его голосов (4,4%) передается кандидату Д2, и этот кандидат получает последний, шестой мандат.

Таким образом, партии Б и Д получают по два мандата, а партии В и Г — по одному. Партии А (как и партии Е) мандат не достается — система единственного передаваемого голоса, как видим, больше благоприятствует центристам, чем представителям крайних взглядов. При этом голоса избирателей партии Е не пропали, а были использованы для поддержки кандидатов партии Д.

Важно также то, что выдвижение «лишних» кандидатов партиями Б, В и Г не помешало этим партиям получить «свое» количество мандатов, поскольку избиратели, голосовавшие за этих «лишних» кандидатов, следующие предпочтения отдавали кандидатам той же партии. При этом какие именно кандидаты от этих партий были избраны, решили избиратели, а не партийное руководство.

Напомним, что поведение партий в описанном примере основывалось на данных соцопросов, и итоги голосования совпали с этими данными. Однако неточность соцопросов или изменение предпочтений избирателей в ходе кампании при блоковой или полупропорциональных системах могли иметь драматические последствия. Так, при блоковой системе поддержка блока партий А и Б оценивалась в 42% голосов, а блока Г и Д — в 38%. Таким образом, переход 2,5% избирателей от левых к центристам привел бы к тому, что все шесть мандатов получили бы центристы, а не левые.

При системе единственного непередаваемого голоса и кумулятивном вотуме, как отмечалось выше, два мандата от партии Б к партии Д и наоборот мог-

ли перейти при совсем небольшом изменении в поведении избирателей.

Система единственного передаваемого голоса с этой точки зрения более устойчива.

3.4.2. Мажоритарно-преференциальная система

Описываемую в настоящем подразделе избирательную систему часто называют системой альтернативного голосования. Однако это название мы считаем неудачным, поскольку оно слабо отражает суть системы. В англоязычной литературе распространено также название *Instant runoff voting (IRV)*, что можно перевести как «одновременная перебаллотировка». Мы предпочитаем называть эту систему мажоритарно-преференциальной¹.

Главное отличие данной системы от системы единственного передаваемого голоса в том, что выборы проводятся в одномандатных округах. Таким образом, мажоритарно-преференциальная система не может обеспечить пропорциональное представительство.

Голосование осуществляется точно так же, как и при системе единственного передаваемого голоса — путем ранжирования кандидатов. Сходным является и метод подсчета, но разница в том, что голоса передаются только от аутсайдеров, начиная с последнего. По сути, эта система симулирует серию перебаллотировок, при которых последовательно выбывают кандидаты, занимающие последние места.

¹ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136; Хилл С. Новый метод голосования для повышения демократии «прививается» // Управление собственностью: теория и практика. 2011. № 2. С. 33–37.

Мажоритарно-преференциальная система используется в Австралии на выборах депутатов Палаты представителей и большинства нижних палат парламентов штатов¹, а также на выборах парламентов государств Папуа — Новая Гвинея и Фиджи, президентов Ирландии и Шри-Ланки, членов Президиума (коллегиального главы государства) Боснии и Герцеговины². Она также с недавнего времени стала применяться на выборах мэра Лондона и других английских городов, а также ряда городов США и Новой Зеландии. В Великобритании еще в конце 20-го века началась кампания по внедрению данной системы на выборы в Палату общин, в 2011 году вопрос был вынесен на референдум, но не получил большинства голосов³.

Мажоритарно-преференциальную систему часто представляют как вариант мажоритарной системы абсолютного большинства. Однако между этими системами есть принципиальная разница, которая заключается не только в том, что при мажоритарно-преференциальной системе выборы всегда удается провести в один тур. Важнее то, что при мажоритарной системе абсолютного большинства победить

¹ Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 11.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 93; Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 154; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 45, 60–63.

³ Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 34–40; Хилл С. Новый метод голосования для повышения демократии «прививается» // Управление собственностью: теория и практика. 2011. № 2. С. 33–37; Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 154–163.

может только кандидат, занявший в первом туре первое или второе место, а при мажоритарно-преференциальной системе шансы на победу есть у большего числа кандидатов. В этом отношении данная система ближе к системе выборов во французский парламент (см. раздел 3.2). Однако при французской системе большую роль играют межпартийные соглашения (или говоры) перед вторым туром, а при мажоритарно-преференциальной системе любые межпартийные договоренности (возможные только до единственного тура голосования) в любом случае должны получить поддержку избирателей.

Воспользуемся вновь примером, приведенным в предыдущем подразделе. Пусть предпочтения избирателей те же (А – 12%, Б – 30%, В – 15%, Г – 18%, Д – 20%, Е – 5%), но округ одномандатный.

Если выборы проводятся по системе относительного большинства и все шесть партий выдвигают кандидата, то победит представитель партии Б. То же самое произойдет, если левые, центристы и правые объединятся попарно в блоки. И только у кандидата объединенного блока правых и центристов (если такой блок удастся создать и выбрать единого кандидата) есть шанс одержать победу над левым кандидатом.

Если выборы проводятся по системе абсолютного большинства с выходом во второй тур двух кандидатов, то во втором туре конкурировать будут кандидаты партий Б и Д. Очевидно, избиратели партии А поддержат кандидата партии Б, а избиратели партии Е – кандидата партии Д. И результат будет зависеть от позиции центристского избирателя. Если все избиратели партии В поддержат кандидата партии Б, а все избиратели партии Г – кандидата партии Д, то кандидат партии Б победит, получив 57% голосов. В реальности все решат те 15% избирателей, которые голосовали за партию В, и если они разделятся при-

мерно поровну, разрыв между кандидатами во втором туре будет минимальным.

Если второй тур проводится по французской системе, то ситуация иная. В данном случае неважно, будет использована модель Третьей или Пятой республики (см. раздел 3.2), то есть будут ли допущены во второй тур кандидаты А и Е: даже если они будут допущены, то очевидно, что им следует снять свои кандидатуры. А дальше — богатые возможности для переговоров между правыми и центристами. У кандидата Д есть шансы на победу, только если его поддержит большая часть избирателей партии В. Гораздо больше шансов у кандидата партии Г, но не исключено, что выбор падет на кандидата партии В, однако при этом надо, чтобы правый электорат проголосовал за него, а не остался дома.

В случае мажоритарно-преференциальной системы мы получим следующую картину (см. таблицу 3.2). Сначала выбывает кандидат Е и его голоса передаются кандидату Д. Затем так же голоса кандидата А передаются кандидату Б. Следующим выбывает кандидат В. Его голоса, в соответствии с нашими предположениями, передаются кандидату Г.

Таблица 3.2. Пример определения результатов выборов по мажоритарно-преференциальной системе

Шаг	А	Б	В	Г	Д	Е
1	12	30	15	18	20	5
2	12	30	15	18	25	
3		42	15	18	25	
4		42		33	25	
5				58		

Примечание: числа даны в процентах от числа действительных бюллетеней.

Таким образом, на данном этапе кандидат Б имеет 42%, кандидат В — 33% и кандидат Д — 25%. Поэтому выбывает кандидат Д и его голоса передаются кандидату Г, который и становится победителем.

Таким образом, при мажоритарно-преференциальной системе вполне может победить кандидат, получивший по первым предпочтениям третье место, если он — центрист. При этом межпартийные договоренности также возможны, но окончательное слово остается за избирателями, в то время как при двухтуревой системе решающую роль могут играть именно договоренности самих партий о снятии кандидатов.

3.4.3. Система очков

Система очков была предложена в 1770 году французским математиком Ж.-Ш. де Борда. Суть ее в том, что избиратель, как и в случае двух описанных выше систем, ранжирует кандидатов, но затем каждому кандидату в каждом избирательном бюллетене в соответствии с определенным избирателем номером присваивается определенное число очков. Например, в случае участия в выборах n кандидатов за первое место начисляется $n-1$ очков, за второе — $n-2$ очков и так далее, кандидат на последнем месте получает 0 очков. Затем очки, полученные по всем бюллетеням, суммируются.

Хотя данная система проще в определении результатов выборов, чем преференциальные системы, описанные выше, она обладает рядом существенных недостатков. Так, отмечается, что она может нарушать критерий большинства, то есть возможен проигрыш кандидата, которого большинство проголосовавших поставит на первое место. Приводились и другие примеры, свидетельствующие о возможности

получения несправедливых результатов при использовании данной системы. Также ее существенным недостатком является то, что вторая (или последующая) преференция неизбежно направлена против первой преференции этого избирателя. Кроме того, при этой системе результат может зависеть от относительного значения, приписываемого каждой преференции. Иными словами, в системе заложен элемент произвольности¹.

Известно одно государство, где на национальных выборах используется система очков. Это небольшое островное государство Науру. Здесь в семи двухмандатных округах и одном четырехмандатном округе применяется модификация данной системы, при которой за первую преференцию присваивается 1 очко, за вторую — 0,5, за третью — 0,33, за четвертую — 0,25 и так далее².

Метод очков также применяется при системе открытых списков в тех редких случаях, когда предусмотрен преференциальный способ голосования за кандидатов (см. подраздел 3.6.3).

3.5. Системы с голосованием за партийные списки

Системы с голосованием за партийные списки можно разделить на две группы в зависимости от принципа определения результатов выборов. В одну

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 93–94, 351–357; Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 33–39.

² Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 60.

группу мы отнесем системы, основанные на принципе пропорционального представительства, в другую — системы, в которых действует либо мажоритарный принцип «победитель получает все», либо «полупропорциональный» принцип — обеспечение представительства меньшинств без строгой пропорциональности.

3.5.1. Непропорциональные системы с голосованием за партийные списки

В подразделе 3.3.1 мы рассматривали блоковую систему, при которой в многомандатном округе избиратель голосует за конкретных кандидатов и при этом имеет столько голосов, сколько в округе разыгрывается мандатов.

К блоковой системе близка *партийно-блоковая модель* (применявшаяся в Сингапуре и Эквадоре). Хотя по форме она ближе к пропорционально-списочной системе, поскольку избиратель голосует не за кандидатов, а целиком за партийный список, но мандаты не распределяются пропорционально, а все достаются партии, получившей относительное большинство¹. Иными словами, здесь в полной мере действует мажоритарный принцип «победитель получает все». По сути, это блоковая система, при которой избиратель отдает все свои голоса кандидатам одной партии, и ее можно считать самой недемократичной из всех существующих.

Существуют, однако, и промежуточные системы, которые невозможно причислить ни к мажоритарным, ни к пропорциональным. Таковой является система «сенаторских бонусов», которая действует на

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 199.

выборах в верхнюю палату парламентов Аргентины, Мексики и Боливии. В Аргентине и Мексике округа на выборах в Сенат трехмандатные, два мандата получает партия, занявшая первое место, и один мандат — партия, занявшая второе место. В Боливии на выборах в Сенат округа четырехмандатные, партия-лидер получает три мандата, а партия, занявшая второе место, — один мандат (как в Аргентине и Мексике — безотносительно к доле полученных этими партиями голосов избирателей)¹.

Ближе к пропорциональной избирательной системе *биноминальная система*, созданная в Чили администрацией уходившего с политической сцены А. Пиночета. Здесь округа двухмандатные. Партия-лидер получает оба мандата, если доля голосов за нее превышает %. В остальных случаях партия-лидер и партия, занявшая второе место, получают по одному мандату².

В данном случае в отношении партии-лидера действует пропорциональный принцип (насколько он возможен в двухмандатном округе), поскольку она получает мандаты в зависимости от доли проголосовавших за нее избирателей. А в отношении партии, занявшей второе место, действует плюральный принцип — она получает мандат независимо от того, сколько у нее голосов. Отметим, что при пропорциональной системе в случае участия в выборах двух партий (или блоков) мандаты распределялись бы так же. Однако в случае участия в выборах более двух партий (или блоков) партия-лидер могла бы завоевать оба мандата, получив и меньшую долю голосов,

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 2. Американский континент. М., 2010. С. 37–38, 300–305.

² Там же. С. 37–38, 300–305.

чем две трети (соответствующие формулы приведены в подразделе 4.6.1).

Биноминальная система приводит к тому, что партия, которая во всех округах получает не менее трети голосов и хотя бы в одном округе — более двух третей, завоевывает более половины мандатов.

Создатели данной системы в Чили преследовали цель отсечь от попадания в парламент радикальные партии (и в первую очередь — компартию) и обеспечить партиям, поддерживавшим А. Пиночета, второе место и достаточный уровень представительства в парламенте. И это им вполне удалось. Система привела к формированию в стране двух больших коалиций — левой и правой¹.

В декабре 2011 года Президент России Д. А. Медведев в своем послании Федеральному Собранию предложил изменить систему выборов в Государственную Думу — «ввести пропорциональное представительство по 225 округам». Эксперты увидели в этом предложении копирование чилийской (биноминальной) системы². Однако затем выяснилось, что Д. А. Медведев либо отказался от этой идеи, либо просто неправильно выразился. Предложенный им законопроект предусматривал выборы в едином избирательном округе с делением партийных списков на 225 территориальных групп (подробнее о делении списков на территориальные группы будет сказано в подразделе 4.2.2). Впрочем, позже законопроект Д. А. Медведева был отозван В. В. Путиным, предложившим вернуться к смешанной несвязанной (параллельной) системе выборов.

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 216–217.

² Голосов Г. Политическая реформа уходящего президента (http://slon.ru/russia/politicheskaya_reforma_ukhodyashchego_presidenta-727329.xhtml).

3.5.2. Пропорциональная система с закрытыми списками

Пропорциональная избирательная система с закрытыми списками долгое время была мало распространена. В Западной и Центральной Европе преобладали и до сих пор преобладают открытые списки. Наиболее длительную историю, пожалуй, имеет система с закрытыми списками в Израиле.

Большее распространение закрытые списки получили в странах, освобождавшихся от авторитарных режимов — это касается Испании и Португалии, ряда латиноамериканских и постсоциалистических стран.

В 2006 и 2007 годах пропорциональная система с закрытыми списками использовалась на выборах в Верховную Раду Украины, в 2006 году — там же на выборах областных, районных и городских советов¹.

В 2007 и 2011 годах пропорциональная система с закрытыми списками применялась в России на выборах в Государственную Думу². Инициатива отказа от параллельной системы и перехода на пропорциональную систему исходила от Президента РФ, хотя формально первыми такое предложение озвучили представители ЦИК России. В литературе высказы-

¹ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 103–110; Виборча реформа для всіх і для кожного. Київ, 2011. С. 11–12; Яцунская Е. Эффекты изменения избирательных систем: сравнительный анализ местных выборов 2006 и 2010 годов в Украине // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 52–74.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 581–584; Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 8–9.

вались различные мнения о мотивах данного перехода¹.

На российских региональных выборах до 2007 года единственным примером применения данной системы были выборы Областной Думы — нижней палаты Законодательного Собрания Свердловской области. Они проводились раз в два года — обновлялась половина состава палаты; таким образом, за период с 1996 по 2010 год выборы прошли 8 раз (затем двухпалатная структура Законодательного Собрания была ликвидирована и оно стало избираться раз в 5 лет по параллельной избирательной системе).

С 2007 года пропорциональная система с закрытыми списками применялась еще в 12 российских регионах, причем в семи (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Чеченская Республика, Амурская область, Санкт-Петербург) выборы по этой системе прошли дважды и еще в пяти (Карачаево-Черкесская Республика, Калужская, Московская

¹ Салмин А. М. Избирательные системы и партии: выбор выборов // Полития. 2004. № 1. С. 12–24; Новые инициативы — перекресток мнений // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 2–12; Колюшин Е. И. Пропорциональная избирательная система на парламентских выборах в России: шаг вперед — два назад // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 35–37; Дубровина Е. П. Значение перехода к пропорциональной избирательной системе выборов депутатов Государственной Думы РФ // Современное право. 2006. № 8 (1). С. 23–27; Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1. С. 95–103; Шейнис В. Л. Избирательная контрреформа 2004–2005 годов в России // Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов. М., 2006. С. 175–178; Примова Э. Реформа избирательной системы // Власть. 2009. № 9. С. 86–89; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 516–517, 581–584.

и Тульская области, Ненецкий АО) — по одному разу¹.

На муниципальных выборах в Российской Федерации эта система впервые была применена в г. Волжский (Волгоградская область) в октябре 2005 года. С 2007 года она стала активно внедряться, причем не только в крупных городах и районах, но также в ряде сельских поселений.

Наибольший резонанс вызвало использование пропорциональной системы на выборах Хомутинского сельского совета (Увельский район Челябинской области, 1286 избирателей, 10 депутатов): в селе, где незадолго до начала избирательной кампании практически не было партийных структур, выборы по партийным спискам превратились, по сути, в имитацию². Два прежних депутата сельского совета, Ю.А. Гурман и И.И. Болтушенко, пройдя суды общей юрисдикции, обратились в Конституционный Суд РФ с жалобой на положения федерального и областного законов, допускавшие применение на муниципальных выборах полностью пропорциональной системы. Позднее к их жалобе присоединился Уполномоченный по правам человека в РФ. По этим

¹ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 88–112, 173–175, 240–242, 342–346, 411–423, 472–477, 483–486; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 128–147, 220–224, 309–315, 393–399, 581–590, 628–635, 683–695; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 39.

² Кынев А. В. «Партийные списки» в беспартийном пространстве: избирательные права граждан и принудительная партизация местных выборов // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 4–19.

жалобам 7 июля 2011 года было принято Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П, признавшее не соответствующими Конституции РФ положения федеральных и региональных законов «в той мере, в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не исключается возможность применения пропорциональной избирательной системы (в том числе как элемента смешанной избирательной системы) на выборах в представительные органы сельских поселений с малочисленным населением и малым числом депутатов».

Выполняя поручение Конституционного Суда РФ, российские законодатели Федеральным законом от 16 октября 2012 года № 173-ФЗ запретили использование пропорциональной и смешанной системы в поселениях с численностью населения менее трех тысяч человек, а также имеющих представительный орган с численностью менее 15 депутатов.

С 2010 года заметно снижение использования пропорциональной системы на муниципальных выборах в регионах с преимущественно русским населением — этому способствовал не только хомутинский скандал, но и осознание того факта, что система невыгодна «Единой России». В то же время эта система по-прежнему широко используется в регионах Северного Кавказа. Всего же, по данным ЦИК России¹, за период 2005–2015 годов она была применена на 430 муниципальных выборах.

В некоторых латиноамериканских государствах в рамках пропорциональной системы действует или действовала система лемм. Суть ее в том, что партийные списки состоят из «подсписков» (лемм), обычно выдвигаемых внутрипартийными фракциями. При определении результатов выборов мандаты сначала

¹ <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

распределяются между партиями, а затем между леммами. Такая система позволяет сохранить единство партий в условиях фракционности¹.

Пропорционально-списочная избирательная система все годы своего существования подвергалась ожесточенной критике. Главным ее недостатком считается то, что она ставит между депутатами и избирателями посредника в виде партий, в результате ослабляются связи депутатов с избирателями, происходит обезличивание выборов, и это приводит к «деспотизму партий»². Все эти претензии в наибольшей степени касаются системы закрытых списков, при которой избиратель вообще лишен возможности влиять на состав депутатов от партии, за которую он голосует.

В ходе рассмотрения в Конституционном Суде РФ «хомутиинского дела» выдвигались аргументы об антиконституционности использования пропорциональной системы не только на муниципальных выборах, но и на любых российских выборах. В частности, речь шла о лишении беспартийных граждан³

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 205.

² Там же. С. 205–206; Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 28; Дмитриев Ю. А., Исраелян В. Б., Комарова В. В., Макаров Б. А. Народные голосования в Российской Федерации. М., 2010. С. 432; Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2012. С. 168; Черепанов В. А. Пропорциональная избирательная система: за и против // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 87–98.

³ На самом деле пассивное избирательное право членов политических партий при этом ущемляется не меньше, чем беспартийных, а в силу некоторой специфики российского избирательного законодательства (запрет партиям выдвигать членов других партий) — зачастую даже больше.

пассивного избирательного права¹. Здесь следует отметить (и на это обращали внимание отдельные эксперты, дававшие заключения для Конституционного Суда), что при пропорциональной системе в принципе не исключается возможность участия в выборах независимых кандидатов (в некоторых странах такое право им предоставляется), однако они не могут конкурировать с партийными списками на равноправной основе (см. подраздел 4.5.2).

Негативные черты системы закрытых списков могут в определенной степени смягчаться демократизмом внутреннего устройства политических партий. Однако сама эта система в значительной степени способствует антидемократическим тенденциям в партиях, бюрократизации партий и внутрипартийной коррупции². В условиях стабильности партии могут с достаточной степенью надежности предсказать, сколько они получат мандатов. В результате места в партийном списке делятся на «проходные», «полупроходные» и «непроходные». При наличии большого числа «проходных» мест они могут заполняться по протекции и даже просто продаваться.

Российские выборы с использованием закрытых списков демонстрируют еще одно негативное явление — технологию «паровозов». Лидеры списков (Президент и другие высшие чиновники на выборах в Государственную Думу, губернаторы на региональных выборах, известные деятели культуры и спорта и т.п.) после определения результатов выборов отказываются от получения депутатских мандатов, а их места занимают кандидаты, имена которых не фи-

¹ Шугрина Е. С. Местное самоуправление и пропорциональная избирательная система: добрососедство или противостояние? // Местное право. 2011. № 3. С. 33–58.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 64–65.

гуривают в избирательных бюллетенях, то есть неизвестные или мало известные избирателям¹. Также технология «паровозов» и продажа мест в списках отмечались на украинских выборах².

Пропорциональные системы с закрытыми списками различаются между собой по трем основным параметрам:

- 1) способам обеспечения (или необеспечения) территориального представительства;
- 2) заградительному барьеру;
- 3) методике распределения мандатов между списками.

По этим же параметрам (но не только этим) различаются также системы с открытыми списками и смешанные системы (рассматриваемые в следующих разделах). В связи с этим данные параметры будут подробно рассмотрены в главе 4.

3.6. Пропорциональные системы с открытыми списками

Идея систем с открытыми списками — позволить избирателям не только выбирать партию, но и влиять на состав депутатов, избранных от данной партии. Это важно не только с точки зрения обеспечения прав избирателей и их возможностей оказы-

¹ Шейнис В.Л. Превращения избирательной системы в России // Общ. науки и современность. 2008. № 6. С. 39–52; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 348, 357, 575–576, 583–584, 689–690.

² Яцунская Е. Эффекты изменения избирательных систем: сравнительный анализ местных выборов 2006 и 2010 годов в Украине // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 55.

вать влияние на состав парламента. Открытые списки также препятствуют бюрократизации партий и внутрипартийной коррупции, поскольку при такой системе не гарантируется избрание кандидатов, которым по той или иной причине благоволит партийное руководство¹.

С другой стороны, открытые списки предусматривают не только межпартийную, но и внутрипартийную конкуренцию: кандидаты от одной партии конкурируют друг с другом за голоса избирателей. В связи с этим высказывается мнение, что открытые списки негативно сказываются на сплоченности партий и потому в новых демократиях они препятствуют развитию партийной системы². Кроме того, применять открытые списки приходится в округах небольшой величины, иначе избирателю будет сложно делать выбор, а избирательным комиссиям — определять результаты.

Здесь сразу же необходимы терминологические уточнения. В русскоязычной литературе принято делить все списки на закрытые (связанные, жесткие) и открытые (свободные, гибкие). В англоязычной литературе встречается и более дробное деление. То, что мы именуем закрытыми списками, иногда называется *blocked lists* (что ближе к понятию «связанный»), а термином *closed lists* (что буквально переводится как закрытые списки) в этом случае называют систему, при которой партия устанавливает последовательность кандидатов, но избиратель может эту последовательность изменять. В такой терминологии понятие *open lists* (открытые списки) используется только для обозначения систем, при которых после-

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 64–65.

² Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 205–206.

довательность получения мандатов зависит исключительно от избирателей¹.

На самом деле правила, позволяющие избирателю влиять на состав депутатского корпуса при пропорционально-списочной системе, более разнообразны. Поэтому для всех таких случаев мы будем использовать единый термин «*открытые списки*».

Можно выделить четыре наиболее важных параметра, по которым различаются системы открытых списков:

1) является ли голосование за конкретного кандидата (конкретных кандидатов) обязательным для избирателя или факультативным;

2) учитывается ли при распределении мандатов между кандидатами последовательность, установленная партией (варианты: учитывается всегда, учитывается в особых случаях, не учитывается);

3) разрешается ли избирателю голосовать за кандидатов из разных списков (панаширование);

4) способ голосования за кандидатов (категорический, одобрительный, преференциальный, кумулятивный).

Далее мы рассмотрим различные варианты системы открытых списков, получающиеся при варьировании указанных параметров.

3.6.1. Открытые списки с категорическим голосованием за кандидатов

Начнем с наиболее простого варианта — когда избиратель может отметить только одного кандидата из выбранного им списка.

На выборах в польский Сейм действует система, обязывающая избирателя выбирать кандидата. Избиратель помечает в бюллетене только кандидата,

¹ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 11.

и этот голос автоматически засчитывается списку, в котором отмечен кандидат¹. Похожий порядок действует в Финляндии: избиратель вписывает в бюллетень номер кандидата, за которого голосует².

Чаще встречается ситуация, когда отмечать кандидата — право, а не обязанность избирателя. Примерами являются Австрия, Бельгия, Дания, Кипр, Швеция.

Так, в Швеции для каждой партии изготавляются отдельные бюллетени, содержащие название партии и список ее кандидатов с пустым квадратом рядом с информацией о каждом кандидате. Избиратель выбирает бюллетень той партии, за которую голосует, и может отметить в этом бюллетене одного кандидата. Затем бюллетень вкладывается в конверт, который опускается в урну³. Аналогичные правила предусмотрены в Бельгии⁴.

Ранее в Бельгии использовались бюллетени, в которых избиратель мог отметить либо конкретного кандидата, либо весь список — если он одобрял последовательность кандидатов, установленную партией (см. раздел 2.2).

В Дании в бюллетене содержится информация обо всех партиях и о кандидатах, баллотирующихся в соответствующем округе. Избиратель отмечает партию и может при этом отметить также одного кандидата от этой партии⁵.

¹ Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 424; 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. Р. 30.

² Истомин А.А. Так голосуют в Финляндии // Журнал о выборах. 2005. № 2. С. 48–51; Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 297.

³ Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 240–244.

⁴ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. Р. 14.

⁵ Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 256–264.

В Австрии партийные списки могут быть земельными и региональными (всего в стране 9 земель и 43 региона). При голосовании за кандидата из регионального списка избиратель ставит пометку слева от фамилии кандидата. Кандидаты из земельного списка в бюллетень не включаются; голосуя за кандидата из такого списка, избиратель вписывает его фамилию в предусмотренное для этого пустое место в бюллете¹.

В Российской Федерации открытые списки применялись в 2003–2005 годах на региональных выборах в четырех субъектах федерации в рамках параллельной системы². Во всех случаях избиратель мог проголосовать за одного кандидата.

В Республике Калмыкии в 2003 году, в Корякском автономном округе в 2004 году и в Ямalo-Ненецком автономном округе в 2005 году избиратели голосовали за партийный список, делая отметку в соответствующем квадрате, а за кандидата голосовали, указывая номер, под которым он шел в списке, в строке «Из отмеченного списка кандидатов голосую за кандидата № __», расположенной в нижней части бюллетеня. В Корякской АО этим правом воспользовались 53,7% избирателей, проголосовавших за партийные списки, в Ямalo-Ненецком АО – 45,9%.

Однако анализ показал, что немалая часть избирателей Ямalo-Ненецкого АО и заметная часть избирателей в Корякском АО совершила ошибку, вписывая в указанную строку не номер кандидата, а номер

¹ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 13; Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 80–81.

² Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 47–50; Очиров С. Открытые партийные списки и демократизация общества // Журнал о выборах. 2013. № 4. С. 11–14.

списка. Кандидаты, чей номер совпадал с номером списка, получали явно повышенный результат и занимали либо первое, либо второе место¹.

В Тверской области в 2005 году в бюллетене помещалась информация обо всех кандидатах — всего в выборах участвовали 9 списков, в которых было 153 кандидата, от 3 до 24 в каждом списке. Избиратель должен был отметить выбранный им список и также мог отметить одного кандидата. Бюллетень получился довольно большим, но в разумных пределах, 297×550 мм (см. иллюстрацию 3.2)².

Свои предпочтения конкретным кандидатам выразили 46,9% избирателей. Наибольшим был данный показатель у избирателей партии «Народная воля» (56,2%), наименьшим — у избирателей Аграрной партии России (36,7%)³.

На этих выборах была отмечена высокая доля недействительных бюллетеней (7,8%). Это объяснялось тем, что часть избирателей отмечала только кандидата, но не делала отметку против наименования партии, и по закону такие бюллетени признавались недействительными (весома спорная норма).

После этих выборов в Твери прошел круглый стол, на котором эксперты, представители ЦИК России и областной избирательной комиссии оценили опыт выборов с использованием открытых списков

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 253–262.

² Итоги выборов депутатов Законодательного Собрания Тверской области четвертого созыва — 18 декабря 2005 года. Тверь, 2006. С. 51, 54.

³ Подсчитано на основании таблиц, приведенных в книге: Итоги выборов депутатов Законодательного Собрания Тверской области четвертого созыва — 18 декабря 2005 года. Тверь, 2006. С. 83, 161–176.

Иллюстрация 3.2. Образец избирательного бюллетеня на выборах депутатов Законодательного Собрания Тверской области 18 декабря 2005 года по единому избирательному округу. Для представления о размере бюллетеня рядом расположен журнал формата А4 (источник: Итоги выборов депутатов Законодательного Собрания Тверской области четвертого созыва — 18 декабря 2005 года. Тверь, 2006. С. 54)

в основном положительно, а представители партий и избирательных комиссий других регионов — в основном отрицательно¹. Больше открытые списки на выборах в Российской Федерации не использовались.

Распределение мандатов между кандидатами внутри списка может осуществляться различными способами. Наиболее простой способ — учитывать только голоса избирателей, поданные за кандидатов, распо-

¹ Бутаев В.И., Титов М.В. Пропорциональная система с использованием открытых списков: опыт Тверской области // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 39–47.

лагая кандидатов в порядке убывания этих голосов. Такой способ вполне естественен в случае, когда голосование за кандидатов является обязательным. Если же голосование за кандидатов факультативное, есть опасность: в случае, если предпочтения выскажет лишь небольшая часть избирателей, судьба мандатов будет решаться ничтожным числом голосов. Поэтому иногда устанавливают порог. Так, закон Республики Калмыкии, по которому проводились выборы Народного Хурала в 2003 году, предусматривал: если хотя бы по одному из списков правом персонального голосования воспользовались менее 20% избирателей, должен был применяться метод «дополняющих голосов» (подробнее об этом методе ниже); если же по всем спискам правом персонального голосования воспользовались более 20% избирателей, при распределении мандатов должны были учитываться только голоса, поданные за кандидатов. Однако такое механическое соединение двух принципиально разных подходов мало способствует учету интересов избирателей.

Другие методы распределения мандатов стремятся учесть как голосование избирателей, так и последовательность, установленную партией. Так, на выборах в Корякском и Ямало-Ненецком автономных округах использовался так называемый рейтинговый метод.

Метод основан на вычислении для каждого кандидата двух чисел — избирательного рейтинга и партийного рейтинга. Избирательный рейтинг кандидата равен числу голосов избирателей, поданных за него (если это число больше числа депутатов), или нулю (если оно меньше числа депутатов либо равно ему).

Вычисление партийных рейтингов кандидатов производилось следующим образом. Партийный

рейтинг кандидата, внесенного в список последним, устанавливался на единицу меньше числа кандидатов в этом списке. Партийный рейтинг кандидата, внесенного в список предпоследним, устанавливался на 4 выше, чем у кандидата, внесенного в список последним, и так далее. Таким образом, партийный рейтинг кандидата, внесенного в список первым, оказывался в 5 раз больше партийного рейтинга кандидата, внесенного в список последним.

Общий рейтинг, в соответствии с которым устанавливалась последовательность получения мандатов, равнялся произведению избирательного и партийного рейтингов. Тем самым при распределении мандатов учитывались как предпочтения избирателей, так и последовательность, установленная партией. Однако очевидно, что это сочетание получается искусственным. Вообще искусственность является определяющим свойством «рейтинговой» методики: она предусматривает несколько числовых параметров, которые устанавливаются совершенно произвольно, но величина которых при этом существенно влияет на результат. Один из таких параметров — шаг, с которым увеличиваются «партийные рейтинги» кандидатов¹. Искусственным является и порог, начиная с которого учитывается избирательный рейтинг.

Искусственность «рейтинговой» методики проявляется и в том, что ее результат в основном не зависит от количества избирателей, не определившихся в своих предпочтениях в отношении кандидатов.

¹ Так, в модельном законе субъекта РФ «О выборах депутатов представительного органа муниципального района», предложенном ЦИК РФ в 2006 году, величина шага составляет 2 единицы (вследствие чего «партийные рейтинги» первого и последнего кандидатов различаются втрое). Чем это лучше шага 4, предложенного той же ЦИК РФ в 2002 году, остается непонятным.

Кроме того, этот метод также допускает возможность, когда избрание кандидатов будет определяться ничтожным количеством избирателей. Например, число депутатов — 20, а число голосов, поданных за список, — несколько тысяч. Если при этом только десятая часть избирателей данной партии (то есть несколько сот человек) проголосует за конкретных кандидатов, то даже они будут играть весомую роль в распределении мандатов. А если при этом числа голосов за кандидатов окажутся близкими к 20? Допустим, у лидера 20 голосов (и избирательный рейтинг равен 0), а у аутсайдера 21 голос (и избирательный рейтинг равен 21). Получается, что даже перевеса в один голос достаточно, чтобы аутсайдер опередил лидера¹.

Наиболее адекватным можно считать метод, который использовался еще в Бельгии с 1900 года². Мы называем его методом «дополняющих голосов»³. Он основан на убеждении, что избиратели, которые проголосовали только за список (то есть не отметили никого из кандидатов), тем самым поддерживают последовательность, предложенную партией.

Данный метод предусматривает использование двух числовых параметров, которые имеют естественную природу. Первый параметр, «избиратель-

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 184–186, 253–261; Любарев А. На муниципальных выборах должны применяться открытые списки // Городское управление. 2011. № 12. С. 78–84.

² Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 22–26.

³ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 184–186.

ная сумма списка», — это число избирателей, проголосовавших за список, но не выразивших свои предпочтения отдельным кандидатам. Эта сумма распределяется между кандидатами в соответствии с их последовательностью, установленной партией. Второй параметр — квота, то есть количество голосов избирателей, поданных за список, приходящееся на один депутатский мандат из числа полученных данным списком.

Все кандидаты, получившие больше голосов, чем квота, получают мандаты. Оставшиеся мандаты распределяются следующим образом. Кандидат, стоящий в списке переди других кандидатов, не получивших мандаты, получает из избирательной суммы списка столько голосов, сколько не хватает ему до квоты, и (если голосов в избирательной сумме списка оказалось достаточно) получает мандат. Далее эта же процедура осуществляется последовательно в отношении следующих кандидатов вплоть до исчерпания избирательной суммы списка. Если после этого остаются незамещенные мандаты, они распределяются в порядке убывания голосов избирателей.

Главное достоинство данной методики: она удовлетворяет критерию сводимости. Если ни один избиратель не укажет своего предпочтения, распределение будет производиться в последовательности, установленной партией; если все избиратели укажут свои предпочтения, распределение будет производиться исключительно в зависимости от полученных кандидатами голосов избирателей; в промежуточных случаях учитывается и то и другое. При этом чем больше избирателей воспользуются своим правом проголосовать за конкретных кандидатов, тем в большей степени это будет влиять на распределение мандатов.

Метод «дополняющих голосов» используется, в частности, в Дании и Швеции¹. Использовался он и на выборах Законодательного Собрания Тверской области в 2005 году².

Опыт показывает, что голосование избирателей действительно влияет на распределение мандатов внутри списка. Уже на первых выборах в бельгийский парламент в 1900 году зафиксирован случай, произошедший в брюссельском округе с католической партией. С целью избежнуть невыгодного ей раскола партия согласилась поставить в свой список кандидатуру Кольфса, антиимилитариста, активиста рабочих ассоциаций, но поместила его в списке на последнее, 10-е место. И хотя за конкретных кандидатов в этом округе проголосовало всего 19,3% избирателей католической партии, 11,6% голосов, поданных за Кольфса, оказалось достаточно, чтобы получить мандат³.

Э. Лейкман и Дж. Д. Ламберт, основываясь на многолетнем опыте, отметили, что кандидат, помещенный партией во главе списка, практически почти всегда оказывается избранным. Тем не менее довольно часто второй по списку кандидат вытесняется кандидатом, числящимся в списке третьим⁴.

На выборах Законодательного Собрания Тверской области в 2005 году перемещения в списках кандидатов коснулись всех партий, принявших участие в выборах. И ряд кандидатов получил мандаты bla-

¹ Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 149.

² Бутаев В. И., Титов М. В. Пропорциональная система с использованием открытых списков: опыт Тверской области // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 44.

³ Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 144–147.

⁴ Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 108.

годаря персональным голосам избирателей. В частности, от «Единой России» депутатом был избран Е.А. Шамакин, занимавший в партийном списке последнее, 24-е место, но оказавшийся на 6-м месте в очередности получения мандатов¹.

3.6.2. Открытые списки с одобрительным голосованием

На выборах в греческий парламент избиратель обязан выразить свое предпочтение нескольким кандидатам из выбранного им списка. При этом число предпочтений неодинаковое в разных округах: оно определенным образом зависит от размера избирательного округа².

В Чехии и Словакии на парламентских выборах избиратель может отметить в избирательном бюллете не более четырех кандидатов³. В Чехии мандаты достаются кандидатам, получившим наибольшее число индивидуальных голосов избирателей, при условии что число таких голосов не менее 10% голосов, отданных за список. Если при этом остаются нераспределенные мандаты, они достаются кандидатам в порядке их расположения в списке⁴.

В Латвии избиратель имеет право не только отметить кандидатов, за которых он голосует, но и вычеркнуть из списка некоторых кандидатов. При установлении очередности получения мандатов считаются как голоса, поданные за кандидата (со знаком плюс),

¹ Итоги выборов депутатов Законодательного Собрания Тверской области четвертого созыва — 18 декабря 2005 года. Тверь, 2006. С. 62–63, 85, 173–174.

² 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 22.

³ Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 284; Вып. 9. М., 2014. С. 184.

⁴ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 15, 33.

так и число избирателей, вычеркнувших кандидата (со знаком минус)¹.

В Республике Косово на парламентских выборах 2010 года избиратель имел право отметить не более пяти кандидатов. В левой части избирательного бюллетеня располагались эмблемы и названия партий (с квадратом для отметки слева от них), а в правой — табличка из квадратиков с номерами — столько квадратиков, сколько максимально возможно кандидатов в списке (на выборах 2010 года — 110). Избиратель отмечал крестиком номера кандидатов, за которых он голосовал².

Стоит отметить, что система открытых списков с одобрительным голосованием иногда подвергалась критике. Так, отмечалось, что в Италии, где до 1991 года избиратель мог отметить четырех кандидатов, эта система, особенно на юге, привела к тому, что местным мафиозным боссам удавалось контролировать распределение мандатов и тем самым держать под своим контролем многих депутатов и даже отдельные фракции. В результате прошедшего в 1991 году референдума число голосов у избирателя было сокращено до одного (то есть одобрительное голосование заменено категорическим)³.

3.6.3. Открытые списки с преференциальным голосованием

Открытые списки с преференциальным голосованием (под которым мы понимаем ранжирование

¹ Ibid. P. 26.

² Любарев А. Выборы парламента Республики Косово: заметки российского наблюдателя. Часть 1 (<http://www.votas.ru/kosovo-1.html>).

³ Левин И. Б. О реформе избирательной системы в Италии // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 79–85.

ZGJEDHJET PËR KUVENDIN E REPUBLIKËS SË KOSOVËS 2010 IZBORI ZA SKUPŠTINU REPUBLIKE KOSOVO 2010 2010 KOSOVA CUMHURİYETİ MECLİS SEÇİMLERİ																																																																																																																	
 Shënjeni VETËM NJË subjekt politik Oznaçile SAMO JEDAN politički subjekat SADECE BİR siyasi kuruluşu işaretleyin	Shënjeni DERI në PESË kandidatë Oznaçile DO PET kandidata EN FAZLA BEŞ aday işaretleyin																																																																																																																
<p>☐ 21. CRNOGORSKA DEMOKRATSKA STRANKA - CDS</p> <p>☐ 22. SDSKIM - Srpska Demokratska Stranka Kosova i Metohije</p> <p>☐ 23. JEDINSTVENA SRPSKA LISTA - JSL</p> <p>☐ 24. SRPSKA SOCIJAL DEMOKRATSKA STRANKA - S.SDS</p> <p>☐ 25. FER</p> <p>☐ 26. SDA - STRANKA DEMOKRATSKE AKCIJE</p> <p>☐ 27. LIDHJA DEMOKRATIKE E DARDANISË - LDD</p> <p>☐ 28. KDTP - KOSOVA DEMOKRATİK TÜRK PARTİSİ</p> <p>☐ 29. GRADANSKA INICIJATIVA GORE - GIG</p> <p>☐ 30. BOŠNJAČKA STRANKA DEMOKRATSKE AKCIJE KOSOVA - BSDAK</p> <p>☐ 31. AKR-PD-PSD-PPI-PPK-PNDSH-PGJK</p> <p>☐ 32. VAKAT - KOALICIJA VAKAT</p> <p>☐ 33. SNSD</p> <p>☐ 34. SRPSKA NARODNA STRANKA - SNS</p> <p>☐ 35. Partia Ashkalinjëve për Integrin - PAI</p> <p>☐ 36. LDK - LIDHJA DEMOKRATIKE E KOSOVËS - LDK</p> <p>☐ 37. KTB - KOSOVA TÜRK BİRLİĞİ</p> <p>☐ 38. Samostalna Liberalna Stranka - SLS</p> <p>☐ 39. SRPSKA KOSOVSKO - METOHIJSKA STRANKA</p> <p>☐ 40. Lëvizja VETËVENDOSJE!</p> <p>☐ 41. LEK</p> <p>☐ 42. SDSG - Sosijaldemokratska Stranka Gore</p> <p>☐ 43. AAK - Aleanca për Ardhmërinë e Kosovës</p> <p>☐ 44. PARTIA ROME E BASHKUAR E KOSOVËS - PREBK</p> <p>☐ 45. PDAK</p> <p>☐ 46. IRDK - Iniciativa e Re Demokratike e Kosovës</p> <p>☐ 47. GIKN</p> <p>☐ 48. NDS - NOVA DEMOKRATSKA STRANKA</p> <p>☐ 49. PDK - PARTIA DEMOKRATIKE E KOSOVËS</p>	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td></tr> <tr><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td></tr> <tr><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td></tr> <tr><td>13</td><td>14</td><td>15</td><td>16</td></tr> <tr><td>17</td><td>18</td><td>19.</td><td>20</td></tr> <tr><td>21</td><td>22</td><td>23</td><td>24</td></tr> <tr><td>25</td><td>26</td><td>27</td><td>28</td></tr> <tr><td>29</td><td>30</td><td>31</td><td>32</td></tr> <tr><td>33</td><td>34</td><td>35</td><td>36</td></tr> <tr><td>37</td><td>38</td><td>39</td><td>40</td></tr> <tr><td>41</td><td>42</td><td>43</td><td>44</td></tr> <tr><td>45</td><td>46</td><td>47</td><td>48</td></tr> <tr><td>49</td><td>50</td><td>51</td><td>52</td></tr> <tr><td>53</td><td>54</td><td>55</td><td>56</td></tr> <tr><td>57</td><td>58</td><td>59</td><td>60</td></tr> <tr><td>61</td><td>62</td><td>63</td><td>64</td></tr> <tr><td>65</td><td>66</td><td>67</td><td>68</td></tr> <tr><td>69</td><td>70</td><td>71</td><td>72</td></tr> <tr><td>73</td><td>74</td><td>75</td><td>76</td></tr> <tr><td>77</td><td>78</td><td>79</td><td>80</td></tr> <tr><td>81</td><td>82</td><td>83</td><td>84</td></tr> <tr><td>85</td><td>86</td><td>87</td><td>88</td></tr> <tr><td>89</td><td>90</td><td>91</td><td>92</td></tr> <tr><td>93</td><td>94</td><td>95</td><td>96</td></tr> <tr><td>97</td><td>98</td><td>99</td><td>100</td></tr> <tr><td>101</td><td>102</td><td>103</td><td>104</td></tr> <tr><td>105</td><td>106</td><td>107</td><td>108</td></tr> <tr><td>109</td><td>110</td><td></td><td></td></tr> </table>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19.	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110		
1	2	3	4																																																																																																														
5	6	7	8																																																																																																														
9	10	11	12																																																																																																														
13	14	15	16																																																																																																														
17	18	19.	20																																																																																																														
21	22	23	24																																																																																																														
25	26	27	28																																																																																																														
29	30	31	32																																																																																																														
33	34	35	36																																																																																																														
37	38	39	40																																																																																																														
41	42	43	44																																																																																																														
45	46	47	48																																																																																																														
49	50	51	52																																																																																																														
53	54	55	56																																																																																																														
57	58	59	60																																																																																																														
61	62	63	64																																																																																																														
65	66	67	68																																																																																																														
69	70	71	72																																																																																																														
73	74	75	76																																																																																																														
77	78	79	80																																																																																																														
81	82	83	84																																																																																																														
85	86	87	88																																																																																																														
89	90	91	92																																																																																																														
93	94	95	96																																																																																																														
97	98	99	100																																																																																																														
101	102	103	104																																																																																																														
105	106	107	108																																																																																																														
109	110																																																																																																																

Иллюстрация 3.3. Избирательный бюллетень на выборах парламента Республики Косово 12 декабря 2010 года (источник: архив автора)

избирателем кандидатов в соответствии со своими предпочтениями) использовались крайне редко, а в настоящее время нам неизвестны примеры использования такой модели. Причина, по-видимому, в сложности подсчета голосов и определения результатов такого голосования. Если для систем, предусматривающих голосование за кандидатов, были разработаны хоть и сложные, но все же приемлемые алгоритмы определения победителей (система единственного передаваемого голоса, см. подраздел 3.4.1), то для систем, предусматривающих голосование и за партию, и за кандидатов, такие алгоритмы оказались слишком сложными, и вместо них применялись более простые алгоритмы системы «очков» (см. подраздел 3.4.3), которые не дают существенных преимуществ.

Система открытых списков с преференциальным голосованием долгое время использовалась в Финляндии. Списки могли состоять не более чем из трех кандидатов (при этом несколько списков разрешалось соединять, но такое соединение действовало уже только при распределении мандатов). Избиратель в списке, за который он голосовал, ранжировал кандидатов, определяя для каждого первое, второе или третье место. Для установления очередности получения мандатов кандидатам начислялись баллы: кандидат получал столько баллов, в скольких бюллетенях он был поставлен на первое место, плюс половина бюллетеней, где он был на втором месте, и треть бюллетеней, где он был на третьем месте¹.

¹ Даревский В.Д. Избирательное право в Финляндии // Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 216–224; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 347–349.

3.6.4. Панаширование

Панашированием (от французского *panacher* — смешивать) называется избирательная система, при которой избиратель может проголосовать за кандидатов из разных партийных списков. При этом обычно избиратель имеет столько голосов, сколько мандатов распределяется в данном избирательном округе. Таким образом, по способу голосования эта система мало отличается от мажоритарной системы в многомандатных округах (блоковой системы). Однако принципиальное отличие здесь в том, что избиратель одновременно голосует и за партийный список: либо он отдельно отмечает один из списков, либо каждый голос, поданный за кандидата, одновременно засчитывается и списку, в который этот кандидат включен. Как и в случае других пропорциональных систем с открытыми списками, при распределении мандатов сначала определяется, сколько мандатов получает каждая партия, а затем уже полученные партией мандаты распределяются между ее кандидатами.

Система эта возникла в конце 19-го века в Швейцарии на муниципальных выборах (см. раздел 2.2), и в настоящее время те или иные ее разновидности продолжают использоваться в Швейцарии на выборах различного уровня.

Вслед за Швейцарией система панаширования была принята в 1906 году в королевстве Бюргенланд для избрания части депутатов ландтага. При этом было разрешено давать одному кандидату два или три голоса (кумулятивное голосование)¹. Позднее кумулятивное голосование появилось и в Швейца-

¹ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 298–300.

рии — одному кандидату можно было давать не больше двух голосов¹. Это правило сохранилось до наших дней². Такая же модель панаширования с возможностью давать одному кандидату два голоса используется в Люксембурге³.

С недавнего времени кумулятивное панаширование стало применяться на муниципальных выборах в Германии. В качестве примера приведем избирательную систему, действующую на коммунальных выборах в земле Гессен⁴.

Данная система предоставляет избирателю самые разные возможности для выражения своей воли. Основных ограничений два: 1) число голосов у избирателя не больше, чем распределяется мандатов в округе (округа обычно единые, то есть у избирателя столько голосов, сколько мандатов в коммунальном совете); 2) одному кандидату избиратель может отдать не больше трех голосов. Для этого в избирательном бюллетене справа от имени каждого кандидата расположены три квадратика, и в каждом квадратике избиратель может поставить крестик.

Для простоты обсудим случай, когда округ 15-мандатный и у избирателя 15 голосов. Избиратель может:

¹ Hoag C.G., Halett G.H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 446–448; Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 109–110; Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 217–220.

² Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 482.

³ Маклаков В.В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 26–27; 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 27–28.

⁴ <https://wahlen.hessen.de/kommunen/kommunalwahlen-2016/wahlssystem>.

1) поставить 15 или меньше крестиков в указанные квадратики, распределив их между 15 кандидатами или меньшим количеством кандидатов — любому кандидату он может отдать 1, 2 или 3 голоса, и кандидаты могут быть из разных списков;

2) поставить крестик в кружок, относящийся ко всему списку какой-либо партии (только одной); в таком случае считается, что он отдал все 15 голосов данному списку; при этом голоса получают последовательно все кандидаты в порядке их расположения в списке; если кандидатов меньше, чем голосов, то затем в таком же порядке кандидаты получают второй голос, а затем и третий;

3) поставить крестик в кружок, относящийся ко всему списку какой-либо партии, и одновременно поставить крестики некоторым кандидатам из этого списка, а также вычеркнуть некоторых кандидатов из этого списка; вычеркнутые кандидаты не получают голосов, а кандидаты, отмеченные крестиками, получают голоса вне очереди;

4) выполнить действия, указанные в предыдущем пункте, и, если у избирателя еще остались голоса, отметить ими кандидатов из других списков.

По приведенным выше правилам определяется, сколько голосов получил каждый кандидат. Сумма голосов, полученных всеми кандидатами из списка, дает число голосов, полученных списком.

Затем мандаты между списками распределяются по методу Хэйра — Нимейера (см. подраздел 4.1.1). После этого мандаты внутри списка распределяются в порядке убывания полученных кандидатами голосов.

Очевидно, что из всех пропорционально-списочных систем панаширование предоставляет избирателю наибольшие возможности для выражения своей воли. Однако многие исследователи относятся к этой системе критически. Так, высказывается мнение, что

1 A - Partei	A ☒	
101 Kunze, Dieter	X X X	
102 Louise, Claude	X X	
103 Wölter, Brigitte		
104 Müller, Ellen	X X X	
105 Klein, Karl-Heinz		
106 Algar, Fabio		
107 Neu, Rolf		
108 Lorenz, Peter		
109 Junak, Hans		
110 Baggio, Roberto		
111 Bender, Stephan		
112 Kappes, Günter		
113 Bongen, Hanno		
114 Seipelt, Helga		
115 Engel, Heidi		

201 Fischer, Barbara	B ☐	
202 Kurze, Karl	X	
203 Faul, Angelika		
204 Schmitz, Paula		
205 Schulze, Konrad		
206 Knops, Anton		
207 Andrikaki, Sofia		
208 Krause, Hermann		
209 Spruijt, Coby		
210 Leven, Gerhard		
211 Elmpert, Bruno		
212 Lehmann, Silvia		
213 Funk, Brigitte	X	
214 Knöss, Bernhard		
215 Schwing, Gudrun		

301 Bremer, Peter	C ☐	
302 Pütz, Margret		
303 Flach, Hubert		
304 Poensgen, Gerd		
305 Schmidt, Wilhelm		
306 Crespi, Pons	X	
307 Dahmen, Walter		
308 Heck, Walter		
309 Bruns, Christel		
310 Matzke, Franz		
311 Meyer, Heinz		
312 Spengler, Helmut		
313 van Heuvel, Erna		
314 Haas, Dirk		
315 Kraus, Karl		

Иллюстрация 3.4. Пример заполнения избирательного бюллетеня на муниципальных выборах в Германии. Цветом выделены голоса, засчитанные кандидатам (источник: сайт руководителя по проведению выборов в земле Гессен)

избиратели одной партии не должны влиять на состав депутатов от другой партии¹.

В отношении любых систем открытых списков высказывается опасение, что они могут способствовать «обезглавливанию» списков — так называется манипуляция, с помощью которой сторонники одной партии могут способствовать неизбранию лидера другой партии, голосуя за менее авторитетного кандидата от этой партии. Однако в системах, исключающих панащирование, возможности такой манипуляции ограничены: избиратели, которые голосуют таким образом, вынуждены поддерживать нежелательную партию, в то время как их партия будет терять голоса. При панащировании ситуация иная, особенно в

¹ Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 152–156; Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 109–110.

том случае, когда голоса, поданные за кандидатов, не влияют на результат партии (как это было в Швейцарии в первое время). Но даже в тех случаях, когда голоса, поданные за кандидатов, влияют на результат партии (как в вышеприведенном примере муниципальных выборов в Германии), этот фактор может быть небольшим. Представим, например, что при 15 голосах у избирателя партия А получает 4500 голосов, а партия Б — 1200 голосов. Если все избиратели партии А один из 15 голосов отдадут слабому кандидату партии Б, то партия А потеряет, а партия Б приобретет дополнительные 300 голосов. Однако при этом слабый кандидат партии Б получит 20% всех голосов, поданных за партию, и с большой вероятностью может опередить лидера своей партии.

Прием «обезглавливания» был замечен еще в самом начале использования системы панаширования в швейцарском кантоне Невшатель¹. Вероятно, с целью противостоять этому приему в дальнейшем панаширивание старались сочетать с кумулятивным голосованием, поскольку обычно именно лидер в первую очередь получает сдвоенные или строенные голоса².

Добавим, что панаширование, особенно сопряженное с попытками «обезглавливания» списков, может порождать альянсы между отдельными группировками разных партий, внутрипартийные конфликты и тем самым существенно ослаблять партийную систему. Возможно, поэтому оно более уместно на муниципальных выборах, где партийный фактор играет меньшую роль.

К системам панаширования, которые (как в Германии) предусматривают, что голос избирателя ав-

¹ Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 34.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 298–300.

томатически засчитывается партии, можно предъявить еще одну претензию. Избиратель по разным причинам может поддерживать кого-то из кандидатов от некой партии (например, как хорошего специалиста в определенной сфере), но не поддерживать партию, от которой он баллотируется. При этом избиратель (при недостаточной разъяснительной работе) может просто не понимать, что своим голосом он поддерживает данную партию (при этом его голос в пользу партии сработает с большей вероятностью, чем в пользу кандидата). А если он понимает, то попадает в сложное положение.

3.7. Смешанные системы

Случаи, когда на одних и тех же выборах применяются две или даже три разные избирательные системы или их элементы, встречаются достаточно часто. Эти случаи можно разделить на три группы.

К первой группе относятся ситуации, когда в одних избирательных округах применяется одна система, а в других — иная. В прошлом такие ситуации встречались чаще, чем сейчас. В качестве примера можно привести выборы во Всероссийское Учредительное собрание 1917 года, когда в большинстве избирательных округов применялась пропорциональная система, в 7 одномандатных округах — плюральная и в 5 двухмандатных — блоковая¹.

Однако и в настоящее время такие ситуации — не слишком большая редкость. Самый яркий пример — выборы в Европарламент, где в каждой стране, вхо-

¹ Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 270, 323–325.

дящей в Евросоюз, своя избирательная система¹. В Финляндии избирательный округ, включающий Аландские острова, одномандатный, там действует мажоритарная система, на всей остальной территории страны — пропорциональная с открытыми списками. На выборах в испанский сенат в большинстве округов действует система ограниченного вотума, в Сеуте и Мелилье — блоковая, в семи округах (мелкие острова Балеарского и Канарского архипелагов) — мажоритарная система².

Однако такие случаи обычно не принято относить к смешанным системам³, в отличие от случаев, которые мы включаем в две другие группы.

Вторая группа — это ситуации, при которых каждый избиратель выбирает депутатов одновременно с использованием двух (иногда трех) избирательных систем, голосуя с помощью двух (иногда трех) бюллетеней. Обычно одна из этих систем — тот или иной вариант пропорциональной системы, другая — тот или иной вариант мажоритарной системы. При этом каждая система действует практически независимо друг от друга. Такие модели обычно называют *смешанными несвязанными* или *параллельными* избирательными системами. С теоретической точки зрения их вообще не следовало бы рассматривать как отдель-

¹ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 36; Лафитский В. И. Выборы в Европейский парламент. М., 2005. С. 45–51; 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. Р. 41–42.

² Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 51, 71, 252, 304.

³ В некоторых книгах (Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 483; Федотова Ю. Г. Избирательные системы зарубежных стран. М., 2015. С. 44–46) такие случаи рассматриваются как «географически неоднородные смешанные системы».

ные избирательные системы, а лишь как сочетание двух или трех систем. Однако данные модели получили в последнее время широкое распространение и потому заслуживают отдельного рассмотрения.

Третья группа — это истинные смешанные избирательные системы (*смешанные связанные избирательные системы*), то есть системы, сочетающие мажоритарную и пропорциональную компоненты таким образом, что их невозможно разъединить без превращения системы в принципиально другую. Эти системы имеет смысл сразу разделить на две подгруппы. В одном случае избиратель раздельно голосует за кандидата (мажоритарная компонента) и за партийный список (пропорциональная компонента), а при определении общих результатов выборов одна компонента влияет на другую (*двухголосые связанные смешанные системы*). В другом случае у избирателя один голос, который засчитывается и конкретному кандидату, и всему списку, в который этот кандидат включен (система «*добавочных представителей*»).

Далее мы рассмотрим системы, относящиеся ко второй и третьей группам.

3.7.1. Смешанные несвязанные (параллельные) системы

Первым известным нам примером параллельной системы является система, установленная в 1906 году для выборов в ландтаг королевства Бюргемберг, где 70 депутатов избирались по мажоритарной системе в одномандатных округах, а 23 — по пропорциональной системе в трех многомандатных округах¹. Однако затем на протяжении около полувека мы не нахо-

¹ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 246–247.

дим примеров применения данной системы. В 1960-х годах подобная система начала применяться в Южной Корее, в 1980-х — в Японии (на выборах Палаты советников), Сенегале и Египте (см. раздел 2.4).

После крушения социалистического лагеря идея смешанной системы стала популярной во многих странах, ставших на путь демократического транзита. В качестве примера использовалась избирательная система Германии (о ней см. следующий подраздел), однако ни в одной новой демократии эту систему не стали копировать. Заимствовали в основном лишь идею сочетания мажоритарной и пропорциональной компонент, полагая, что любое такое сочетание позволит соединить достоинства обеих.

В июне 1990 года параллельная система была применена в Болгарии, в октябре 1990 года — в Грузии¹, в 1992 году — в Литве², в 1993 году — в Российской Федерации³, в 1998 году — на Украине⁴. В общей слож-

¹ Голосов Г. В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 102–113.

² Курис Э. Литва принимает смешанную систему выборов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1992. № 1. С. 38–39.

³ Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. М., 1995. С. 1–101; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 37–44.

⁴ Тодыка Ю. Н., Яворский В. Д. Выборы народных депутатов Украины: конституционно-правовой аспект. Харьков, 1998. С. 3; Тур А. И., Перецовчиков В. Н. Выборы депутатов Верховной Рады Украины: опыт международного наблюдения // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 7. С. 139–147; Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 98–99, 103–107; Виборча реформа для всіх і для кожного. Київ, 2011. С. 11.

ности различные варианты параллельной системы используются или использовались примерно в двух десятках стран¹.

На выборах законодательных органов субъектов Российской Федерации в период 1993–2002 годов параллельная система применялась редко: всего в восьми регионах, из них в шести — только один раз. На муниципальных выборах до 2004 года эта система использовалась лишь в нескольких городах Красноярского края². С декабря 2003 года использование на выборах региональных парламентов пропорциональной компоненты стало обязательным, и с этого времени параллельная система применяется в большинстве регионов³. По мнению политологов, она содействовала плюрализации политической жизни в регионах и в перспективе могла привести к демонтажу регионального авторитаризма (если бы этот механизм не был сломан последующими контрреформами)⁴.

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 220–221; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 23–24.

² Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 59–73, 78–80, 157–167; Алмиеva A. A. Смешанная избирательная система: практика применения // Журнал о выборах. 2005. № 6. С. 18–24.

³ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014.

⁴ Макаркин А. Смешанная система выборов в регионах России // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1. С. 104–113; Сморгунов Л. В. Новые избирательные институты и региональные парламенты России: плюрализация vs монополизация //

На муниципальных выборах начиная с 2005 года эта система также используется достаточно широко, особенно масштабным было ее применение в 2011–2013 годах, когда использование пропорциональной компоненты являлось обязательным для муниципальных районов и городских округов с числом депутатов не менее 20¹. В целом, по данным ЦИК России², за период с декабря 2003 по декабрь 2015 года параллельная система применялась примерно в тысяче муниципальных кампаний.

На Украине в 2004 году от параллельной системы на выборах в Верховную Раду отказались в пользу пропорциональной системы с закрытыми списками (выборы прошли в 2006 и 2007 годах). Но в 2011 году вновь вернулись к параллельной системе (выборы прошли в 2012 году). Также параллельная система была введена в 2010 году на выборах областных, районных и городских советов³. После событий 2014 года

ПОЛИТЭКС. 2006. № 2. С. 6–24; Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 1. С. 22–35.

¹ Любарев А. Е. О проблемах использования пропорциональной избирательной системы на муниципальных выборах // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 68–72; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 48–54.

² <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

³ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 108–110; Виборча реформа для всіх і для кожного. Київ, 2011. С. 11; Чуб Е. А. Конституционные основы принципа адекватного представительства и политические права граждан // Конституционное развитие России и Украины. М., 2011. С. 88–107; Дахова И. И. Гарантии конституционных принципов избирательного права Украины // Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине. Харьков, 2012. С. 132–156;

обсуждался переход к пропорциональной системе с открытыми списками. Однако на выборах Верховной Рады 2014 года вновь использовалась параллельная система, а на выборах областных, районных и городских советов 2015 года была применена пропорциональная система с закрытыми списками, разделенными на территориальные части (см. подраздел 4.2.2).

В России вслед за Украиной перешли от параллельной системы к пропорциональной. Закон был принят в 2005 году, выборы прошли в 2007 и 2011 годах. Затем также было решено вернуться к параллельной системе: закон принят в 2014 году, выборы должны пройти в 2016 году¹.

Разновидности параллельной системы определяются разновидностями ее двух компонент. Для пропорциональной компоненты главные различия заключаются в характере списков — открытые или закрытые. У мажоритарной компоненты обычно используются три основные разновидности — плюральная (система относительного большинства в одномандатных округах), мажоритарная система абсолютного большинства и блоковая система (система относительного большинства в многомандатных округах).

Слинько Е.А. Политический процесс в Украине: признаки стагнации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 187–190; Яцунская Е. Эффекты изменения избирательных систем: сравнительный анализ местных выборов 2006 и 2010 годов в Украине // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 52–74.

¹ Любарев А. Е., Коргунюк Ю. Г., Михалева Г. М. Закоодательство о выборах и партиях: четверть века метаний // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. М., 2015. С. 61–62.

В России основной вариант параллельной системы — сочетание пропорциональной системы с закрытыми списками и плюральной системы. Такой же вариант используется или использовался в Японии, Южной Корее, Хорватии, на Украине, в Армении¹.

Пропорциональная система с закрытыми списками сочетается с мажоритарной системой абсолютного большинства в Республике Северная Осетия — Алания. Ранее такой же вариант использовался в Болгарии. В Литве мажоритарная система абсолютного большинства сочетается с пропорциональной системой открытых списков².

Сочетание пропорциональной системы с закрытыми списками и блоковой системы использовалось в Амурской области в 2005 году и Чукотском автономном округе в 2005 и 2011 годах, пропорциональной системы с открытыми списками и блоковой системы — в Республике Калмыкии в 2003 году и Ко́рякском автономном округе в 2004 году, пропорциональной системы с открытыми списками и плюральной системы — в Тверской области в 2005 году.

В Ненецком и Ямalo-Ненецком автономных округах в 2005 году, в Ханты-Мансийском автономном округе в 2006 и 2011 годах параллельная система состояла из трех компонент; избиратель голосовал тремя бюллетенями: половина (или половина, округленная до ближайшего большего целого) депутатов избиралась в едином округе по пропорциональной системе (в Ямalo-Ненецком округе были открытие списки, в Ненецком и Ханты-Мансийском — закрытые), три депутата в Ханты-Мансийском и Ямalo-Ненецком автономных округах и два депутата в Ненецком автономном округе — в едином округе по

¹ Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 220.

² 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 26–27.

блоковой системе (эта компонента была призвана обеспечить представительство титульных народов); остальные депутаты — по плюральной системе.

Наконец, в некоторых российских регионах мажоритарная составляющая была неоднородна: большая часть депутатов избиралась по одномандатным округам (плюральная система), но несколько депутатов — по многомандатным (система единственного непередаваемого голоса); в пропорциональной части использовались закрытые списки. По такой модели проводились выборы в Калининградской области в 2006 году, в Смоленской области в 2007 году, а также в объединившихся регионах: в Красноярском крае в 2007 и 2011 годах, в Камчатском крае в 2007 году, в Забайкальском крае в 2008 году и в Иркутской области в 2008 году¹.

Соотношение мажоритарной и пропорциональной частей достаточно часто делается равным. Именно такое соотношение было установлено на выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и сохранялось, пока действовала параллельная система; оно же предусмотрено и в законе, восстанавливающем эту систему. Однако в первоначальном варианте Положения о выборах депутатов Государственной Думы, утвержденном Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400, предполагалось соотношение 270:130 (чуть больше, чем 2:1) с преимуществом мажоритарной составляющей. Тем не менее В. Л. Шейнису удалось добиться формулы 225:225 (которая предусматривалась в подготовленном им законопроекте) в уточненной редакции Положения, которая

¹ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014.

была утверждена Указом Президента РФ от 1 октября 1993 года № 1557. Когда в 1994 году началась работа над законом о выборах в Государственную Думу, то в подготовленном рабочей группой ЦИК РФ и внесенном Президентом РФ проекте предусматривалось соотношение 300:150 в пользу мажоритарной системы. Депутаты Государственной Думы немедленно (при принятии проекта в первом чтении) восстановили прежнее соотношение. Президент РФ и Совет Федерации до последнего момента продолжали настаивать на изменении формулы, но непреклонная позиция большинства Государственной Думы вынудила их отступить¹. За преимущество мажоритарной части в соотношении 2:1 или даже 3:1 высказывался в тот период и ряд правоведов².

На региональных выборах в Российской Федерации, проходивших по параллельной системе, с 2003 года соотношение пропорциональной и мажоритарной частей было в большинстве случаев равным, а при нечетном числе депутатов обычно пропорциональная часть была на одного депутата больше мажоритарной. Исключений было всего пять: Республика Калмыкия в 2003 году (соотношение 12:15), Волгоградская область в 2003 и 2009 годах (16:22), Москва

¹ Гельман В. Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 137–144; Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. М., 2005. С. 615–623.

² Юдин Ю. А. Парламентские выборы 1993 года и проблемы развития избирательного законодательства // Федеральное Собрание России: опыт первых выборов. М., 1994. С. 47; Постников А. Е. Избирательное право России. М., 1996. С. 97–107; Наумов В. И. Избирательное законодательство России: этапы становления. М., 1998. С. 66–67; Лапаева В. В. Право многопартийность в современной России. М., 1999. С. 88–90.

в 2005 году (15:20), Корякский автономный округ в 2004 году (5:7) и Камчатский край в 2007 году (23:27) — соотношение везде было в пользу пропорциональной части, так как федеральный закон требовал, чтобы пропорциональная часть составляла не менее половины¹. Однако до 2003 года соотношение было в большинстве случаев в пользу мажоритарной части — в Республике Марий Эл в 1993 году соотношение было 22:8, в Республике Тыва в 1993 году — 27:5, в Саратовской области в 1994 году — 25:10, в Калининградской области в 1996 и 2000 годах — 27:5, в Корякском автономном округе в 1996 году — 8:4, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе в 1996 году — 15:4, в Псковской области в 2002 году — 22:11².

На муниципальных выборах в Российской Федерации, проходивших по параллельной системе, соотношение также чаще всего было равным или примерно равным. Но немало было также случаев доминирования мажоритарной части (например, в г. Бородино Красноярского края в 2000 году, 17:5; в г. Мурманске в 2014 году, 22:10) или, напротив, пропорциональной части (например, в Горном улусе Республики Саха (Якутия) в 2008 и 2013 годах, 3:15; в г. Элисте, Республика Калмыкия в 2014 году, 7:18).

На выборах, прошедших в сентябре 2015 года, мажоритарная часть преобладала в 12 региональных центрах: по пропорциональной системе избирались 10 или 12 депутатов, а по мажоритарной — от 20 до 40.

¹ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014.

² Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 59–80.

Отметим, что и при параллельной системе возможны некоторые элементы «связанности», которые, однако, не имеют принципиального значения. Так, в России кандидаты имеют право баллотироваться одновременно как в индивидуальном качестве в одномандатном (многомандатном) округе, так и по списку в едином округе. При определении результатов выборов кандидаты, избранные в одномандатном (многомандатном) округе, исключаются из списка по единому округу — в этом и состоит элемент связанности. Конституционный Суд РФ в 1998 году счел такую двойную баллотировку допустимой¹. Конституционный Суд Украины в тот же год принял противоположное решение, счтя двойную баллотировку нарушением принципа равного избирательного права² (более подробно эта проблема обсуждается в подразделе 4.6.2).

Как отмечалось выше, при введении параллельной системы предполагалось, что она позволит сочетать достоинства мажоритарной и пропорциональной избирательных систем³. Однако вполне резонно было и опасение, что сочетаться будут скорее недостатки этих систем, чем их достоинства; и это опасение в ос-

¹ Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999. С. 56–61.

² Тур А. И., Переозвчиков В. Н. Выборы депутатов Верховной Рады Украины: опыт международного наблюдения // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 7. С. 141; Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 99–100; Дахова И. И. Гарантии конституционных принципов избирательного права Украины // Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине. Харьков, 2012. С. 147–148.

³ Холодковский К. Г. Будущая избирательная система России и опыт Запада // Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 62–72; Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М.: Магистр, 1997. С. 38–43.

новном оправдалось¹. И действительно, главное достоинство пропорциональной системы, выраженное в ее названии (распределение мандатов пропорционально полученным партиями голосам), при параллельной системе чаще всего теряется (подробнее этот вопрос будет обсуждаться в разделе 5.2). В частности, на региональных и муниципальных выборах в России в период 2003–2015 годов достаточно часто возникала ситуация «сфабрикованного большинства»².

3.7.2. Двухголосые смешанные связанные системы

Впервые двухголосая смешанная связанная система была применена в ФРГ в 1953 году на выборах в бундестаг. Постепенно на эту систему перешли и

¹ Никонов В.А., Колмаков С.А. Закон о выборах: Оптимальная модель для России // Российский монитор. 1993. Вып. 3. С. 23–34; Голосов Г. В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 102–113; Михалева Г. М. Российские партии в контексте трансформации. М., 2009. С. 170; Голосов Г. В. Вопросы совершенствования избирательной системы // Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации. М., 2010. С. 93–94.

² Любарев А. Е. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрикованного большинства» // Юридические исследования. 2013. № 8. С. 65–118; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 226–230; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 359–364; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 501–503.

на выборах ландтагов в большинстве германских земель. Германская система остается наиболее известной и, по-видимому, наиболее удачной среди двухголосых смешанных связанных систем.

Германскую систему удобно сравнивать со смешанной несвязанной (параллельной) системой, действующей в Российской Федерации¹. Общим для германской и российской избирательных систем в первую очередь является наличие единого общефедерального избирательного округа, где конкурируют партийные списки, и одномандатных избирательных округов, где конкурируют кандидаты, в том числе и независимые. Число одномандатных округов в обеих странах равно половине от установленного числа депутатов. Что касается общефедерального округа, то в Германии, в отличие от России, его наличие официально не провозглашается, но фактически он существует: результаты, полученные каждой партией во всех землях, суммируются, и от этой суммы зависит, преодолела ли партия 5-процентный барьер, а также распределение мандатов (до 2013 года — предварительное, а в настоящее время, напротив, окончательное).

Общим также является наличие у избирателя двух голосов: за кандидата в одномандатном округе и за партийный список (в Германии они официально называются соответственно первый и второй голос). Однаковы и правила определения победителя в одномандатном округе: по системе относительного большинства, то есть побеждает тот, кто получает больше голосов, чем его соперники.

¹ Веденеев Ю.А., Васильев А. В. Сравнительный анализ избирательных систем России и Германии // Журнал о выборах. 2001. № 4. С. 22–26; Любарев А. Е. Сравнение германской и российской избирательных систем // Вопросы права и политики. 2013. № 11. С. 1–29.

В Германии партийные списки — земельные, то есть партия в каждой земле выдвигает отдельный список, однако голоса за земельные списки одной партии суммируются. В то же время выдвижение земельных списков приводит к некоторой особенности. Наиболее серьезные партии выдвигают списки во всех землях (правда, ХДС и ХСС, действуя формально порознь, фактически выступают как одна партия: ХДС не выдвигает списка в Баварии, а ХСС выдвигает список только в Баварии). Так, на выборах 2013 года таких партий было 10 (если считать ХДС/ХСС как одну партию). Однако значительное число менее серьезных партий выдвигают списки не во всех землях. В результате в разных землях получается разное число участвующих в выборах списков. В 2013 году списки выдвинули 30 партий, но наибольшее число списков (22) было в земле Северный Рейн — Вестфалия, а в 7 землях в выборах в бундестаг участвовало всего 12 списков.

Другая особенность заключается в том, что в Германии избиратель получает не два разных бюллетеня (как в России), а один сдвоенный бюллетень, в левой половине которого размещаются кандидаты по одномандатному округу, а в правой — земельные списки. При этом кандидаты, выдвинутые партиями, располагаются напротив земельного списка той же партии, а если партия выдвинула только список или только кандидата, то в другой половине оказывается пустое место.

Насколько это различие существенно? По-видимому, такая форма бюллетеня призвана побуждать избирателя использовать оба голоса для поддержки списка и кандидата от одной и той же партии. И на выборах в Германии наблюдается хорошая корреляция между результатами по первым и вторым голосам (см. подраздел 5.3.3).

Stimmzettel
für die Wahl zum Deutschen Bundestag im Wahlkreis 75 Berlin-Mitte
am 22. September 2013

Sie haben 2 Stimmen

hier 1 Stimme
für die Wahl
eines/einer Wahlkreisabgeordneten

hier 1 Stimme
für die Wahl
einer Landesliste (Partei)

- maßgebende Stimme für die Verteilung der Sitze insgesamt auf die einzelnen Parteien -

Erststimme

1	Dr. Lengsfeld, Philipp Physiker, Wiss. Mitarbeiter Berlin	CDU Christlich Demokratische Union Deutschlands	☐
2	Dr. Lederer, Klaus Rechtsanwalt Berlin	DIE LINKE DIE LINKE	☐
3	Dr. Högl, Eva Juristin, MdB Berlin	SPD Sozialdemokratische Partei Deutschlands	☐
4	Mutlu, Özcan Dipl.-Ing. Berlin	GRÜNE BUNDSSOCHE GRÜNEN	☐
5	Bade, Hartmut Selbstständig Berlin	FDP Freie Demokratische Partei	☐
6	Lehnen, Therese Rechtsanwältin Berlin	PIRATEN Piratenpartei Deutschland	☐
7	Miosga, Richard Kaufmann Berlin	NPD Nationaldemokratische Partei Deutschlands	☐
9	Köppen, Daniel Installateur Berlin	BüSo Bürgerrechtsbewegung Solidarität	☐

Zweitstimme

1	Christlich Demokratische Union Deutschlands	☐
2	DIE LINKE	☐
3	Sozialdemokratische Partei Deutschlands	☐
4	BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN	☐
5	Freie Demokratische Partei	☐
6	Piratenpartei Deutschland	☐
7	Nationaldemokratische Partei Deutschlands	☐
8	DIE REPUBLIKANER	☐
9	Bürgerrechtsbewegung Solidarität	☐
10	ÖDP	☐
11	Partei für Soziale Gleichheit, Sektion der Vierten Internationale	☐
12	Marxistisch-Leninistische Partei Deutschlands	☐
13	Alternative für Deutschland	☐
14	Blindniss für Innovation & Gerechtigkeit	☐

		Bürgerbewegung pro Deutschland pro Deutschland	15
16	Mohammad, Furat <small>Student Berlin</small>	FREIE WÄHLER FREIE WÄHLER	☐
17	Hamann, David <small>Historiker Berlin</small>	Die PARTEI Partei für Arbeit, Rechtsstaat, Tierschutz, Elternförderung und bürgerliche Initiative	☐
18	Boes, Ralph <small>Philosoph Berlin</small>	Bedingungsloses Grundeinkommen	☐
21	Erler, Tunia <small>Bibliothekarbeiterin Berlin</small>	DKP Deutsche Kommunistische Partei	☐
25	Sylla, Franziska <small>Dipl.-Betriebswirtin, Journalistin Berlin</small>	Journalistin	☐

Иллюстрация 3.5. Образец избирательного бюллетеня на выборах в бундестаг 22 сентября 2013 года, избирательный округ № 75 (источник: сайт руководителя по проведению выборов в земле Берлин)

Однако есть в германском законе норма, которую просто невозможно реализовать в случае раздельных бюллетеней. Она призвана предотвратить сговоры и манипуляции (о которых речь пойдет дальше); впрочем, ее до сих пор не довелось применять. Звучит эта норма так: если в одномандатном округе победит кандидат, выдвинутый избирателями, или кандидат, выдвинутый партией, которая не выдвигала список в данной земле, или партией, которая не была допущена к распределению мандатов (последнее дополнение появилось после 2002 года), вторые голоса избирателей, подавших первые голоса за этого кандидата, не учитываются при распределении мандатов между списками.

Еще одна особенность: в Германии к распределению мандатов, помимо партий, преодолевших 5-процентный барьер, допускаются также партии, получившие не менее трех мандатов в одномандатных округах, а также партии, представляющие наци-

ональные меньшинства. Однако после 1957 года на выборах в бундестаг это положение пришлось применять лишь однажды: в 1994 году Партия демократического социализма получила 4,4% вторых голосов, но была допущена к распределению мандатов, так как ее кандидаты победили в четырех одномандатных округах.

Но наиболее важная особенность состоит в порядке распределения мандатов в целом. Стоит отметить, что немецкие эксперты предпочитают называть свою избирательную систему *персонализированной пропорциональной*, подчеркивая тем самым, что это по сути пропорциональная система, где мажоритарная составляющая не влияет на партийный расклад, а лишь обеспечивает возможность избирателей голосовать персонализированно.

Главный принцип германской избирательной системы: мандаты должны распределяться пропорционально голосам избирателей. В соответствии с этим принципом сначала определяется, сколько всего мандатов должна получить каждая партия, преодолевшая 5-процентный барьер. Затем из этого числа вычитается число мандатов, завоеванных этой партией в одномандатных округах. И оставшиеся мандаты получают кандидаты из земельных списков партии¹.

¹ Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 140–142; Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136; Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства. М., 2004. С. 294–323; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 107–189; Фахретдинова А. Избирательная система Германии в решениях Конституционного суда ФРГ // Журнал о выборах. 2008. № 6. С. 53–57; Румянцев А. «Избыточные» мандаты и проблема легитимности в немецком избирательном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6. С. 5–15.

Здесь также возможны искажения, однако до последних выборов они были не слишком велики (см. раздел 5.2). Стоит также обратить внимание, что ни разу на выборах в бундестаг не возникала ситуация «сфабрикованного большинства» (хотя в 2013 году Германия оказалась близка к ней). Но если бы на выборах в бундестаг действовала смешанная несвязанная (параллельная) избирательная система, то такая ситуация неизбежно получалась бы. Например, по итогам голосования на выборах 2009 года параллельная система дала бы блоку ХДС/ХСС, получившему 33,8% голосов, 54,5% мандатов.

Искажения на выборах в бундестаг происходили из-за двух факторов: за счет «потери» голосов с партиями, не преодолевшими 5-процентный барьер, и за счет «избыточных» мандатов. Об «избыточных» мандатах речь пойдет дальше, но сразу стоит отметить, что их роль в искажениях была небольшой. Лишь в 2009 году, когда число «избыточных» мандатов оказалось наибольшим (24) и все они достались блоку ХДС/ХСС, это искажение оказалось существенным: они увеличили долю мандатов, полученных этим блоком, на 2,4 процентного пункта, в то время как искажения за счет барьера составили 2,2 процентного пункта.

На выборах в бундестаг суммарная доля голосов за партии, не допущенные к распределению мандатов, до последних выборов никогда не была большой. Максимум за период 1953–2009 годов составил 8,05% (это было в 1990 году, на первых выборах в объединенной Германии), а в 1972, 1976 и 1983 годах эта доля была менее 1%. Лишь изредка возникала ситуация, когда какая-либо партия получала более 3% голосов и не была допущена к распределению мандатов. В 1957 году такое случилось с партией GB/BHE (4,6%), в 1969 году — с Национал-демократической партией

(4,3%), в 1990 году — с зелеными (3,8%), в 2002 году — с Партией демократического социализма (4,0%).

Однако в 2013 году сразу две партии лишь немногого недобрали до 5-процентного барьера: представленная во всех прежних созывах бундестага Свободная демократическая партия (СвДП, 4,8%) и новая партия «Альтернатива для Германии» (4,7%). В результате общая доля голосов за партии, не допущенные к распределению мандатов, достигла 15,7%, что привело к довольно сильным искажениям пропорциональности (см. раздел 5.2).

«Избыточные» мандаты появляются в тех случаях, когда земельный список партии должен получить по результатам пропорционального распределения меньше мандатов, чем партия выиграла в одномандатных округах этой земли. В таком случае все выигранные в одномандатных округах мандаты остаются у победителей, а недостаток мандатов покрывается за счет увеличения числа депутатов в бундестаге.

До объединения Германии количество «избыточных» мандатов было небольшим (см. таблицу 3.1). В 1965–1976 годах «избыточных» мандатов вообще не было. После объединения Германии их число возросло, при этом большая часть их получалась в восточных землях.

Таблица 3.1. «Избыточные» мандаты на выборах в бундестаг

Год	Общее число	В восточных землях	У одной партии
1953	3	—	2 (ХДС)
1957	3	—	3 (ХДС)
1961	5	—	5 (ХДС)
1980	1	—	1 (СДПГ)

1983	2	—	2 (СДПГ)
1987	1	—	1 (ХДС)
1990	6	6	6 (ХДС)
1994	16	13	12 (ХДС)
1998	13	12	13 (СДПГ)
2002	5	4	4 (СДПГ)
2005	16	11	9 (СДПГ)
2009	24	7	21 (ХДС)

Как показывает анализ, появлению «избыточных» мандатов благоприятствует ряд факторов. Во-первых, однородность избирателей способствует тому, что партия, имеющая поддержку относительного большинства избирателей, может выиграть в большей части одномандатных округов или даже во всех округах. Восточные земли (не считая Берлина) оказались избирательно более однородными по сравнению с западными (кроме Бремена, Гамбурга и Саарленда). Во-вторых, более сильная конкуренция и соответственно больший разброс голосов позволяют побеждать в одномандатных округах с более низким уровнем поддержки. В восточных землях конкуренция в основном сильнее, чем в западных: там помимо ХДС и СДПГ сильны позиции левых. В-третьих, до последних выборов определенную роль играла и разница в активности избирателей: земли с более низкой явкой получали меньшее число мандатов. А в восточных землях активность избирателей ниже, чем в западных.

Впрочем, следует отметить, что в Германии «избыточные» мандаты появляются главным образом из-за того, что сравнение числа пропорциональных и мажоритарных мандатов производится в каждой земле по отдельности. Если бы это сравнение производилось на федеральном уровне, то «избыточные»

мандаты возникли бы только один раз — в 2009 году, и их было бы всего 3.

В 2009 году число «избыточных» мандатов резко возросло (до 24), и все они достались ХДС и ХСС; при этом большая часть таких мандатов образовалась в западных землях — Баден-Вюртемберге (10) и Баварии (3). При этом еще в 1997 году Конституционный суд ФРГ счел, что число «избыточных» мандатов не должно быть больше 5% от номинального числа депутатов (598), то есть не должно быть больше 29.

Чуть раньше был выявлен и более серьезный дефект системы. Оказалось, что возможна ситуация, когда прирост числа голосов, поданных за партию, приводит к потере этой партией мандата (впрочем, нет ясности в механизме такого нарушения монотонности, и, по-видимому, оно связано с действовавшей в то время многоступенчатой процедурой распределения мандатов). Проанализировав такую ситуацию, Конституционный суд ФРГ в июле 2008 года счел ее недопустимой и дал законодателям трехлетний срок для ее исправления. Парламентарии не стали спешить, и выборы 2009 года прошли по прежней схеме¹.

В 2013 году в закон был внесен ряд изменений, главное из которых — введение системы «выравнивающих» мандатов, которая к тому времени уже была опробована в некоторых землях². Суть этой новеллы в том, что в случае получения какой-либо партией

¹ Фахретдинова А. Избирательная система Германии в решениях Конституционного суда ФРГ // Журнал о выборах. 2008. № 6. С. 53–57; Румянцев А. «Избыточные» мандаты и проблема легитимности в немецком избирательном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6. С. 5–15.

² Проблемам применения системы «выравнивающих» мандатов в земле Шлезвиг-Гольштейн посвящена статья: Румянцев А. «Избыточные» мандаты — 2: региональная

«избыточных» мандатов другие партии должны получить «выравнивающие» мандаты, чтобы доля мандатов у всех партий соответствовала доле полученных ими голосов (если считать последнюю от числа голосов, поданных за партии, участвующие в распределении мандатов).

Кроме того, был изменен порядок распределения мандатов. Если раньше мандаты сначала распределялись между партиями, а потом мандаты каждой партии распределялись между ее земельными списками, то в соответствии с новым порядком сначала определяют, сколько каждой земле положено мандатов исходя из пропорции населения, и затем в каждой земле распределяют мандаты между партиями.

На выборах 2013 года образовалось всего 4 «избыточных» мандата (у ХДС в трех восточных землях и Саарленде), но это потребовало добавления 28 «выравнивающих» мандатов, и общее число депутатов бундестага выросло до 630. В результате доля мандатов оказалась идеально соответствующей доле голосов, рассчитанной от числа голосов, поданных за партии, участвующие в распределении мандатов: наибольшее расхождение составило 0,1%. Но, как отмечалось ранее, из-за завышенного заградительного барьера существенными оказались расхождения между долей мандатов и долей голосов, рассчитанной от числа действительных бюллетеней.

Аналогичная избирательная система используется в настоящее время на выборах в ландтаги большинства германских земель. Особый вариант двухголосой смешанной связанной системы сложился в Баварии. Здесь партийные списки — открытые. Поэтому избиратели получают два разных бюллетеня: небольшой для голосования за кандидатов в одномандатном

победа принципа пропорциональности // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6. С. 101–106.

округе и огромный для голосования за партийные списки и кандидатов в них. При этом при установлении очередности получения мандатов кандидатами внутри списка учитываются голоса, поданные за кандидатов в обоих бюллетенях¹.

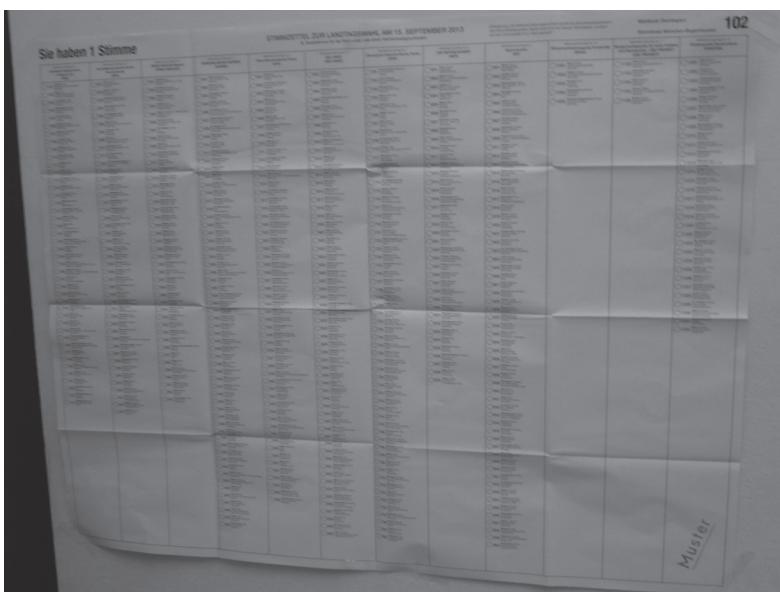

Иллюстрация 3.6. Образец избирательного бюллетеня на выборах в ландтаг Баварии 15 сентября 2013 года, избирательный округ № 102 (фото автора)

Избирательная система, близкая к германской, принята в Новой Зеландии. Здесь 70 депутатов избираются по одномандатным округам (по 63 общим и 7 этническим — для маори) и 50 — по партийным спискам. В случае появления «избыточных» мандатов число депутатов увеличивается².

¹ Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 112; <http://www.wahlen.bayern.de/landtagswahlen/>.

² Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 72.

В Великобритании аналогичная система получила название «системы дополнительного членства» (Additional Member System). Она используется для выборов Парламента Шотландии (73 мандата в одномандатных округах и 56 списочных мандатов в 8 округах), Национальной ассамблеи Уэльса (40 мандатов в одномандатных округах и 20 списочных мандатов в 5 округах) и Ассамблеи Лондона (14 мандатов в одномандатных округах и 11 списочных мандатов в едином округе)¹.

К двухголосым смешанным связанным системам обычно относят также избирательные системы, действовавшие в 1990-х и 2000-х годах в Мексике, Боливии, Венесуэле, Албании, Венгрии, Италии, Лесото² (в большинстве из перечисленных стран от них уже отказались). Однако эти системы сильно отличались от германской и не давали столь хорошего приближения к пропорциональности.

Так, в Мексике 300 депутатов Палаты депутатов избираются по одномандатным округам и еще 200 — по пропорциональной системе в пяти многомандатных округах (с 2-процентным барьером). Связанность

¹ Коданева С. И. Британский регионализм (конституционная реформа). М., 2004. С. 52–78; Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 27–36; Болотина Е. В., Овденко М. А. Избирательное право европейских государств (Великобритания, ФРГ, Франция). СПб., 2008. С. 10–18; Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

² Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 220; Голосов Г. В. Вопросы совершенствования избирательной системы // Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации. М., 2010. С. 93–94; Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

системы проявляется в двух положениях закона. Во-первых, общий процент депутатов от партии не должен превышать процент голосов, поданный за эту партию на общенациональном уровне, более чем на 8 процентных пунктов. Однако если партия в одномандатных округах получила долю мандатов, превышающую процент поданных за партию голосов более чем на 8%, она просто исключается из распределения мандатов по партийным спискам, но данное превышение никак не компенсируется. Во-вторых, ни одна партия не может получить более 300 мандатов, а если за нее подано более 60% голосов — более 315 мандатов (63%)¹.

В некоторых работах двухголосые смешанные связанные системы разделяются на две подгруппы: те, где связанность осуществляется через распределение мандатов («seat linkage», к ним относятся системы Германии, Новой Зеландии, Албании, Боливии, Венесуэлы, Лесото, Шотландии, Уэльса и Лондона), и те, где связанность проявляется при расчете голосов («vote linkage», к ним относятся системы Венгрии и Италии)².

В Венгрии до 2014 года Национальное собрание состояло из 386 депутатов. Из них 176 избирались в одномандатных округах по мажоритарной системе с перебаллотировкой. Для избрания в первом туре необходимо было получить абсолютное большинство; если никто его не набирал, во второй тур выходили кандидаты, получившие более 15% голосов, но не

¹ Гомберг А. Эволюция в условиях диктатуры // *Pro et Contra*. 2008. Т. 12. № 1 (40). С. 46–61; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 2. Американский континент. М., 2010. С. 38–39, 665–667, 691.

² Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // *Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

менее трех кандидатов. До 152 мандатов замещались по пропорциональной системе в 20 многомандатных округах с использованием квоты Друпа. Таким образом, избиратель голосовал двумя бюллетенями: по одномандатному округу и по многомандатному. Остальные 58 мандатов плюс мандаты, оставшиеся незамещенными в многомандатных округах, распределялись в общенациональном округе на основе суммы остаточных голосов, то есть голосов, не реализованных в одномандатных и многомандатных округах. Именно эти мандаты обеспечивали связность избирательной системы¹.

В Италии в период с 1993 по 2005 год на выборах в Палату депутатов действовала наиболее сложная система. Страна делилась на 26 округов, из которых 25 были многомандатными (исключение составляла провинция Вале д'Аоста). Каждый из многомандатных округов в свою очередь делился на одномандатные. При этом число одномандатных округов составляло примерно 75% от числа мандатов, выделенных данному многомандатному округу. Соответственно остальная четверть мандатов распределялась по пропорциональному принципу. Избиратель голосовал двумя бюллетенями — за кандидата в одномандатном округе и за список в многомандатном. Каждый кандидат в одномандатном округе был привязан к

¹ Надаис А. Выбор избирательных систем // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 70–78; Голосов Г. В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 102–113; Яжборовская И. С. Развитие парламентской избирательной системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Журнал о выборах. 2005. № 3. С. 63–67; 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. Р. 36–37; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 4. Европейско-Азиатский регион. М., 2015. С. 249–255.

одному или нескольким спискам, выдвинутым в одномандатном округе.

В одномандатных округах избранными считались кандидаты, получившие относительное большинство. Но для распределения остальной четверти мандатов применялась сложная процедура. Мандаты распределялись в общегосударственном масштабе с 4-процентным заградительным барьером исходя не из полной суммы голосов, полученных списками, но каждая такая сумма предварительно уменьшалась в зависимости от результатов в одномандатных округах. В каждом одномандатном округе, где кандидат, связанный с данным списком, был избран, из результата списка вычиталось число голосов, полученных кандидатом, занявшим второе место, плюс один голос. При этом вычитаемое не могло составлять меньше 25% действительных голосов в соответствующем одномандатном округе за исключением случаев, когда избранный в этом округе кандидат получил меньшую долю¹. Иными словами, выигрыш партии мандатов в одномандатных округах приводил к некоторому (заранее не предсказуемому) снижению числа мандатов, получаемых ей по пропорциональной составляющей.

Еще один вариант двухголосой связанной системы второго типа предложил Д. М. Худолей. В его модели по одномандатным округам избирается треть депутатов. Остальные две трети мандатов («компенсационные») распределяются пропорционально «компенсационному» числу голосов, которое для

¹ Фузаро К. Правила переходного периода: новое избирательное законодательство Италии 1993 года // Реформы избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы. М., 1995. С. 8–38; Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства. М., 2004. С. 358–360, 387–391.

каждой партии вычисляется следующим образом: во-первых, к числу голосов, поданных за партию по единому округу, прибавляется число голосов, полученных кандидатами от этой партии, проигравшими в одномандатных округах, во-вторых, из данной суммы вычитается число голосов, поданных за кандидатов от этой партии, которые избраны в одномандатных округах, деленное на два¹.

На модельном примере, где за основу взяты итоги голосования на выборах в Законодательное Собрание Пермского края 2011 года, автор показал, что данная система дает хорошее приближение к пропорциональности. Однако система эта (как и итальянская) предусматривает сложную и неочевидную процедуру расчета. В качестве преимущества ее перед германской автор отметил лишь недопущение «раздувания» парламента, хотя эту же задачу можно решить более простым способом.

Двухголосая смешанная связанная система была предложена в проекте Избирательного кодекса РФ, разработанного под руководством автора данной книги, для выборов депутатов Государственной Думы. За образец взята германская избирательная система. В то же время предлагаемая в проекте система имеет и ряд отличий.

Первое отличие связано с тем, что Конституция РФ устанавливает фиксированное число депутатов Государственной Думы. В связи с этим методика распределения мандатов несколько модифицирована, с тем чтобы отказаться от института «избыточных мандатов». Если партия, допущенная к распределению мандатов, получит по одномандатным округам больше мандатов, чем ей причитается по единому

¹ Худолей Д. М. Анализ связанных и параллельных избирательных систем // Научный вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4. С. 93–100.

округу, данная партия исключается из числа партий, допущенных к распределению мандатов, и после этого проводится новое распределение мандатов. Это приведет к большему искажению пропорциональности, чем в случае «избыточных» мандатов, но все же искажение не должно быть слишком велико. К тому же, по оценкам автора, такие случаи будут крайне редкими (если вообще будут встречаться).

Второе отличие заключается в том, что в проекте Кодекса предложено сохранить ставшую уже традиционной для Российской Федерации модель разбиения единого федерального списка на территориальные группы, которые могут как объединять несколько субъектов РФ, так и включать часть территории большого субъекта РФ (см. подраздел 4.2.2).

Третье отличие связано с сохранением традиционного для России голосования с помощью двух бюллетеней. Соответственно в проекте не предусмотрена возможность исключения голосов в случаях, когда избиратель голосует за список одной партии и кандидата от другой.

Четвертое отличие касается допуска партий к распределению мандатов. Проект предусматривает 3-процентный заградительный барьер (в отличие от 5-процентного в Германии), но не предусматривает допуска к распределению мандатов партий, не преодолевших барьер, но проведших своих кандидатов в нескольких одномандатных округах¹.

Как показывает анализ, смешанная связанная система действительно позволяет сочетать достоинства мажоритарной и пропорциональной систем. С одной стороны, она обеспечивает партийное представительство пропорционально поданным за партии

¹ Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 54–57, 170, 354–355, 370–372, 431–432, 442.

голосам. С другой стороны, она обеспечивает также территориальное представительство, позволяет избирателю голосовать за конкретные личности и обеспечивает возможность участия в выборах независимых кандидатов на равных условиях с партийными.

Однако, как отмечали Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт, «роль личного элемента в данной системе носит иллюзорный характер: точно так, как и в Англии или во Франции наибольший успех имеют те кандидаты, которых их партии выдвигают на самые верные места»¹. Дальнейшие исследования подтвердили, что в Германии результаты по одномандатным округам определяются в основном авторитетом партии и в минимальной степени — личностью кандидата².

Как отмечал Г.В. Голосов, успеху двухголосой смешанной связанной системы в Германии способствовало то, что к моменту ее введения в стране уже успели сложиться устойчивые партийные традиции. В современных новых демократиях, где партийные системы только начинают формироваться, применение такой системы, по мнению Г.В. Голосова, чревато различными аномалиями³.

Эти аномалии связаны с возможностью избирателя голосовать одновременно за список одной партии и за кандидата другой партии или независимого кандидата (расщепление голосов, шплиттинг). Считает-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 110.

² Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 142–144.

³ Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 209–210.

ся, что такая возможность таит опасность сговоров и манипуляций. Так, две достаточно сильные партии могут сговориться и призвать сторонников обеих партий голосовать за список одной из них, а за кандидатов другой¹. Для такого сговора могут быть два мотива. Первый — когда есть опасность, что один из двух партнеров по предполагаемой коалиции не преодолеет заградительный барьер. Именно такая ситуация произошла на выборах в ландтаг Нижней Саксонии в январе 2013 года, когда голоса сторонников ХДС помогли преодолеть барьер СвДП, однако это не спасло коалицию ХДС и СвДП от поражения. Предполагалось, что ситуация может повториться на выборах в бундестаг в сентябре 2013 года, однако на этих выборах СвДП не сумела преодолеть 5-процентный барьер.

Второй мотив — подобный сговор может привести к получению одной из партий «избыточных» мандатов, что позволит этим двум партиям завоевать суммарно большую долю мандатов. Есть предположение, что именно таким сговором обусловлено появление «избыточных» мандатов в Баден-Вюртемберге на выборах в бундестаг 2005 и 2009 годов. Однако прямой выигрыш от такого сговора не очень большой, а репутационные потери могут быть гораздо существеннее. К тому же после изменения закона и введения «выравнивающих» мандатов данный мотив исчезает.

Гораздо опаснее сговор, при котором одна партия выдвигает только списки, а другая — только кандидатов. Именно такой сговор произошел в 2007 году в Лесото, где использовали германскую избирательную

¹ Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 142–144; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 174–175.

систему¹. Однако это возможно лишь в условиях неразвитой партийной системы и хорошо управляемого избирателем. Полагаем, что не только в Германии, но и в большинстве российских регионов подобный сговор был бы обречен на неуспех. Впрочем, германский закон ставит для такого сговора и институциональное препятствие: как отмечалось выше, в случае победы независимого кандидата или кандидата от партии, не выдвинувшей списка или не преодолевшей барьер, не учитываются вторые голоса всех избирателей, проголосовавших своим первым голосом за этого кандидата. Таким образом, очевидно, что в Лесото германская система была скопирована не полностью.

Что касается России, то здесь есть подобная, но несколько иная опасность — также в том случае, если германская система будет взята без этой подстраховочной нормы. В нашей стране, в отличие от Германии, избиратели охотно голосуют за формально независимых кандидатов. И достаточно часты примеры, когда представители партий баллотируются как независимые. Поэтому использование смешанной связанной системы с двумя голосами у избирателя может стимулировать партии «прятать» своих кандидатов под маской независимых. Это может оказаться особенно выгодно для партии-лидера, которая в таком случае фактически (то есть вместе со своими «замаскированными» независимыми кандидатами) может получить непропорциональное представительство (как это произошло на выборах в Государственную Думу в 2003 году²).

¹ Голосов Г. В. Вопросы совершенствования избирательной системы // Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации. М., 2010. С. 93–94.

² Голосов Г. В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // ПОЛИС. 2005. № 1. С. 108–119.

Полагаем, что у таких манипуляций все же есть серьезные ограничивающие факторы. Первый фактор: кандидаты, выдвинутые в округах в качестве независимых, не смогут работать на результат партии в едином округе, что неизбежно приведет к его снижению. Второй фактор: кандидаты, избранные в качестве независимых, не будут никак обязаны партии своим избранием, и это сильно подорвет партийную дисциплину. Еще один способ снизить опасность подобных манипуляций будет обсужден в разделе 6.4.

3.7.3. Системы «добавочных представителей»

Характерной чертой систем «добавочных представителей» является то, что избиратели голосуют за кандидатов в одномандатных или многомандатных округах, но их голоса засчитываются также партиям, выдвинувшим этих кандидатов. Таким образом, голос избирателя имеет двойной вес. Система в принципе не исключает возможности участия в выборах независимых кандидатов, но поданные за них голоса двойного веса не имеют.

При определении результатов выборов вначале часть мандатов (фиксированная или плавающая) распределяется на основании итогов голосования за кандидатов. На втором этапе оставшиеся нераспределенными мандаты распределяются уже на основании голосов, засчитанных партиям.

Сразу следует отметить тонкую грань между этими системами и той разновидностью системы открытых списков, при которой избиратель отмечает в бюллетене лишь кандидата (см. раздел 3.6). Разница здесь в том, что при системе открытых списков голос избирателя засчитывается в первую очередь партии (даже в том случае, когда избиратель партию явно

не отмечает) и лишь во вторую очередь кандидату, а при системе «добавочных представителей» голос избирателя в первую очередь засчитывается кандидату и только затем партии.

Теоретически может существовать множество систем «добавочных представителей», различающихся рядом параметров. Однако их можно разделить на две группы. В одном случае распределение мандатов между партиями происходит независимо от результатов первичного распределения мандатов между кандидатами — здесь просматривается некоторая аналогия с параллельными избирательными системами (см. подраздел 3.7.1). Такие системы мы назвали *остаточно-пропорциональными*¹. В другом варианте при распределении мандатов на втором этапе стремится достичь пропорционального распределения между партиями в целом аналогично тому, как это достигается при двухголосой смешанной связанной системе. Эту модель Р. Таагепера и М. С. Шугарт назвали *системой «компенсаторных представителей»*².

Как отмечалось в разделах 2.2–2.4, разновидности остаточно-пропорциональной системы применялись в конце 19-го — начале 20-го века на муниципальных выборах в Бельгии, а в 1919–1924 и 1951–1956 годах на парламентских выборах во Франции. Выборы проводились в многомандатных округах. В Бельгии сначала избранными признавались кандидаты, получившие абсолютное большинство голосов, а затем остальные мандаты распределялись по пропорциональному принципу. Во Франции если какая-либо партия в избирательном округе получала абсолютное большин-

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 38.

² Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136.

ство, она забирала в округе все мандаты, если этого не происходило, мандаты в округе распределялись пропорционально голосам избирателей.

Примером длительного использования подобной системы являются выборы в итальянский сенат с 1958 по 1992 год. Голосование проводилось в одномандатных округах. В каждом округе партия или «организованная политическая группа» могла выставить одного кандидата. При этом одна и та же кандидатура могла выдвигаться лишь в одной области и не более чем в трех ее избирательных округах. Кандидаты должны были объединяться в группы — это могли быть кандидаты от одной партии, но допускалось и объединение кандидатов от разных партий.

На первом этапе для избрания требовалось квалифицированное большинство (65% голосов). В большинстве округов (94–98%) после первого этапа мандаты оставались незамещенными, и далее эти мандаты распределялись в рамках отдельных областей по пропорциональной системе с использованием метода д’Ондта между заранее определенными группами кандидатов¹.

В пользу остаточно-пропорциональной системы неоднократно высказывались некоторые российские эксперты и политики. Так, в 1992 году подобная система была предложена в проектах законов Российской Федерации «Об основах избирательного процесса» и «О выборах в Верховный Совет Российской Федерации», подготовленных рабочей группой во главе с народным депутатом РФ В.А. Балалой². Со-

¹ Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 68–114.

² Указанные законопроекты опубликованы в книге: Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 276–308.

гласно этим проектам, выборы должны были проводиться в 450 одномандатных округах, в которых выдвигались кандидаты. Кроме того, партии и общественно-политические объединения, чьи кандидаты были зарегистрированы не менее чем в 45 округах, имели право зарегистрировать общефедеральный список кандидатов. По результатам голосования в одномандатных округах избранным должен был считаться кандидат, получивший больше голосов по отношению к другим кандидатам, но не менее 20% от числа избирателей, внесенных в списки. Мандаты, оставшиеся незамещенными, должны были распределяться в масштабе единого общефедерального округа пропорционально сумме голосов, поданных в одномандатных округах за кандидатов, включенных в общефедеральные партийные списки, которые преодолели 2-процентный барьер.

В 1994 году похожая система была предложена в проекте закона о выборах депутатов Государственной Думы, разработанном группой сотрудников Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ под руководством В. И. Васильева и А. Е. Постникова¹. Наиболее принципиальное отличие данного проекта от проекта группы В. А. Балалы заключалось в следующем. В поддержку общефедеральных списков кандидатов необходимо было отдельно собирать подписи. При этом, если избирательное объединение, зарегистрировавшее общефедеральный список, не имело в одномандатном округе своего кандидата, в бюллетень по данному округу должно было вноситься название избирательного объединения. В случае если за данное объединение в округе подано наибольшее количество голосов, оно должно было получить до-

¹ Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. М., 1995. С. 105–161.

полнительный мандат для кандидата из своего общефедерального списка. Для распределения мандатов по общефедеральному округу должны были суммироваться голоса, поданные как непосредственно за избирательное объединение, так и за ее кандидатов, выдвинутых в одномандатных округах.

Кроме того, в отличие от проекта группы В. А. Баллы, в этом проекте предлагалось считать избранными в одномандатных округах тех кандидатов, которые получили не менее 30% голосов от числа принявших участие в голосовании (и больше, чем дано за других кандидатов и за избирательные объединения). Порог в 30% был взят исходя из результатов выборов 1993 года: тогда этот порог преодолела примерно половина кандидатов, избранных в одномандатных округах¹. Заградительный барьер предлагался 5% для избирательных объединений и 7% для избирательных блоков.

Еще одной попыткой введения данной системы был проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”», предложенный группой депутатов Государственной Думы (О. В. Морозов, Н. К. Хуснутдинов, А. Г. Чершинцев, М. Л. Шаккум и В. Б. Шуба) в сентябре 2001 года и отозванный ими в апреле 2003 года².

Что касается систем «компенсаторных представителей», то идею одной из таких систем можно найти в работе В. В. Водовозова 1905 года³. В ней предлага-

¹ Постников А. Е. Избирательное право России. М., 1996. С. 105.

² <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=132611-3&02>; http://www.democracy.ru/x-files/dumalaw/duma_draft_law_2/index.html.

³ Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. С. 45–47.

лось избирать по одномандатным округам примерно половину депутатов. При распределении оставшихся мандатов должна учитываться квота, которая равна (или примерно равна) половине от среднего числа избирателей, проголосовавших в округе. Избранные кандидаты, получившие излишек голосов по сравнению с квотой, могут передать этот излишек другим кандидатам от той же партии; также кандидаты, получившие недостаточное число голосов, могут передавать свои голоса однопартийцам, пока число зачтенных им голосов не достигнет квоты¹.

Хорошим примером системы «компенсаторных представителей» является система, которая была применена в ФРГ на первых выборах в бундестаг 1949 года. Голосование происходило в одномандатных округах, где баллотировались кандидаты, и каждый избиратель имел один голос². Подобная система долгое время сохранялась на выборах в ландтаги пяти земель (Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц, Гессен, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн)³.

В настоящее время она действует только в Баден-Вюртемберге. Выборы проводятся в 70 одномандатных округах. Избранными в этих округах считаются кандидаты, получившие относительное большин-

¹ В. В. Водовозов писал о праве передачи кандидатом голосов «по своему усмотрению». Очевидно, что такое право порождает коррупцию. Однако в данном случае можно предусмотреть формализованный механизм передачи голосов, который бы исключал «усмотрение» — как личное кандидата, так и партийного руководства.

² Bawn K. The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // Amer. J. Political Sci. 1993. Vol. 37. № 4. P. 968–972; Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

³ Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 112–113.

ство. Оставшиеся 50 мандатов распределяются в четырех укрупненных округах между партиями, получившими более 5% голосов. Как и в случае системы с двумя голосами (см. подраздел 3.7.2), определяется, сколько мандатов должны получить партии в соответствии с пропорцией голосов, и из этого числа вычитываются мандаты, завоеванные партией в одномандатных округах. При этом партийных списков нет, поэтому оставшиеся после вычитания мандаты получают партийные кандидаты с наибольшим абсолютным числом голосов. Если партия получила в одномандатных округах больше мандатов, чем ей положено в соответствии с пропорцией, добавляются «избыточные» и «выравнивающие» мандаты (здесь «выравнивающие» мандаты появились раньше, чем на выборах в бундестаг)¹.

В Эстонии 101 депутат парламента избирается в 12 многомандатных округах. Всем зарегистрированным кандидатам присваиваются личные регистрационные номера. Избиратель при голосовании с использованием бумажного бюллетеня пишет в нем регистрационный номер выбранного им кандидата, а при голосовании через Интернет делает отметку напротив имени предпочтаемого кандидата. Распределение мандатов проходит в три этапа. На первом этапе в каждом округе избранными признаются кандидаты, число голосов за которых больше квоты Хэйра (отношения числа действительных голосов к числу мандатов в данном округе). На втором этапе в распределении мандатов участвуют только партии, получившие более 5% в общенациональном масштабе. Мандаты распределяются между партиями в округе с учетом уже полученных мандатов и также

¹ Trefs M. Voter confusion in German federal election: the Baden-Württemberg electoral system as a possible alternative // German Politics. 2003. Vol. 12. № 3. P. 82–106.

с использованием квоты Хэйра, причем при остатке более 75% квоты партия получает дополнительный мандат. Меньшие остатки учитываются уже на третьем этапе, когда оставшиеся нераспределенными мандаты распределяются в общенациональном округе¹. В целом такая система позволяет достигать хорошего соответствия между долей голосов за партии и долей получаемых ими мандатов (см. таблицу 5.12 в разделе 5.2).

В Румынии в 2008 году была принята система, при которой избиратели голосуют за кандидатов в одномандатных округах. Для избрания в округе необходимо получить абсолютное большинство. Оставшиеся мандаты распределяются между партиями пропорционально голосам, поданным за их кандидатов (без учета голосов, поданных за кандидатов, избранных в округах). Партийных списков нет, поэтому мандаты, полученные партиями на этом этапе, достаются не избранным на первом этапе кандидатам, получившим наилучшие результаты в округах².

В 2004 году в пользу подобной системы для выборов в Государственную Думу высказывался Г. А. Сатаров, однако он обрисовал ее лишь в общих чертах. Согласно его описанию, при сохранении существующей численности Думы страна должна разбиваться на 100–150 избирательных округов, в которых баллотировались бы кандидаты, как партийные, так и независимые. От каждого округа может быть избрано

¹ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 85–89; Худолей Д. М. Анализ связанных и параллельных избирательных систем // Научный вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 93–100.

² Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

не более одного независимого кандидата — избранными считаются независимые кандидаты, занявшие первое место или выполнившие другое квотное условие, предусмотренное законом. Остальные места распределяются между партиями пропорционально голосам, поданным за их кандидатов, а затем мандаты внутри партии распределяются в зависимости от результатов, полученных ее кандидатами в округах¹.

Г. В. Голосов считает, что для новых демократий системы «компенсаторных представителей» более перспективны, чем связанные смешанные системы с двумя голосами, описанные в подразделе 3.7.2, поскольку они исключают манипуляции, связанные с расщеплением голосов². Однако отсутствие возможности расщепления голосов можно считать не только достоинством, но и недостатком данного вида избирательных систем.

Этот недостаток заключается в том, что голоса за кандидатов автоматически засчитываются партиям. Конституционный Суд РФ уже имел возможность высказать свою позицию по близкому поводу: в своем постановлении от 17 ноября 1998 года № 26-П он отметил, что «подпись избирателя в поддержку конкретного кандидата в одномандатном избирательном округе не обязательно означает, что этот избиратель поддерживает федеральный список, в котором значится данный кандидат, и поэтому не может автоматически, без соответствующего документального оформления, которое отражало бы его волеизъявление, включаться в число подписей в поддержку фе-

¹ Сатаров Г. А. 2004–2008: Вызовы четырехлетия и формирование многопартийности в России // Проект «Информатика для демократии – 2000+». М., 2004. С. 113–114.

² Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.

дерального списка». Мы полагаем, что эту позицию точно так же можно применить и к случаю голосования. Наш анализ (см. подраздел 5.3.3) показывает, что в России и на Украине итоги голосования за партийных кандидатов сильно отличаются от итогов голосования за выдвинувшие этих кандидатов партии. В этих условиях автоматический зачет партиям голосов, поданных за кандидатов, будет приводить к искажению волеизъявления избирателей.

Кроме того, при такой системе искусственно стимулируется завышенное число кандидатов в одномандатных округах (партия вынуждена выдвигать своих кандидатов даже там, где у нее заведомо нет шансов) и делаются фактически невозможными соглашения между близкими или родственными партиями о «разделе» одномандатных округов, в том числе поддержке ими тех или иных независимых кандидатов (избрание которых становится вообще затруднительным).

Глава 4

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ИХ СИСТЕМНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

4.1. Методика распределения мандатов между списками

Главная проблема пропорционального распределения мандатов заключается в том, что если делить мандаты строго пропорционально числу поданных голосов, то число мандатов практически всегда будет получаться дробным. В то же время очевидно, что число мандатов, которое может доставаться каждой партии, должно быть целым. Поэтому были разработаны методы, позволяющие распределять целые числа мандатов так, чтобы это распределение было в той или иной степени близко к идеальной пропорции. Эти методы делятся на две группы — *методы квот* и *методы делителей*.

Однако еще до того, как в Европе и Латинской Америке начали применять пропорциональную избирательную систему (как показано в разделе 2.2, это произошло в конце 19-го века), проблема пропорционального распределения мандатов возникла в США, где потребовалось наиболее справедливым образом распределить между штатами число мест в Палате представителей, избираемой по мажоритарной системе. То есть речь шла о том, по какому правилу образовывать округа, чтобы население штатов в

палате было представлено пропорционально. Спор о методах распределения мандатов между штатами начался еще в 1794 году, перед вторыми выборами в Палату представителей. О его серьезности свидетельствует то, что два основных метода были предложены отцами-основателями государства А. Гамильтоном и Т. Джейферсоном, а на билль, основанный на методе А. Гамильтона, было наложено первое в истории США вето президента¹.

Методы, предлагаемые для пропорционального распределения мест между штатами и для пропорционального распределения мандатов между партиями, практически одни и те же. При этом они обычно носят разные названия из-за того, что первые возникли в США, а вторые — в Европе. Так, метод Гамильтона по сути аналогичен методу Хэйра — Нимейера, метод Джейферсона — методу д'Ондта, метод Уэбстера — методу Сент-Лагю.

Правда, между распределением мест между штатами и распределением мандатов между партиями есть заметные технические различия. Так, при распределении мандатов между партиями число субъектов распределения обычно небольшое — в пределах десятка, в то время как в США в настоящее время места приходится распределять между 50 штатами, а в России приходится распределять места в Государственной Думе между более чем 80 субъектами федерации. Поэтому даже при одинаковых по сути методах иногда приходится использовать их технически разные способы реализации. Так что иногда трудно сразу понять, что эти методы идентичны.

Существуют также психологические и юридические нюансы, которые диктуют некоторые различия в подходах при решении этих задач. Так, закон о вы-

¹ Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 197–204.

борах принимается, естественно, до начала избирательной кампании, и потому далеко не всегда можно предвидеть, в чью пользу сработает тот или иной метод. А при решении вопроса о распределении мест между субъектами федерации в палате парламента практически всегда известно, кто выигрывает, а кто проигрывает. Поэтому здесь еще более желательно иметь постоянный метод, а не менять его каждый раз в зависимости от конъюнктуры.

4.1.1. Метод Гамильтона (Хэйра — Нимейера)

Метод Гамильтона был в 1794 году принят Конгрессом США для распределения мест между штатами, однако президент Дж. Вашингтон наложил на него вето. Вновь этот метод был предложен в 1850 году конгрессменом С. Винтоном, и в 1852 году он был принят в качестве закона (и метод получил имя Винтона). Позже стали проявляться негативные черты этого метода («парадоксы», см. подраздел 4.1.8), и в 1902 году от него в США отказались¹.

При появлении пропорционально-списочных систем аналогичный метод был принят в Швейцарии по предложению Э. Навилля². В то время он не получил широкого распространения, более популярным оказался метод д'Ондта (см. раздел 2.3). Но в 1950–1980-х годах отношение к методу д'Ондта стало меняться (см. раздел 2.4), и, в частности, в ФРГ в 1985 году по предложению математика Нимейера метод д'Ондта был заменен методом, аналогичным методам Гамильтона, Винтона и Навилля. Он полу-

¹ Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 197–212.

² В старой литературе метод также иногда назывался франкфуртским (Велихов Б.А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 17–20).

чил имя Нимейера, чаще его стали называть методом Хэйра — Нимейера, поскольку метод использует квоту Хэйра (хотя к самому этому методу Т. Хэйр никакого отношения не имел).

В России метод Хэйра — Нимейера используется на выборах в Государственную Думу начиная с самых первых выборов 1993 года. До 2007 года он также применялся на всех региональных и муниципальных выборах, проходивших по смешанной или пропорциональной системе (за исключением Калмыкии в 2003 году), затем он стал на этих выборах постепенно вытесняться методами делителей.

Метод Гамильтона (Винтона, Навилля, Нимейера) является самым простым из методов квот. Суть методов квот в том, что сначала число голосов, полученных каждой партией¹, делится на некоторое число, называемое квотой. Целая часть частного рассматривается как число мандатов, которое партия получает в результате первичного распределения. Если в результате будут распределены не все мандаты (а так практически всегда и бывает), то оставшееся число мандатов распределяется согласно определенному правилу.

Таким образом, методы квот различаются по двум параметрам: по квоте, на которую делят число голосов, и по правилу, согласно которому происходит вторичное распределение мандатов.

Метод Гамильтона (Винтона, Навилля, Нимейера) основан на *квоте Хэйра и правиле наибольшего остатка*². Квота Хэйра иначе называется «естественн

¹ Далее мы будем обсуждать данные методы применительно к распределению мандатов между партиями, понимая, что все эти рассуждения можно отнести и к распределению мест между субъектами федерации.

² Этот метод часто называют просто методом наибольшего остатка, хотя, строго говоря, правило наибольшего остатка может сочетаться и с другими квотами.

ной квотой», это частное от деления суммарного числа голосов, полученных партиями, между которыми распределяются мандаты, на число распределяемых мандатов¹. Иными словами, это средняя «цена» одного мандата, выраженная в количестве голосов избирателей. Результат деления числа голосов, поданных за партию, на квоту Хэйра иногда называют «идеальным частным». Математически квота Хэйра выражается формулой V/S , где V — суммарное число голосов, полученных партиями, между которыми распределяются мандаты, а S — число распределяемых мандатов.

Таким образом, первый шаг метода — деление числа голосов, полученных партиями, на квоту Хэйра. Далее определяется целая часть полученного «идеального частного», и это то число мандатов, которое достается партии в результате первичного распределения. За исключением редчайшего случая, когда все «идеальные частные» окажутся целыми числами, число мандатов, распределенных на этом этапе, будет меньше полного числа мандатов.

Остальные мандаты распределяются по правилу наибольшего остатка. Для этого определяется остаток от деления числа голосов, полученных партией, на квоту Хэйра (либо дробная часть «идеального частного», которая строго пропорциональна остатку от деления). Оставшиеся мандаты передаются партиям по одному, в порядке убывания остатка (или, что то же самое, в порядке убывания дробной части), то есть сначала дополнительный мандат получает партия с наибольшим остатком, затем следующая за ней по величине остатка и так далее до исчерпания всех не распределенных при первичном распределении мандатов.

¹ В российском избирательном законодательстве эту квоту называют «первым избирательным частным».

Проиллюстрируем данный метод на примере итогов голосования в брюссельском избирательном округе на выборах в бельгийский парламент 1900 года¹. Распределялось 18 мандатов. Квота Хэйра получилась равной 12550,944². Результаты расчетов представлены в таблице 4.1.

Таблица 4.1. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием метода Навилля (Хэйра – Нимейера)

Партия	Число голосов	«Идеальное частное»	Число мандатов при первичном распределении	Дробная часть «идеального частного»	Число мандатов при вторичном распределении	Суммарное число мандатов
Католики	89 964	7,168	7	0,168	0	7
Социалисты	59 389	4,732	4	0,732	1	5
Либералы	32 383	2,580	2	0,580	0	2
Прогрессисты	24 185	1,927	1	0,927	1	2
Дем.-христ.	10 178	0,811	0	0,811	1	1

¹ Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 76–81 (с помощью этого примера автор цитируемой книги пытался доказать преимущество метода д'Ондта перед методом Навилля).

² Для удобства здесь и далее представлены дробные числа с точностью до третьего знака после запятой (в некоторых случаях — округленные до целого числа). На самом деле расчеты велись с точностью, которую позволяет компьютер.

Независимые	9818	0,782	0	0,782	1	1
Сумма	225 917		14			18

Таким образом, распределение мандатов по методу Гамильтона (Винтона, Навилля, Нимейера) осуществляется в два этапа. Однако это не имеет (вопреки распространенному мнению) существенного значения, поскольку оба этапа довольно простые и короткие.

Существенное то, как при реализации данного метода происходит округление «идеальных частных». Имеется в виду, что у одних партий число полученных мандатов оказывается «идеальным частным», округленным до ближайшего меньшего целого, а у других — округленным до ближайшего большего целого. В общем такое округление происходит не по определенному правилу, а зависит от случайных факторов. Так, в нашем примере дробное число 0,732 округлено до большего целого, а дробное число 0,580 — до меньшего целого. Однако могло быть и иначе. Например, если бы 2000 избирателей социалистов проголосовали за католиков, а результаты остальных партий остались бы прежними, то у католиков идеальное частное составило бы 7,327, а у социалистов — 4,572. В этом случае дробное число партии либералов (0,580) округлялось бы до большего целого, а дробное число партии социалистов (0,572) — до меньшего целого, то есть дополнительный мандат получили бы либералы, а не социалисты. Отметим также, что либералы получили бы больше мандатов при том же числе поданных за них голосов.

И эти особенности определяют некоторые недостатки данного метода, речь о которых пойдет в подразделах 4.1.8 и 4.6.1.

4.1.2. Другие методы квот

Как отмечалось в предыдущем подразделе, методы квот различаются по двум параметрам: по квоте, на которую делят число голосов, и по правилу, согласно которому происходит вторичное распределение мандатов.

Метод Гамильтона (Винтона, Навилля, Нимейера) использует квоту Хэйра («естественную» квоту). Существует также несколько «искусственных» квот. С двумя из них мы познакомились в подразделе 3.4.1 (посвященном системе единственного передаваемого голоса), это квота Гогенбах-Бишофса и квота Друпа. Если квота Хэйра выражается формулой V/S , где V — суммарное число голосов, полученных партиями, между которыми распределяются мандаты, а S — число распределяемых мандатов, то для квоты Гогенбах-Бишофса формула $V/(S+1)$, а для квоты Друпа $1+V/(S+1)$.

Разница между квотами Гогенбах-Бишофса и Друпа обычно незначительная и может быть совсем сведена к нулю правилами округления¹. Принципиальное преимущество квоты Друпа перед квотой Гогенбах-Бишофса — сумма частных от деления на квоту Друпа, округленных до ближайшего меньшего целого, никогда не может оказаться больше числа распределяемых мандатов S . Но того же результата можно достичь, округляя квоту Гогенбах-Бишофса до ближайшего большего целого.

Позднее появилась квота Империали: $V/(S+2)$. Здесь уже вполне возможна ситуация, когда сумма частных от деления на квоту, округленных до ближайшего меньшего целого, окажется больше числа

¹ Заметим, что до появления компьютеров результаты вычислений старались округлять в целях снижения трудоемкости расчетов.

распределяемых мандатов S . И в этом случае приходится делать пересчет, фактически заменяя квоту Империали квотой Гогенбах-Бишофа (так, в частности, делали в Италии на выборах в Палату представителей до 1993 года¹).

Декларируемый смысл использования искусственных квот при пропорционально-списочной системе² в том, чтобы на первом этапе распределить как можно больше мандатов. Но это преимущество эфемерно: все равно редко удается распределить на первом этапе все мандаты, а значит, общая трудоемкость вычислений не снижается. Зато при использовании этих квот результат распределения может отличаться от результата распределения с использованием квоты Хэйра в пользу партий-лидеров, и в этом, возможно, кроется истинный смысл применения искусственных квот.

Проиллюстрируем действие квот Гогенбах-Бишофа (таблица 4.2) и Империали (таблица 4.3) в сочетании с правилом наибольшего остатка на брюссельском примере. Квота Гогенбах-Бишофа равна 11 890,368, квота Империали — 11 295,850.

Как видно из таблиц, если квота Хэйра позволила на первом этапе распределить 14 мандатов, то квота Гогенбах-Бишофа — 15, а квота Империали — 16. Но общий объем вычислений от этого практически не изменился. Важнее то, что использование квоты Империали привело к иному распределению мандатов: католики получили на один мандат больше за счет независимых, которые при таком распределении остались без мандатов.

¹ Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 86–92.

² Как показано в подразделе 3.4.1, при системе единственного передаваемого голоса смысл квот Гогенбах-Бишофа и Друпа несколько иной, и там они имеют явные преимущества перед квотой Хэйра.

Таблица 4.2. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием квоты Гогенбах-Бишофса и правила наибольшего остатка

Партия	Число голосов	Частное	Число мандатов при первичном распределении	Дробная часть «идеального частного»	Число мандатов при вторичном распределении	Суммарное число мандатов
Католики	89 964	7,566	7	0,566	0	7
Социалисты	59 389	4,995	4	0,995	1	5
Либералы	32 383	2,723	2	0,723	0	2
Прогрессисты	24 185	2,034	2	0,034	0	2
Дем.-христ.	10 178	0,856	0	0,856	1	1
Независимые	9 818	0,826	0	0,826	1	1
Сумма	225 917		15			18

Таблица 4.3. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием квоты Империали и правила наибольшего остатка

Партия	Число голосов	Частное	Число мандатов при первичном распределении	Дробная часть «идеального частного»	Число мандатов при вторичном распределении	Суммарное число мандатов
Католики	89 964	7,964	7	0,964	1	8
Социалисты	59 389	5,258	5	0,258	0	5

Либералы	32 383	2,867	2	0,867	0	2
Прогрессисты	24 185	2,141	2	0,141	0	2
Дем.-христ.	10 178	0,901	0	0,901	1	1
Независимые	9 818	0,869	0	0,869	0	0
Сумма	225 917		16			18

Еще более существенным может оказаться изменение правила, по которому происходит вторичное распределение мандатов. История знает довольно несправедливые правила. Например, в швейцарских кантонах Невшатель и Тессин в 1890-х годах оставшиеся мандаты передавались спискам, получившим наибольшее число голосов (а предлагалось также все оставшиеся мандаты отдавать одному списку, получившему наибольшее число голосов)¹. Однако такие правила мы здесь обсуждать не будем. Гораздо интереснее правило наибольшей средней, которое является своеобразным мостом между методами квот и методами делителей. Однако прежде чем перейти к рассмотрению правила наибольшей средней, имеет смысл изучить методы делителей.

4.1.3. Метод Джейфферсона (д'Ондта)

Метод Джейфферсона был предложен Конгрессу США для распределения мест между штатами, когда президент страны Дж. Вашингтон наложил вето на билль, одобрявший метод Гамильтона. Он использовался до 1832 года, когда у него был обнаружен существенный недостаток². Аналогичный метод для

¹ Велихов Б.А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 50; Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе. СПб., 1907. С. 148–154.

² Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 202–206.

распределения мандатов между партиями предложил в 1882 году профессор Гентского университета В. д'Ондт. Этот метод стал первым из использованных методов делителей.

Как отмечалось в подразделе 4.1.1, недостаток метода Гамильтона состоит в том, что округление частных от деления на квоту происходит не по определенному правилу, а зависит от случайных факторов. Общая идея методов делителей состоит в том, чтобы найти такое число (распределитель), разделив на которое результат каждой партии (в голосах избирателей) можно было затем все частные округлить по единому правилу и в результате сразу получить распределение всех мандатов.

Самым существенным параметром для метода (а для истинных методов делителей — единственным существенным, определяющим параметром) является правило округления. Алгоритмы нахождения необходимого распределителя могут быть различными, к тому же обычно существует не одно число, а набор чисел, удовлетворяющих условиям поиска. Но если такой распределитель найден, он приводит к однозначному распределению мандатов. Поэтому алгоритмы, всегда приводящие к одному и тому же результату, мы будем считать разными способами реализации одного и того же метода.

Принцип метода Джейфферсона (д'Ондта) — округление полученных частных до ближайшего меньшего целого. Для его реализации известно как минимум четыре алгоритма. Опишем их все, и это поможет нам лучше понять и этот метод, и другие методы делителей.

Первый алгоритм, вероятно, и использовался в США в 1794–1832 годах. Он заключался в поиске нужного распределителя методом проб и ошибок (подбора). Сначала в качестве распределителя ис-

пользуется квота Хэйра, но она, как известно, позволяет распределить меньшее число мандатов. Затем этот распределитель каким-то образом уменьшается, и процедуры деления и округления повторяются. Если опять получилось недостаточное число мандатов, распределитель еще раз уменьшается, если большее число — увеличивается. И так до тех пор, пока не будет найдено необходимое число.

Применим этот алгоритм к примеру, приведенному в таблице 4.1. Будем постепенно уменьшать квоту Хэйра (которая округленно равна 12551) и обнаружим, что нас удовлетворит любое число в сегменте от 10179 до 10794. Деление на любое из этих чисел с последующим округлением полученных частных до ближайшего меньшего целого дает нам следующее распределение 18 мандатов: католики — 8, социалисты — 5, либералы — 3, прогрессисты — 2, остальным двум партиям мандаты не достаются.

Алгоритм этот довольно трудоемок при расчетах вручную и к тому же требует хорошей интуиции. Для более быстрого и надежного нахождения распределителя В. д'Ондр предложил *второй алгоритм*. Он заключается в делении результатов каждой партии на последовательный ряд натуральных чисел: 1, 2, 3, 4 и т.д. (в общем случае — до числа распределяемых мандатов, но обычно этот ряд можно закончить и раньше). Затем все полученные таким образом частные (их количество в общем случае равно произведению числа партий на число мандатов) сортируются в порядке убывания и определяется частное, порядковый номер которого равен числу распределяемых мандатов. Это и будет искомый распределитель.

Проиллюстрируем этот алгоритм вновь на брюссельском примере в таблице 4.4. Здесь показано деление только на первые 9 чисел ряда: в данном случае этого оказывается достаточно.

Таблица 4.4. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием алгоритма д'Ондта

делитель	католики	социалисты	либералы	прогрессисты	дем.-христ.	независимые
1	89 964 (1)	59 389 (2)	32 383 (4)	24 185 (7)	10 178 (19)	9 818 (22)
2	44 982 (3)	29 695 (6)	16 192 (11)	12 093 (15)	5 089 (31)	4 909 (32)
3	29 988 (5)	19 796 (9)	10 794 (18)	8 062 (25)	3 393 (39)	3 273 (40)
4	22 491 (8)	14 847 (13)	8 096 (24)	6 046 (29)	2 545 (43)	2 455 (44)
5	17 993 (10)	11 878 (16)	6 477 (28)	4 837 (33)	2 036 (45)	1 964 (46)
6	14 994 (12)	9 898 (21)	5 397 (30)	4 031 (36)	1 696 (47)	1 636 (48)
7	12 852 (14)	8 484 (23)	4 626 (34)	3 455 (38)	1 454 (49)	1 403 (50)
8	11 246 (17)	7 424 (26)	4 048 (35)	3 023 (41)	1 272 (51)	1 227 (52)
9	9 996 (20)	6 599 (27)	3 598 (37)	2 687 (42)	1 131 (53)	1 091 (54)
число мандатов	8	5	3	2	0	0

Примечание: в скобках — порядковый номер числа в убывающем ряду.

Как видно из таблицы, нужный нам 18-й номер имеет число 10 794 (частное от деления результата

либералов на 3), которое совпадает с максимальным значением распределителя, найденного нами с помощью первого алгоритма. И мы уже знаем, что деление результатов партий на это число дает нам распределение 8:5:3:2:0:0.

Глядя на таблицу 4.4, нетрудно догадаться, что второй алгоритм можно упростить на конечном этапе. На самом деле нет необходимости делить результаты каждой партии на найденный распределитель, то есть совершать дополнительные операции деления (в данном случае 6 дополнительных операций). Из таблицы легко увидеть, что у католиков есть 8 частных, которые больше найденного нами распределителя (или, что то же самое, порядковый номер которых меньше 18). У социалистов таких частных — 5, у либералов — 3 (включая частное, равное распределителю), у прогрессистов — 2, у остальных таких частных нет. Таким образом, можно сформулировать *третий алгоритм*: результаты каждой партии делятся на ряд натуральных чисел; полученные частные ранжируются в порядке убывания, и партия получает столько мандатов, сколько ее частных имеют номер, который меньше числа распределяемых мандатов или равен ему.

Хотя в Российской Федерации метод д’Ондта в чистом виде не применяется (он применялся лишь в Республике Калмыкии в 2003 году), при использовании других методов делителей законы обычно описывают именно такой алгоритм — он вполне удобен для нормативного описания. Также он удобен для расчетов в Excel’е.

Однако описываемый далее *четвертый алгоритм* не только делает менее трудоемким ручной расчет, но и позволяет лучше понять сущность метода д’Ондта и других методов делителей.

Алгоритм заключается в последовательном распределении каждого мандата. И на каждом шаге

определяется, какой партии «по справедливости» должен достаться новый мандат.

С первым мандатом вопросов нет: его надо дать партии, получившей наибольшее количество голосов. Но уже со вторым мандатом нужно решать: дать его той же партии или партии, занявшей второе место. Нужен критерий, и в качестве такого критерия выступает отношение числа полученных партией голосов к числу уже полученных ею мандатов плюс один: $v/(s+1)$. Иными словами, мандатдается той партии, у которой его «цена» после получения будет наибольшей.

И вновь для иллюстрации обратимся к таблице 4.4. Первый мандат получают католики. Второй — социалисты: у них частное от деления результата на 1 (то есть на 0+1) больше, чем частное от деления результата католиков на 2 (то есть на 1+1). Третий мандат отходит католикам: теперь у них частное от деления результата на 2 больше как частного от деления результата социалистов на 2, так и частного от деления результата либералов на 1.

И так далее. Собственно, порядковые номера, указанные в таблице 4.4, показывают нам всю последовательность распределения 18 мандатов. Четвертый мандат получают либералы, пятый — католики, шестой — социалисты, седьмой — прогрессисты, восьмой — католики, девятый — социалисты. И так мы распределяем все 18 мандатов. При таком алгоритме нам не нужно делить результат католиков больше чем на 9, результат социалистов — больше чем на 6, результат либералов и прогрессистов — больше чем на 3, а результаты демохристиан и независимых вообще не нужно делить. И главное — ясен принцип: давать мандат в каждый момент тем, у кого «цена» мандата будет больше.

Б. А. Велихов уподобил данный алгоритм аукциону, где платежными единицами являются голоса и каждый следующий мандат «продаётся» той партии, которая может «оплатить» этот и ранее полученные мандаты большим числом голосов из расчета на один мандат¹.

Итак, все алгоритмы метода д’Ондта приводят нас к распределению 8:5:3:2:0:0. Как показано в предыдущих подразделах, метод Навилля (Хэйра — Нимейера) дает распределение 7:5:2:2:1:1, а метод, основанный на квоте Империали и правиле наибольшего остатка, дает распределение 8:5:2:2:1:0. Какое из них более справедливое, мы обсудим в подразделе 4.1.9.

4.1.4. Правило наибольшей средней

Правило наибольшей средней часто отождествляется с методом д’Ондта. При этом В. В. Маклаков отмечает: «При применении правила наибольшей средней возможны два варианта определения результатов: 1. Распределение сначала на основе квоты Т. Хэра, а остатки распределяются по правилу наибольшей средней. 2. Распределение мандатов сразу по правилу наибольшей средней. Оба варианта дают одинаковый конечный результат»².

Здесь необходимо провести четкое разделение. Распределение мандатов сразу по правилу наибольшей средней — это и есть метод делителей д’Ондта. Распределение остатков по правилу наибольшей средней — это один из методов квот, который мы разберем в настоящем подразделе. Вопреки выска-

¹ Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 32–36.

² Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 51–52.

занному мнению, оба варианта дают одинаковый конечный результат часто, но не всегда.

Напомним, что методы квот заключаются в том, что сначала число голосов, полученных каждой партией, делится на некоторое число, называемое квотой. Целая часть частного рассматривается как число мандатов, которое партия получает в результате первичного распределения. Оставшиеся нераспределенными мандаты распределяются далее согласно определенному правилу.

Правило наибольшей средней при распределении оставшихся мандатов заключается в следующем. Число голосов, полученных партией, делится на число мандатов, полученных ею на первом этапе применения метода квот, плюс один. И нераспределенные мандаты передаются по одному партиям, у которых получились наибольшие частные. Как отмечалось при описании метода д'Ондта (подраздел 4.1.3), мандатдается той партии, у которой его «цена» после получения будет наибольшей¹.

Проиллюстрируем действие правила наибольшей средней на хорошо знакомом нам брюссельском примере (таблица 4.5).

Распределение получилось такое же, как и при применении метода д'Ондта, — 8:5:3:2:0:0.

Однако, как отмечалось выше, метод д'Ондта и метод, основанный на квоте Хэйра и правиле наибольшего среднего, не всегда дают одинаковый результат. Этот факт мы проиллюстрируем на другом примере. В качестве такого примера будем использовать выборы депутатов Государственного Собрания

¹ Этот метод иногда называют по имени предложившего его базельского профессора Э. Гогенбах-Бишофа (Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 36–38; Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 421).

Таблица 4.5. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием квоты Хэйра и правила наибольшей средней

Партия	Число голосов	Число мандатов при первичном распределении	«Среднее частное»	Число мандатов при вторичном распределении	Суммарное число мандатов
Католики	89 964	7	11 245,5	1	8
Социалисты	59 389	4	11 877,8	1	5
Либералы	32 383	2	10 794,333	1	3
Прогрессисты	24 185	1	12 092,5	1	2
Дем.-христ.	10 178	0	10 178	0	0
Независимые	9 818	0	9 818	0	0
Сумма	225 917	14			18

Республики Алтай 2006 года, причем будем обсуждать распределение мандатов по единому избирательному округу (21 мандат) только между шестью партиями, преодолевшими 5-процентный барьер. Квота Хэйра составила здесь 2586,4.

Таблица 4.6 не только позволяет нам увидеть распределение мандатов по методу, основанному на квоте Хэйра и правиле наибольшей средней (правая колонка), но и дает информацию о распределении мандатов по методу Хэйра — Нимейера (основанному на правиле наибольшего остатка), который и был реально использован на данных выборах. Действительно, из третьей слева колонки мы видим, что наибольшие остатки имеют первые четыре партии

(«Единая Россия», «Родина», АПР и КПРФ), и они в результате получают дополнительные мандаты. Таким образом, в данном случае правила наибольшего остатка и наибольшей средней дали одинаковый результат.

Таблица 4.6. Распределение мандатов по итогам голосования на выборах Государственного Собрания Республики Алтай 2006 года с использованием квоты Хэйра и правила наибольшей средней

Партия	Число голосов	«Идеальное частное»	Число мандатов при первичном распределении (в скобках — делитель)	«Среднее частное»	Число мандатов при вторичном распределении	Суммарное число мандатов
«Единая Россия»	19918	7,701	7 (8)	2489,750	1	8
«Родина»	7702	2,978	2 (3)	2567,333	1	3
АПР	7625	2,948	2 (3)	2541,667	1	3
КПРФ	6560	2,536	2 (3)	2186,667	1	3
РПЖ	6462	2,498	2 (3)	2154	0	2
ЛДПР	6048	2,338	2 (3)	2016	0	2
Сумма	54 315		17		4	21

Однако метод д’Ондта в данном случае дает другое распределение (см. таблицу 4.7; в этот раз мы не стали помещать в таблицу частные, которые уже не играют никакой роли, оставив на их месте пустые клетки). «Единая Россия» получает 9 мандатов вместо 8, а КПРФ — два мандата вместо трех.

**Таблица 4.7. Распределение мандатов
по итогам голосования на выборах
Государственного Собрания Республики Алтай
2006 года с использованием метода д'Ондта**

делитель	«Единая Россия»	«Родина»	АПР	КПРФ	РПЖ	ЛДПР
1	19918 (1)	7702 (3)	7625 (4)	6560 (6)	6462 (7)	6048 (8)
2	9959 (2)	3851 (11)	3813 (12)	3280 (14)	3231 (15)	3024 (16)
3	6639 (5)	2567 (18)	2542 (19)	2187 (22)	2154 (23)	2016 (24)
4	4980 (9)	1926 (26)	1906 (27)			
5	3984 (10)					
6	3320 (13)					
7	2845 (17)					
8	2490 (20)					
9	2213 (21)					
10	1992 (25)					
число мандатов	9	3	3	2	2	2

Примечание: в скобках — порядковый номер числа в убывающем ряду.

В чем тут дело? Это легко понять, глядя на таблицу 4.7. Частное от деления результата «Единой России» на 9 оказывается больше, чем частное от деления результата КПРФ на 3. Иными словами, «цена» 9-го мандата у «Единой России» выше, чем «цена» 3-го мандата у КПРФ. Поэтому, исходя из логики метода, «Единая Россия» должна получить 9-й мандат раньше, чем КПРФ получит 3-й мандат. Но 9-й мандат «Единой России» оказывается 21-м, то есть последним из распределяемых, поэтому КПРФ 3-й мандат не получает.

Здесь следует ввести понятие *«правило квоты»*. Согласно этому правилу, каждая партия должна получить число мест, равное ее «идеальному частному», округленному либо до ближайшего большего, либо до ближайшего меньшего целого¹. Легко понять, что все методы квот, использующие квоту Хэйра, это правило не нарушают, поскольку оно лежит в основе этих методов. А вот методы делителей правило квоты способны нарушить — это доказано математически².

Как видно из приведенного алтайского примера, метод д’Ондта в данном случае нарушает правило квоты, давая «Единой России» 9 мандатов, в то время как ее «идеальное частное» равно 7,701, и в соответствии с правилом квоты партия должна получить либо 7, либо 8 мандатов. Расхождение между методом д’Ондта и методом, основанным на квоте Хэйра и правиле наибольшего среднего, проявляется как раз тогда, когда метод д’Ондта нарушает правило квоты.

¹ Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 207; Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. О критерии пропорциональности при распределении мандатов между партийными списками // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 23–27.

² Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 215.

Отметим, что правило наибольшей средней может применяться в сочетании не только с квотой Хэйра, но и с другими квотами, которые обсуждались в подразделе 4.1.2. Более того, изначально автор данного метода, Э. Гогенбах-Бишоф, предусматривал использование квоты Друпа (или квоты Гогенбах-Бишофа, которая, как отмечалось выше, практически не отличается от квоты Друпа).

Расчеты для брюссельского случая дают одинаковые результаты при использовании как квоты Хэйра, так и квоты Друпа. А вот алтайский случай показывает нам различия: результаты распределения мандатов по методу, основанному на квоте Друпа и правиле наибольшей средней (см. таблицу 4.8), отличаются от результатов распределения по методу, основанному на квоте Хэйра и правиле наибольшей средней, и совпадают с результатами распределения по методу д'Ондта.

Таблица 4.8. Распределение мандатов по итогам голосования на выборах Государственного Собрания Республики Алтай 2006 года с использованием квоты Друпа и правила наибольшей средней

Партия	Число голосов	Частное	Число мандатов при первичном распределении (в скобках – делитель)	«Среднее частное»	Число мандатов при вторичном распределении	Суммарное число мандатов
«Единая Россия»	19 918	8,064	8 (9)	2213,111	1	8
«Родина»	7702	3,118	3 (4)	1925,5	0	3

АПР	7625	3,087	3 (4)	1906,25	0	3
КПРФ	6560	2,656	2 (3)	2186,667	0	3
РПЖ	6462	2,616	2 (3)	2154	0	2
ЛДПР	6048	2,449	2 (3)	2016	0	2
Сумма	54315		20		1	21

4.1.5. Другие истинные методы делителей

Как отмечалось в подразделе 4.1.3, истинные методы делителей различаются между собой правилами округления. Все остальные различия — производные от этого главного.

Вернемся теперь к американской истории. После того как в 1832 году был выявлен недостаток метода Джефферсона, который заключался в возможности нарушения правила квоты, Конгрессу были предложены два альтернативных метода делителей — один предложил бывший президент Дж. К. Адамс, другой — конгрессмен Д. Уэбстер. Предпочтение было отдано методу Уэбстера (в Европе этот метод позднее получил имя А. Сент-Лагю). Метод Уэбстера был использован в 1842 году, затем от него отказались, но в 1902 году к нему вернулись. Однако вскоре статистик Дж. Хилл и математик Э. Хантингтон предложили еще один метод (его называют либо методом Хантингтона — Хилла, либо просто методом Хилла). И с 1932 года места между штатами США распределяются по этому методу¹.

Известен также метод Дина, примеры применения которого на практике нам неизвестны². Позд-

¹ Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 206–214.

² Алескеров Ф. Т., Платонов В. В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003. С. 7–8.

нее появился метод, получивший название датского: он используется в Дании для распределения дополнительных мандатов между округами внутри региона¹.

Как отмечалось в предыдущем подразделе, метод Джейферсона (д'Онда) подразумевает округление частных от деления результата партии на распределитель до ближайшего меньшего целого. В противоположность ему метод Адамса предполагает округление до ближайшего большего целого. Метод Уэбстера (Сент-Лагю) предусматривает округление по стандартному правилу: числа с дробной частью менее 0,5 округляются до ближайшего меньшего целого, а с дробной частью 0,5 и более — до ближайшего большего целого. Иными словами, здесь рубежом является среднее арифметическое между ближайшими меньшим и большим целыми.

Еще два метода в качестве такого рубежа используют другие средние: метод Хантингтона — Хилла — среднее геометрическое, метод Дина — среднее гармоническое. Датский метод использует в качестве рубежа одну треть: числа с дробной частью менее $\frac{1}{3}$ округляются до ближайшего меньшего целого, а с дробной частью $\frac{1}{3}$ и более — до ближайшего большего целого.

Для реализации всех этих методов в принципе возможны те же четыре алгоритма, которые описаны в подразделе 4.1.3 для метода Джейферсона (д'Онда). Однако в некоторых случаях возникают технические сложности.

Наиболее проста реализация всех алгоритмов для методов Уэбстера (Сент-Лагю) и датского. Для первого получается ряд делителей 0,5; 1,5; 2,5; 3,5 и т.д.

¹ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 15–18; 45–47; Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 270.

(первый делитель — среднее арифметическое между 0 и 1, второй — среднее арифметическое между 1 и 2 и т.д.). Обратим, однако, внимание на замечательный факт: если мы все делители умножим на один и тот же коэффициент, ранжировка полученных частных от этого не изменится. А нас при реализации третьего алгоритма интересует исключительно ранжировка. Поэтому для метода Сент-Лагю принято использовать третий алгоритм с удвоенным рядом делителей: 1, 3, 5, 7 и т.д.

Подобным же образом преобразуется третий алгоритм для датского метода. Исходный ряд делителей — $\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$ и т.д. Умножая все делители на 3, получаем ряд, который используется на практике: 1, 4, 7, 10 и т.д.

Покажем, как работает метод Сент-Лагю, на брюссельском примере. Начнем с алгоритмов 3 и 4, которые иллюстрирует таблица 4.9.

Таблица 4.9. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием метода Сент-Лагю

делитель	католики	социалисты	либералы	прогрессисты	Дем.-христ.	независимые
1	89 964 (1)	59 389 (2)	32 383 (3)	24 185 (5)	10 178 (11)	9818 (13)
3	29 988 (4)	19 796 (6)	10 794 (10)	8 062 (16)	3 393 (30)	3 273 (31)
5	17 993 (7)	11 878 (9)	6 477 (19)	4 837 (23)		

7	12852 (8)	8484 (14)				
9	9996 (12)	6599 (18)				
11	8179 (15)	5399 (21)				
13	6920 (17)					
15	5998 (20)					
число мандатов	7	5	2	2	1	1

Примечание: в скобках — порядковый номер числа в убывающем ряду.

Итак, мы видим, что в рамках четвертого алгоритма мандаты распределяются в несколько иной последовательности, чем в случае метода д’Ондта. Первые два мандата также получают католики и социалисты, но третий мандат в этом случае достается либералам. Четвертый мандат получают католики, пятый — прогрессисты и так далее. Последний, 18-й мандат получают социалисты. В целом же распределение оказывается таким же, как и у метода Навилля (Хэйра — Нимейера): 7:5:2:2:1:1.

Кстати, если использовать второй алгоритм, то нужно либо делить на ряд 0,5; 1,5; 2,5 и т.д., либо умножить частное с порядковым 18-м номером на два. В обоих случаях получаем число, которое следует округлить вниз до 13197 — это и будет распределитель (точнее, его максимально возможное значение). С помощью первого алгоритма (то есть подбора) можно выяснить, что искомым распределителем может быть любое число в сегменте от 12954 до 13197. Как видим, этот распределитель в данном случае больше квоты Хэйра.

Что касается методов Хилла и Дина, то для них использование второго, третьего и четвертого алгоритмов затруднено тем, что ряд делителей не получается простым и запоминающимся. К тому же у метода Хилла это в основном иррациональные числа, например второй делитель — $\sqrt{2}$, третий — $\sqrt{6}$ и т.д. Кроме того, у этих методов, а также у метода Адамса главная проблема с первым делителем: у метода Адамса он должен быть нулем, но на ноль делить нельзя; у методов Хилла и Дина — соответственно среднее геометрическое и среднее гармоническое 0 и 1, а они не существуют (или их с некоторой натяжкой можно приравнять к нулю). Формально это означает, что первое частное у всех партий (или у всех штатов) получается бесконечно большим, то есть каждой партии (или каждому штату) следует вначале дать по одному мандату. В случае распределения мест между штатами это нормально: каждый штат должен получить хотя бы одно место. Но в приложении к распределению мандатов между партиями по итогам голосования такой подход может привести к получению мандатов партиями, за которые проголосовало ничтожное число избирателей. Неудивительно, что методы Адамса, Хилла и Дина не применяются для распределения мандатов при пропорционально-списочных системах (хотя, как мы увидим дальше, отмеченная проблема снимается с помощью заградительного барьера).

Тем не менее все эти методы имеют определенный смысл. Если метод Джейфферсона (д'Онда) исходит из принципа: мандатдается той партии, у которой его «цена» после получения будет наибольшей, то у метода Адамса принцип альтернативный: мандат надо давать той партии, у которой на данный момент «цена» мандата наибольшая. Методы Уэбстера (Сент-Лагю), Хилла и Дина предусматрива-

ют различные средние варианты между этими двумя альтернативами. Что касается датского метода, то это некое упрощение методов Хилла и Дина — чтобы не иметь дело со сложными формулами и тем более иррациональными числами.

В обобщенном виде свойства методов делителей представлены в таблице 4.10.

Таблица 4.10. Свойства различных методов делителей

Метод	Правило округления (алгоритмы 1, 2)	Делитель (алгоритмы 2–4)
Джефферсона (д'Ондта)	до ближайшего меньшего целого	$s + 1$
Адамса	до ближайшего большего целого	s
Уэбстера (Сент-Лагю)	по стандартному правилу округления	$s + \frac{1}{2}$
Датский	при дробной части менее $\frac{1}{3}$ — до ближайшего меньшего целого; в остальных случаях — до ближайшего большего целого	$s + \frac{1}{3}$
Хантингтона — Хилла	если частное меньше среднего геометрического между ближайшими меньшим и большим целым — до ближайшего меньшего целого; в остальных случаях — до ближайшего большего целого	$\sqrt{s^*(s+1)}$

Дина	если частное меньше среднего гармонического между ближайшими меньшим и большим целым — до ближайшего меньшего целого; в остальных случаях — до ближайшего большего целого	$2^*s^*(s+1)/(2s+1)$
------	---	----------------------

Примечание: s — число мандатов, уже полученных партией.

Для любого из истинных методов делителей может быть предложен соответствующий ему метод квот — аналогично методу д’Ондта. Он будет состоять в том, что после первичного распределения мандатов оставшиеся нераспределенными мандаты распределяются по определенному правилу: результат партии делится на определенный делитель и полученные частные округляются по определенному правилу (см. таблицу 4.10).

Поскольку термин «правило наибольшей средней» исторически закреплен за вариантом, соответствующим методу д’Ондта, мы, чтобы не было путаницы, будем называть это более общее правило *правилом «наибольшего частного»*¹.

В целом указанные методы имеют в основном теоретическое значение, так как для большинства из них нет примеров применения на практике. Однако, как будет показано в подразделе 4.1.9, у некоторых из них есть важные достоинства.

¹ Отметим, что М. Галлахер все методы делителей именует методами наибольшего среднего (Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // Br. J. Polit. Sci. 1992. Vol. 22. P. 473–478).

Отдельная проблема для методов квот, соответствующих методам Адамса, Хилла и Дина: что делать с партиями, у которых $s=0$? Разумеется, на ноль делить нельзя, поэтому наиболее простой вариант — дать партиям, еще не получившим мандатов, мандаты в первую очередь¹.

В брюссельском примере ни один из рассмотренных выше методов делителей правило квоты не нарушает, поэтому распределение мандатов с помощью этих методов совпадает с распределением мандатов с помощью соответствующих методов квот, основанных на правиле «наибольшего частного». В связи с этим в таблице 4.11 на брюссельском примере приводятся более наглядные расчеты для методов квот. Для демохристиан и независимых расчеты не показаны, но методы, соответствующие методам Сент-Лагю и датскому, также дают им по мандату в первую очередь.

Как видим, методы среднего арифметического и среднего геометрического (Сент-Лагю и Хилла) дают такое же распределение, как и метод Навилля (Хэйра — Нимейера), а три других метода — иное распреде-

¹ Проблему деления на ноль можно обойти и другим способом: делить не число голосов на число мандатов, а, наоборот, число мандатов на число голосов. Получаемые частные будут значительно меньше единицы, но при современной компьютерной технике это не должно вызывать осложнений. В этом случае мандаты в первую очередь получают партии не с максимальным, а с минимальным частным. Естественно, у партий, еще не получивших мандатов, частное будет равно нулю, то есть минимальным. Такой вариант реализован в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» для распределения мандатов между региональными группами для случая, когда исчерпано распределение по правилу наибольшего остатка (это возможно при выбытии кандидатов).

Таблица 4.11. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием различных вариантов правила «наибольшего частного»

Партия	Методы квот, аналогичные методам делителей				
	Адамса	Сент-Лагю	датскому	Хилла	Дина
Делитель					
Католики	7	7,5	7,333	7,483	7,467
Социалисты	4	4,5	4,333	4,472	4,444
Либералы	2	2,5	2,333	2,449	2,400
Прогрессисты	1	1,5	1,333	1,414	1,333
Частное					
Католики	12 852	11 995,2	12 267,818	12 021,945	12 048,75
Социалисты	14 847,25	13 197,556	13 705,154	13 279,784	13 362,525
Либералы	16 191,5	12 953,2	13 878,429	13 220,304	13 492,917
Прогрессисты	24 185	16 123,333	18 138,75	17 101,378	18 138,75
Суммарное число мандатов					
Католики	7	7	7	7	7
Социалисты	4	5	4	5	4
Либералы	3	2	3	2	3
Прогрессисты	2	2	2	2	2
Дем.-христ.	1	1	1	1	1
Независимые	1	1	1	1	1

Примечание: жирным шрифтом выделены два наибольших (для соответствующего метода) частных, дающих партии дополнительный мандат.

деление, которое по сравнению с методом Навилля дает дополнительный мандат либералам за счет социалистов.

4.1.6. Модификации методов делителей

Помимо истинных методов делителей, описанных в предыдущем подразделе, существуют методы, созданные путем их модификации. В принципе, таких модификаций возможно неограниченное количество. В данном подразделе мы остановимся на трех из них, которые получили практическое применение. Это модифицированный метод Сент-Лагю, метод делителей Империали и тюменский метод.

Модифицированный метод Сент-Лагю стал применяться на практике, по-видимому, раньше, чем основной метод. Он был создан в Швеции в 1952 году, когда там решили отказаться от метода д'Ондта (см. раздел 2.4). Однако шведские законодатели хотели ограничить представительство малых партий и потому решили поднять планку их прохождения, заменив первый делитель в методе Сент-Лагю (1) на 1,4. За Швецией последовали Норвегия и Дания, позднее этот метод стал использоваться еще в некоторых странах. В то время заградительный барьер еще был «не в моде» и такая модификация могла считаться неким эквивалентом заградительного барьера. Позднее заградительные барьеры появились почти повсеместно, и одновременное использование барьера с модифицированным методом Сент-Лагю вызывает большие сомнения (см. подраздел 4.6.1).

Зная свойства методов делителей, нетрудно понять, что первый делитель влияет только на распределение первого (для данной партии) мандата. Поэтому основной и модифицированный методы Сент-Лагю дают одинаковые результаты, за исключе-

нием тех случаев, когда модифицированный метод не дает какой-либо партии ни одного мандата¹.

Для иллюстрации обратимся к таблице 4.9, где показано действие метода Сент-Лагю на брюссельском примере. Замена делителя с 1 на 1,4 снижает частные в первой строке; в частности, частное для демохристиан получается равным 7270, а частное для независимых — 7013. Тем не менее этих значений все же оказывается достаточно для получения одного мандата — частное демохристиан при ранжировке получает номер 15, а частное независимых — 16. Однако если бы независимые получили, например, на 800 голосов меньше (не 9818, а 9018), то основной метод Сент-Лагю по-прежнему давал бы им один мандат, в то время как модифицированный лишил бы их мандата — их частное оказалось бы 19-м, а распределялось, напомним, 18 мандатов. Зато либералы бы получили три мандата вместо двух.

Метод делителей Империали был предложен бельгийским клерикальным политиком маркизом П. Г. Империали с целью исказить пропорциональность распределения мандатов и тем самым ограничить представительство левых секуляристских партий. В 1921 году консервативное большинство бельгийского парламента приняло метод делителей Империали как основной при распределении мандатов в муниципальных советах, и в течение последующих 85 лет местные выборы в Бельгии оставались единственным случаем длительного фактического использования данного метода. Однако в 2007 году этот метод впервые был применен в Российской Федерации на региональных выборах в Санкт-Петербур-

¹ Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // Br. J. Polit. Sci. 1992. Vol. 22. P. 474.

бурге, Московской и Самарской областях¹. За период 2007–2015 годов он был использован на региональных выборах более чем в 20 российских регионах², а также на многих муниципальных выборах.

Метод делителей Империали можно считать модификацией метода д’Ондта. Обычно используется третий алгоритм (см. подраздел 4.1.3) — деление на последовательный ряд целых чисел начиная с 2, то есть на ряд 2, 3, 4, 5 и т.д. Именно в такой форме этот метод используется в России³. Возможен и другой

¹ Hoag C. G., Halett G. H. Proportional Representation. N.Y., 1926. P. 420; Шалаев Н. Опыт использования системы делителей Империали в регионах России // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 4–11; Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 34–42; Киселев К. В., Голосов Г. В. Империали метод // Выборы и электоральная политика: словарь. СПб., 2010. С. 63–64.

² Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 64–70; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 36–41; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 48–52.

³ Н. Шалаев (Опыт использования системы делителей Империали в регионах России // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 4–11) отмечал, что используемый в России метод делителей Империали отличается от «классического» метода Империали тем, что в России ряд делителей оканчивается числом, равным числу мандатов, в то время как у «классического» метода ряд должен завершаться следующим числом. Тем самым российская методика не позволяет одной партии получить все распределяемые мандаты. Полагаем, что это отличие можно интерпретировать как адаптацию метода Империали к требованию Конституционного Суда РФ о недопустимости получения

ряд, дающий при третьем алгоритме тот же результат: 1; 1,5; 2; 2,5 и т.д., но он менее удобен.

Таким образом, по сути по сравнению с методом д'Онта просто опускается деление на единицу, и это в первую очередь наносит удар по партиям-аутсайдерам: они лишаются одного (иногда единственного) мандата, который обычно достается партии-лидеру.

Действие метода Империали в сравнении с методом д'Онта можно проиллюстрировать на брюссельском примере. Таблицу 4.12 удобно сравнивать с таблицей 4.4. Для этого в таблице 4.12 мы сохранили строку с делителем 1, но частные в этой строке не участвуют в ранжировке и, соответственно, не приносят мандатов.

Таблица 4.12. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием метода делителей Империали

делитель	католики	социалисты	либералы	прогрессисты	Дем.-христ.	независимые
1	89 964	59 389	32 383	24 185	10 178	9 818
2	44 982 (1)	29 695 (3)	16 192 (7)	12 093 (11)	5 089 (30)	4 909 (32)
3	29 988 (2)	19 796 (5)	10 794 (14)	8 062 (21)		

всех мандатов одной партией. Поскольку данное отличие от «классического» метода Империали может проявляться лишь в совершенно экзотических ситуациях, данный российский вариант можно с полным правом называть просто методом Империали (а не его модификацией, как предлагал Н. Шалаев).

4	22 491 (4)	14 847 (9)	8 096 (20)			
5	17 993 (6)	11 878 (12)				
6	14 994 (8)	9 898 (16)				
7	12 852 (10)	8 484 (18)				
8	11 246 (13)					
9	9 996 (15)					
10	8 996 (17)					
11	8 179 (19)					
число мандатов	9	6	2	1	0	0

Примечание: в скобках — порядковый номер числа в убывающем ряду.

Как видно из таблицы, прогрессисты теряют второй мандат: первое частное (24 185) не учитывается, а третье частное (8062) уже меньше, чем 10-е частное у католиков и 7-е частное у социалистов. Точно так же один мандат теряют либералы. Их мандаты достаются лидерам — католикам и социалистам.

Отметим, что в данном случае дважды нарушается правило квоты: и католики, и социалисты получают больше мандатов, чем их «идеальные частные», округленные до большего целого (напомним, что у католиков «идеальное частное» равно 7,168, а у социалистов — 4,732, см. таблицу 4.1).

Следует отметить, что для метода Империали, как и для истинных методов делителей, можно опре-

делить формулу делителя ($s+2$) и даже правило округления. Так, из таблицы 4.12 мы можем, аналогично методу д’Ондта, найти распределитель: им будет частное с номером 18, то есть 8484. Если мы разделим результаты партий на него, то получим следующие частные: 10,604 для католиков, 7 для социалистов, 3,817 для либералов и 2,851 для прогрессистов. Сравнивая эти частные с результатами распределения мандатов, мы можем определить правило округления: до целого, меньшего на единицу, чем ближайшее меньшее. Очевидно, что такое округление абсолютно искусственное.

Доказательство того, что метод делителей Империали нельзя считать методом пропорционального распределения мандатов, будет представлено в подразделе 4.1.8. Пока можно лишь отметить: его использование на российских выборах ясно продемонстрировало, что он благоприятствует «Единой России» как партии-лидеру¹, поскольку в большин-

¹ Автор ощущает свою вину из-за появления в России метода делителей Империали. Хотя этот метод и до 2005 года описывался в ряде российских учебников, из них можно было сделать вывод, что он дает те же результаты, что и метод д’Ондта (см., например: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2005. С. 473–474). В нашей книге (Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 181, 309–314) было четко показано, что метод делителей Империали дает преимущества партии-лидеру даже по сравнению с методом д’Ондта; эта книга попала и к экспертам, консультировавшим Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. Утешает лишь то, что благодаря нашей книге не остается сомнений в том, что метод Империали был выбран сознательно для создания преимуществ «Единой России», а также то, что репутационные потери этой партии от использования данного метода, скорее всего, пе-

стве случаев благодаря его использованию она получила один или два дополнительных мандата по сравнению с ранее использованным методом Хэйра — Нимейера¹.

В то же время в случае небольшого числа мандатов (как это обычно бывает на муниципальных выборах) результаты распределения мандатов по методу Империали часто вступают в противоречие с требованием федерального закона, согласно которому партия, преодолевшая заградительный барьер, должна получить как минимум один мандат. В некоторых региональных законах на этот случай предусмотрена коррекция, в результате которой партия-аутсайдер получает свой мандат — чаще всего за счет партии-лидера. Однако есть регионы, использующие метод Империали, где такая коррекция в законе не предусмотрена, и уже не раз на российских муниципальных выборах возникала ситуация, когда результаты применения регионального закона противоречили требованиям федерального (Арсеньев, Артем в 2012 году, Архангельск, Северодвинск, Сызрань, Тольятти в 2013 году, Владикавказ в 2014 году); во всех этих случаях мандаты распределялись не на основе предусмотренной законом методики, и в большинстве случаев никаких преимуществ в результате «Единая Россия» не получала².

рекрывают полученные ею преимущества в виде дополнительных мандатов.

¹ Любарев А. Арифметика власти // Полит. журн. 2007. № 13–14 (156–157). С. 68–79; Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 34–42; Любарев А. Е. Итоги голосования и результаты выборов // Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад. М., 2011. С. 253–272.

² Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы

Одновременно с началом использования на российских выборах метода Империали был создан новый метод, который мы называем *tüменским* по месту его первого использования — на выборах депутатов Тюменской областной Думы 11 марта 2007 года¹. По-видимому, тюменский метод родился как реакция на критику метода Империали, в частности на то его отмеченное выше свойство, что он может лишать мандатов партий, преодолевшие заградительный барьер.

Суть тюменского метода в том, что сначала все партии, допущенные к распределению мандатов, получают по одному мандату, а затем оставшиеся мандаты распределяются по методу делителей Империали. В связи с этим тюменский метод часто называют модификацией метода Империали² или «методом Империали в смягченной форме»³. Однако такая терминология представляется неудачной, поскольку, как будет показано дальше, результаты применения тюменского метода существенно отличаются от результатов применения метода Империали.

Для того чтобы разобраться, как работает тюменский метод, следует обратиться к таблицам 4.4, 4.7 и 4.12. Начнем с таблицы 4.7, иллюстрирующей работу метода д’Онданта на алтайском примере. Предо-

и технологии. М., 2014. С. 42, 230; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 54.

¹ Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 34–42; Lyubarev A. Electoral Legislation in Russian Regions // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 3. P. 415–427.

² Шалаев Н. Опыт использования системы делителей Империали в регионах России // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 4–11.

³ Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 65.

ставление каждой партии, участвующей в распределении мандатов, одного мандата равносильно учету всех частных от деления на единицу (первая строка после заголовка). Далее, когда начинается распределение оставшихся мандатов по методу Империали, учитываются частные, расположенные в следующих строках. Таким образом, нетрудно понять: в тех случаях, когда метод д'Ондта дает всем партиям, допущенным к распределению мандатов, не менее одного мандата, тюменский метод всегда будет давать те же результаты, что и метод д'Ондта.

А вот в тех случаях, когда метод д'Ондта не дает мандатов одной или нескольким партиям, результаты применения тюменского метода будут иными. Так, для брюссельского случая (таблицы 4.4 и 4.12) тюменский метод, в отличие от метода д'Ондта, дает по одному мандату демохристианам и независимым. Также сначала по одному мандату получают католики, социалисты, либералы и прогрессисты, и для распределения мандатов по методу Империали остается 12 мандатов. Иными словами, из таблицы 4.12 (не считая первой строки) мы должны отобрать 12 наибольших частных (или 12 частных с наименьшими номерами). У католиков таких частных получается 6, у социалистов — 4, у либералов и прогрессистов — по одному. Итого с учетом мандатов, переданных на первом этапе, католики получают 7 мандатов, социалисты — 5, либералы и прогрессисты — по 2, демохристиане и независимые — по одному.

Таким образом, тюменский метод является скорее «смягченным вариантом» метода д'Ондта, чем метода Империали. Первоначально мы его даже называли «модифицированным методом д'Ондта»¹,

¹ Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 34–42.

однако затем этот термин подвергся критике, поскольку его сходство с методом д'Ондта возникло в результате не модификации, а скорее конвергенции. И в настоящее время термин «тюменский метод» остается, по-видимому, наиболее удачным.

Тюменский метод получил после 2007 года широкое распространение на российских выборах. К концу 2013 года зафиксировано его использование на региональных выборах в 49 субъектах РФ¹, иными словами, этот метод стал доминирующим. Так же широко он используется и на муниципальных выборах. Значительным стимулом для его использования стало появившееся в федеральном законе в 2010 году требование, согласно которому каждый список, допущенный к распределению мандатов, должен получить как минимум один мандат, поскольку тюменский метод автоматически гарантирует соблюдение данного требования.

4.1.7. Сравнение методов: в плену у мифов

В предыдущих подразделах мы познакомились с большим числом методов распределения мандатов. В целом их получилось 30: шесть истинных методов делителей плюс три модификации методов делителей; для методов квот три различных квоты (квоты Гогенбах-Бишофса и Друпа можно считать за одну) и семь правил (правило наибольшего остатка, правило наибольшей средней и пять вариантов правила наибольшего частного) дают при умножении число 21.

Но из этих 30 методов на практике используются лишь менее половины. Наиболее широко распространены четыре метода: Хэйра — Нимейера, д'Ондта,

¹ Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 64–70.

Сент-Лагю и модифицированный метод Сент-Лагю. Также есть примеры использования еще семи методов — двух методов, основанных на правиле наибольшего среднего (с квотами Хэйра и Друпа), двух методов, основанных на правиле наибольшего остатка (с квотами Друпа и Империали), а также датского метода, метода делителей Империали и тюменского метода.

При выборе метода распределения мандатов обычно учитываются несколько факторов. С одной стороны, его простота и понятность, с другой — результаты, которые он дает. Однако вокруг этих факторов уже сложилось множество мифов.

Так, уже отмечалось, что методы квот предусматривают распределение мандатов в два этапа. И эта их особенность часто подвергается критике, хотя само по себе деление на этапы довольно условное. Например, с критикой метода Хэйра — Нимейера неоднократно выступал профессор В. Е. Чиркин — один из наиболее авторитетных российских специалистов по конституционному праву, но, к сожалению, как и многие правоведы, далекий от математики. Вот что он написал в одной из последних публикаций:

«Недостаток применения такой квоты в том, что результаты ее подсчета довольно “грубые”, т.е. никогда не получается ровного числа голосов, следовательно, часть из них наряду с местами остаются нераспределенными. Для того чтобы их распределить в России после первого вычисления квоты (первого избирательного частного), возможно второе избирательное частное: суммируются остаточные голоса, оставшиеся места и снова производится деление. Как все это делается, не всегда ясно, во всяком случае когда указывается число мандатов, полученных каждой партией, механика подсчета и распределения не публикуется. Система эта громоздка. В мире су-

ществуют лучшие математические способы определения квоты и распределения мест сразу, без повторных подсчетов, и их применение более прозрачно»¹.

С В. Е. Чиркиным можно согласиться лишь в том, что ЦИК России стоило бы для большей прозрачности подробно публиковать расчет распределения мандатов (некоторые региональные и муниципальные избирательные комиссии так и делают). Однако сам алгоритм этого распределения достаточно прост, и его может проконтролировать простой школьник, владеющий арифметическими операциями с дробями и умеющий сортировать числа.

Если сравнивать метод Хэйра – Нимейера с теми самыми методами делителей (позволяющими распределить места «сразу, без повторных подсчетов») не по условному «числу этапов», а по числу конкретных операций, то сравнение будет, безусловно, в пользу метода Хэйра – Нимейера. Возьмем, скажем, брюссельский пример. Метод Хэйра – Нимейера при наличии шести партий, между которыми распределяются мандаты, требует (подраздел 4.1.1, таблица 4.1) просуммировать шесть чисел (будем считать это как пять операций), совершив сначала одну, а затем шесть операций деления, шесть операций округления и шесть операций вычитания, затем еще пять простых операций сложения и одну операцию вычитания. Далее сортировка шести чисел и, наконец, не более пяти операций сложения. Итого не более 35 арифметических операций (некоторые из которых настолько просты, что их можно выполнять в уме) плюс сортировка шести чисел. При этом, что немаловажно, число операций вообще не зависит от числа распределяемых мандатов.

¹ Чиркин В. Е. О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 80–87.

А теперь возьмем метод д’Ондта для того же брюссельского случая. Если использовать третий алгоритм, причем так, как он описывается в законе (то есть деление на все числа от 1 до числа распределяемых мандатов), то при распределении 18 мандатов между шестью партиями надо совершить 108 операций деления, а затем сортировку 108 чисел. Если распределять большее число мандатов, то число операций увеличивается пропорционально (напомню, что на выборах в Государственную Думу в 2007 и 2011 годах по единому округу распределялось 450 мандатов).

Четвертый алгоритм полегче: для распределения 18 мандатов между 6 партиями можно ограничиться 24 операциями деления (см., например, таблицу 4.9), но сортировку чисел придется осуществлять 18 раз.

Что касается понятности, то из общения с коллегами я вынес твердое убеждение, что для непосвященных метод Хэйра — Нимейера гораздо понятнее любого метода делителей.

Однако главное, конечно, это результаты распределения. Какой из методов справедливее, какой обеспечивает большее приближение к пропорциональности — споры на эту тему ведутся уже более ста лет, и мифов накопилось немало.

Впрочем, следует отметить, что различия в результатах распределения в наибольшей степени проявляются в небольших избирательных округах. Когда в округе распределяется более сотни мандатов, обычно все или почти все методы дают одинаковый результат, различия составляют максимум один мандат, что в общем масштабе несущественно. Иное дело — округа, где распределяется менее двадцати, а тем более менее десяти мандатов.

В таблице 4.13 собраны вместе результаты распределения мандатов для брюссельского случая, достигнутые с помощью 14 различных методов — 11 мето-

дов, нашедших практическое применение, и трех методов, имеющих лишь теоретическое значение. Как видно из таблицы, 14 методов дали 5 различных вариантов распределения.

Таблица 4.13. Распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года с использованием различных методов

Метод	католики	социалисты	либералы	прогрессисты	Дем.-христ.	независимые
Адамса	7	4	3	2	1	1
Датский	7	4	3	2	1	1
Дина	7	4	3	2	1	1
Хэйра — Нимейера	7	5	2	2	1	1
Квота Друпа и правило наибольшего остатка	7	5	2	2	1	1
Хилла	7	5	2	2	1	1
Сент-Лагю	7	5	2	2	1	1
Модифицированный Сент-Лагю	7	5	2	2	1	1
Тюменский	7	5	2	2	1	1
Квота Империали и правило наибольшего остатка	8	5	2	2	1	0
Квота Хэйра и правило наибольшей средней	8	5	3	2	0	0
Квота Друпа и правило наибольшей средней	8	5	3	2	0	0
д’Ондта	8	5	3	2	0	0
Делителей Империали	9	6	2	1	0	0

Прежде чем обсуждать, какой из этих результатов более пропорциональный и справедливый на основе разработанных критериев (этому будут посвящены следующие подразделы), стоит бросить взгляд на данную дискуссию в историческом разрезе.

В конце 19-го — начале 20-го века исследователи отдавали явное предпочтение методу д’ОНдта перед методом Навилля (Хэйра — Нимейера). Утверждалось даже, что сам Э. Навилль признал метод д’ОНдта более совершенным, чем свой¹. Были попытки отвергнуть метод Навилля с теоретических позиций: так, Б. А. Велихов утверждал, что правило наибольших остатков основано на мажоритарном принципе решения относительным большинством голосов².

Но вот типичный пример аргументации против метода Навилля, основанной на результатах распределения мандатов. П. Дюбуа анализировал разобранный нами брюссельский пример. Он писал: «Сохранена ли пропорциональность? Отнюдь нет, так как список 1, католический, у которого голосов в 9 раз больше, чем у списка 6, независимых, имеет только 7-ю местами больше, когда по здравому смыслу должен бы иметь в 9 раз больше. То же самое список 3 либералов должен бы получить 3, а не 2 места. Бельгийская система, изобретенная Hondt’ом, не давая строго математической пропорциональности, все-таки более к ней приближается»³.

Примерно так же аргументировали на иных примерах и другие исследователи⁴. При этом не было

¹ Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 160–161.

² Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 18–20.

³ Дюбуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии. СПб., 1908. С. 76–81.

⁴ Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб., 1896. С. 62–76; Виллей Э. Избирательное законодательство в Ев-

предложено математического критерия, с помощью которого можно было бы оценить результаты распределения в целом. А использование выборочных парных сравнений не может считаться серьезным доказательством.

Действительно, в брюссельском примере католики получили в 9,2 раза больше голосов, чем независимые, а метод Навилля давал бы им всего в 7 раз больше мандатов. Разумеется, это некоторое отклонение от пропорциональности, но ведь мы знаем, что отклонения в принципе неизбежны. Однако метод д’Онданта вообще не дает независимым мандата, поэтому в этой паре о пропорциональности не может идти речи (математически отношение числа мандатов у католиков и независимых равно бесконечности!). И в других парах можно найти преимущество у метода Навилля: так, католики получили в 3,7 раза больше голосов, чем прогрессисты; метод Навилля давал им в 3,5 раза больше мандатов, а метод д’Онданта — в 4 раза больше.

Более серьезным аргументом против метода Навилля (Хэйра — Нимейера) стало утверждение, что он может способствовать искусственному дроблению партий. Приводились примеры, когда разделение одного списка на два давало двум спискам в сумме больше мандатов, чем одному¹. Однако наше исследование свидетельствует, что такие примеры редки, и примеры противоположного характера также возможны.

В таблице 4.14 приведены результаты моделирования для брюссельского примера. Предполагалось,

ропе. СПб., 1907. С. 154–160; Велихов Б.А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб., 1907. С. 18–20.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 97–98.

что одна из трех ведущих партий (католики, социалисты или либералы) искусственно разделилась на два списка (в пропорции 9:1, 4:1, 7:3, 3:2 и приблизительно 1:1), причем в сумме оба списка получили то же число голосов, что и единый список, и другие партии также получили то же число голосов. Далее проверялось, сколько мандатов в сумме получат оба списка при распределении мандатов по методам Хэйра — Нимейера, Сент-Лагю, датскому и д'Онданта.

Таблица 4.14. Результаты моделирования влияния раскола партий на распределение мандатов по итогам голосования в брюссельском округе на выборах бельгийского парламента 1900 года

Пропорция раскола	Число мандатов		
	католики	социалисты	либералы
<i>Метод Хэйра — Нимейера</i>			
Нет раскола	7	5	2
9:1	7	4	2
4:1	7	5	2
7:3	7	4	3
3:2	7	5	2
Приблизительно 1:1	7	4	2
<i>Метод Сент-Лагю</i>			
Нет раскола	7	5	2
9:1	7	4	2
4:1	7	5	2
7:3	7	4	3
3:2	7	5	2
Приблизительно 1:1	6	4	2
<i>Датский метод</i>			
Нет раскола	7	4	3

9:1	7	5	2
4:1	6	5	3
7:3	7	4	3
3:2	7	5	3
Приблизительно 1:1	6	4	2

Метод д'Ондта

Нет раскола	8	5	3
9:1	7	5	2
4:1	8	5	2
7:3	8	5	2
3:2	8	5	2
Приблизительно 1:1	8	4	2

Как видно из таблицы, при применении методов Хэйра — Нимейера, Сент-Лагю и датского искусственное разделение партии на два списка чаще всего не влияет на результат распределения мандатов, но может как снизить, так и повысить суммарный результат расколившейся партии. В данном примере улучшение результата было достаточно редким. Так, методы Хэйра — Нимейера и Сент-Лагю улучшили лишь результат либералов при их разделении в пропорции 7:3, в то время как результаты социалистов ухудшились при нескольких вариантах раскола, а метод Сент-Лагю также ухудшил результат католиков при их расколе в пропорции примерно 1:1. Датский метод, который изначально давал лучший результат либералам и худший социалистам, напротив, при расколе иногда улучшал результат социалистов и ухудшал результат либералов.

Метод д'Ондта во всех случаях ухудшал результат «раскольников», и потому вывод о том, что этот метод препятствует партийным расколам, вполне

правомерен. Однако у данного явления есть и обратная сторона: данный метод точно так же способствует искусственному соединению списков¹.

В середине 20-го века представление о справедливости метода д'Ондта было уже не столь однозначным. Вот что писали, например, Э. Лейкман и Дж.Д. Ламберт: «Ясно, что в таких случаях тенденции двух методов противоположны: в то время как правило наибольшего остатка благоприятно для малых партий, существующих на самом деле, либо образованных ради получения преимуществ на выборах, система д'Ондта выгодна большим партиям. Это обстоятельство часто считается полезным для предотвращения чрезмерного увеличения числа отковавшихся партий, что обычно служит предметом жалоб в некоторых странах (особенно в Германии и во Франции); однако естественно, что малые партии придерживаются иной точки зрения»².

К сожалению, утверждения о том, что метод д'Ондта является одним из наиболее оптимальных с точки зрения сведения к минимуму искажения принципа пропорциональности, перекочевало и в

¹ Отметим, что искусственное дробление списков обычно считается большим злом, чем их искусственное соединение. Так, М. Балинский и П. Янг (Balinski M.L., Young P.H. Fair Representation: Meeting the Ideal of One Man, One Vote. Washington. 2001. P. 90–93) рекомендовали использовать метод д'Ондта именно потому, что он поощряет партийные коалиции. Мы же придерживаемся той точки зрения, что вредна любая искусственность, то есть составление партийных списков исходя не из общности политических взглядов, а из соображений, связанных с шансами на получение большего числа мандатов.

² Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 100–101.

некоторые современные учебники¹, хотя такое представление давно устарело.

В учебниках и справочниках также можно найти следующие утверждения: правило наибольшего остатка (особенно при применении квоты Хэйра) в некоторой мере благоприятствует небольшим партиям; метод д'Ондта несколько благоприятствует крупным политическим партиям, а метод Сент-Лагю и датский метод — небольшим партиям; модифицированный метод Сент-Лагю слегка усиливает «средние» партии на выборах². Эти выводы не вполне точны (лишь в отношении метода д'Ондта и датского метода их можно считать вполне адекватными).

М. Галлахер ранжировал 10 методов в соответствии с их тенденцией благоприятствования крупным или небольшим партиям. Получился следующий ряд (от благоприятствования крупным к благоприятствованию небольшим): делителей Империали, квот Империали (с правилом наибольшего остатка), д'Ондта, квот Друпа (с правилом наибольшего остатка), модифицированный Сент-Лагю, Сент-Лагю / Хэйра — Нимейера, Хилла, датский, Адамса³.

Однако все подобные рассуждения создают релятивистское представление о методах распределения мандатов, утверждая, что любой метод кому-то выгоден, и не ставя вопрос о возможности методов, объективно близких к пропорциональности. Более

¹ Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 26–27; Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2012. С. 168; Конституционное право зарубежных стран. М., 2012. С. 171.

² Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 45–50.

³ Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // Br. J. Polit. Sci. 1992. Vol. 22. P. 490.

адекватным нам представляется утверждение, что метод Уэбстера вполне нейтрален, поскольку и малые, и крупные штаты оказываются в одинаковом положении¹. То же самое можно сказать и о действии идентичного метода Сент-Лагю в отношении крупных и малых партий².

Отметим, что наши расчеты для 18 российских региональных выборов, прошедших в 2003–2007 годах, показали, что в 15 случаях результаты методов Хэйра — Нимейера и Сент-Лагю давали одинаковые результаты. При этом в двух случаях несовпадения метод Сент-Лагю давал тот же результат, что и метод д’Ондта (в одном случае дополнительный по сравнению с методом Хэйра — Нимейера мандат получила партия-лидер за счет партии, занявшей третье место; в другом — партия, занявшая второе место, за счет партии, занявшей четвертое место), еще в одном случае метод Сент-Лагю давал тот же результат, что и датский метод (дополнительный мандат получила партия, занявшая третью место, за счет партии-лидера)³. Эти данные также свидетельствуют в пользу представления о нейтральности метода Сент-Лагю.

¹ Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 208.

² В зарубежной литературе традиционно «размер» партии отождествляется с размером ее избирателей. В России, где большое внимание уделяется численности членов партии и эта численность является критерием ее статуса, такая терминология может вводить в заблуждение. Поэтому мы предпочитаем использовать термины «партия-лидер», «партия-середняк» и «партия-аутсайдер».

³ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 309–312; Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 38–39.

4.1.8. Логические критерии пропорциональности

Попробуем теперь описать критерии, с помощью которых можно оценивать различные методы распределения мандатов и получаемые с их помощью результаты распределения. Эти критерии могут быть двух типов. Первый тип, который мы рассмотрим вначале, — *логические критерии*. Это правила, которые в конкретном случае либо выполняются, либо не выполняются. Для исследуемых методов правило может либо всегда выполняться, либо всегда не выполняться, либо выполнятся в части случаев.

В подразделе 4.1.4 мы уже познакомились с одним из логических критериев — *правилом квоты*. Согласно этому правилу, каждая партия должна получить число мест, равное ее «идеальному частному», округленному либо до ближайшего большего, либо до ближайшего меньшего целого. Мы отметили, что все методы квот, использующие квоту Хэйра, это правило не нарушают, поскольку оно лежит в основе этих методов. А любой из методов делителей правило квоты способен нарушить¹.

Однако на практике ситуация у разных методов сильно различается. Так, мы анализировали действие четырех методов делителей (д’ОНдта, Сент-Лагю, датского и Империали) на примере итогов голосования на 11 российских региональных выборах, прошедших в период 2004–2007 годов, где к распределению мандатов были допущены шесть списков. Оказалось, что методы Сент-Лагю и датский ни разу в рассматриваемых примерах не приводили к нарушению правила квоты; метод д’ОНдта приводил к его нарушению в одном случае (тот самый пример выборов в Республике Алтай 2006 года, рассмотрен-

¹ Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 215.

ный нами в подразделе 4.1.4). А вот метод делителей Империали приводил к нарушению правила квоты во всех 11 случаях, причем в одном случае оно нарушалось сразу для двух списков¹. Отмечалось также, что если бы метод Уэбстера (Сент-Лагю) использовался для распределения мест в Палате представителей американского Конгресса с 1794 по 2002 год, он ни разу не привел бы к нарушению правила квоты².

В США, где анализировалось пропорциональное распределение мест между штатами, было выявлено три парадокса, характерных для метода Гамильтона (Винтона), более известного у нас под именами метода наибольших остатков и метода Хэйра — Нимейера. «Парадокс Алабамы» заключается в том, что добавление одного места в парламенте уменьшает число мест у какого-то штата; он впервые проявился в 1882 году, когда выяснилось, что увеличение числа мест в Палате представителей с 299 до 300 приводит к тому, что штат Алабама теряет одно место (вместо 8 мест получает 7). «Парадокс населения» проявляется в том, что перераспределение неизменного числа мест вследствие роста населения³ может привести к тому, что мандат переходит от штата с относительно большим ростом к штату с относительно меньшим ростом (так, в 1902 году применение метода Гамильтона привело бы к переходу одного места от Вирджинии к Мэну, несмотря на то что за предшествующие 10 лет в процентном отношении население Вирджинии выросло больше, чем население Мэна). Третий парадокс, «парадокс нового штата», был открыт в

¹ Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 37–40.

² Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 208.

³ В США такое перераспределение производится через каждые 10 лет.

1907 году, когда к США присоединился штат Оклахома и одновременно число мест в Палате представителей было увеличено на 5 (что соответствовало доле Оклахомы в населении США). Оказалось, что применение метода Гамильтона в этом случае привело бы к переходу одного места от Нью-Йорка к Мэну¹.

В 1980 году М. Балинский и П. Янг доказали теорему, согласно которой никакой метод распределения не может всегда удовлетворять правилу квоты и при этом никогда не приводить к парадоксам². Как уже отмечалось, метод Гамильтона (Винтона, Навилля, Хэйра — Нимейера) не нарушает правила квоты, но может приводить к парадоксам; методы делителей не приводят к парадоксам, но могут нарушать правило квоты (хотя для метода Сент-Лагю такое нарушение на практике обычно не встречается).

По нашему мнению, парадоксы Алабамы и нового штата не имеют особого значения при решении задачи о пропорциональном распределении мандатов между партиями по итогам голосования, поскольку в этом случае число распределяемых мандатов заранее фиксируется. Что касается «парадокса населения», то применительно к данной задаче он должен быть сформулирован иначе: при добавлении голосов в пользу нескольких партий мандат переходит от партии с относительно большим ростом числа голосов к партии с относительно меньшим ростом. Такая ситуация возможна, когда к участию в выборах привлекается какая-то дополнительная группа избирателей или, например, решается вопрос о действительности

¹ Nurmi H. Comparing Voting Systems. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1987. P. 181–184; Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 209–212.

² Balinski M. L., Young P. H. Fair Representation: Meeting the Ideal of One Man, One Vote. Washington, 2001; Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 214–215.

итогов голосования на определенном избирательном участке или группе участков.

Рассмотрим, каким образом этот метод приводит к «парадоксу населения». Представим гипотетическую ситуацию: партия А получила 460 голосов, партия Б — 244 голоса, партия В — 196 голосов; распределяется 21 мандат. Распределим мандаты по методу Хэйра — Нимейера. Квота Хэйра равна 42,86. Результаты расчета представлены в верхней части таблицы 4.15.

Таблица 4.15. Гипотетический пример проявления «парадокса населения» на выборах

	Партия А	Партия Б	Партия В
<i>вариант 1</i>			
Число голосов	460	244	196
«Идеальное частное»	10,73	5,69	4,57
Число мандатов на первом этапе	10	5	4
Дробная часть «идеального частного»	0,73	0,69	0,57
Число дополнительных мандатов	1	1	0
Суммарное число мандатов	11	6	4
<i>вариант 2</i>			
Число голосов	460	269	196
«Идеальное частное»	10,39	6,19	4,43
Число мандатов на первом этапе	10	6	4
Дробная часть «идеального частного»	0,39	0,19	0,43
Число дополнительных мандатов	0	0	1
Суммарное число мандатов	10	6	5

Увеличим теперь результат партии Б на 25 голосов. Квота Хэйра увеличивается до 44,05. Результаты распределения приведены в нижней части таблицы 4.15.

Итак, мы видим, что увеличение числа голосов за партию Б привело к передаче мандата от партии А к партии В. В этом и состоит суть парадокса. Происходит он из-за того, что с увеличением квоты Хэйра у партий, которые не получили дополнительных голосов, уменьшаются идеальные частные. Но у партии-лидера это приводит к большему уменьшению дробной части «идеального частного», чем у партии-аутсайдера. Поэтому если в первом случае дробная часть у партии А была больше, чем у партии В, то во втором случае уже наоборот. А партия Б не получает при этом дополнительного мандата, несмотря на повышение ее поддержки, поскольку она ранее получила шестой мандат с «большим запасом».

Результат, приведенный в таблице 4.15, не изменится и в том случае, если партия А получит еще 2 дополнительных голоса (дробная часть у партии А увеличится до 0,41, а у партии В уменьшится до 0,42). Но в этом случае может возникнуть ощущение, что дополнительные голоса, полученные партией А, привели к потере ею мандата. Однако это не так. Потеря партией А мандата связана исключительно с увеличением поддержки партии Б.

Приведенные рассуждения имеют принципиальное значение. Если бы парадокс состоял в том, что дополнительные голоса, полученные партией, могут привести к потере ею мандата, это означало бы нарушение *принципа монотонности*, что создает реальные возможности для манипулирования. Однако метод Хэйра — Нимейера принцип монотонности никогда не нарушает. Это обусловлено тем, что увеличение числителя (в данном случае — числа полученных

партией голосов) и знаменателя (в данном случае — суммарного числа голосов за партии, участвующие в распределении мандатов) на одинаковую величину приводит к увеличению частного во всех случаях, когда числитель меньше знаменателя и все числа положительные.

«Парадокс населения» означает нарушение принципа *независимости от посторонних альтернатив*, поскольку при этом число голосов за одну партию влияет на распределение мандатов между двумя другими. И хотя нарушение данного принципа также дает некоторые возможности для манипулирования, эти возможности значительно меньше, чем в случае нарушения принципа монотонности. Можно даже сказать, что эти возможности минимальны в реальной ситуации, поскольку результат зависит от ряда случайных факторов, которые заранее невозможно предсказать.

Нарушение принципа независимости от посторонних альтернатив еще лучше видно на примере реальной ситуации, которую мы можем назвать «красноярским парадоксом». Он имел место на выборах в Красноярский горсовет 2 марта 2008 года, где по единому избирательному округу распределялось 17 мандатов. На этих выборах действовал 5-процентный заградительный барьер, который преодолели четыре партии — «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Две партии («Гражданская сила» и Демократическая партия России) получили менее 2%.

Если бы заградительного барьера не было и мандаты распределялись между шестью участвовавшими в выборах партиями (суммарное число голосов — 363 905, квота Хэйра — 21 406,176), «Гражданская сила» и ДПР все равно не получили бы ни одного мандата, но «Единой России» достались бы 8 ман-

датов, а «Справедливой России» — 3 мандата (см. верхнюю часть таблицы 4.16). Однако в соответствии с законом мандаты распределялись между четырьмя партиями, преодолевшими барьер (суммарное число голосов — 353 324, квота Хэйра — 20 783,765), и распределение оказалось другим: у «Единой России» дробная часть выросла с 0,360 до 0,611, и она получила дополнительный мандат за счет «Справедливой России», у которой дробная часть выросла меньше — с 0,466 до 0,540 (см. нижнюю часть таблицы 4.16).

Таблица 4.16. Результаты распределения мандатов на выборах Красноярского горсовета 2008 года по методу Хэйра — Нимейера с заградительным барьером и без него

Партия	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	ГС	ДПР
Число голосов	178 966	65 311	56 257	52 790	6624	3957
<i>вариант 1 (без заградительного барьера)</i>						
«Идеальное частное»	8,360	3,051	2,628	2,466	0,309	0,185
Число мандатов на первом этапе	8	3	2	2	0	0
Дробная часть «идеального частного»	0,360	0,051	0,628	0,466	0,309	0,185
Число дополнительных мандатов	0	0	1	1	0	0
Суммарное число мандатов	8	3	3	3	0	0
<i>вариант 2 (заградительный барьер 5%)</i>						
«Идеальное частное»	8,611	3,142	2,707	2,540	—	—
Число мандатов на первом этапе	8	3	2	2	—	—
Дробная часть «идеального частного»	0,611	0,142	0,707	0,540	—	—

Число дополнительных мандатов	1	0	1	0	—	—
Суммарное число мандатов	9	3	3	2	—	—

Таким образом — и в этом суть «красноярского парадокса», — добавление к участию в распределении мандатов партий, не получающих мандатов по результатам распределения, влияет на результат распределения. У методов делителей такой парадокс невозможен: там частные, которые меньше распределителя, не влияют на ранг частных, определяющих получение мандатов.

Нами был предложен еще один логический критерий, который мы назвали «правилом идеальных частных». Суть его состоит в следующем: поскольку методы распределения призваны решать проблему оптимального округления чисел в том случае, когда провести пропорциональное распределение в целых числах невозможно, то в обратном случае (когда возможно без округления распределить мандаты в точном соответствии с пропорцией голосов) они должны давать именно пропорциональный результат. Иными словами, если при делении числа голосов каждой партии на квоту Хэйра получается целое число, то именно это число мандатов данная партия должна получить при применении метода, претендующего на звание пропорционального. Мы полагаем, что только методы, которые всегда удовлетворяют данному правилу, могут считаться методами пропорционального распределения. Как показал анализ, данное правило всегда выполняется для всех известных методов распределения, за исключением одного — метода делителей Империали. Причем данный метод нарушает «правило идеальных частных» во всех случаях, когда результат лидера более

чем вдвое превосходит результат аутсайдера (из числа партий, участвующих в распределении мандатов). Стоит заметить также, что аналогичные свойства будут наблюдаться у любого метода делителей, в котором шаг между делителями (если привести ряд делителей к форме, когда он начинается с единицы) будет меньше единицы¹.

4.1.9. Численные критерии пропорциональности

Другой тип критериев пропорциональности — *численные критерии*, или критерии оптимальности. Это числа, получаемые с помощью определенных вычислений. Как правило, чем меньше численное значение критерия, тем меньше отступление от пропорциональности; а если его значение оказывается минимально возможным, то это означает, что полученный результат оптимален с точки зрения данного критерия. Впрочем, возможна и обратная логика работы: максимальное значение означает наибольшее приближение к пропорциональности, а убывание — отдаление от нее.

В нашей работе 2005 года² были предложены три таких критерия:

¹ Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. О критерии пропорциональности при распределении мандатов между партийными списками // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 23–27 (ранее на это, но с менее четкой аргументацией было указано в статье: Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // Br. J. Polit. Sci. 1992. Vol. 22. P. 474–477).

² Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 178–182.

1) сумма модулей разности доли мест в парламенте и доли голосов избирателей, полученных каждой партией (относительно суммы голосов за партии, участвующие в распределении мандатов), — *критерий 1*;

2) сумма модулей разности «цены» мандата (то есть числа голосов, приходящихся на один мандат) для каждого списка от средней «цены» мандата (которая равна квоте Хэйра) — *критерий 2* (обычно выражается в процентах от квоты Хэйра);

3) сумма модулей этой же разности, умноженной на число полученных партией мандатов, — *критерий 3*.

Однако впоследствии мы установили, что критерии 1 и 3 эквивалентны. Действительно, если v_i — число голосов, полученных i -й партией, V — сумма голосов за партии, участвующие в распределении мандатов, m_i — число мандатов, доставшееся i -й партии, M — число распределяемых мандатов, то критерий 1 будет равен $\sum |v_i/V - m_i/M|$, а критерий 3 — $\sum (|v_i/V - m_i/M| * m_i)$. Преобразовав последнюю формулу, мы получаем $V^* \sum |v_i/V - m_i/M|$, то есть критерий 1, умноженный на постоянную (для данных выборов) величину V .

Отметим, что критерий 1 аналогичен индексу Лузмора — Хэнби, который используется для оценки степени представительности парламента, избранного по пропорциональной системе. Последний равен критерию 1, деленному на два¹. Связаны с ним и другие индексы представительности, которые будут нами использованы в разделе 5.2.

Таким образом, остаются критерии 1 и 2. Какой из них в большей степени отражает требование пропор-

¹ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems. Oxford, 1994. P. 60; Алекскеров Ф. Т., Платонов В. В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003. С. 18.

ционального распределения мандатов и закрепленный международными избирательными стандартами принцип равного избирательного права?

Критерий 1, как видно уже из его определения, является мерилом отклонения от пропорциональности. Что касается критерия 2, то его можно считать мерилом степени неравенства партий, поскольку равенство партий должно обеспечиваться равной «ценой мандата» каждой из них.

Можно было бы думать, что критерий 2 отражает и степень неравенства избирателей. Однако это не так. Мерилом степени неравенства избирателя следует считать разность между величинами, обратными «цене мандата» для конкретной партии и средней «цене мандата». Это «вес голоса» избирателя конкретной партии (m_i/v_i) и средний «вес голоса» (M/V). Для того чтобы оценить степень неравенства всех избирателей, эту разность (точнее, ее модуль) следует умножить на число избирателей данной партии (v_i) и просуммировать значения, полученные для всех партий: $\sum(v_i^*|m_i/v_i - M/V|)$. Преобразуя это выражение, мы получаем $\sum|m_i - M^*v_i/V|$ или $\sum|m_i/M - v_i/V|^*M$, то есть критерий 1, умноженный на постоянную (для данных выборов) величину M .

Таким образом, именно критерий 1 следует считать мерилом степени неравенства избирателей. Аналогичным образом этот критерий был выведен в работе О. Н. Каюнова для распределения между субъектами федерации одномандатных округов по выборам в Государственную Думу¹.

Ранее нами уже было математически доказано, что оптимальные результаты с точки зрения критерия 1 (или индекса Лузмора — Хэнби) дает метод Хэйра —

¹ Каюнов О. Н. Об оптимальном распределении избирательных округов // Журнал о выборах. 2002. № 2. С. 50–51.

Нимейера¹. Этот вывод подтверждается и расчетами, сделанными для 19 российских региональных выборов². Иллюстрирует его и таблица 4.17, где приведены расчеты критерииев 1 и 2 в отношении результатов распределения, достигнутых различными методами для ранее использованных нами брюссельского и алтайского примеров, а также еще для одного примера — выборов Законодательного Собрания Калужской области 14 ноября 2004 года, где между пятью партиями распределялось 20 мандатов и для которых получилось пять разных результатов распределения мандатов³. К сожалению, критерий 2 неприменим для случаев, когда метод не дает какой-либо партии ни одного мандата, поэтому для брюссельского примера данный критерий показан лишь для двух вариантов распределения.

Как видно из таблицы, критерий 1 для результатов, полученных методом Хэйра — Нимейера, во всех трех случаях оказался наименьшим. Для результатов, полученных методом д'Ондта, он существенно больше. В приведенных примерах метод Сент-Лагю дает такое же распределение, как и метод Хэйра — Нимейера, однако в тех случаях, когда они приводят к разному распределению, критерий 1 для метода

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 314–316.

² Там же. С. 313; Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 38–39; Морозова О. С. Критерии оценки качества представительности избирательных систем // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 71.

³ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 311–313.

**Таблица 4.17. Критерии пропорциональности
для различных результатов распределения
мандатов по итогам голосования
на трех различных выборах**

	Результат распределения	Критерий 1	Критерий 2
<i>Брюссельский округ, выборы в бельгийский парламент 1900 года</i>			
Датский, Адамса, Дина	7:4:3:2:1:1	10,00%	13,17%
Хэйра — Нимейера, Сент-Лагю и др.	7:5:2:2:1:1	8,31%	13,52%
Квота Империали и правило наибольшего остатка	8:5:2:2:1:0	15,14%	—
д'Ондта и др.	8:5:3:2:0:0	17,70%	—
Делителей Империали	9:6:2:1:0:0	34,45%	—
<i>Выборы Государственного Собрания Республики Алтай 2006 года</i>			
Датский, Адамса, Дина	7:3:3:3:3:2	9,90%	10,26%
Хэйра — Нимейера, Сент-Лагю и др.	8:3:3:3:2:2	7,97%	10,58%
д'Ондта, тюменский, Империали и др.	9:3:3:2:2:2	13,08%	14,26%
<i>Выборы Законодательного Собрания Калужской области 2004 года</i>			
Адамса	9:3:3:3:2	12,14%	13,64%
Хэйра — Нимейера, Сент-Лагю, датский, Дина и др.	10:3:3:2:2	7,66%	12,71%
Квота Хэйра и правило наибольшей средней	10:4:3:2:1	10,17%	21,00%
д'Ондта, тюменский	11:3:3:2:1	13,32%	21,47%
Делителей Империали	12:3:2:2:1	21,00%	29,11%

Хэйра — Нимейера меньше. Иными словами, вопреки тому, что написано в десятках книг, именно метод Хэйра — Нимейера дает оптимальную пропорциональность.

Интереснее то, что с точки зрения критерия 2 (то есть близости к средней «цене» мандата) метод д’Ондта также не является оптимальным. Этот факт требует более подробного анализа. Ведь данный метод обосновывался именно тем, что в его основе выравнивание «цены» мандата. Однако апологеты метода д’Ондта не замечали одной принципиальной ошибки. Метод основан на выяснении вопроса, у какой партии цена мандата будет выше, если все партии получат дополнительный мандат. Однако в конечном итоге не все партии получают дополнительный мандат, поэтому нужно учитывать и «цену» мандата для партий, дополнительного мандата не получающих. В противоположность методу д’Ондта метод Адамса учитывает только «цену» мандата, если ни одна партия не получит дополнительного мандата. Но это — другая крайность. В результате метод д’Ондта благоприятствует партиям-лидерам, а метод Адамса — партиям-аутсайдерам. А более адекватные результаты дают методы, основанные на средних значениях между результатами округления «идеального частного» до меньшего и большего целого числа (Сент-Лагю, Хилла, Дина), то есть как бы усредняющие «цену» мандата для случаев получения и неполучения дополнительного мандата.

Нам удалось получить математическое доказательство того, что оптимальные с точки зрения критерия 2 результаты дает метод, основанный на квоте Хэйра и одном из вариантов правила наибольшего частного. Этот метод заключается в том, что дополнительные мандаты получают партии, у которых оказываются наибольшие частные от деления чис-

ла полученных ими голосов на среднее гармоническое между результатами округления «идеального частного» до меньшего и большего целого числа¹. Данный метод в значительной степени аналогичен методу делителей Дина. Однако приведенное в указанной работе доказательство оказалось верным только для случая, когда оптимальный с точки зрения данного критерия результат не нарушает «правила квоты». Из наиболее часто используемых методов распределения мандатов наилучшие результаты с точки зрения критерия 2 обычно дает датский метод². При этом результаты, полученные датским методом и методом Дина, чаще всего совпадают, а в некоторых случаях датский метод дает лучший результат, чем метод Дина.

Во всех проанализированных нами случаях наихудшие с точки зрения критериев 1 и 2 результаты давал метод делителей Империали.

Подводя итоги нашему обсуждению, мы должны отметить, что идеального метода распределения мандатов не существует — это доказали М. Балинский и П. Янг. Однако из данного вывода не следует, что все существующие методы распределения мандатов равнозначны. В первую очередь следует категорически отвергнуть метод делителей Империали, который не удовлетворяет «правилу идеальных частных» и потому не может считаться методом пропорционального распределения мандатов³.

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 316–318.

² Там же. С. 313; Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 38–39.

³ К сожалению, ни Самарский областной суд (решение от 02.05.2007), ни Верховный Суд РФ (Определение № 46-Г07-

Также можно говорить и о том, что метод д’Ондта и родственные ему методы (тюменский метод; методы квот, основанные на правиле наибольшего среднего), хотя и удовлетворяют минимальным требованиям пропорциональности («правилу идеальных частных»), все же дают результаты распределения, далекие от оптимальных.

Наиболее адекватными следует считать методы Хэйра — Нимейера и Сент-Лагю, и в первую очередь из них следует выбирать. Метод Хэйра — Нимейера дает оптимальные результаты с точки зрения критерия 1 и не нарушает «правило квоты». К достоинствам данного метода следует также отнести его простоту и понятность для членов избирательных комиссий и избирателей. В то же время этот метод может приводить к некоторым парадоксам. Также он не очень удобен в случае отсутствия заградительного барьера (подробнее об этом будет сказано в подразделе 4.6.1).

К достоинствам метода Сент-Лагю следует отнести то, что он не приводит к парадоксам, обычно удовлетворяет «правилу квоты» и часто дает результаты, близкие к оптимальным с точки зрения критериев 1 и 2. Также не стоит сбрасывать со счета датский метод, который чаще других методов дает результаты, оптимальные с точки зрения критерия 2. Кроме того, датский метод иногда бывает удобен при распределении небольшого числа мандатов без заградительного барьера (см. подраздел 4.6.1).

21 от 01.08.2007) не восприняли математические аргументы и не признали метод делителей Империали не соответствующим требованию федерального законодательства о пропорциональном распределении мандатов.

4.2. Размер избирательного округа и другие территориальные аспекты

Как показано в главе 2, хотя идеологи пропорциональной избирательной системы ратовали за проведение выборов в едином общенациональном избирательном округе, первоначально эта система применялась в основном в небольших многомандатных избирательных округах. Вскоре, однако, появились многоуровневые модели: выборы проводились в небольших многомандатных избирательных округах, но в этих округах распределялись не все мандаты — часть мандатов распределялась на более высоких уровнях, вплоть до общенационального.

Лишь после Второй мировой войны выборы в общенациональном избирательном округе стали проводиться в Израиле (120 депутатов) и Нидерландах (150 депутатов), а также в рамках смешанной системы — в Федеративной Республике Германии (первоначально 242, в настоящее время 299, не считая «избыточных» и «выравнивающих»). После 1989 года, когда пропорциональная избирательная система стала распространяться в странах новой демократии, во многих она также стала реализовываться в едином общенациональном округе — на Украине (225 депутатов при смешанной и 450 депутатов при полностью пропорциональной системе), в Молдавии (101 депутат), Сербии (250 депутатов), Словакии (150 депутатов).

При этом в Российской Федерации возникла новая модель пропорциональной избирательной системы — с разбиением партийного списка на территориальные части.

Территориальные аспекты пропорциональной системы демонстрируют сложности в процессе поиска баланса различных факторов. С одной стороны,

чем меньше размер избирательного округа, тем больше искажение пропорциональности. С другой стороны, в небольших округах списки включают меньшее число кандидатов и избирателю обычно легче ориентироваться, учитывать личности кандидатов. Также чем больше размер округа, тем труднее реализовать модель открытых списков. Кроме того, при выдвижении общенациональных списков усиливается централизация и бюрократизация политических партий¹.

С целью соединить достоинства единого округа (минимизация искажений пропорциональности) и небольших многомандатных округов (приближение кандидатов к избирателю) были созданы многоуровневые модели. Однако при этом возникает другой недостаток — избирательная система становится более сложной.

Далее мы разберем три варианта решения территориальной проблемы — разделение территории на небольшие многомандатные округа, разбиение списка на территориальные части и многоуровневые системы.

4.2.1. Разделение территории на избирательные округа

Конституция Финляндии предусматривает, что для парламентских выборов территория страны делится на многомандатные избирательные округа, число которых может быть от 12 до 18; от каждого

¹ Отметим, что проведение выборов в едином общенациональном округе может совмещаться с выдвижением партийных списков на более низком уровне. Так, в Германии списки земельные, они выдвигаются земельными организациями политических партий. Фактически же выборы проводятся в едином общенациональном округе (см. подраздел 3.7.2).

округа избирается не менее 7 депутатов (кроме Аландских островов, от которых избирается один депутат). В начале 2000-х годов страна делилась на 15 округов¹. На выборах 2015 года действовали 13 округов, включая Аландские острова. От этих округов избирались 7, 8, 10, 14, 16 (в двух), 17 (в двух), 18, 19, 22 и 35 депутатов². Подробнее о распределении мандатов в этих округах будет сказано в подразделе 4.6.1.

На выборах польского Сейма 2015 года территория страны делилась на 41 многомандатный округ. При этом в одном округе распределялось всего 7 мандатов, в четырех — 8 мандатов, в девяти — 9 мандатов, в пяти — 10 мандатов, в одном — 11 мандатов, в двенадцати — 12 мандатов, в одном — 13 мандатов, в четырех — 14 мандатов, в двух — 15 мандатов, еще по одному округу имели 16 и 20 мандатов. Это приводит (вместе с завышенными заградительными барьерами) к заметным искажениям пропорциональности при распределении мандатов. Так, партия «Право и справедливость» получила 37,6% голосов и 51,1% мандатов (то есть создалось «сфабрикованное большинство»), а Современная партия с 7,6% довольствовалась 6,1% мандатов, Польская народная партия с 5,1% голосов — 3,5% мандатов³. Если бы мандаты распределялись в общенациональном масштабе, при тех же барьерах и методе д’Ондта «Право и справедливость» получила бы только 45,2% мандатов, зато Современная — 9,1%, а Польская народная партия — 6,1%.

В Испании 50 многомандатных избирательных округов соответствуют провинциям, плюс Сеута и

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 251–252.

² <http://tulospalvelu.vaalit.fi/E-2015/en/lasktila.html>.

³ http://parlament2015.pkw.gov.pl/pliki/1446212089_obwieszczenie_Sejm.doc.

Мелилья являются одномандатными округами. На выборах 2004 года в девяти провинциях распределялось всего по 3 мандата, в девяти — по 4, в девяти — по 5, в пяти — по 6, в пяти — по 7, в трех — по 8, в четырех — по 9, по одной провинции имели 10, 11, 12, 16, 31 и 36 мандатов. Экспертами отмечается, что это приводит к сильным искажениям пропорциональности представительства¹.

В Чехии территория страны также делится на многомандатные округа (соответствующие краям страны), но число мандатов в каждом округе не определяется заранее, а вычисляется пропорционально числу действительных голосов, поданных в каждом крае². На выборах 2013 года края получили от 5 до 25 мандатов³.

В Латвии 100 депутатов избираются в 5 многомандатных округах, в Словении — 90 депутатов в 8 округах⁴. В Турции территория страны делится на 85 многомандатных округов, в парламент избирается 550 депутатов, то есть средний размер округа — 6,5 мандата⁵.

4.2.2. Разделение партийного списка на территориальные части

В Российской Федерации при выборе в 1993 году модели пропорциональной системы было решено проводить выборы половины депутатов Государственной Думы (225) по единому общефедерально-

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 38, 72–76, 83.

² 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 15.

³ <http://volby.cz/pls/ps2013/ps53?xjazyk=CZ&xv=1>.

⁴ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 18, 25, 33.

⁵ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 464–467.

му округу, несмотря на то что Россия — огромная страна с большим количеством регионов.

Однако именно большое количество регионов и значительное их неравенство по численности населения вынудили сделать такой выбор. Было абсолютно ясно, что при разбиении территории России на 89 округов, соответствующих субъектам РФ, в большинстве округов невозможно применить пропорциональную систему: на них пришлось бы всего два-три мандата, а то и один. В то же время образование многомандатных округов из территорий нескольких субъектов РФ авторы первого закона о парламентских выборах сочли искусственным и недопустимым¹.

В то же время разработчики российского законодательства нашли способ скомпенсировать недостаток, присущий единому округу. Было предложено разбивать федеральный список на региональные группы. Правда, в первом варианте, который применялся на выборах 1993 года, разбиение списка на группы было правом, а не обязанностью избирательного объединения. Кроме того, никак не ограничивался размер центральной (общефедеральной) части списка. В результате норма оказалась малоэффективной. Из 13 участвовавших в выборах избирательных объединений разбили свой список только шесть (два из которых в Думу не прошли), причем у двух общефедеральные части были столь большими, что ни один кандидат из региональных групп мандата не получил. В целом из 225 мандатов только 29 достались кандидатам, включенным в региональные группы.

На выборах 1995 года разбиение списка на региональные группы стало уже обязанностью. В результа-

¹ Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 81–84; Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М., 1997. С. 34–36.

те длительных споров при подготовке закона появилась норма об ограничении общефедеральной части списка 12 кандидатами, что составляло примерно 5% от числа мандатов, распределяемых по пропорциональной системе¹. При таком ограничении от каждой партии, прошедшей в Думу, хотя бы небольшое число избранных депутатов должно было представлять региональные группы.

В законе, действовавшем на выборах 1999 года, максимальный размер общефедеральной части списка был увеличен до 18 кандидатов. В результате от Блока Жириновского в Думу не попал ни один кандидат из региональной части списка.

Следует отметить, что требование закона об обязательном разбиении списка на группы можно было легко обойти. Так, в 1995 году некоторые блоки выделили в своих списках всего две региональные группы, одна из которых включала Эвенкийский автономный округ (субъект РФ с наименьшим числом избирателей), а другая — все остальные регионы. Однако такого рода поведение было характерно лишь для маргинальных объединений и блоков. Серьезные избирательные объединения разбивали свои списки на значительное число групп. Так, на выборах 1995 года у КПРФ было 20 групп, у объединения «Яблоко» — 51, у движения «Наш дом — Россия» — 85, у ЛДПР — 89.

На выборах 1999 года среднее число групп в списках несколько снизилось, так как партиям стали ясны негативные последствия слишком сильного дробления списка. Тем не менее число групп у большинства серьезных объединений и блоков было вполне солидным: у Блока Жириновского было 7 групп,

¹ Гельман В. Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 137–144.

у объединения «Яблоко» — 16, у КПРФ — 20, у блока «Медведь» — 26, у блока «Отечество — Вся Россия» — 36.

В законе, действовавшем на выборах 2003 года, было установлено, что число региональных групп должно быть не меньше семи. Размер общефедеральной части списка сохранился прежним (18 кандидатов) несмотря на то, что Комитет по государственному строительству (при согласии представителей ЦИК России) предлагал вернуться к норме, ограничивавшей эту часть 12 кандидатами.

На выборах 2003 года самым дробным был список Аграрной партии России (57 групп), 4 партии и блок из числа получивших более 3% голосов («Единая Россия», «Родина», Союз правых сил, блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости») выделили в своих списках 28–31 группу. У КПРФ было 20 групп, у партии «Яблоко» — 15, и только ЛДПР обошлась минимумом в 7 групп¹.

На выборах 2007 года, помимо перехода на полностью пропорциональную систему, были существенно изменены правила формирования партийного списка. Общефедеральная часть списка ограничена тремя кандидатами. Минимальное число региональных групп увеличено до 80 (то есть более чем в 10 раз). Регионы с числом избирателей более 1,3 миллиона было разрешено разбивать на несколько групп (соответствующие этим группам территории устанавливались решением ЦИК России). При объединении регионов в одну группу численность избирателей на соответствующей территории не должна была превышать 3 миллиона. Группы должны были охватывать все субъекты федерации. Запрещено было об-

¹ Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42.

разовывать группы из не граничащих между собой регионов (за исключением анклавной Калининградской области).

Таким образом, количество региональных групп, на которые должен был быть разбит партийный список, могло варьироваться от 80 (минимум, установленный законом) до 153 (такое количество групп получалось при максимально возможной разбивке на группы больших регионов). Большинство партий, выдвинувших списки на выборах 2007 года, предпочли разбиение, близкое к минимальному: у семи число групп было от 83 до 90, у пяти — от 92 до 99 и только у двух — более 100. Такое разбиение означало, что большинство региональных групп соответствовали отдельным субъектам РФ и только небольшое число групп объединяло несколько регионов или, напротив, соответствовало части территории региона¹.

На выборах 2011 года правила формирования списка были немного изменены. Максимальное число кандидатов в общефедеральной части было увеличено до 10, а минимальное число региональных групп сокращено до 70. Максимально возможное число региональных групп в этот раз оказалось равным 151 (оно немного уменьшилось из-за ликвидации нескольких мелких субъектов РФ). Партии, как

¹ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Бюллетень Национального центра демократических процедур. М., 2008. С. 33–39; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. 2007: Сборник информационно-аналитических материалов. М., 2008. С. 14–51; Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 35–37.

и на предыдущих выборах, стремились к разбиению, близкому к минимальному: четыре партии из семи разбили свои списки менее чем на 80 групп, одна — на 80 групп и две — на 82 и 83 группы¹.

Новый федеральный закон о выборах в Государственную Думу, принятый в 2014 году, возвращающий параллельную (смешанную несвязанную) избирательную систему, сохранил максимальное число депутатов в общефедеральной части, равное 10, но вдвое (до 35) сократил минимальное число региональных групп.

На всех выборах в Государственную Думу мандаты между региональными группами внутри партийного списка распределялись пропорционально голосам, поданным за партию на соответствующих территориях (по методу Хэйра — Нимейера).

Таким образом, российская модель позволяет обеспечивать территориальное представительство при выборах по единому общенациональному округу. При этом сами партии решают, как разбивать список, в том числе какие регионы соединять между собой, что позволяет избегать искусственности, неизбежной при принудительной процедуре.

Однако требование разбиения списка на большое число групп, действовавшее на выборах 2007 и 2011 годов, имело ряд негативных последствий. Так, для некоторых небольших по численности населения регионов расчеты показывали, что добиться представительства в Государственной Думе регион может только через список партии, получающей более 200 мандатов, то есть «Единой России». Но для этого зачастую требовалась высокая явка и более высокая, чем в целом по стране, поддержка партии вла-

¹ Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 8, 29–32.

сти. Поэтому в таких регионах на представителей элиты оказывалось особое давление, чтобы они консолидированно (безотносительно к своим политическим убеждениям) поддержали «Единую Россию». Вообще в тех случаях, когда списки разбиваются на группы, в основном соответствующие субъектам РФ, региональные власти получают сильный стимул повышать явку любыми законными и незаконными методами, поскольку от явки зависит число мандатов, получаемых регионом.

Также требование разбиения списка на большое число групп в сочетании с некоторыми другими требованиями не давало партиям возможность формировать группы, соответствовавшие территориям с примерно равной численностью избирателей, что позволило бы создавать условия для эффективной внутрипартийной конкуренции. Большинство партий не могло рассчитывать на получение 70 и более мандатов, поэтому им приходилось создавать заведомо «непроходные» группы, где кандидаты не имели серьезных стимулов для предвыборной борьбы. Довольствуясь по итогам голосования 40–60 мандатами, эти партии лишались возможности иметь на некоторых территориях своих депутатов, а их избиратели не получали «своего» депутата¹.

Более того, при таком большом числе групп возникла опасность, что некоторые регионы не получат депутатов ни от одной из партий. О такой опасности

¹ Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Бюллетень Национального центра демократических процедур. М., 2008. С. 33–39, 190–191; Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 29–32, 235–237.

мы писали еще в 2007 году¹. Но тогда, главным образом из-за высокого результата «Единой России», эта опасность миновала². Однако на выборах 2011 года негативный прогноз сбылся: один из регионов (Республика Алтай) оказался без представительства³.

На региональных выборах до 2003 года разбиение списков на территориальные группы не практиковалось. В период 2003–2005 годов оно еще было редкостью — данную модель использовали 8 регионов из 44. Однако в 2006–2009 годах ее применила уже почти половина регионов — 32 из 70. А затем она стала доминировать: в период 2010–2013 годов списки должны были разбиваться на группы в 64 кампаниях из 75⁴.

По нашему мнению, разбиение списков на группы оправдано в больших и неоднородных регионах, а в небольших однородных регионах дробление списков имеет больше отрицательных, чем положительных качеств с точки зрения обеспечения интересов избирателей. Кроме того, разбиение списков в большей степени важно при полностью пропорциональной системе, так как в случае смешанной системы территориальное представительство обеспечивается депутатами по одномандатным округам. Мы же ча-

¹ Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42.

² Козлов В. Н. Проблемы представительства регионов в новой Государственной Думе // Журнал о выборах. 2007. № 6. С. 38–45.

³ Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 236.

⁴ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 44–47; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 70–79.

сто видим обратную картину: не было разбиения на группы в нескольких регионах, где выборы проводились по полностью пропорциональной системе, а также в ряде крупных регионов страны с неоднородным (в том числе этнически) избирателем (Республика Татарстан, Краснодарский край, Кемеровская область; в первом цикле — также Республика Коми, Московская и Ростовская области), зато практиковалось разбиение во многих небольших по числу избирателей и относительно однородных регионах¹.

При этом, в отличие от выборов в Государственную Думу, в большинстве регионов был выбран наиболее жесткий вариант разбиения списка на территориальные группы: группы привязаны к одномандатным округам, и их запрещено объединять². Поскольку в большинстве случаев число одномандатных округов было равно числу мандатов, распределяемых по пропорциональной системе (или было на единицу меньше), получалось, что список необходимо было разбивать на столько групп, сколько мандатов рас-

¹ Любарев А. Е. Регулирование избирательной системы в законодательстве субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 76–82; Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 44–47; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 70–79; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 33–34; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 41–42.

² При этом чаще всего распределение мандатов внутри списка основывалось не на абсолютном числе голосов, а на проценте голосов, полученных партией на соответствующих территориях (рейтинговый метод).

пределялось по единому округу. Правда, обычно региональный закон разрешал создавать меньшее число групп, но это невыгодно самим партиям — в этом случае они оставляют некоторые территории без кандидатов¹. В качестве дополнительного обременения во многих региональных законах содержалось требование, согласно которому в каждой региональной группе должно было быть два или даже больше кандидатов; это вынуждало партии выдвигать списки из большого числа кандидатов, подавляющее большинство которых не имело шансов на избрание².

Такие жесткие требования приводят к тому, что в результате выборов значительная часть территорий оказывается не представленной в списочной половине законодательного органа (а если выборы проводятся полностью по пропорциональной системе — то и в целом в законодательном органе)³. Тем

¹ До 2008 года практиковались также жесткие нормы, позволявшие отказывать в регистрации списка в случае выбытия из него даже одной группы, но Конституционный Суд РФ 11 марта 2008 года признал такие нормы не соответствующими Конституции РФ.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Основные правовые особенности выборов 13 марта 2011 года // Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад. М., 2011. С. 12–31; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 70–79; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 41–43; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 54.

³ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 250–252; Мониторинг региональных избирательных кампаний 11 марта

самым разбиение списков на группы не столько приближает депутатов к избирателям, сколько отдаляет.

Кроме того, разбиение списков на группы, которым соответствует не очень большое число избирателей, делает результаты выборов весьма чувствительными к различным ошибкам и манипуляциям. Так, в Псковской области в 2007 году было зафиксировано большое число жителей Пскова, голосовавших по открепительным удостоверениям в одном из сельских округов; их организованно подвозили с целью увеличить результат соответствующей территориальной группы одной из партий¹. Появляется возможность путем небольших изменений в итогах голосования повлиять на состав избранных депутатов. Такой случай имел место в 2009 году в Карачаево-Черкесской Республике, когда изменение протокола на одном избирательном участке привело к перераспределению мандатов сразу у трех политических партий². Особенно скандальными стали выборы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 2011 года, когда в результате переписывания протоколов по некоторому числу избирательных участков было изменено распределение мандатов у всех оппозиционных партий³.

2007 года. М., 2007. С. 90–92; Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42; Любарев А. Е. Итоги голосования и результаты выборов // Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад. М., 2011. С. 269–270.

¹ Мониторинг региональных избирательных кампаний 11 марта 2007 года. М., 2007. С. 80–81, 165–166.

² Любарев А. Черкесский прецедент // Любарев А. Избирательное право России: проблемы и решения. Саарбрюкен, 2012. С. 210–213 (<http://www.votas.ru/cherkes.html>).

³ Любарев А. В Петербурге, вероятно, фальсифицировали итоги не только в пользу «Единой России» (<http://www.echo.msk.ru/blog/lyubarev/841066-echo/>).

Разбиение списков на группы стало практиковаться и на муниципальных выборах, где оно вообще не имеет плюсов (поскольку территория небольшая и избирателей в основном однородный), зато имеет все перечисленные выше минусы, тем более что обычно применяется наиболее жесткий вариант разбиения¹.

В некоторых регионах система разбиения списков на территориальные группы была доведена до крайних форм. Так, в Республике Мордовии в 2003 и 2008 годах, Республике Башкортостан в 2006 году, Калининградской области в 2006 году, Курганской области в 2010 году списки не имели центральной части, то есть полностью разбивались на территориальные группы. А в Санкт-Петербурге в 2007 и 2011 годах в каждой территориальной группе мог быть только один кандидат, что создавало иллюзию мажоритарных выборов².

Такие крайние формы оказались привлекательными для украинских законодателей. В 2002 году в Верховную Раду Украины депутатами С. Б. Гавришем, Ю. Я. Йоффе и Г. П. Дашутиным был внесен проект закона о парламентских выборах, предусматривавший разбиение списка на 450 территориальных групп (по числу депутатов Верховной Рады), в каждой из

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 42–43; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 53–54; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 64–67.

² Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 46, 472–473; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 72, 423–424.

которых могло быть не более одного кандидата; центральная часть списка не предусматривалась. При этом формально говорилось о разбиении территории страны на 450 территориальных округов и выдвижении партиями в каждом округе не более одного кандидата, однако в реальности речь шла о выборах по партийным спискам. Голос избирателя должен был засчитываться в первую очередь партии, и мандаты должны были распределяться между партиями пропорционально голосам избирателей, а затем мандаты должны были получать кандидаты, в округах которых процент голосов за партию был выше¹.

Тогда этот законопроект не получил поддержки. Однако в 2015 году подобная система была принята для выборов областных, городских и районных советов. Разница лишь в том, что в ходе второго чтения в закон было внесено положение о том, что в списке должна быть центральная часть, состоящая из одного кандидата. Данная система была применена на местных выборах в октябре 2015 года и продемонстрировала недостатки, о которых говорилось выше: часть территорий оказалась непредставленной, в то время как в отдельных территориях были избраны два, а иногда и три депутата².

Ю. Б. Ключковский назвал такую систему «системой Гавриша — Йоффе — Даштутина», или «квазимажоритарной пропорциональной системой»³. Как уже отмечалось выше, у избирателя, особенно при соот-

¹ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 111–114.

² Любарев А. Законодательство Украины о местных выборах и его применение на выборах 25 октября 2015 года (http://www.epde.org/tl_files/EPDE/EPDE%20PRESS%20RELEASES/IMC%20UA%202014/Liubarev_Elections_in_Ukraine_2015_RU.pdf).

³ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 111.

ветствующей информационной (точнее, дезинформационной) кампании, может создаться иллюзия, что он голосует за конкретного кандидата подобно тому, как это происходит при мажоритарной системе. Однако в случае мажоритарной системы голос избирателя либо способствует избранию конкретного кандидата, либо «пропадает»; здесь же голос по факту получает партия, и он может способствовать избранию другого кандидата от этой партии¹.

Отмечается также, что в данном случае голос избирателя отдается как партии, так и кандидату, как это имеет место в случаях открытых списков (см. раздел 3.6) и систем добавочных представителей (см. подраздел 3.7.3). Однако, в отличие от открытых списков, здесь у избирателя нет возможности выбрать кандидата из списка поддерживаемой им партии. В большей степени данная система похожа на системы добавочных представителей — в обоих случаях один и тот же голос засчитывается и партии, и кандидату. Тем не менее в системах добавочных представителей голос избирателя в первую очередь засчитывается кандидату, и он может оказаться избранным, даже если его партия не получит мандатов (поэтому мы относим системы добавочных представителей к смешанному типу). При «системе Гавриша — Йофффе — Дашутина» кандидат может получить мандат только в том случае, если его партия будет участвовать в распределении мандатов. Именно поэтому мы относим данную модель к типу пропорциональных, а не смешанных систем. Хотя следует признать, что

¹ В случае, когда партия представляет сплоченную группу единомышленников, это можно считать положительным моментом. Однако если в партии представлены разные течения, к которым у избирателя может быть различное отношение, система вводит его в заблуждение, поскольку его голос может способствовать избранию нежелательного для него кандидата.

в данном случае наблюдается конвергенция, и «система Гавриша — Йоффе — Дашутина» как крайний вариант пропорциональной системы с разбиением списка на территориальные группы начинает напоминать некоторые крайние варианты смешанной системы.

4.2.3. Многоуровневые системы

Как отмечалось в разделах 2.3 и 2.4, многоуровневые системы появились в период между двумя мировыми войнами и получили еще большее распространение после Второй мировой войны.

Примером двухуровневой системы может служить Швеция. Здесь 349 парламентских мандатов делятся на две части — 310 основных и 39 уравнивающих. Основные мандаты распределяются в 29 много-мандатных избирательных округах, в основном соответствующих административным единицам — ленам (только лен Сконе поделен на три округа, а лен Западный Йотланд — на четыре), между партиями, преодолевшими в соответствующем округе 12-процентный барьер. На втором этапе в распределении мандатов участвуют партии, преодолевшие 4-процентный барьер в масштабе страны. При этом определяется, сколько мандатов из 349 должно быть выделено этим партиям исходя из доли голосов, полученных ими в национальном масштабе. Далее число мандатов, за-воеванных партией в округах, вычитается из этого количества, и таким образом определяется, сколько уравнивающих мандатов достается партии. Эти мандаты затем передаются тем округам, где соответствующая партия имеет наибольший остаток неучтенных голосов¹.

¹ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 35–36; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 213–214, 258.

Похожая система применяется в Дании. Страна делится на три крупных региона — столичный, островной и ютландский. Каждый из них в свою очередь делится на 3–4 многомандатных округа, всего таким образом получается 10 округов. В этих округах распределяется 135 мандатов, а еще 40 являются дополнительными (уравнивающими). Эти дополнительные мандаты распределяются сначала между партиями, затем — между регионами и в конечном счете — между округами. При этом, в отличие от Швеции, в округах нет заградительного барьера, а на национальном уровне барьер составляет 2%, но к распределению мандатов на втором этапе допускаются также партии, которые получили как минимум один окружной мандат или в двух из трех регионов получили количество голосов не менее естественной квоты¹.

Иной принцип предусмотрен в Австрии. Здесь система трехуровневая — 43 региональных избирательных округа, 9 земельных округов и общенациональный округ. Но главное отличие от шведской и датской систем в том, что заранее не определяется число мандатов, распределяемых на первом, втором и третьем этапах. На первом этапе распределяются мандаты в региональных округах. При этом используется квота Гогенбах-Бишофса, и каждая партия получает столько мандатов, сколько квот укладывается в собранном ею количестве голосов (или, иными словами, число полученных ею мандатов равно целой части отношения числа голосов к квоте).

Оставшиеся нераспределенными мандаты и остатки голосов суммируются на уровне земельного округа. Во втором распределении участвуют только партии, получившие хотя бы один региональный мандат

¹ Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 235–242, 266–280.

или преодолевшие 4-процентный барьер на общенациональном уровне. Для распределения мандатов используется тот же метод, что и на первом уровне. Наконец, мандаты, оставшиеся нераспределенными на втором уровне, и остатки голосов переходят на общенациональный уровень, и здесь уже распределение происходит по методу д’Ондта¹.

Похожая (но двухуровневая) система в Болгарии. Территория страны разделена на 31 многомандатный округ, из них три округа в Софии, два в Пловдиве и 26 в остальных областях. На первом этапе мандаты распределяются в этих округах (с использованием квоты Хэйра), а на втором — в общенациональном округе².

4.3. Искажения пропорциональности: «премии» и заградительный барьер

К недостаткам пропорциональной избирательной системы обычно относят то, что она не способствует формированию прочного правительства, опирающегося на стабильное парламентское большинство, и то, что она стимулирует чрезмерное партийное дробление, в том числе и фракционное дробление депутатского корпуса. И хотя эти опасности чаще всего преувеличены³, в пропорциональную систему стали вноситься дополнения, нацеленные на преодоление данных недостатков и неизбежно приводящие к искажению пропорциональности.

¹ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 13; Современные избирательные системы. Вып. 6. М., 2011. С. 91–95.

² 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 37–38.

³ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 245–246.

С одной стороны, чтобы способствовать формированию стабильного парламентского большинства, в некоторых странах стали вводить систему «премий» («бонусов»). С другой стороны, для предотвращения чрезмерного фракционного дробления парламента появился и вскоре занял прочные позиции заградительный барьер.

4.3.1. Система «премий»

Первым примером использования системы «премий» можно считать закон, принятый в Италии в 1923 году после прихода к власти Б. Муссолини («закон Ачербо»). По этому закону партия, собравшая наибольшее количество голосов (но не менее 25%), получала право на две трети мест в Палате депутатов, а оставшиеся места должны были пропорционально распределяться между другими партиями. Впрочем, система эта действовала недолго: с 1929 года выборы в Италии даже формально стали «выборами без выбора»¹.

В 1953 году Христианско-демократическая партия попыталась вернуться к системе «премий». Она сумела провести закон, по которому партии или блоку партий, получившим в масштабе страны абсолютное большинство голосов, должно было достаться 65% мест в Палате депутатов. Этот закон получил в народе прозвище «мошеннического». Однако на парламентских выборах 1953 года блок, возглавляемый христианскими демократами, немного не дотянул

¹ Там же С. 234; Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 277–278; Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 11–13; Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 14–16.

до заветной планки, получив 49,7% голосов. Вскоре после выборов, в 1954 году, «мошеннический» закон был отменен¹.

Третий раз система «премий» была введена в Италии в 2005 году «законом Кальдероли», принятым по инициативе С. Берлускони. По этой системе если партия или блок партий с наибольшим числом голосов при пропорциональном распределении должны получить менее 340 мандатов, им предоставляется дополнительное количество мандатов, необходимых для достижения 340 (то есть 54%). Остальные места распределяются между преодолевшими необходимый барьер партиями пропорционально полученным ими голосам. На первых же выборах 2006 года возглавлявшаяся С. Берлускони коалиция «Дом свобод» получила 49,74%, а блок «Унионе» во главе с Р. Проди — 49,81%. В соответствии с законом блоку «Унионе» досталось 340 мандатов, а коалиции «Дом свобод» — только 277².

В 2013 году Конституционный суд Италии признал неконституционными некоторые положения «закона Кальдероли», в том числе касающиеся «премии» большинства. В 2015 году был принят новый закон, позволяющий получить 340 мандатов только списку, за который проголосовало не ме-

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 235; Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 137–141, 277–278; Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М., 1965. С. 66; Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 18–19.

² Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск, 2007. С. 62–63; Федотова Ю. Г. Избирательные системы зарубежных стран. М., 2015. С. 155–156; Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 20–22.

нее 40% избирателей (при запрете соединения списков)¹.

В Греции в 1958 году была принята модель, при которой мандаты распределялись в два этапа. Часть мандатов распределялась между партиями, преодолевшими в масштабе страны 5-процентный барьер, а другая часть — только между партиями, получившими более 25% голосов, блоками из двух партий, получившими более 35% голосов, и блоками из более чем двух партий, получившими более 40% голосов. В результате Национально-радикальный союз, получивший на выборах 1958 года 41% голосов, взял 57% мандатов².

Эта же модель была принята и после падения режима «черных полковников» в 1974 году. Разница лишь в том, что для участия во втором этапе распределения мандатов требовалось получить меньшую долю голосов: для партий — 17%, для блоков двух партий — 25%, для блоков трех и более партий — 30%. На выборах 1977 года партия «Новая демократия», собрав 42% голосов, получила 58% мандатов³.

Далее правила неоднократно менялись, но система «премий» сохранялась. Так, в 1980-е годы действовало правило, согласно которому ведущая политическая партия получает абсолютное большинство мест в Палате депутатов, если она наберет по меньшей мере 46% поданных голосов и опередит идущую следом за ней партию по меньшей мере на 7%⁴. Позднее был установлен порядок, согласно которому 260 мандатов из 300 распределялись пропорционально го-

¹ Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 22–25.

² Избирательные системы стран мира. М., 1961. С. 115–118.

³ Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов). М., 1980. С. 33–34, 44–46.

⁴ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 14–15.

лосам избирателей, а остальные 40 мандатов отдавались партии, набравшей наибольшее число голосов¹. Затем размер «премии» вырос до 50 мандатов.

В результате «сфабрикованное большинство» для Греции стало обычным явлением. Так, в 1996 году социалисты (партия ПАСОК) получили 41,5% голосов и 162 мандата (54%), в 2000 году — 43,8% и 158 мандатов (52,7%). В 2004 году партия «Новая демократия», имея 45,4% голосов, получила 165 мандатов (55%)², а в 2007 году она с 41,85% голосов завоевала 152 мандата (50,7%). В 2009 году ПАСОК с 43,9% голосов получила 160 мандатов (53,3%). Искажения пропорциональности получались и позднее. Так, в январе 2015 года левая партия СИРИЗА получила 36,3% голосов и 149 мандатов (49,7%), а в сентябре 2015 года — 35,4% голосов и 145 мандатов (48,3%)³.

В отличие от приведенных выше случаев, направленных на искусственную «фабрикацию» большинства, в законе Германии есть положение, согласно которому если список, собравший больше половины общего числа партийных голосов, получает не более половины распределемых мандатов, ему в первую очередь выделяется мандат при их распределении на основе остатков⁴. Это положение направлено на то, чтобы партии, получившей большинство голосов,

¹ Борисова Е., Бызова О. Греческий антураж выборов (российские наблюдатели в Афинах) // Журнал о выборах. 2009. № 4–5. С. 57–61.

² Самарас А. Н. Парламентские выборы в Греции в 2004 году: конец правления социалистов // Час выбора. М., 2006. С. 68–94.

³ <http://www.electionguide.org/elections/id/1483/>; <http://www.electionguide.org/elections/id/1542/>; <http://www.electionguide.org/elections/id/2836/>; <http://www.electionguide.org/elections/id/2875/>.

⁴ Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства. М., 2004. С. 341.

досталось и большинство мандатов, что вполне спрavedливо.

4.3.2. Заградительный барьер

Хотя примеры применения в той или иной форме заградительного барьера известны с конца 19-го века (см. раздел 2.2), «триумфальное шествие» этого института началось с Федеративной Республики Германии, где 5-процентный заградительный барьер (заградительный пункт, 5-процентная оговорка) был введен на выборах в бундестаг 1949 года на уровне земель, а на выборах 1953 года — на федеральном уровне.

В настоящее время заградительный барьер действует в большинстве стран, где применяется пропорционально-списочная система. При этом в странах Европы и в ряде латиноамериканских стран величина барьера чаще всего ниже 5% — 3% в Аргентине, Греции, Испании, 4% в Австрии, Болгарии, Словении и др. Самый низкий барьер в Нидерландах — он равен естественной квоте, то есть 100% делится на число мандатов (150), и, таким образом, барьер составляет 0,67%.

Длительное время один из самых низких барьеров (1%) существовал в Израиле. Однако затем он неоднократно повышался: до 1,5% перед выборами 1992 года, до 2% перед выборами 2006 года и до 3,25% перед выборами 2015 года.

В Латвии барьер был в 1995 году повышен с 4 до 5%, в Молдове в 2008 году — с 5 до 6%. На Украине перед выборами 2006 года (при переходе с параллельной на пропорциональную систему) барьер был снижен с 4 до 3%, а при возврате параллельной системы в 2012 году он был повышен сразу до 5%.

В постсоциалистических странах барьер чаще всего устанавливался на уровне 5% (Венгрия, Литва,

Польша, Сербия, Словакия, Чехия). При этом для блоков (коалиций) его обычно делали еще выше. Один из самых высоких барьеров (10%) был установлен перед выборами 2002 года в Турции¹.

В многоуровневых системах (см. подраздел 4.2.3) может быть установлено несколько барьеров. Так, в Швеции на уровне многомандатных округов, на которые разделена территория страны, барьер составляет 12%, а на общенациональном уровне — 4%. Основным следует считать общенациональный барьер, поскольку именно на этом уровне определяется, какие партии допускаются к распределению мандатов; при этом партия, не преодолевшая общенациональный барьер, может получить мандат в округе, если преодолеет окружной². В Дании барьер (2%) установлен только на общенациональном уровне³.

Есть, однако, страны, где заградительного барьера нет. Так, в Португалии введение барьера запрещено на конституционном уровне⁴. Однако в этой стране пропорциональная система действует в небольших округах, и мандаты распределяются по методу д’Ондта; таким образом, здесь также существует некий барьер (порог), но в неявном виде (см. подраздел 4.6.1). Аналогичная ситуация в Финляндии.

В России в первоначальном проекте группы В.Л. Шейниса предусматривался 3-процентный ба-

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 25–26; Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 66; Морозова О. С. Избирательный барьер как элемент избирательной инженерии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4. С. 68–75.

² 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 35–36; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 257.

³ Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 267, 280.

⁴ Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 33.

рьер, однако в дальнейшем (в варианте от 5 августа 1993 года) величина барьера была повышена до 5%¹. Такая величина закрепилась для выборов в Государственную Думу вплоть до 2005 года. На региональных и муниципальных выборах до 2005 года в большинстве кампаний также применялся 5-процентный барьер (в 1993–2002 годах в 13 кампаниях из 14, в 2003–2005 годах в 26 кампаниях из 44). С самым низким барьером (3%) прошли выборы в Амурской области в 2005 году, барьер в 4% действовал на выборах в двух регионах. В одном регионе в этот период барьер был установлен на уровне 6% и в 9 — на уровне 7%. Завышенные барьеры применялись в Вологодской области (8%), Москве и Республике Калмыкии (10%); рекордным был 25-процентный барьер в Корякском автономном округе в 1996 году. В Агинском Бурятском и Усть-Ордынском Бурятском автономных округах барьеры не устанавливались: там по пропорциональной системе распределялось лишь 9 мандатов².

При этом еще в 2002 году в закон о выборах депутатов Государственной Думы было внесено положение о повышении барьера до 7% для выборов следующего созыва (то есть выборов 2007 года). В 2005 году был принят новый закон о думских выборах, и в нем 7-процентный барьер был закреплен.

В том же году в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в

¹ Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 4–52; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 38.

² Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 59–80; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 599–600.

референдуме граждан Российской Федерации» для региональных выборов был установлен верхний предел барьера на уровне 7%. Хотя формально это была мера против завышенных барьеров, но фактически она дала сигнал региональным законодателям поднять барьер до максимально разрешенного уровня¹. И начиная с октября 2006 года по октябрь 2009 года в подавляющем большинстве регионов выборы проводились с 7-процентным барьером: из 62 кампаний только в 7 барьер был ниже 7%.

Отметим, что в 1998 году вопрос о 5-процентном барьеере на выборах в Государственную Думу стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Суд признал такой барьер допустимым, но с двумя оговорками: 1) избирательные объединения, преодолевшие барьер, должны получить на выборах более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании; 2) барьер должен быть преодолен более чем одним избирательным объединением.

После этого в 1999 году в законодательстве был установлен «плавающий» барьер. Суть его в том, что в случае преодоления установленного законом барьера только одной партией к распределению мандатов допускается еще одна партия, получившая наибольшее число голосов среди партий, не преодолевших барьер; если же партии, преодолевшие барьер, получают вместе менее 50% голосов, к распределению мандатов допускаются другие партии, получившие наибольшее число голосов, пока сумма голосов, поданных за допущенные к распределению мандатов партии, не превысит 50%.

¹ Впрочем, отрицательную роль данной новеллы не стоит преувеличивать: повышение барьера происходило не столько под ее влиянием, сколько по прямым указаниям из Москвы.

На выборах в Государственную Думу эти нормы применять не пришлось. Однако на региональных выборах норма о допуске к распределению второй партии применялась пять раз: в Республике Мордовии (в 2007 году), Республике Татарстан (в 2004 году), Республике Тыва (в 2014 году) и в Кемеровской области (в 2008 и 2013 годах).

По предложению президента Д. А. Медведева в 2009 году для выборов в Государственную Думу и в 2010 году для региональных выборов была установлена уникальная норма: если заградительный барьер выше 5%, то партии, за которые проголосовало более 5% избирателей, должны были получать один или два мандата. По сути получился двойной барьер: 5% для прохождения в парламент и 7% для участия в пропорциональном распределении мандатов. На выборах в Государственную Думу 2011 года эту норму применять не пришлось — ни одна партия не получила результат между 5 и 7%.

На региональных выборах 2010–2013 годов данная норма применялась в 16 кампаниях. При этом в восьми (Тамбовская область в марте 2011 года, Республика Ингушетия, Республика Мордовия, Псковская область в декабре 2011 года, Саратовская область в октябре 2012 года, Архангельская, Смоленская и Ярославская области в сентябре 2013 года; в этих кампаниях распределялось от 22 мандатов до 31) результат распределения мандатов оказался точно таким же, каким бы он был, если бы вместо этой сложной конструкции применялся просто 5-процентный барьер. Но в других восьми кампаниях результат оказался иным.

Так, в Республике Дагестан в марте 2011 года, где распределялось 90 мандатов, «Правое дело», получившее 5,1% голосов, могло бы рассчитывать на четыре мандата, но получило только один. Три не-

доданных ей мандата получили «Единая Россия», «Справедливая Россия» и «Патриоты России». В Удмуртской Республике в октябре 2012 года распределялось 45 мандатов. «Справедливая Россия» получила 5,1% и могла рассчитывать на три мандата. Два недоданных ей мандата достались «Единой России» и ЛДПР.

В Воронежской области в марте 2010 года, в Республике Бурятии, Республике Саха (Якутия), Чеченской Республике и Владимирской области в сентябре 2013 года партиям, получившим между 5 и 7%, при 5-процентном барьере досталось бы по два мандата, а в соответствии с действующими законами они довольствовались одним мандатом. Во всех пяти случаях в выигрыше оказалась «Единая Россия».

В Белгородской области в октябре 2010 года распределение всех 18 мандатов по методу Хэйра — Нимейера дало бы «Единой России» 13 мандатов, КПРФ — 3 мандата, ЛДПР — один мандат и «Справедливой России», получившей 5,1%, также один мандат. Однако в соответствии с областным законом «Справедливой России» был отдельно выделен один мандат, и по методу Хэйра — Нимейера распределялись остальные 17 мандатов. В результате «Единая Россия» получила 12 мандатов, а ЛДПР — два мандата. В данном случае имел место один из парадоксов распределения мандатов по методам квот, похожий на «парадокс нового штата» (см. подраздел 4.1.8).

В 2011 году для выборов Государственной Думы следующего созыва (которые должны состояться в 2016 году) барьер был снижен до 5%, соответственно, конструкция двойного барьера была ликвидирована. Это решение было подтверждено и в новом законе о выборах в Государственную Думу, принятом в 2014 году. В том же году (в мае) был снижен до 5% максимальный барьер для региональных выборов, и

там также исчез двойной барьер. На муниципальных выборах до 2011 года величина барьера федеральным законодательством не регулировалась. В 2011 году для выборов в городских округах и муниципальных районах с числом депутатов не менее 20 максимальная величина барьера была зафиксирована на уровне 5%, для остальных муниципальных выборов она по-прежнему не устанавливалась. В ноябре 2013 года для всех муниципальных выборов максимум барьера стал равным 7%, но уже в мае 2014 года 5-процентный максимум стал единым для всех региональных и муниципальных выборов.

Очевидно, что заградительный барьер приводит к некоторому ограничению пропорциональности представительства и фактически к ограничению прав граждан на представительство в парламенте. Кроме того, завышенный барьер может привести к еще одному негативному явлению, которое называется «сфабрикованное большинство»: партия, за которую проголосовало меньше половины избирателей, получает большинство мандатов благодаря отсечению от участия в распределении мандатов партий, в сумме имеющих значительную поддержку избирателей. Примером могут служить многие российские региональные и муниципальные выборы¹.

Таким образом, с правовой точки зрения заградительный барьер является существенным ограничением прав граждан и потому может считаться допустимым лишь в той мере, в какой он позволяет решать задачу по обеспечению конституционно защищаемых ценностей. Иными словами, нужно,

¹ Любарев А. Е. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрикованного большинства» // Вопросы права и политики. 2013. № 8. С. 65–118.

исходя из принципа разумной достаточности, установить такой размер барьера, при котором он выполнял бы свое конституционно-правовое предназначение. Увеличение барьера сверх этого размера будет чрезмерным, поскольку оно усиливает ограничения без дополнительного усиления его защитной функции.

С какой целью вводится заградительный барьер? В литературе отмечено несколько оснований для его введения.

1. Барьер вводится с целью не допустить в парламент экстремистские партии.

2. Барьер необходим для отсечения партий, получающих поддержку избирателей на уровне «шума».

3. Барьер необходим для того, чтобы не допустить чрезмерного влияния малых партий на принятие парламентом решений, в том числе на формирование правительства.

4. Барьер необходим для того, чтобы избежать чрезмерного фракционного дробления депутатского корпуса.

5. Барьер необходим для того, чтобы все партии, представленные в парламенте, имели работоспособные фракции.

6. Барьер способствует укрупнению партий или по крайней мере их блокированию на выборах¹.

Обсудим эти доводы.

¹ Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 137–138; Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М., 1997. С. 36–38; Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999. С. 90–108; Зарубежное избирательное право. М., 2003. С. 32–35; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 186–189.

Идея не допустить в парламент экстремистские партии, видимо, была в свое время популярна в Федеративной Республике Германии, которая являлась пионером в деле установления заградительного барьера (но и там это не было главным аргументом в пользу установления барьера). Однако в настоящее время ее не следует воспринимать всерьез. Известно, что когда для этого есть социальные предпосылки, экстремистские партии могут получать довольно ощутимую поддержку избирателей и способны преодолевать достаточно высокие барьеры¹. Самый яркий урок в этом отношении преподнесла Турция, где перед парламентскими выборами 2002 года был установлен 10-процентный барьер в надежде не пропустить в парламент исламистов. Однако произошло обратное: введенные завышенный барьер умеренные партии остались «за бортом», довольствовавшись 9,4% и 8,7%, и к власти пришла исламистская Партия справедливости и развития, которая, получив 34% голосов, обеспечила себе почти две трети мест в парламенте².

Перейдем теперь к вопросу о «шуме». Мы исходим из фундаментальной посылки: итоги голосования отражают позицию, мнения, предпочтения

¹ По данным М. А. Могуновой (Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001. С. 314), 4-процентный барьер в Швеции в 1969 году был установлен из расчета не пропустить в парламент коммунистов, поскольку перед реформой Левая партия — коммунисты Швеции получила всего 3% голосов. Однако в последующем эта партия успешно преодолевала установленный барьер.

² Алекскеров Ф. Т., Платонов В. В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003. С. 23–25; Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 110.

избирателей. Но каждый, кто занимался научными, инженерными, экономическими и тому подобными расчетами, знает, что любая величина определяется с некоторой точностью. Если, например, мы говорим, что напряжение в розетке 220 вольт, это не значит, что в ней не может быть 219 или 221. И если экскурсовод в музее говорит, что экспонату 10 тысяч лет, это не значит, что на следующий год он скажет: ему 10 тысяч лет и один год.

Точно так же с волеизъявлением избирателей. Существует масса факторов, вносящих искажения. Речь в данном случае идет не о «систематических ошибках», обусловленных использованием манипулятивных технологий. Есть и «случайные ошибки»: часть избирателей может по ошибке поставить знак не в тот квадрат, часть может голосовать наобум, часть может сделать выбор на основе случайных факторов.

Каков уровень такого «шума»? Одним из лучших показателей является доля недействительных бюллетеней. В тот период, когда у российского избирателя была возможность голосовать «против всех», недействительные бюллетени были в основном результатом ошибок избирателей и их доля составляла обычно около 2%. Существуют и другие показатели, которые дают примерно те же 2%¹. Эту величину и следует оценивать как уровень «шума». Иными словами, партия, получившая на выборах менее 2% голосов, скорее всего, не представляет никакой устойчивой группы избирателей, а ее результат абсолютно случаен.

Из этих рассуждений следует, что барьер на уровне 2% существенно права избирателей не нарушает.

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 187.

Однако сам по себе этот факт не может служить основанием для введения заградительного барьера. Необходимо еще показать, в чем вред наделения мандатами партий, получивших столь небольшую долю голосов.

Обратимся к выборам в Государственную Думу. В 1995 году в этих выборах участвовали 43 списка. Если бы в такой ситуации не было заградительного барьера, распределение мандатов по итогам тогдашнего голосования между всеми участниками выборов привело бы к тому, что по одному мандату получили бы лидеры 10 списков, чья поддержка составляла от 0,19 до 0,57% (и еще 10 списков с поддержкой от 0,62 до 1,94% получили бы от 2 до 5 мандатов). Итого — более 40 депутатов, реально избирателей не представляющих.

Однако нетрудно предположить, что в отсутствие заградительного барьера ситуация была бы еще хуже. Ибо возможность получить один мандат при поддержке всего 0,2% избирателей (а если повезет, то и меньшей) стала бы сильным стимулом для создания квазипартий, и их число неизбежно выросло бы — не на этих выборах, так на следующих.

Хрестоматийным стал пример Польши, где первые выборы по пропорциональной системе в 1991 году проходили без заградительного барьера, и в результате в Сейме функционировало 29 парламентско-депутатских группировок. Это существенно снизило политическую и законодательную дееспособность парламента. Для выборов следующего созыва Сейма были установлены высокие заградительные барьеры¹.

¹ Лысенко В. И. Выборы и представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80–90-х годов. М., 1994. С. 278; Вешняков А. А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве

Однако для небольших парламентов (таких, как законодательные органы большинства субъектов РФ) подобная опасность практически отсутствует.

Проблема чрезмерного влияния малых партий на принятие парламентом решений была выявлена в 1970-е годы, когда исследование распределения должностей в правительствах 13 стран в период после Второй мировой войны обнаружило интересный эффект: малые партии в коалиции получали несколько больше мест в правительстве, чем это следовало бы из доли занимаемых ими мест в парламенте. Данный эффект был объяснен тем, что малые фракции часто играют ключевую роль для обеспечения большинства в парламенте и это «вознаграждается» большим числом должностей¹. Понятно, что этот эффект может проявляться не только при формировании правительства, но и при принятии других важных решений. Негативная роль его в том, что он фактически позволяет небольшому меньшинству диктовать свою волю большинству (это наиболее ярко проявляется в Израиле, где религиозные партии получают небольшую долю голосов, но без них редко удается создать коалиции большинства, и потому они имеют непропорционально большое влияние).

Проблема, однако, в том, что из подобных рассуждений невозможно определить, каков должен быть барьер для отсечения таких партий. Более того, легко смоделировать ситуацию, когда повышение барьера усиливает «шантажный потенциал» малых фракций.

Российской Федерации. М.: Весь Мир, 1997. С. 93; Современные избирательные системы. Вып. 1. М., 2006. С. 451–452.

¹ Алескеров Ф. Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. М., 1995. С. 137–138; Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М., 1997. С. 28–31.

Представим себе для простоты, что в парламенте 100 мест и в выборах участвуют 4 партии (А, Б, В, Г). Далее, представим, что голоса разделились следующим образом: А – 47%, Б – 43%, В – 6%, Г – 4%.

Допустим, заградительный барьер составляет 5%. Тогда А получает 49 мандатов, Б – 45, В – 6. Коалиция А и Б маловероятна и малопродуктивна, так как они – основные соперники¹. Получается, что без В коалиция большинства невозможна. А это означает, что партия В может диктовать условия и наверняка получит в правительстве большую долю, чем 1/16. А теперь представим, что барьер снижен до 3% (или барьера нет, в данной ситуации это не имеет значения). Тогда А получит 47 мандатов, Б – 43, В – 6, Г – 4. В этой ситуации А может выбирать – образовать коалицию с В или Г. И еще остается вариант – коалиция Б с В и Г. При таком раскладе ни В, ни Г уже не могут предъявлять слишком большие претензии.

Наиболее обоснованными можно считать доводы, связанные с тем, что заградительный барьер призван повысить работоспособность парламента. Так, немецкий правовед Г. Майер считает, что защита функциональной способности парламента – это настолько большая ценность, что ее можно рассматривать как оправдывающую причину для нарушения принципа равенства выборов². Аналогичную позицию занял и Конституционный суд ФРГ³. На необходимость обеспечить нормальное функциони-

¹ Тем не менее такие коалиции не раз возникали, например в Германии и Израиле.

² Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 137–138.

³ Фахретдинова А. Избирательная система Германии в решениях Конституционного суда ФРГ // Журнал о выборах. 2008. № 6. С. 53–57.

рование парламента ссыпался и Конституционный Суд РФ, сделавший в своем Постановлении от 17 ноября 1998 года № 26-П вывод о соответствии заградительного барьера российской Конституции.

Важно также то, что данные доводы позволяют оценить, какую величину заградительного барьера можно считать необходимой. Влияние заградительного барьера на работоспособность парламента связана с двумя факторами — числом фракций, образуемых по результатам выборов, и минимальной величиной такой фракции.

Начнем с числа фракций. Какое количество фракций следует считать чрезмерным, затрудняющим работу парламента? Здесь можно обратиться к данным психофизиологии, согласно которым человек способен держать в сфере своего непосредственного внимания одновременно максимум 7–9 однородных предметов. Отсюда можно сделать вывод, что наличие в парламенте 7 фракций не является чрезмерным, 8–9 — пограничная область, а вот более 9 фракций иметь нежелательно.

Каков же должен быть заградительный барьер, чтобы в парламент проходило не более 9 партий?⁹ Для ответа на этот вопрос ни к чему строить умозрительные конструкции, например предполагать крайне маловероятную ситуацию с равномерным распределением голосов. Разумнее обратиться к эмпирическим данным, тем более что одни только российские региональные выборы дают богатейшую статистику: за период с декабря 1993 года по сентябрь 2015 года по пропорциональной или смешанной избирательной системе прошли 225 избирательных кампаний по выборам законодательных органов субъектов РФ.

Результаты анализа доли голосов, полученных в этих кампаниях всеми списками кандидатов, представлены в таблице 4.18. Отдельно проанализирова-

ны 77 кампаний, в которых число участвовавших списков было более семи. Как видно из таблицы, число списков, получивших более 5%, в региональных кампаниях не превышало 7, а число списков, получивших более 4%, не превышало 9. Средние же значения даже для партий, получивших более 2%, не превышали 8. Отметим также, что на выборах депутатов Государственной Думы 1993 года 5-процентный барьер преодолели 8 списков; при этом Дума первого созыва была вполне работоспособной, что является доводом в пользу того, что 8 фракций — это не чрезмерно.

Таблица 4.18. Количество партий, преодолевших различные барьеры на выборах законодательных органов субъектов Российской Федерации 1993–2015 годов

Барьер	Количество партий, преодолевших барьер			
	по всем кампаниям (225)		по кампаниям, в которых участвовали более 7 списков (77)	
	максимальное	среднее	минимальное	среднее
7%	6	3,6	1	3,7
6%	7	3,9	1	4,1
5%	7	4,2	1	4,5
4%	9	4,5	1	5,2
3%	10	4,9	2	6,0
2%	11	5,5	3	7,1

Таким образом, с точки зрения количества фракций в парламенте 5-процентный барьер является вполне достаточным. Более того, даже при 4-процентном барьере количество фракций не превышает разумного предела.

Что касается минимального размера фракции, то этот показатель зависит от числа распределяемых

мандатов. Так, в небольших ассамблеях (каковыми являются законодательные органы многих субъектов РФ) даже преодоление 7-процентного барьера не гарантирует, что партия получит более одного мандата¹. При таких обстоятельствах заградительный барьер никак не может способствовать образованию крупных фракций.

Иная ситуация в больших парламентах, таких как Государственная Дума. При наличии 450 депутатов и более 20 комитетов фракции с небольшим числом депутатов не могут работать эффективно. В этом случае необходимо иметь во фракции депутатов, специализирующихся хотя бы по самым основным направлениям деятельности парламента: внешняя политика, безопасность, экономика, социальная политика, государственное строительство, национальные и федеративные отношения. Таким образом, желательно иметь фракцию, состоящую не менее чем из семи депутатов.

Как видно из таблицы 4.19, с точки зрения минимального размера фракций даже при смешанной системе, когда по единому округу распределялось 225 мандатов, можно было ограничиться 3-процентным барьером, а уж 4% было вполне достаточно. При распределении же 450 мандатов достаточным оказывается даже 2-процентный барьер.

Что касается укрупнения партий или их блокирования, то здесь в первую очередь необходимо задаться вопросом: зачем такое укрупнение нужно? Ответ, по-видимому, в том, что это необходимо для того,

¹ Известные из литературы (Lijphart A., Gibberd R. W. Thresholds and Payoffs in List Systems of Proportional Representation // Eur. J. Polit. Res. 1977. Vol. 5. P. 231) формулы позволяют определить, что при семи партиях преодоление 7-процентного барьера гарантирует получение двух мандатов только в случае распределения более 25 мандатов.

Таблица 4.19. Минимальный размер фракции в Государственной Думе в зависимости от заградительного барьера

Заградительный барьер	Минимальный размер фракции при распределении по пропорциональной системе	
	225 мандатов	450 мандатов
2%	4	9
3%	7	13
4%	9	18
5%	11	22
6%	13	27
7%	16	31

чтобы партии или их блоки могли создавать в парламенте полноценные фракции. Тем самым аргумент, связанный с укрупнением партий, по сути, сводится к уже рассмотренному вопросу о минимальном размере фракции.

Подведем итоги нашего анализа. Мы выяснили, что установление заградительного барьера на уровне 2% не нарушает права избирателей. Повышение барьера выше 2% уже создает определенные ограничения для достаточно больших групп избирателей, и потому такое повышение должно быть серьезно обосновано.

Как видно из приведенных рассуждений, обоснованность доводов о необходимости заградительного барьера существенно различается для больших и малочисленных парламентов. В первом случае важную роль играет минимальный размер фракции, во втором этот фактор не имеет значения. Правда, в обоих случаях необходимо принимать во внимание возможное количество фракций. Но и этот фактор имеет различную силу. В больших парламентах фракции являются необходимым элементом, обеспе-

чивающим работоспособность парламента, и потому их потенциальное количество следует ограничить. Малочисленные же ассамблеи, где каждый депутат сохраняет возможность выступления по всем вопросам, могут в принципе обходиться без фракций, и большое количество фракций для них не является существенной помехой.

В любом случае обоснованным можно считать заградительный барьер не выше 5%, поскольку 5-процентный барьер позволяет ограничить число фракций семью, что вполне достаточно для нормальной работы парламента. Любое повышение барьера сверх этого уровня будет являться чрезмерным. Однако учитывая, что 5-процентный барьер является большим ограничением, чем 3- или 4-процентный, представляется более целесообразным установление барьера на уровне 3 или 4%. Такой уровень барьера можно считать разумным компромиссом между требованиями работоспособности парламента и обеспечения его представительности. Отметим, что в 2007 году Парламентская ассамблея Совета Европы рекомендовала государствам — членам Совета Европы устанавливать барьер не выше 3%¹.

4.4. Условия признания выборов состоявшимися

В российском избирательном законодательстве и законодательстве ряда других постсоветских стран важную роль играют нормы, определяющие признание выборов состоявшимися. Эти нормы связаны с двумя показателями: долей избирателей, принявших

¹ Морозова О. С. Избирательный барьер как элемент избирательной инженерии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4. С. 68–75.

участие в выборах или в голосовании (порог явки), и с долей голосов, поданных против всех кандидатов (списков кандидатов).

4.4.1. Порог явки

Для большинства стран наличие какого-либо порога явки не характерно¹.

В СССР в 1989–1991 годах выборы должны были признаваться несостоявшимися, если в них приняло участие менее половины избирателей (это же правило действовало и во втором туре). И уже на выборах народных депутатов СССР 1989 года, хотя в среднем активность избирателей была достаточно высока (89,8%), в трех округах из 1500 выборы были сорваны из-за недостаточной явки. На выборах народных депутатов РСФСР 1990 года в первом туре выборы не состоялись из-за низкой явки в одном округе, а во втором туре — в четырех округах (из 1068). Еще в семи округах то же самое произошло при повторных выборах².

Хуже обстояло дело на выборах депутатов местных Советов в крупных городах. Так, на выборах депутатов Московского городского Совета в марте 1990 года из-за низкой явки были сорваны выборы в одном округе в первом туре и в 19 округах во втором

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 150–151, 248, 343, 430–431; Вып. 2. Американский континент. М., 2010. С. 244–245, 330–331, 414–415, 474–475, 538–539, 592–593, 634–635, 718–719; Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 481, 664–665, 828–829, 936–937, 1070–1071, 1170–1171, 1240–1241, 1332–1333; Вып. 4. Европейско-Азиатский регион. М., 2015. С. 448–449, 646–647, 774–775, 882–883, 1020–1021, 1192–1193.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 249, 255.

туре (из 498). В первом туре повторных выборов, прошедшем в апреле 1990 года, это произошло уже в 22 округах из 33, а во втором туре, прошедшем в мае, — в 4 округах из 11. Новые повторные выборы в ноябре 1990 года окончились полным провалом: ни в одном из округов явка не достигла 50%¹.

В последующем требование 50-процентной явки сохранялось в федеральном законодательстве лишь для выборов Президента РФ, на которых активность избирателей была выше, чем на любых других выборах (впрочем, для второго тура порог явки здесь был отменен еще в 1995 году). На остальных выборах порог явки стал снижаться.

Так, в 1991 году в Законе РСФСР «О выборах главы администрации» для случая, когда баллотировалось более двух кандидатов, порога явки фактически не было. Если же баллотировались два кандидата или один, при явке в пределах 25–50% шансы на срыв выборов были весьма высоки, а явка ниже 25% автоматически приводила к срыву выборов. Такие же нормы были внесены в 1992 году в законы РСФСР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР» и «О выборах народных депутатов РСФСР». Впрочем, применить их успели лишь в небольшом числе кампаний.

На выборах в Государственную Думу и Совет Федерации в 1993 году порог явки был снижен до 25%. Такая величина порога продолжала действовать вплоть до его отмены в 2007 году. Правда, в первые годы уточнялось, по какому показателю оценивать явку. Так, согласно положениям о выборах в Государственную Думу и Совет Федерации (в редакциях от 6 ноября 1993 года), выборы должны были при-

¹ Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 109–111, 119–120, 125.

зываться несостоявшимися, если число действительных бюллетеней составило менее 25% от числа избирателей. Начиная с 1995 года явка (число избирателей, принявших участие в выборах) стала определяться по числу подписей избирателей в списках избирателей при получении избирательных бюллетеней.

На региональных и муниципальных выборах в отношении порога явки царило разнообразие. В «Основных положениях о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа», утвержденных Указом Президента РФ от 27 октября 1993 года № 1765, было записано, что выборы признаются несостоявшимися, если в них приняло участие менее 35% избирателей; в «Основных положениях о выборах в органы местного самоуправления», утвержденных Указом Президента РФ от 29 октября 1993 года № 1797,— 25% избирателей. Однако эти положения носили рекомендательный характер. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» от 6 декабря 1994 года вообще обходил молчанием вопрос о признании выборов несостоявшимися. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 19 сентября 1997 года определял, что выборы признаются несостоявшимися, если в них приняло участие меньшее число избирателей, чем это предусмотрено соответствующим законом.

Региональные законы по-разному подходили к вопросу о пороге явки. В некоторых субъектах РФ были скопированы нормы федеральных законов: 50-процентный порог на выборах главы субъекта РФ и 25-процентный порог на выборах законодательно-

го органа государственной власти субъекта РФ. В ряде регионов (Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия) 50-процентный порог был установлен и на выборах депутатов. 35-процентный порог явки на выборах законодательного органа государственной власти субъекта РФ был установлен в республиках Башкортостан, Дагестан, Саха (Якутия), Татарстан и Усть-Ордынском Бурятском АО, 30-процентный — в Адыгее, Карачаево-Черкесской Республике и Костромской области, 20-процентный — в Тульской области. В большинстве же субъектов РФ порог явки на этих выборах составлял 25%. В то же время в некоторых регионах (Республика Карелия, Ставропольский и Хабаровский края, Белгородская, Волгоградская, Калужская, Кировская, Курганская, Ленинградская, Новгородская, Читинская области, Ямало-Ненецкий АО) порог не был установлен, и выборы считались состоявшимися при любой явке¹.

На выборах главы исполнительной власти субъекта РФ во многих регионах (более чем в 40) порог явки также был установлен на уровне 25%, в Новгородской области — 30%, в Мурманской, Рязанской и Тамбовской областях — 35%. В Хабаровском крае, Ленинградской области и Санкт-Петербурге порог явки не был установлен².

¹ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–97: Электоральная статистика. М., 1998. С. 11, 36; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика. Т. 1. М., 2001. С. 10.

² Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–97: Электоральная статистика. М., 1997. С. 23; Шергин В. П. О законодательных особенностях

В первом же цикле выборов региональных законодательных органов, прошедших в 1993–1995 годах (в основном в начале 1994 года), активность избирателей оказалась весьма низкой, из-за чего не удалось избрать примерно одну шестую часть депутатов. При этом большая часть вакансий пришлась на региональные центры. Некоторые из них (Липецк, Новгород, Петропавловск-Камчатский) оказались вовсе не представленными в законодательных органах, другие (Астрахань, Курск, Мурманск, Нижний Новгород, Новосибирск, Орел) не укомплектовали и половины причитавшихся им мест¹.

В соответствии с тенденцией к снижению активности избирателей снижались и устанавливаемые региональными законами пороги явки. Так, в Краснодарском крае для выборов губернатора был первоначально установлен порог явки 50%. 27 октября 1996 года губернаторские выборы были признаны несостоявшимися из-за низкой явки. После этого порог явки был снижен, и повторные выборы 22 декабря 1996 года, в которых также приняло участие менее 50% избирателей, состоялись².

На региональных выборах 2001 года из-за недостаточной явки не было замещено 36 депутатских установления результатов выборов глав исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 2. С. 107–108; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика. Т. 1. М., 2001. С. 15.

¹ Политический альманах России 1997. Т. 1. М., 1998. С. 184.

² Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–97: Электоральная статистика. М., 1997. С. 10, 110–113; Шергин В. П. О законодательных особенностях установления результатов выборов глав исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 2. С. 109.

мандатов, из них большая часть — в Приморском крае¹. Низкая явка наблюдалась также на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы. В 1996–1998 годах из-за недостаточной явки не состоялись дополнительные выборы в 5 одномандатных округах из 27, в 2000–2002 годах — в 5 округах из 18 (в одном из них — дважды), в 2004–2006 годах — в 2 округах из 10².

При подготовке в 2001–2002 годах нового Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» звучали предложения как по увеличению порога явки, так и по его уменьшению и даже полной отмене. В результате длительных споров базовый порог явки был установлен на уровне 20%. При этом для федеральных и региональных выборов было разрешено устанавливать более высокий порог. В отношении выборов депута-

¹ Буханова Т.Н. Выборы депутатов региональных парламентов: разговор о главном // Журнал о выборах. 2002. № 1. С. 30; Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. М., 2002. С. 31–32.

² Дополнительные выборы и замещение вакантных мандатов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1996–1998. Электоральная статистика. М., 1999. С. 78–79; Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. М., 2002. С. 14; Выборы в Российской Федерации. 2002. Электоральная статистика. М., 2003. С. 6; Выборы в Российской Федерации. 2003. Электоральная статистика. М., 2004. С. 5–6; Выборы в Российской Федерации. 2005. Электоральная статистика. М., 2006. С. 10; Выборы в Российской Федерации. 2006. Электоральная статистика. М., 2007. С. 10–11; Иванченко А.В., Любарев А.Е. Выборы в Государственную Думу // Государственная Дума России. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. Государственная Дума Российской Федерации, 1993–2006. М., 2006. С. 127–163.

тов представительных органов местного самоуправления было оговорено, что законом субъекта РФ порог явки может не устанавливаться¹.

В 2006–2007 годах порог явки был отменен на всех выборах в Российской Федерации². Еще раньше (в 1997 году) его отменили на Украине³.

Активность избирателей на российских региональных и муниципальных выборах остается довольно низкой. В первой половине 2000-х годов была заметна тенденция к ее понижению⁴. Затем обозначилось некоторое небольшое повышение (не без участия административного ресурса), но в 2012 году вновь обозначилась тенденция к снижению. На региональных выборах антирекорды поставили в 2014 году выборы в Московскую городскую Думу и в 2015 году выборы губернатора Архангельской области (в обоих случаях 21%). На муниципальном уровне явка ниже 20% стала встречаться достаточно часто — как на выборах представительных органов (Владивосток, 2012 год, 13,1%; Петропавловск-Камчатский, 2012 год, 16,6%; Красноярск, 2013 год, 18,6%; Тюмень, 2013 год, 17,3%; Астрахань, 2015 год, 17,5%;

¹ Любарев А. На перекрестке мнений // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 5. С. 11.

² Любарев А. Е. Изменения избирательного законодательства в 2004–2007 годах // Российское электоральное обозрение. 2007. № 1. С. 4–19.

³ Тодыка Ю. Н., Яворский В. Д. Выборы органов местного самоуправления: конституционно-правовой аспект. Харьков, 1998; С. 10–11; Тур А. И., Перевозчиков В. Н. Выборы депутатов Верховной Рады Украины: опыт международного наблюдения // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 7. С. 139.

⁴ Миронов Н. Электоральное поведение граждан как показатель общественного доверия к демократическим институтам. Некоторые результаты анализа электоральной статистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 143–151.

Владимир, 2015 год, 18,3%; Иваново, 2015 год, 17,9%; Липецк, 2015 год, 19,1%; Томск, 2015 год, 17,1%), так и на выборах мэров (Архангельск, 2008 год, 18,3%; Омск, 2012 год, 17,3%; Владивосток, 2013 год, 18,6%)¹.

В этих условиях идея восстановления порога явки остается популярной². Тем не менее полагаем, что порог явки восстанавливать не следует, но при этом необходимо вернуть избирателю возможность голосовать «против всех» (см. следующий подраздел). В условиях, когда наличие строки «против всех» позволяет избирателю активно выразить свое негативное отношение ко всем участвующим в выборах кандидатам или партийным спискам, неявка означает пассивную позицию избирателя, отказывающегося не только выбирать кандидатов или партии, но и голосовать «против всех». Таким образом, наличие порога явки сомнительно с точки зрения отражения воли избирателей. Пассивная позиция любого числа избирателей не должна препятствовать активным избирателям выражать свою волю на выборах. Каков бы ни был показатель явки, у нас нет основания счи-

¹ Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // Социодинамика. 2013. № 8. С. 138–209; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 208–212, 291–292; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 335–345; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 452–457.

² Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 142–145; Морозова О. С. К вопросу о введении порога явки на выборах // Выборы: теория и практика. 2014. № 1 (29). С. 6–12.

тать, что неявившиеся избиратели пожелали, чтобы выборы не состоялись.

Те, кто утверждает, что выборы с низкой явкой подрывают легитимность власти, не учитывают, что признание выборов несостоявшимися подрывает ее легитимность гораздо сильнее.

Вопрос о пороге явки осложняется еще и тем, что единственным обоснованным значением порога можно считать лишь 50% (хотя и в этом случае обоснование не бесспорное). Однако требовать в нынешних условиях 50-процентную явку — это значит либо обречь большую часть выборов на срыв, либо спровоцировать массовые фальсификации. Никакие другие пороги явки (35, 30, 25, 20% и т.п.) невозможно обосновать теоретически. Такие пороги всегда будут результатом конъюнктурного выбора, основанного на информации о том, «как было прошлый раз». И, как показал российский опыт, наблюдаемое снижение активности избирателей неизбежно приводит и к снижению порогов явки.

Кроме того, наличие порога явки усиливает возможности манипуляций. Вот наглядный пример. Допустим, порог явки 50%, а реально в выборах готовы участвовать 60% избирателей. Из них 35% поддерживают кандидата А, 20% — кандидата Б, остальные 5% — других кандидатов. И вот кандидат Б, поняв, что проигрывает, призывает своих избирателей бойкотировать выборы. И даже если только половина его избирателей последует этому призыву, выборы будут сорваны.

Приведенный пример позволяет поставить и еще один вопрос. Почему при одинаковом числе голосов, поданных за победителя (35% от списочного числа избирателей), выборы признаются состоявшимися или несостоявшимися в зависимости от числа голосов, поданных за его соперников? Если меньше

15% — выборы не состоялись, а если больше — то состоялись!

Правда, высказывалось мнение, что отсутствие порога явки позволяет проводить выборы так, чтобы большинство избирателей о них не знали. Однако опыт показывает, что возлагать заботу о явке на организаторов выборов небезопасно. Власть в силу бюрократических привычек предпочитает административные методы публичным, и вместо повышения информирования избирателей мы обычно получаем административную мобилизацию зависимых групп избирателей, а то и прямые фальсификации.

Проблема повышения активности избирателей должна решаться иными методами. Среди главных факторов, влияющих на явку, остаются наличие реальной конкуренции и возможность кандидатам и партиям доносить свои позиции, свои агитационные материалы до избирателей. Если это будет обеспечено, избиратель будет знать о том, что проходят выборы.

4.4.2. Голосование против всех кандидатов или списков

В подавляющем большинстве стран избирателям предоставляется возможность голосовать за кандидатов или за партийные списки. О возможности голосовать против всех кандидатов (или против всех списков) информации крайне мало. Известно, что право голосовать против всех кандидатов на выборах любого уровня было в 1985 году предоставлено законами американского штата Невада. Вместе с тем законодательство штата не содержит сколько-нибудь подробной регламентации последствий такого голосования. Впрочем, этот вид голосования не пользуется большой популярностью среди избира-

телей. Число голосующих «против всех» составляет обычно около 1,5%¹.

В ряде стран, где за каждого кандидата или каждую партию подается отдельный бюллетень (см. подраздел 4.5.4), избирателям предоставляется право опустить в урну пустой бюллетень (Израиль, Швеция). По сути это аналог голосования против всех. Бюллетени не считаются недействительными, но при этом они также не влияют на результат выборов².

Впрочем, отсутствие возможности голосовать против всех кандидатов в западных странах подвергается критике со стороны отдельных общественных активистов. Так, еще в 1972 году Европейский суд по правам человека рассматривал жалобу австрийского гражданина, заявившего, что закон о выборах президента Австрии не позволял ему отклонить все кандидатуры. Однако суд счел, что избиратель имел возможность подать незаполненный бюллетень или сделать его недействительным. Критикуя это решение, Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян отметили, что такой подход, вынуждая гражданина делать бюллетень недействительным, понуждает его «проявить неуважение к порядку выборов, приравняв себя к лицам, дисквалифицирующим бюллетени из других, неправовых побуждений»³.

В то же время российский опыт использования голосования «против всех» довольно интересен и поучителен.

¹ Бураков Н. Голосование против всех кандидатов (история становления и международная практика) // Право и жизнь. 2004. № 71. С. 207–208.

² Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 242.

³ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. С. 180–182.

Такой способ голосования первоначально возник из-за специфической формы избирательного бюллетеня. В СССР до 1989 года (не считая выборов в некоторые местные Советы в 1987 году) в бюллетене фигурировал лишь один кандидат; те, кто голосовал за него, просто опускали бюллетень в урну, а те, кто голосовал против него, должны были его вычеркнуть. Такой способ позволял контролировать голосование несмотря на его формально тайный характер.

При введении в 1989 году альтернативных выборов способ голосования остался неизменным: избиратель должен был вычеркивать нежелательных кандидатов. В одномандатном округе (а они тогда доминировали) он мог оставить невычеркнутым лишь одного кандидата. Но при этом у избирателя было право вычеркнуть всех кандидатов. Количество избирателей, голосовавших таким образом, было различным в разных избирательных округах: оно зависело от числа кандидатов в бюллетене, а также от наличия популярного кандидата, не попавшего в избирательный бюллетень. Так, в Москве на выборах народных депутатов СССР 26 марта 1989 года в двух избирательных округах число избирателей, вычеркнувших всех кандидатов, достигло 31%. Еще более высокий уровень голосования против всех кандидатов был зафиксирован в отдельных микрорайонах. Так, в Братееве 40% избирателей, возмущенных тем, что окружное собрание отвергло кандидатуру местного лидера С. П. Друганова, вычеркнули обе включенные в бюллетень фамилии. А на двух избирательных участках микрорайона Братеево число избирателей, проголосовавших таким образом (в знак протеста против невключения в бюллетень местного лидера), превысило 50%¹.

¹ Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 80; Левчик Д. Молчание ягнят? // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 2. С. 40.

При подготовке в 1993 году нового избирательного законодательства группа В.Л. Шейниса решила изменить форму избирательного бюллетеня, чтобы избиратель не вычеркивал фамилии не нравящихся ему кандидатов, а ставил значок против фамилии того кандидата, за которого он голосует. Первоначальный проект, опубликованный в июне 1993 года¹, еще не предусматривал наличия строки «против всех». Предполагалось, что избиратель, которому не нравятся все кандидаты, просто не будет делать в бюллетене никаких отметок, и бюллетень без отметок должен был считаться действительным.

При доработке проекта было решено добавить в бюллетень строку «против всех», а бюллетень без отметок считать недействительным. Согласно введенным указами Президента РФ положениям о выборах депутатов Государственной Думы (в редакции от 21 сентября и 1 октября 1993 года) и о выборах Совета Федерации (в редакции от 11 октября 1993 года), выборы должны были признаваться несостоявшимися, если число голосов, поданных против всех кандидатов, превысит число голосов, поданных за кандидата, получившего наибольшее число голосов. Однако в ходе избирательной кампании 6 ноября 1993 года по настоянию председателя Центризбиркома Н. Т. Рябова эта норма была исключена из обоих положений. В результате на декабрьских выборах 1993 года голосование «против всех» никак не влияло на результативность выборов². Такая же ситуация была и на выборах в

¹ Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 4–52.

² Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. М., 1995. С. 22–23; Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политики (1985–1993). Т. 2. М., 2005. С. 624.

Государственную Думу 1995 года, и на многих региональных выборах.

Положение изменилось в 1997 году, когда норма, исключенная из положений 1993 года, была внесена в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». С этого момента на всех выборах, проводимых в стране по мажоритарной системе, голосование против всех кандидатов стало оказывать существенное влияние на результативность выборов.

В 1999 году в закон была включена также норма, согласно которой в многомандатном округе кандидат считался неизбранным, если он получал меньше голосов, чем подано против всех кандидатов. В 2002 году было сделано уточнение: если избиратель имел меньше голосов, чем число мандатов в избирательном округе, кандидат считался неизбранным, если он получал меньше голосов, чем частное от деления общего числа голосов, поданных против всех кандидатов, на отношение числа мандатов в округе к числу голосов, которое имел избиратель.

На выборах по пропорциональной системе голосование против всех списков напрямую не влияло на результативность выборов, но с 1999 года действовала норма, согласно которой выборы должны были признаваться несостоявшимися, если за списки кандидатов, получившие право принять участие в распределении депутатских мандатов, было подано в сумме 50% голосов избирателей или менее. Из этой нормы следовало признание несостоявшимися выборов в случае, если сумма голосов против всех списков и недействительных бюллетеней превысила бы 50%. На практике, однако, таких случаев не было.

Анализ, проведенный А. С. Ахременко, выявил, что средний уровень голосования «против всех» в

регионе хорошо коррелировал с двумя показателями: долей русского населения в регионе и долей городского населения¹. Сравнение уровня голосования «против всех» на разных выборах показало, что этот уровень рос со снижением размера избирательного округа: на президентских выборах (1,5–4,8%) и выборах в Государственную Думу по федеральному округу (2,8–4,7%) уровень протестного голосования был самым низким, на губернаторских выборах он был в основном выше (в первом туре — до 20,6%, во втором — до 25,2%), еще выше — на выборах в Государственную Думу по одномандатным округам (на основных выборах — до 26,4%, на дополнительных — до 40,3%)². Когда региональные выборы стали проводиться по смешанной несвязанной системе, оказалось, что и здесь голосование «против всех» в одномандатных округах в основном выше, чем в едином общерегиональном округе³.

Было также обнаружено, что совмещение выборов разного уровня часто приводило к высокой доле голосов «против всех» на выборах более низкого уровня, где без совмещения активность избирателей обычно была ниже. Иными словами, многие избиратели, пришедшие голосовать ради выборов более высокого уровня, таким образом отказывались делать выбор на тех выборах, на которые они при отсутствии совмещения не пришли бы. И все же наиболее высоким уровнем голосования «против всех»

¹ Ахременко А. С. Голосование «против всех» на российском региональном фоне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5. С. 97–111.

² Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 105–108.

³ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 235–239.

был тогда, когда до выборов не допускались популярный кандидат или популярная партия¹.

Если бы на выборах 1993 года действовали нормы о признании выборов несостоявшимися, если число голосов «против всех» больше, чем число голосов за кандидата-лидера, выборы в Государственную Думу не состоялись бы в 32 одномандатных округах из 225, а в Московскую городскую Думу — в 31 одномандатном округе из 35. На выборах в Государственную Думу 1995 года не состоялись бы выборы в трех округах.

После того как такие нормы стали действовать, на выборах в Государственную Думу 1999 года незамещенными остались 8 мандатов, в 2003 году — 3 мандата. На выборах в органы законодательной власти субъектов РФ в 2001 году из-за высокого уровня протестного голосования незамещенными остались 23 мандата. В Москве на выборах советников районных Собраний в 1999 году не удалось заместить 18% мандатов, при этом в 22 районах из 125 было избрано менее двух третей от установленного числа советников. В 2003 году в Республике Коми из-за высокого уровня протестного голосования не были избраны 6 из 30 депутатов Государственного Совета республики и значительная часть депутатов городских советов в Воркуте, Печоре и Сыктывкаре².

¹ Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 108–110.

² Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 277–278; Буханова Т. Н. Выборы депутатов региональных парламентов: разговор о главном // Журнал о выборах. 2002. № 1. С. 27–30; Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 105–111; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2003. Электоральная статистика. М., 2004. С. 192.

Однако анализ показал, что срыв выборов из-за высокого уровня протестного голосования чаще происходил не из-за того, что на выборы не допускался популярный кандидат, а скорее напротив — из-за большого числа кандидатов, дробивших голоса избирателей. Так, на выборах в Государственную Думу 1999 года в Промышленном округе № 152 (Самарская область), где был снят А. М. Макашов, против всех кандидатов проголосовало 26,4% избирателей, но выборы состоялись, поскольку В. А. Лекарева получила 28,2% голосов. В то же время в Мытищинском округе № 108 (Московская область), где не было явного лидера и голоса раздробились, 14,3% голосов «против всех» оказалось достаточно, чтобы сорвать выборы¹.

О том, к каким аномалиям приводило действие данной нормы, говорят также следующие примеры, касающиеся выборов советников в районе Чертаново Центральное (Москва). В декабре 1999 года в одном из многомандатных округов района из-за большого числа голосов «против всех» не были избраны три кандидата, набравшие от 3181 до 4268 голосов. На дополнительных же выборах в апреле 2000 года, где явка была ниже примерно в 7 раз, все трое были избраны в том же округе, хотя получили всего от 1023 до 1187 голосов. В другом округе в декабре 1999 года один кандидат набрал 2676 голосов, а другой — 2013. А в апреле 2000 года тот, кто на декабрьских выборах получил меньше, лидировал с 1157 голосами, оставив первого кандидата позади². Должны ли мы считать, что апрельский результат легитимнее декабрьского?

В июле 2005 года федеральный закон разрешил субъектам РФ исключать голосование «против

¹ Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 111–112.

² Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 300.

всех». В течение первого года этим правом воспользовались только законодатели Москвы. Однако год спустя, в июле 2006 года, голосование «против всех» было повсеместно отменено новым федеральным законом¹.

Следует отметить, что в 2004 году миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами в Государственную Думу 2003 года и Президента РФ 2004 года без достаточного обоснования рекомендовали российским законодателям удалить из законов положения, позволяющие голосовать «против всех»². Поскольку эта рекомендация оказалась единственной, которой российские законодатели последовали, очевидно, что она не была решающим фактором, повлиявшим на отказ от голосования «против всех». Скорее всего, главным мотивом стало опасение повышения протестного голосования на президентских выборах 2008 года³.

Между тем голосование «против всех» является одним из способов выразления избирателей, что неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ. При этом оно стало в 1990-е годы и в первой половине 2000-х годов неотъемлемой частью политической

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 567–568.

² Российская Федерация. Выборы в Государственную Думу 7 декабря 2003 г. Отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами. Варшава, 2004. С. 28; Российская Федерация. Выборы Президента 14 марта 2004. Отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами. Варшава, 2004. С. 32.

³ Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 41; Любарев А. Е. Проблемы систематизации международных избирательных стандартов // Московский журнал международного права. 2009. № 3. С. 22.

жизни страны¹. Поэтому его отмену следует рассматривать как ограничение прав граждан и лишение избирателя наиболее осмысленного способа протеста против нарушения его прав.

С другой стороны, среди политиков и экспертов распространено мнение, что голосование «против всех» является формой «деструктивного электорального поведения»²; встречаются также утверждения, будто «в нашей стране в современный период наличие такой графы может стать серьезным инструментом политической борьбы и давления на действующий политический режим»³. Другие эксперты, напротив, считают голосование «против всех» индикатором нечестности выборов⁴.

Отметим, что вскоре после отмены строки «против всех» произошел случай, показавший важность этой строки. На выборах главы города Дальнегорска Приморского края в октябре 2006 года за три дня до повторного голосования был убит кандидат Д. В. Фотянов, занявший в первом туре второе место и получивший 40,7% голосов. В городе прокатилась волна митингов с требованием отменить второй тур, и под сильным давлением все оставшиеся кандидаты написали заявления о снятии своих кандидатур. Ситуация осложнилась еще и тем, что городская из-

¹ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. С. 172–173.

² Миронов Н. Электоральное поведение граждан как показатель общественного доверия к демократическим институтам. Некоторые результаты анализа электоральной статистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 143–151.

³ Фальков В. К вопросу о возвращении в избирательные бюллетени графы «против всех» // Журнал о выборах. 2014. № 4. С. 32–35.

⁴ Худолей Д. М. Избирательное право и процесс Российской Федерации: Учебное пособие. Пермь, 2009. С. 264–266.

бирательная комиссия не смогла собрать кворум, и решение пришлось принимать краевому избиркому. Однако если бы сохранилось голосование «против всех», можно было бы обойтись без давления на кандидатов: избиратели сами могли бы решить, можно ли избирать кого-либо из оставшихся кандидатов¹.

В 2013 году группой членов Совета Федерации был внесен проект федерального закона, предусматривавший возвращение голосования «против всех» на всех выборах, кроме президентских. В июне 2014 года закон был принят, но в окончательном виде он предусматривал восстановление голосования «против всех» только на муниципальных выборах и только в тех субъектах РФ, где этого пожелали региональные законодатели. К июню 2015 года данным правом воспользовались лишь в шести регионах. Еще в двух субъектах РФ законодатели не сделали выбор, и в соответствии с прямым действием указанной нормы она применялась и там. Таким образом, на муниципальных выборах, проходивших в сентябре 2015 года, строка «против всех» появилась в восьми регионах. Как показал анализ, доля голосов, поданных против всех кандидатов или списков, сильно различалась в зависимости от особенностей избирательной кампании. В ряде сельских поселений не было ни одного голоса «против всех». В то же время в пяти регионах из восьми хотя бы одни выборы не состоялись из-за высокого протестного голосования. Наибольшая доля голосов «против всех» (62,75%) была зафиксирована на выборах главы Шелтозерского вепсского поселения Прионежского района Республики Карелии².

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 605.

² Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 458–462.

В принятом законе были восстановлены действовавшие в 2002–2006 годах нормы о признании выборов несостоявшимися и кандидатов неизбранными. Между тем, как было показано выше, данные нормы не оптимальны и часто приводили к аномалиям. Они неоднократно подвергались обоснованной критике. Так, еще в 1993 году Л. А. Кириченко отмечал, что сравнивать голоса «против всех» с голосами, поданными за отдельных кандидатов, правомерно лишь в том случае, если точно знать, что все, кто отметил строку «против всех», хотели бы проголосовать за одного отсутствующего в бюллетене кандидата. Он также отметил, что данная норма позволяет срывать выборы волей ничтожного меньшинства¹. Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян отмечали, что избиратели, голосующие «против всех», не связаны общим электоральным предпочтением, а потому эти голоса не должны учитываться на равных с голосами, поданными за конкретных кандидатов².

Действительно, с правовой точки зрения голосование против всех кандидатов можно рассматривать как выражение желания, чтобы выборы не состоялись и были назначены повторные выборы. Голосование за какого-либо кандидата, напротив, является выражением желания избрать кандидата. Поэтому число голосов против всех кандидатов правомерно сопоставлять не с числом голосов за какого-то конкретного кандидата, а с числом голосов, поданных за всех кандидатов. Иными словами, признавать выборы несостоявшимися в одномандатном округе следует только тогда, когда число голосов против

¹ Кириченко Л. А. Избирательная система для общества переходного периода // Два опыта избирательной системы. М., 1993. С. 28–29.

² Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. С. 186–188.

всех кандидатов окажется больше числа голосов, поданных за всех кандидатов. Или — более универсальная формула, годящаяся для любых выборов, — если число голосов «против всех» окажется более половины от числа действительных бюллетеней. Возможна, впрочем, некоторая модификация данной формулы: если число голосов «против всех» и недействительных бюллетеней окажется в сумме более половины от числа избирателей, принявших участие в голосовании, — именно такая формула, как отмечалось выше, действовала в 1999–2006 годах на выборах по пропорциональной системе.

Отметим, что подобные нормы существовали в законах Москвы и Московской области, принятых в 1995–1997 годах¹. Такие нормы не могут приводить к частому срыву выборов из-за случайных факторов, но все же в определенных обстоятельствах они смогут защитить права избирателей.

Вслед за Россией голосование «против всех» было введено в 1997 году и на Украине. Здесь также это произошло одновременно с заменой негативного голосования (вычеркивания кандидатов) на позитивное. Правда, соответствующая строка в бюллетене называлась иначе: «Не поддерживаю ни одного из кандидатов» и «Не поддерживаю избирательный список ни одной политической партии, избирательного блока партий»². В большинстве случаев голосование «про-

¹ Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М., 1996. С. 187–188; Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 112.

² Тодыка Ю. Н., Яворский В. Д. Выборы народных депутатов Украины: конституционно-правовой аспект. Харьков, 1998. С. 82; Тодыка Ю. Н., Яворский В. Д. Выборы органов местного самоуправления: конституционно-правовой аспект. Харьков, 1998; С. 60; Тур А. И., Переозвчиков В. Н. Выборы

тив всех» (точнее, «ни за кого») не влияло на результативность выборов. Исключение — местные выборы в период действия закона 2004 года (основные выборы 2006 года и внеочередные выборы 2006–2009 годов), при этом иногда возникали судебные споры, связанные с различным толкованием норм закона¹.

Международные организации и здесь неоднократно подвергали критике положение о голосовании «против всех» и рекомендовали его отменить. В частности, в 2006 году Венецианская комиссия отмечала: «Возможность голосовать против всех является непривычной для устойчивых (сложившихся) демократий. Это может усилить политическую апатию населения. Также это может создать у избирателей иллюзию, что их голосование имело значение, тогда как их голос на самом деле не является таким»². Однако украинские законодатели долгое время отказывались следовать этим рекомендациям. Лишь в 2011 году положение о голосовании «ни за кого» не было включено в новый закон о выборах в Верховную Раду, а в 2014 году оно было также удалено из законов о выборах Президента Украины и о местных выборах.

депутатов Верховной Рады Украины: опыт международного наблюдения // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 7. С. 143; Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 99.

¹ См., например: <http://e-news.com.ua/show/84657.html>.

² Виборча реформа для всіх і для кожного. Київ, 2011. С. 85; Чуб Е. А. Конституционные основы принципа адекватного представительства и политические права граждан // Конституционное развитие России и Украины. М., 2011. С. 105.

4.5. Другие параметры

4.5.1. Блокирование партий

Блокирование партий может преследовать две различные цели. Для малых партий блокирование — это способ совместного преодоления заградительного барьера (там, где он есть) или «естественных» порогов, имеющих высокое значение из-за небольших размеров избирательных округов (см. подраздел 4.6.1). У крупных партий целью блокирования может быть завоевание по итогам голосования абсолютного или относительного большинства. Это важно в некоторых случаях — при системе «премий» (см. подраздел 4.3.1) или в тех случаях, когда лидеру выборов в соответствии с законом или просто традицией предоставляется первоочередное право на формирование правительства.

Блокирование партий также является мягким способом их укрупнения. Часто после того, как партии выступили на выборах в составе блока, они затем уже и формально объединяются и преобразуются в единую партию. Примером может служить образование в 2001 году партии Союз правых сил после того, как в 1999 году на выборах в Государственную Думу успешно выступил одноименный блок¹. Впрочем, укрупнение партий в основном преследует те же самые цели, что и блокирование.

Автор полагает, что с точки зрения общественных интересов важна только первая цель, достижение которой повышает представительность парламента и снижает долю «потерянных» голосов. Вторая цель имеет в значительной степени манипулятивный характер.

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 619–614.

В случае мажоритарных, полупропорциональных и преференциальных систем блокирование партий может носить неформальный характер, то есть осуществляться в формах, не требующих законодательного регулирования. Так, при плуральной системе партии могут договариваться между собой о выдвижении кандидатов в разных одномандатных округах. При блоковой системе каждая входящая в коалицию партия может выдвинуть в многомандатном округе меньше кандидатов, чем в нем замещается мандатов, а вместе у них получится ровно столько кандидатов, и они могут в агитационной кампании выступать как единый блок. При преференциальных системах партии могут договориться агитировать своих избирателей отдавать «дружественным» партиям преференции, следующие после кандидатов своей партии.

При пропорционально-списочных системах также возможны неформальные блоки, если списки выдвигаются в нескольких территориальных округах. Ярким примером является коалиция двух германских христианских партий: ХДС выдвигает списки во всех землях, кроме Баварии, а ХСС — только в Баварии.

Чаще, однако, при пропорционально-списочной системе блоки (коалиции) образуются на формальной основе. При этом возможны две разные формы блокирования. В первом случае блокирующиеся партии формируют единый список (или единые списки, если выборы проводятся в нескольких округах). Второй вариант — каждая партия выдвигает собственный список и избиратель может голосовать за один из них, но при определении результатов выборов во всех или только в определенных случаях голоса, поданные за эти списки, суммируются и полученная сумма рассматривается как результат, полученный блоком. В русскоязычной литературе такой вариант

обычно называется *соединением списков*, в зарубежной литературе часто используется термин *apparentement*.

Отметим, что в ранний период использования пропорционально-списочной системы выдвижение списков формально происходило от имени групп избирателей, поэтому первый вариант также часто был неформальным. Так, на выборах во Всероссийское Учредительное собрание 1917 года в разных округах ведущие партии (эсеры, большевики, украинские эсеры и др.) образовывали разные блоки с другими партиями или не блокировались вовсе¹.

Позднее, когда партии официально стали основным субъектом выдвижения списков, в одних странах им разрешили образовывать блоки (коалиции) для выдвижения единых списков, а в других — нет. Так, в настоящее время создание партийных блоков запрещено в Албании, Венгрии, Македонии, Нидерландах, России, Словении, на Украине, в Швейцарии, Эстонии².

Во многих странах партийные коалиции имеют право выдвижения списков. Примером их успешного выступления на выборах в последние годы могут служить выборы в Народное Собрание Болгарии 2014 года, на которых 4-процентный барьер преодолели три коалиции — Реформаторский блок (8,9%), Патриотический фронт (7,3%) и коалиция «Альтернатива за болгарское возрождение» (4,1%)³.

В Российской Федерации образование блоков разрешалось вплоть до 2005 года. На выборах в Государственную Думу 1993 года 5-процентный барьер

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 32.

² Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М., 2015. С. 203.

³ <http://results.cik.bg/pi2014/rezultati/index.html>.

преодолели два блока («Выбор России» и «Явлинский — Болдырев — Лукин»), в 1999 году — четыре блока («Медведь», «Отечество — Вся Россия», Союз правых сил, Блок Жириновского), в 2003 году — один блок («Родина»). Лишь в 1995 году ни один блок не имел успеха.

Однако успешные блоки почти никогда не были построены как реальные партийные коалиции. Наиболее частым был сценарий создания блока под конкретное лицо или группу лиц, к которым затем привязывали какие-то партии (иногда — абсолютно формально). Таковыми были блоки «Явлинский — Болдырев — Лукин», «Медведь», Блок Жириновского, «Родина», в меньшей степени — Союз правых сил и «Отечество — Вся Россия».

На региональных выборах по партийным спискам, проходивших с декабря 2003 года по май 2005 года, избирательные блоки участвовали в 19 кампаниях из 32, и в 15 регионах их списки получили мандаты. В трех регионах (Алтайский край, Амурская и Сахалинская области) избирательные блоки оказывались лидерами, опередив «Единую Россию»; еще в пяти регионах блоки занимали вторую позицию. Однако анализ показал, что наиболее успешными были блоки, эксплуатировавшие в своем названии тему регионального патриотизма, независимо от того, образовывали их правые или левые партии. Так, избирательный блок «Мы за развитие Амурской области» был образован региональными отделениями Российской партии жизни и партии «Яблоко», блок «Наша Родина — Сахалин и Курилы» — региональными отделениями Аграрной партии России, партии «Народная воля» и «Евразийской партии — Союза патриотов России», блок «Наша Родина — Архангельская область» — региональными отделениями Союза правых сил и партии «Яблоко», блок «Хакасия» — региональными

отделениями Партии возрождения России и партии «Свободная Россия». По сути, названия этих блоков не имели ничего общего с названиями блокообразующих партий и тем самым вводили избирателей в заблуждение. Очень часто избирательные блоки были просто легальным способом обойти запрет на манипулятивное создание партий непосредственно перед выборами и «под выборы»¹.

В некоторых странах для избирательных блоков устанавливаются повышенные заградительные барьеры. Так, в Польше для блоков (коалиций) установлен барьер в 8% при 5-процентном барьере для партий. Это неоднократно приводило к значительной потере голосов. Так, в 2001 году блок «Солидарность» (который был в тот момент правящим и несет ответственность за повышенный барьер) не прошел в Сейм, получив 5,6% голосов². На выборах в Сейм 2015 года коалиция «Объединенные левые» получила 7,5% голосов и в результате также осталась без мандатов³. В целом такие нормы ставят препятствия для образования блоков, преследующих первую цель (повышение представительности парламента), а потому являются весьма сомнительными.

Институт соединения списков впервые был введен в Бюргемберге в 1906 году. Как отмечал В. М. Гессен, цель соединения списков заключалась в том, чтобы по возможности использовать непредставленные остатки голосов, не достигающие величины избирательного метра, или, другими словами, усилить шан-

¹ Любарев А. Е. Сравнение двух способов блокирования политических партий на выборах // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 31–35.

² Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 456–457.

³ http://parlament2015.pkw.gov.pl/pliki/1446212089_obwieszczenie_Sejm.doc.

сы соединяющихся партий в избирательной борьбе. Соединенные списки рассматривались в отношении к другим как один список; в отношении друг к другу объединенные списки сохраняли свою полную самостоятельность. Сначала распределялись мандаты между «соединением списков» и другими списками; затем мандаты, полученные соединением списков, распределялись в таком же порядке между отдельными списками, входящими в его состав¹.

Соединение списков было предусмотрено и на выборах во Всероссийское Учредительное собрание 1917 года. Положение о выборах предусматривало, что группы избирателей, заявившие кандидатские списки, могли не позднее чем за 15 дней до дня выборов подать в окружную комиссию заявление о соединении предлагаемых ими списков. Распределение мандатов осуществлялось по тому же принципу, что и в Бюргенберге².

В середине 20-го века соединение списков было достаточно распространено. Однако против него выдвигался тот аргумент, что «избиратели не любят, чтобы партийные лидеры принуждали их оказывать поддержку какой-либо другой партии». Так, в Швеции реформа 1952 года, заменившая метод д’Ондта модифицированным методом Сент-Лагю (то есть облегчившая доступ малых партий к распределению мандатов), одновременно отменила институт соединения списков³.

¹ Гессен В. М. Основы конституционного права. М., 2010. С. 300.

² Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009. С. 253, 265.

³ Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 101–103.

При этом следует отметить, что в некоторых странах институт соединения списков использовался не столько для защиты малых партий, сколько для достижения второй из обозначенных выше целей — завоевания большинства и получения «премии». Именно с этой целью он был введен, например, в 1951 году во Франции¹.

Аналогичным современным примером может служить Италия, где «законом Кальдероли», действовавшим на выборах 2006, 2008 и 2013 годов, были предусмотрены следующие правила. Заградительный барьер для партий составлял 4%, а для коалиций — 10%, при этом партия, входящая в коалицию, для участия в распределении мандатов должна была получить не менее 2%. При этом партия или коалиция, добившаяся относительного большинства голосов, получала в качестве «премии» абсолютное большинство мандатов (см. подраздел 4.3.1)². Очевидно, что такая система препятствовала коалициям малых партий, но поощряла коалицию крупных.

Иную роль играет институт соединения списков в Финляндии, где он облегчает избрание кандидатов от малых партий в условиях небольших избирательных округов с высокими «естественными» порогами³.

Некоторым вариантом соединения списков можно считать действующие в Израиле правила, предусматривающие «соглашение об остатках голосов». До дня голосования два списка могут заключить

¹ Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. М., 1992. С. 43–45.

² Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право. М., 2013. С. 167; Федотова Ю. Г. Избирательные системы зарубежных стран. М., 2015. С. 155–156; Современные избирательные системы. Вып. 10. М., 2015. С. 20–22.

³ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 304–306.

между собой такое соглашение. И если оба прошли в представительный орган, то при учете остатков голосов (используется один из методов квот, см. подраздел 4.1.2) список, имеющий большее число таких остатков, получает и остатки голосов списка, заключившего с ним соглашение¹.

На взгляд автора, институт соединения списков имеет ряд преимуществ в сравнении с институтом избирательных блоков. С одной стороны, он более технологичен, поскольку заключение соглашения о соединении списков само по себе требует гораздо меньше времени и решений, чем формирование избирательного блока с единым списком кандидатов. С другой стороны, партии в случае соединения списков сохраняют свою индивидуальность, а при формировании блока партия в нем фактически растворяется. Кроме того, при соединении списков, в отличие от ситуации с блоками, вклад каждой партии в результат выборов точно определен. И, соответственно, мандаты между партиями распределяются не произвольно (как в случае блока), а на основе волеизъявления избирателей².

В проекте Избирательного кодекса РФ, разработанного под руководством автора данной книги, предусмотрено соединение списков в следующем виде.

1. Избирательные объединения выступают на выборах в индивидуальном качестве: самостоятельно выдвигают свои списки кандидатов, самостоятельно

¹ Бочаров Ю.Б. Выборы в местные органы власти. Иерусалим, 2013. С. 32–36.

² Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 110–113; Любарев А. Е. Сравнение двух способов блокирования политических партий на выборах // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 31–35.

ведут свою избирательную кампанию, формируют свой избирательный фонд, фигурируют в избирательных бюллетенях; избиратели голосуют за конкретные избирательные объединения.

2. Избирательное объединение, которое опасается, что не сможет преодолеть заградительный барьер, может заключить с такими же избирательными объединениями, близкими ему по политическим позициям, соглашение о соединении списков.

3. Указанное соглашение должно подписываться после завершения регистрации списков (что не препятствует заключению предварительных договоренностей), но до утверждения текста избирательного бюллетеня.

4. Информация о заключении соглашения публикуется и включается в избирательный бюллетень, что должно препятствовать заключению беспринципных соглашений.

5. Если списки, заключившие соглашение, порознь не преодолевают заградительный барьер, а вместе — преодолевают, к распределению мандатов допускается соединенный список, который формируется по методике, определенной в законе. Если одна или несколько блокирующих партий преодолевают барьер, но при этом не менее двух блокирующих партий его не преодолевают порознь, а преодолевают вместе, соединенный список формируется из списков этих оставшихся партий¹.

Таким образом, в данном проекте институт соединения списков предусмотрен именно для облегчения попадания в парламент малых партий и, соответственно, для повышения представительности парламента. При этом если партия смогла преодо-

¹ Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 107–113, 280–281, 354, 373.

леть барьер самостоятельно, соглашение о соединении списков для нее теряет силу. Таким образом, мы можем избежать ситуации, когда какая-то вполне успешная партия тащит за собой «нахлебников».

4.5.2. Возможность участия независимых кандидатов в выборах по спискам

В ряде стран (Болгария, Дания, Косово, Молдавия, Турция, Финляндия и др.) допускается участие в выборах по пропорционально-списочной системе независимых кандидатов. Каждый такой кандидат фактически представляет собой список из одного человека, который конкурирует с другими списками.

Главная проблема здесь в том, что участие независимых кандидатов (если они получают заметную поддержку избирателей) приводит к большей потере голосов избирателей и усиливает диспропорциональность при распределении мандатов. Особенно это касается случаев, когда выборы проводятся в едином общенациональном избирательном округе. Так, в Республике Косово, где, помимо национальных квот, распределяется 100 мандатов, для прохождения независимых кандидатов установлен такой же 5-процентный барьер, как и для партийных списков. Однако списку, преодолевшему 5%, полагается из соображений пропорциональности не менее пяти мандатов, но независимый кандидат может получить лишь один мандат¹. Таким образом, голосование за независимого кандидата в любом случае менее эффективно, чем голосование за список: если он получает менее 5%, голоса за него пропадают; если он получает 5%, то голос за него в пять раз менее эф-

¹ Любарев А. Выборы парламента Республики Косово: заметки российского наблюдателя. Часть 1 (<http://www.votas.ru/kosovo-1.html>).

фективен, чем за список; если он получает более 5%, то степень эффективности снижается тем больше, чем выше его результат.

В Молдове, где избирается 101 депутат парламента, для прохождения независимых кандидатов установлен барьер в 3%, который ниже барьера для партийных списков (6%)¹. Здесь 3% могли бы дать три мандата, то есть эффективность голосов за независимого кандидата, едва преодолевшего 3-процентный барьер, составляет одну треть. Однако поскольку списку, получившему 3%, мандаты не достаются, такая ситуация может стимулировать некоторых политиков баллотироваться в качестве независимых вместо того, чтобы создавать партию «под себя».

В большинстве стран, разрешающих независимым кандидатам участвовать в выборах по спискам, этим правом пользуется небольшое число кандидатов и их результаты обычно весьма низкие. Так, на выборах парламента Молдовы 2014 года четыре независимых кандидата получили от 0,05 до 0,9% голосов². В выборах парламента Финляндии 2015 года участвовали 13 независимых кандидатов, но никто из них не получил в своем округе более 0,1%³.

В Турции, где 550 депутатов избирались в 85 многомандатных округах (то есть средний размер округа 6,5 мандата), для независимых кандидатов не был установлен заградительный барьер, в то время как для партий он составлял 10%. На выборах 2007 года было избрано 27 независимых кандидатов⁴.

¹ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 194–197.

² <http://www.cec.md/r/r/>.

³ http://tulospalvelu.vaalit.fi/E-2015/en/tulos_kokomaa.html.

⁴ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 464–467, 485.

4.5.3. Меры по обеспечению гендерного равенства и представительства национальных меньшинств

Среди проблем равного избирательного права выделяются две, решение которых часто требует специальных мер. Это проблемы гендерного равенства и представительства национальных меньшинств. Они сходны в основном тем, что для их решения часто предлагаются близкие методы — квотирование.

Однако различия между ними довольно существенные. В первую очередь следует отметить, что проблема представительства национальных меньшинств актуальна не во всех странах, а лишь в отдельных полигэтнических государствах (особенно там, где они не имеют компактных территорий проживания)¹. Гендерная же проблема касается практически всех стран. Другое важное отличие: уже в самом термине «национальные меньшинства» указано, что речь идет о защите прав меньшинства; женщины же составляют половину (а иногда и большинство) населения, тем не менее в силу исторических, культурных и психологических обстоятельств они оказываются в меньшинстве в избираемых органах власти. В связи с этим методы решения данных проблем, по-видимому, должны различаться.

Международные документы уделяют этим вопросам определенное внимание. Так, в статье 4 Конвенции ООН 1979 года ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин сказано: «Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления

¹ Архипова Г. Г. Избирательные системы в полигэтнических государствах // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 1. С. 84–91.

фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно влечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов; эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения». В Своде рекомендуемых норм при проведении выборов, принятом Венецианской комиссией, в отношении гендерной проблемы говорится: «Правовые нормы, устанавливающие минимальную процентную долю лиц того или иного пола среди кандидатов, не должны рассматриваться как противоречащие принципу равного избирательного права, если они основываются на положениях конституции». Там же сказано и по поводу национальных меньшинств: «Установление специальных норм, гарантирующих резервирование за национальными меньшинствами определенной доли мест или предусматривающих исключение из обычных правил распределения мест для партий, представляющих национальные меньшинства (например, неприменение процентного барьера), в принципе не противоречит равному избирательному праву»¹.

Согласно статистике, за 35 лет, прошедших после первой всемирной конференции по положению женщин (1975 год), процент женщин, избранных депутатами всех уровней в мире, увеличился на 7% и достиг к 2010 году 19%². Разумеется, это весьма низкий показатель, и необходимо стремиться к его повышению.

¹ Международные избирательные стандарты. М., 2004. С. 87, 628, 637–638.

² Эрр Л. Паритетная демократия, политические партии и избирательные системы // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. М., 2013. С. 126–135.

При этом следует использовать не только законодательные меры, но и разъяснительную работу.

Практика показывает, что законодательные меры дают позитивный эффект только там, где общество уже готово к равноправию и где прогресс в этой области был бы и без этих мер (но, может быть, в меньшей степени). Так, лидером в области гендерного равенства являются Скандинавские страны, но они шли к успеху долгим путем и в основном через активную деятельность поборников равенства. При этом обязательные гендерные квоты касались только назначаемых органов, а квоты в партийных списках устанавливались самими партиями на добровольной основе. В результате за период с 1966 по 1999 год доля женщин в парламенте Швеции выросла с 13 до 43%, в Норвегии — с 8 до 36%, в Финляндии — с 17 до 37%¹.

В то же время есть примеры неудачи с введением квот. Так, в 1990-е годы в области Калабрия (Италия) в порядке эксперимента были установлены гендерные квоты — в списки должно было быть включено не менее 30% женщин. Однако выборы не состоялись, поскольку партии не смогли обеспечить соблюдение данной квоты².

По данным на 2012 год, гендерные квоты присутствовали в 37 государствах³.

¹ Степанова Н. М. Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 204–224.

² Лысенко В. И. Выборы и представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80–90-х годов. М., 1994. С. 130.

³ Следзинская-Симон А., Боднар А. Избирательные гендерные квоты в Польше: теория и практика гендерного равноправия // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 108–117.

Говоря о законодательных мерах, в первую очередь следует отметить, что они неизбежно должны различаться в зависимости от избирательной системы. Анализ показывает, что страны, применяющие пропорциональную систему, имеют более высокий процент женщин-парламентариев, чем страны с мажоритарной системой¹. Однако при использовании мажоритарной системы гендерные квоты не применяются. Правда, известны случаи, когда партия добровольно выдвигала равное число мужчин и женщин по одномандатным округам².

Наиболее просто устанавливаются гендерные квоты в случае пропорциональной системы с закрытыми списками (не разделенными на территориальные группы) в больших избирательных округах. В этом случае довольно эффективно не просто установление минимальной доли лиц одного пола в списке (например, 30, 35 или 40%), но введение правила, по которому лица разного пола должны в списке чередоваться (например, не более двух лиц одного пола подряд, либо более жестко — запрет помещать подряд двух лиц одного пола). В связи с этим отмечается, что закрытые списки более выгодны для представительства женщин³.

¹ Эрр Л. Паритетная демократия, политические партии и избирательные системы // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. М., 2013. С. 131.

² Лысенко В. И. Реализация избирательных прав граждан Российской Федерации в контексте международных избирательных стандартов // Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов. М., 2006. С. 141–152.

³ Эрр Л. Паритетная демократия, политические партии и избирательные системы // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. М., 2013. С. 132.

Здесь, однако, необходимо учитывать возможность сопротивления и манипуляций со стороны партий. Например, на российских выборах широко распространена практика выбытия кандидатов из зарегистрированных списков, а также отказов избранных кандидатов от получения мандатов. В ответ на такие действия может возникнуть соблазн введения жестких репрессивных мер в виде отмены регистрации списков-нарушителей, но эти меры, в свою очередь, чреваты злоупотреблениями уже со стороны лиц, обладающих административным ресурсом¹.

Сложнее ситуация с открытыми списками, особенно в том варианте, когда очередность получения мандатов полностью определяется голосованием избирателей. Если избиратели предпочитают голосовать за мужчин, то квоты окажутся неэффективными. Так, в Польше в 2011 году были введены правила, по которым в списках должно было быть не менее 35% женщин. На прошедших после этого парламентских выборах 2011 года женщины составляли 42% кандидатов. Однако по результатам выборов доля женщин в Сейме составила лишь 23% (в предыдущем созыве она была лишь немногим меньше – 20%)².

В Республике Косово, где также использовались открытые списки, гендерные квоты были введены в трех формах. Во-первых, было установлено, что в списке должно быть не менее 30% лиц каждого пола. Во-вторых, закон требовал, чтобы один кандидат каждого пола был включен по крайней мере один

¹ Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 106–107.

² Следзинская-Симон А., Боднар А. Избирательные гендерные квоты в Польше: теория и практика гендерного равноправия // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 108–117.

раз в каждой группе из трех кандидатов, считая от первого кандидата в списке (норма, по существу, бессмысленная, поскольку порядок расположения кандидатов в списке при распределении мандатов никакого значения не имел). Третье, главное требование состояло в том, что от каждой партии должно быть избрано не менее 30% лиц каждого пола. Это требование корректировало порядок распределения мандатов внутри списка: если, скажем, женщины свою квоту не выбирали, исходя из очередности получения мандатов, которая была установлена по результатам голосования избирателей, последние избранные кандидаты-мужчины заменялись следующими кандидатами-женщинами, пока общее количество мест, выделенных женщинам, не достигало 30%¹. Таким образом, кандидат-женщина может быть избрана, получив меньше голосов, чем неизбранный кандидат-мужчина.

Однако требование чередования в списке кандидатов разного пола может быть неэффективно, если выборы по партийным спискам проводятся в небольших округах, где большинство партий может претендовать только на один мандат, или в том случае, когда список разбивается на большое число территориальных групп и каждая группа может рассчитывать лишь на один мандат.

На местных выборах, прошедших на Украине в 2015 году, закон содержал требование, чтобы список включал не менее 30% лиц одного пола. Других требований не было, поскольку список разбивался на территориальные группы и в каждой группе было не более одного кандидата (см. подраздел 4.2.2). Кроме

¹ Любарев А. Выборы парламента Республики Косово: заметки российского наблюдателя. Часть 1 (<http://www.votas.ru/kosovo-1.html>).

того, закон не предусматривал санкции за несоблюдение квоты. Тем не менее на выборах в областные советы средняя доля женщин в списках составила 29,6%, а на выборах в горсоветы Киева и областных центров — 32%. Однако доля женщин среди избранных депутатов областных советов составила всего 15% (в предыдущих созывах было 12%). На выборах в горсоветы Киева и областных центров доля женщин была немного больше — 18%. Стоит отметить, что и до введения гендерных квот, и после в местных советах Украины наблюдалась закономерность: чем ниже уровень, тем соотношение мужчин и женщин ближе к паритету (а в сельских советах, избираемых по мажоритарной системе, паритет достигался без всяких квот)¹.

Расчеты, сделанные для выборов в городской совет Черновцов, показали, что на тех территориях, где партию представляли кандидаты-женщины, за эту партию голосовало примерно на четверть меньше избирателей, чем там, где партию представляли кандидаты-мужчины. Однако в результате мужчины получили в 8 раз больше мандатов, чем женщины². Таким образом, причина гендерного дисбаланса в распределении мандатов не только в том, что за женщин голосуют хуже, чем за мужчин. Такое явление действи-

¹ Такая же закономерность, видимо, существует и в России. В Скандинавии, напротив, на муниципальном уровне доля женщин-депутатов была ниже, чем на общегосударственном (Степанова Н. М. Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 210–212).

² Любарев А. Законодательство Украины о местных выборах и его применение на выборах 25 октября 2015 года (http://www.epde.org/tl_files/EPDE/EPDE%20PRESS%20RELEASES/IMC%20UA%202014/Liubarev_Elections_in_Ukraine_2015_RU.pdf).

тельно имеет место, однако в результате эффектов, подобных эффектам мажоритарной системы, это неравенство в итогах голосования многократно усиливается. Поэтому правомерна постановка вопроса о специальном регулировании, которое позволило бы преодолеть или хотя бы смягчить данный дисбаланс.

В некоторых азиатских странах практикуется резервирование для женщин определенного количества мест. Так, в Пакистане из 342 мест в Национальном собрании (нижней палате парламента) для женщин резервируется 60 мест. Эти места распределяются по провинциям и замещаются путем выборов по партийным спискам¹.

В Российской Федерации подобного рода квоты применялись только на выборах в Народное Собрание Республики Дагестан 1999 года. Из 121 одномандатного округа 7 были женскими. Позднее постановлением Конституционного Суда Республики Дагестан образование женских округов было признано неконституционным.

Аналогичный подход использовался в Дагестане более длительное время в отношении этнического представительства. На выборах 1995 года было образовано 52 национальных округа, на выборах 1999 года — 61 национальный округ (то есть национальными были чуть более половины округов).

На выборах 2003 года система была несколько изменена. Помимо 61 одномандатного округа были образованы 22 многомандатных округа (число мандатов — от 2 до 5). В каждом из многомандатных

¹ Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Исламская республика Пакистан. Эволюция избирательной системы // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 18–23; Современные избирательные системы. Вып. 7. М., 2012. С. 386, 398–399; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 73.

округов один мандат являлся свободным (то есть на него могли претендовать представители любой этнической группы), остальные были закреплены за определенными этническими группами. При этом каждый избиратель имел всего один голос, то есть мог проголосовать только за одного кандидата — по любому из мандатов. По каждому мандату победитель определялся отдельно. Всего из 121 мандата было квотировано 38: аварцам — 4, даргинцам — 4, кумыкам — 8, лакцам — 2, лезгинам — 2, русским — 10, табасаранцам — 2, чеченцам — 2, по одному — азербайджанцам, ногайцам, татам и цахурам. При такой схеме нередко возникала ситуация, когда проигравший кандидат мог получить больше голосов, чем кандидат, победивший в том же округе по другой квоте, так как заранее не было известно, какое количество избирателей будет голосовать по каждому из мандатов¹.

В Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах для гарантирования представительства коренных малочисленных народов проводились выборы по отдельному бюллетеню в едином многомандатном округе. В Ненецком АО на выборах 1994, 1996 и 2001 годов по единому округу избиралось 5 из 15 депутатов Собрания депутатов, а на выборах 2005 года — 2 из 20; в Ханты-Мансийском АО в 1996 году — 6 из 23, в 2001 году — 5 из 25, в 2006 году — 3 из 28, в 2011 году — 3 из 35 депутатов Думы автономного округа; в Ямало-Ненецком АО в

¹ Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика. М., 2001. Т. 2. С. 41–42; Выборы в Российской Федерации. 2003. Электоральная статистика. М., 2004. С. 12, 25; Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 23–24.

1996 и 2000 годах избиралось 3 из 21, а в 2005 году – 3 из 22 депутатов Государственной Думы АО.

При этом для обеспечения представительства коренных малочисленных народов законы Ханты-Мансийского и Ямalo-Ненецкого автономных округов до 2002 года предусматривали особый порядок выдвижения кандидатов по такому единому округу. Выдвигать кандидатов могли только общественные ассоциации, объединяющие коренные малочисленные народы, этнические общности, а также в отдельных случаях сходы и собрания граждан коренных малочисленных народов либо съезд этих народов. Однако на выборах, проходивших в 2001 году, Избирательная комиссия Ханты-Мансийского автономного округа отказалась применять данную норму окружного закона, а руководствовалась федеральным законом. Впоследствии нормы федерального законодательства стали еще более жесткими, и ограничения права выдвижения были сняты. В результате в Ненецком и Ямalo-Ненецком автономных округах после 2005 года отказались от выборов по единому многомандатному округу; в Ханты-Мансийском автономном округе такие выборы сохранились, но они уже не имели реального отношения к обеспечению представительства коренных малочисленных народов¹.

¹ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. М., 1998. С. 544, 561, 578; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика. М., 2001. Т. 1. С. 20; Т. 2. С. 750; Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. М., 2002. С. 28; Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 480–489, 492–496; Кынев А.

В Пакистане 10 мандатов зарезервировано за религиозными меньшинствами: 4 выделено христианам, 4 — индуистам, один мандат — Ахмадийской мусульманской общине и один мандат — остальным (сикхи, буддисты, парсы и др.). Эти мандаты замещаются путем выборов по партийным спискам¹. В Новой Зеландии 7 из 70 мажоритарных мандатов закреплены за маори, для чего создаются этнические округа².

В Словении два мандата в парламенте закреплены за венгерским и итальянским меньшинствами³. В Хорватии сербское меньшинство избирает трех депутатов, венгерское и итальянское — по одному депутату, чешское и словацкое совместно — одного депутата; также совместно по одному депутату выбирают еще две группы меньшинств: первая — австрийское, болгарское, немецкое, польское, цыганское, румынское, русинское, русское, турецкое, украинское и еврейское национальные меньшинства, вторая — албанское, боснийское, черногорское, македонское и словенское меньшинства⁴.

Другой способ создания преференций для национальных меньшинств (отмеченный в цитированных

Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 699–710, 715.

¹ Москаленко В.Н., Топычканов П. В. Исламская Республика Пакистан. Эволюция избирательной системы // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 18–23; Современные избирательные системы. Вып. 7. М., 2012. С. 386, 398; Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 73.

² Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2013. С. 72.

³ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. Р. 33.

⁴ Современные избирательные системы. Вып. 9. М., 2014. С. 395–396.

выше рекомендациях Венецианской комиссии) — на партии, которые их представляют, не распространяется требование преодоления заградительного барьера. Такое положение давно действует в Федеративной Республике Германии, хотя на федеральном уровне его ни разу не пришлось применять. Также оно действует в Польше, где на выборах в Сейм 2015 года мандат получил региональный комитет «Немецкое меньшинство», который участвовал в выборах только в одном округе (12-мандатном) и получил в нем 8,1% голосов (в масштабах страны — 0,2%)¹.

В Республике Косово применялись одновременно оба способа обеспечения представительства этнических меньшинств. Во-первых, национальным меньшинствам выделено 20 гарантированных мест по следующим квотам: 10 мест сербской общине, 3 места — боснийской, 2 места — турецкой, 1 место — общине горани (ираноязычный народ, родственный курдам) и 4 места цыганским общинам рома, египтян и ашкали (при этом каждой общине выделялось одно гарантированное место плюс одно дополнительное место получала та община, у которой оказывалось большее число голосов). Для реализации этого правила партии и другие политические образования, представляющие национальные меньшинства, должны были при подаче заявки на участие в выборах указать, какую общину они представляют.

Другая преференция состояла в том, что албанские политические образования для прохождения в парламент должны были преодолеть 5-процентный барьер, а политическим образованиям, представляющим национальные меньшинства, достаточно было полу-

¹ http://parlament2015.pkw.gov.pl/pliki/1446212089_obwieszczenie_Sejm.doc.

чить столько голосов, сколько соответствует одному мандату (то есть, с учетом применяемой методики, более 0,5%). Таким образом, партии национальных меньшинств могли получить, помимо 20 гарантированных мест, еще несколько мест из 100 «свободно распределяемых». Так, на выборах 2007 года из этих 100 мест четыре достались меньшинствам: двум боснийским политическим образованиям, одному турецкому и одному от общины ашкали. В 2010 году у меньшинств было уже пять мандатов помимо гарантированных 20: три мандата получили две сербские партии и по одному — боснийская и турецкая¹.

4.5.4. Форма избирательного бюллетеня

Существуют два основных подхода к форме избирательного бюллетеня. В одном случае в бюллете не размещаются фамилии (и иные сведения) всех кандидатов (при голосовании за кандидатов) либо названия (и иные сведения) всех партий (при голосовании за партийные списки). Если используются открытые списки, то в бюллете не размещаются не только названия всех партий, но и имена всех кандидатов в партийных списках, либо могут использоваться другие способы отметить кандидатов внутри списка (см. раздел 3.6). При таком подходе избиратель получает в избирательной комиссии бюллеть и делает в нем необходимые отметки. Подобная форма бюллетеня используется во многих странах, в частности в России, на Украине, в Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Мексике, Польше.

Другой вариант — когда у каждой партии или у каждого кандидата свой бюллеть. В этом случае из-

¹ Любарев А. Выборы парламента Республики Косово: заметки российского наблюдателя (<http://www.votas.ru/kosovo-1.html>; <http://www.votas.ru/kosovo-4.html>).

биратель должен выбрать нужный бюллетень и обычно (для соблюдения тайны голосования) вложить его в конверт. Примером данного подхода могут служить выборы в Швеции, Израиле, Чехии, Словакии.

В Швеции бюллетени имеют размер формата А6 (105×148 мм) и могут быть трех типов: 1) бюллетени с указанием только наименования партии («партийные бюллетени»); 2) бюллетени, где, помимо наименования партии, указаны ее кандидаты, и избиратель может выразить в отношении их персональные предпочтения («именные бюллетени»); 3) бюллетени, где отмечено только название выборов («пустые бюллетени»), позволяющие фактически голосовать «против всех» («пустые бюллетени» учитываются отдельно от недействительных)¹.

В Израиле размер бюллетеня — всего 7×10 см. На нем крупными буквами печатается символ партии (от одной до трех букв еврейского алфавита) и более мелкими — название партии (название может также дублироваться на арабском). Избиратель получает у членов избирательной комиссии только конверт. Затем заходит за ширму, где в ячейках коробки лежат бюллетени разных партий. Берет нужный бюллетень и кладет в конверт. Затем он заклеивает конверт и опускает его в урну.

Кроме бюллетеней с названиями партий в коробке лежат и чистые бюллетени. Избиратель может положить в конверт чистый бюллетень (это аналог голосования «против всех»), а может написать на чистом бюллетене символ партии (если не найдет в коробке нужный бюллетень).

При таком подходе выборы хуже защищены от манипуляций, чем в тех случаях, когда в одном бюллетене размещены названия всех партий. Когда у

¹ Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 241–242.

Иллюстрация 4.1. Избирательные бюллетени на выборах в Кнессет Израиля, 2015. Фото Ю. Б. Бочарова

каждой партии свой бюллетень, практически невозможна проверка баланса бюллетеней, и это создает благоприятные условия длябросов. Кроме того, случайно или намеренно, в коробке может не оказаться бюллетеней одной или нескольких партий. Как рассказывали в Израиле, одна из главных задач наблюдателей — следить, чтобы в коробках лежали бюллетени их партии.

В некоторых странах (например, в Японии) сохраняется архаичный способ голосования, при котором избиратель вписывает в бюллетень имя кандидата или название партии. При таком подходе не гарантируется тайна голосования (избирателя можно идентифицировать по почерку), кроме того, незначительная ошибка в написании фамилии кандидата или просто неясный почерк могут явиться основанием для признания избирательного бюллетеня недействительным¹.

¹ Там же. Вып. 3. М., 2007. С. 428–429.

В Финляндии на коммунальных выборах бюллетень содержит слева название коммуны и год выборов, справа — пустой кружок. Избиратель вписывает в этот кружок номер кандидата, за которого голосует¹.

В последнее время в ряде стран стали переходить на электронное (безбумажное) голосование, и в этом случае форма представления информации на экране терминала может быть достаточно разнообразной. Однако в большинстве стран пока используется бумажное голосование.

4.6. Системная взаимосвязь параметров

Многие положения избирательных законов тесно и системно связаны между собой. Об этом всегда следует помнить при работе над избирательным законодательством и при его анализе.

4.6.1. Системная взаимосвязь размера избирательного округа, заградительного барьера и методики распределения мандатов

В разделах 4.1–4.3 мы отдельно обсуждали такие важные параметры пропорциональной избирательной системы, как методика распределения мандатов, размер избирательного округа и заградительный барьер. Важно, однако, понимать, что между указанными параметрами существует определенная взаимосвязь, которой не следует пренебрегать.

Одно из главных достоинств пропорциональной системы состоит в том, что она обеспечивает пред-

¹ Истомин А.А. Так голосуют в Финляндии // Журнал о выборах. 2005. № 2. С. 48–51.

ставительство широкого круга политических позиций избирателей через выражающие эти позиции политические партии. В связи с этим важное значение имеют показатели, демонстрирующие, какова минимальная доля избирателей, которая может быть представлена при том или ином варианте избирательной системы.

К таковым показателям относятся пороги включения (представительности) и исключения. Порог включения — доля голосов, не набрав которой партия не имеет шансов получить хотя бы один мандат; порог исключения — доля голосов, набрав которую партия гарантирует себе как минимум один мандат¹. Иными словами, порог включения — доля голосов, которая обеспечивает партии мандат при самом благоприятном раскладе, а порог исключения — доля голосов, которая позволяет партии получить мандат при самом неблагоприятном раскладе.

Рассмотрим сначала ситуацию, когда закон не устанавливает никакого заградительного барьера. В этом случае пороги включения и исключения зависят от размера избирательного округа (s), методики распределения мандатов, а также числа партий (p), участвующих в выборах (в данном округе)². Форму-

¹ Lijphart A. *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990*. Oxford, 1994. P. 25.

² Lijphart A., Gibberd R. W. Thresholds and Payoffs in List Systems of Proportional Representation // *Eur. J. Polit. Res.* 1977. Vol. 5. P. 219–230; Laakso M. Thresholds for Proportional Representation: Reanalyzed and Extended // *The Logic of Multi-party Systems*. Dordrecht, 1987. P. 383–390; Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // *Br. J. Polit. Sci.* 1992. Vol. 22. P. 485–491; Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // *Российское электоральное обозрение*. 2009. № 2. С. 40–42.

лы порогов включения и исключения для основных методов распределения мандатов (при условии, что число партий не больше размера округа) представлены в таблице 4.20.

**Таблица 4.20. Формулы порогов включения
и исключения для основных
методов распределения мандатов**

Метод	Порог включения	Порог исключения
Хэйра – Нимейера	$1/(s^*p)$	$(p-1)/(s^*p)$
д’Ондта	$1/(s+p-1)$	$1/(s+1)$
Сент-Лагю	$1/(2s+p-2)$	$1/(2s - p+2)$
Датский	$1/(3s+p-3)$	$1/(3s-2p+3)$
Делителей Империали	$2/(s+2p-1)$	$2/(s+3)$
Модифицированный Сент-Лагю	$1,4/(2s+1,4p-2,4)$	$1,4/(2s - p+2,4)$
Квота Друпа и правило наибольшего остатка	$2/(p^*(s+1))$	$1/(s+1)$
Квота Империали и правило наибольшего остатка	$3/(p^*(s+2))$	$1/(s+1)$

Примечание: формулы для порога исключения верны при условии $s > p-1$ (для модифицированного метода Сент-Лагю – при условии $s/2 > p-1$).

Для случаев, когда число партий превышает размер округа, порог исключения у всех приведенных в таблице методов, кроме метода делителей Империали¹, одинаков и равен $1/(s+1)$. У метода делителей

¹ В нашей более ранней работе (Любарев А. Использование методов делителей на российских выборах // Российское избирательное право. 2009. № 2. С. 41) порог исключения для метода делителей Империали получился равным

Империали он остается равным $2/(s+3)$. У модифицированного метода Сент-Лагю при $s \geq p-1 \geq s/2$ порог исключения равен $1,4/(1,6s-0,2p+1,6)$ ¹.

На основании этих данных можно определить абсолютные значения порогов включения и исключения, то есть значения, зависящие только от параметров избирательной системы. Для порога включения — это минимальное значение, и оно у всех методов при стремлении числа партий к бесконечности стремится к нулю. Для порога исключения — это максимальное значение, и оно у всех рассматриваемых методов, кроме метода делителей Империали, равно $1/(s+1)$.

Метод делителей Империали далее мы не будем обсуждать, поскольку ранее мы показали, что он не обеспечивает пропорциональное распределение мандатов (см. подраздел 4.1.8). Также опустим метод квот Империали, который, как было показано выше, может на первом этапе приводить к «перебору» мандатов (см. подраздел 4.1.2). У остальных методов абсолютные значения порогов включения и исключения практически одинаковы. Однако в реальных, а не в предельных условиях различия между методами весьма существенны. В таблице 4.21 приведены значения порогов для случаев 10- и 20-мандатных округов и четырех, семи и десяти участвующих в выборах партий.

$2/(s+p+1)$. Однако в этой работе p рассматривалось как число партий, реально претендующих на получение мандатов. Если p — просто число партий, участвующих в выборах, то порог исключения в случае более двух партий будет выше — $2/(s+3)$.

¹ Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // Br. J. Polit. Sci. 1992. Vol. 22. P. 486.

Таблица 4.21. Значения порогов включения и исключения при различных параметрах

Метод	Размер округа	10	10	20	20	20
	Число партий	4	7	4	7	10
Хэйра — Нимейера	порог включения	2,5%	1,4%	1,3%	0,7%	0,5%
	порог исключения	7,5%	8,6%	3,8%	4,3%	4,5%
Квота Друпа и правило наибольшего остатка	порог включения	4,5%	2,6%	2,4%	1,4%	1,0%
	порог исключения	9,1%	9,1%	4,8%	4,8%	4,8%
д'Ондта	порог включения	7,7%	6,3%	4,3%	3,8%	3,4%
	порог исключения	9,1%	9,1%	4,8%	4,8%	4,8%
Модифицированный Сент-Лагю	порог включения	6,0%	5,1%	3,2%	3,0%	2,7%
	порог исключения	7,6%	8,6%	3,6%	4,0%	4,3%
Сент-Лагю	порог включения	4,5%	4,0%	2,4%	2,2%	2,1%
	порог исключения	5,6%	6,7%	2,6%	2,9%	3,1%
Датский	порог включения	3,2%	2,9%	1,6%	1,6%	1,5%
	порог исключения	4,0%	5,3%	1,8%	2,0%	2,3%

Как видно из таблицы, самые высокие значения обоих порогов — у метода д'Ондта (порог исключения у него совпадает с методом, основанным на квоте Друпа и правиле наибольшего остатка). Метод Хэйра — Нимейера имеет самые низкие значения порога включения, однако порог исключения у этого метода выше, чем у датского метода и метода Сент-Лагю. Са-

мые низкие значения порога исключения — у датского метода.

Следует также отметить, что у трех истинных методов делителей (д'Ондта, Сент-Лагю и датского) разрыв между двумя порогами невелик, особенно при больших размерах округов и небольшом числе партий. В отличие от этих методов, метод квот Хэйра — Нимейера характеризуется довольно значительным разрывом между порогами включения и исключения. У метода, основанного на квоте Друпа и правиле наибольшего остатка, разрыв немногого меньше, но тоже достаточно велик. У модифицированного метода Сент-Лагю разрыв становится большим при числе партий, сопоставимом с размером округа.

Заметим также, что с увеличением числа партий порог включения снижается, а порог исключения либо остается неизменным (у метода д'Ондта и метода, основанного на квоте Друпа и правиле наибольшего остатка), либо увеличивается (у остальных методов). Таким образом, разрыв между порогами при увеличении числа партий заметно растет.

В литературе иногда встречаются рассуждения о том, что размер округа создает «естественный барьер», равный $1/s^1$. Как видно из приведенных выше данных, это ошибочная точка зрения. Во-первых, не существует единого «естественного барьера», а есть два порога, между которыми находится «полупропорциональная зона». Во-вторых, такой барьер нельзя считать естественным, поскольку он зависит от установленной в законе методики распределения мандатов. Кроме того, с учетом этих двух оговорок, правильнее все же считать естественным барьер, равный $1/(2s)$ — при его преодолении число мандатов, которые «за-

¹ Сабаева С. Заградительный барьер в пропорциональной избирательной системе // Журнал о выборах. 2013. № 2. С. 30–39.

служила» партия (то есть ее «идеальное частное»), получается дробным числом, которое по общепринятым правилам округляется до единицы. Отметим, что у метода Сент-Лагю пороги как раз группируются вокруг этой величины.

Введение «искусственного» заградительного барьера изменяет ситуацию с порогами. Если барьер выше порога исключения, то именно величина барьера становится одновременно и порогом включения, и порогом исключения. Если барьер выше порога включения, но ниже порога исключения, то значение порога исключения не меняется, а порог включения становится равным барьеру. В то же время если заградительный барьер ниже порога включения, то значения порогов не меняются.

Таким образом, заградительный барьер имеет смысл вводить тогда, когда пороги включения и исключения имеют низкие значения, то есть тогда, когда мандаты распределяются в больших избирательных округах. Не случайно заградительные барьеры установлены практически во всех странах, где пропорциональная система применяется в округах большой величины, а в странах, где используются округа с небольшим числом мандатов, они зачастую не устанавливаются.

Примерами стран, где нет заградительного барьера, могут служить Финляндия и Португалия. При этом в обеих странах мандаты распределяются в небольших округах, и для распределения мандатов используется метод д'Ондта.

На выборах парламента Финляндии 2015 года, как отмечалось в подразделе 4.2.1, большинство избирательных округов имели размер от 7 до 19, и лишь два — 22 и 35 мандатов. Поэтому и без заградительного барьера мелкие партии в большинстве округов пройти не могли. В самом большом округе Уусимаа

христианским демократам удалось пройти с 2,6%, а в округе Сатакунта, где распределялось всего 8 мандатов, те же христианские демократы, получив 2,9%, остались без мандата. А в Центральной Финляндии (10 мандатов) не прошли не только христианские демократы с 4,4%, но даже Левый альянс с 6,7%.

Остается вопрос о целесообразности заградительного барьера в небольших избирательных округах. Очевидно, этот вопрос также должен быть увязан с методикой распределения мандатов.

Ранее (в подразделе 4.1.9) мы отмечали, что метод Хэйра — Нимейера является наилучшим с точки зрения обеспечения пропорциональности распределения мандатов. Однако, как было показано выше, этот метод обладает определенным недостатком: у него большой разрыв между порогами включения и исключения. Поэтому его использование без заградительного барьера нецелесообразно, поскольку в этом случае партии, претендующей на один мандат, ее кандидатам и избирателям трудно оценить, какие у этой партии шансы на прохождение в парламент.

В связи с этим можно рекомендовать при распределении 20 и менее мандатов не устанавливать заградительный барьер, но при этом применять метод Сент-Лагю. Как видно из таблицы 4.21, пороги включения и исключения у этого метода при распределении такого числа мандатов вполне достаточны, чтобы отсечь партии, получающие поддержку на уровне «шума», и избежать чрезмерного фракционного дробления депутатского корпуса. Кроме того, разрывы между порогами находятся в пределах погрешности прогнозирования результатов выборов и потому не препятствуют партиям адекватно оценивать свои шансы на прохождение в представительный орган.

Если же говорить о модифицированном методе Сент-Лагю, то, по нашему мнению, использование

таких «искусственных» методик нецелесообразно. Главный смысл данного метода — искусственное повышение порогов включения и исключения. Кроме того, этот метод был создан как некая альтернатива использованию заградительного барьера, и его одновременное применение с заградительным барьером чаще всего бывает бессмысленным. В качестве примера можно привести Швецию, где на первом этапе (в многомандатных округах) модифицированный метод Сент-Лагю сочетается с 12-процентным барьером.

Правда, еще одним мотивом установления заградительного барьера может стать желание полностью избавиться от «полупроходной зоны». Однако в этом случае, если число участвующих в выборах партий не ограничено, барьер придется устанавливать на уровне не ниже $1/(s+1)$. И при числе распределяемых мандатов менее 19 барьер окажется выше 5%.

Методы делителей (Сент-Лагю или датский) могут быть удобнее, чем метод Хэйра — Нимейера, также в случае участия в выборах по спискам независимых кандидатов или, в более общем случае, когда в партийном списке оказывается меньше кандидатов, чем этому списку причитается мандатов. В таких ситуациях при использовании методов делителей делители, соответствующие отсутствующим кандидатам, могут просто не учитываться.

В российском избирательном законодательстве в 2010 году появилась норма, обязывающая предоставлять как минимум один мандат списку кандидатов, допущенному к распределению мандатов. Эта норма была введена как реакция на ряд случаев, когда партии, преодолевшие заградительный барьер, не получали ни одного мандата¹. Как реализовать дан-

¹ Сабаева С. В. Пропорциональная избирательная система на муниципальных выборах в условиях нового партийно-

ную норму на региональных и муниципальных выборах, региональные законодатели решают самостоятельно. Чаще всего используется тюменский метод распределения мандатов, который гарантирует получение хотя бы одного мандата всем партиям, допущенным к распределению мандатов (см. подраздел 4.1.6). Другой путь — внести в методику распределения мандатов, основанную на ином методе, корректировочный механизм, который действовал бы в случае неполучения мандата партией, преодолевшей заградительный барьер. Есть регионы, которые в своем законодательстве не предусмотрели такие механизмы, и уже неоднократно на муниципальных выборах возникали коллизии, когда методику, записанную в региональном законе, нельзя было применять, поскольку она приводила к результату, противоречащему федеральному закону. И в этих случаях избирательным комиссиям приходилось применять методику, законом не предусмотренную (примеры приведены в подразделе 4.1.6).

Однако федеральная норма об обязательном получении мандата партией, допущенной к распределению мандатов, породила две новые проблемы.

Избирательный кодекс Белгородской области предусматривает, что на муниципальных выборах к распределению мандатов допускаются все зарегистрированные списки кандидатов, то есть заградительный барьер не устанавливается. При этом для распределения мандатов применяется метод Хэйра-Нимейера. В результате норма федерального закона может быть формально нарушена, если какие-то из участвующих в выборах списков получили небольшую долю голосов. Так, на выборах Совета депу-

татов г. Белгорода в сентябре 2013 года мандаты в соответствии с областным законом достались партиям, получившим 1,7% голосов избирателей и более, но без мандатов остались шесть партий с результатами от 0,4 до 1,3%. Впрочем, на такое формальное нарушение нормы федерального закона все закрыли глаза, видимо, справедливо рассудив, что дух закона не нарушен¹. Тем не менее мы должны признать, что обсуждаемая норма федерального закона препятствует вполне разумному отказу от заградительного барьера.

Вторая проблема состоит в том, что при сохранении избирательных округов, где распределяется небольшое число мандатов, данная норма усиливает диспропорциональность результатов распределения мандатов. В качестве примера приведем выборы в городском округе Янтарный Калининградской области, где по пропорциональной системе распределялось всего пять мандатов. В марте 2010 года, когда обсуждаемая норма еще не действовала, ЛДПР, получившей на этих выборах 11,7% голосов, не досталось ни одного мандата. В октябре 2012 года в результате действия данной нормы пять партий получили по одному мандату, при этом за партию-лидера («Патриоты России») проголосовало 35,9% избирателей, а за партию-аутсайдера («Справедливая Россия») — 9,6%, то есть при разнице в поддержке избирателей в 3,7 раза обе партии получили одинаковое число мандатов².

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 229.

² Сабаева С. В. Пропорциональная избирательная система на муниципальных выборах в условиях нового партийного строительства // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 99–106.

В 2011 году Конституционный Суд РФ, рассматривая «хомутининское дело» (см. подраздел 3.5.2), отметил, что применение пропорциональной системы при небольшом числе депутатских мандатов «сопряжено с возможностью нарушения принципа равенства при определении результатов волеизъявления избирателей, поскольку не исключает получения одинакового числа депутатских мест в представительном органе муниципального образования избирательными объединениями, за списки кандидатов которых подано существенно различающееся число голосов избирателей». Именно на этом основании применение пропорциональной системы в небольших округах было признано неконституционным.

Выполняя требование Конституционного Суда РФ, российские законодатели в конце 2012 года запретили использование пропорциональной системы на муниципальных выборах¹ в округах размером менее 10. Однако выбор числа 10 никак не был обоснован, и, по нашему мнению, это число занижено.

Мы предложили в качестве критерия нарушения принципа равенства *тройкратное превышение* числа избирателей, проголосовавших за один из списков кандидатов, над числом избирателей, проголосовавших за другой список, получивший то же количество мандатов. По нашим оценкам, избежать такого результата в случае 5-процентного барьера при использовании метода Сент-Лагю или датского метода можно при распределении не менее 13 мандатов, при использовании метода Хэйра — Нимайера с коррекцией на случай неполучения мандата партией, преодолевшей 5-процентный барьер (такие методики применялись в ряде российских регионов), — 14 ман-

¹ На региональных выборах аналогичного запрета нет, и в Чукотском АО на выборах 2016 года по пропорциональной системе будет распределяться всего 9 мандатов.

датов, при использовании тюменского метода — 15 мандатов¹.

4.6.2. Системная взаимосвязь других параметров

Многие вопросы избирательного законодательства требуют различного решения в зависимости от того, используются открытые или закрытые списки. Так, открытые списки сложно использовать в больших избирательных округах, а тем более единых округах, охватывающих территорию всей страны. Ведь смысл открытых списков — возможность избирателю выбирать конкретных кандидатов внутри списка, и для этого выбор желательно ограничить одним-двумя десятками кандидатов. Кроме того, важно, чтобы эти кандидаты были знакомы избирателям, поэтому нежелательно объединять в одном округе разные административно-территориальные единицы (области, провинции и т.п.).

Эти соображения ограничивают применение открытых списков, например, на выборах в Государственную Думу. Так, В. Е. Чиркин предлагает избирать Государственную Думу по системе открытых списков, образуя при этом 19–23 округа по 20–25 мандатов в каждом². Предлагаемый размер округа можно считать вполне удачным, однако при этом пришлось бы объединять большинство субъектов РФ в такие укрупненные округа. Это сразу существенно снижает ценность такой системы: в выдвижении списков ре-

¹ Любарев А. Е. Проблемы пропорционального распределения депутатских мандатов на муниципальных выборах // Муниципальная служба. 2011. № 4. С. 13–19.

² Чиркин В. Е. О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 80–87.

шающую роль по-прежнему будет играть центральное руководство партий; во главе списков, скорее всего, будут стоять не местные, а федеральные политики, да и избиратель скорее проголосует за них, чем за кандидатов из соседних регионов.

В подразделе 4.5.1 обсуждался институт избирательных блоков. Отмечались его недостатки, в частности то, что такие блоки часто создаются под конкретные выборы и не представляют собой устойчивые структуры. Так, мы знаем несколько примеров распавшихся блоков — «Выбор России» в Государственной Думе первого созыва, «Родина» — в Думе четвертого созыва. Между тем смысл пропорциональной системы в выборе устойчивых политических структур, которые сохраняют единство как минимум в течение ближайшей каденции.

Однако эти рассуждения в большей степени относятся к закрытым спискам, где избиратель не имеет возможности выбирать кандидатов, в том числе и в соответствии с различиями в их политической позиции. Это означает, что в случае раскола блока и, соответственно, парламентской фракции доля депутатов, оказавшихся в образовавшихся осколках, никак не будет связана с волей избирателей, голосовавших за данный блок. Впрочем, это относится и к партиям, которые также могут раскалываться, особенно если они тоже созданы наспех под выборы.

В случае открытых списков ситуация иная. Здесь, если партия или блок политически неоднородны, в голосовании избирателей за конкретных кандидатов могут существенную роль играть политические мотивы. И тогда даже в случае раскола фракции соотношение депутатов в возникших осколках будет в большей степени соответствовать соотношению позиций избирателей данного блока или данной партии. Таким образом, при системе открытых списков

требования к субъектам выдвижения списков могут быть менее жесткими, чем в случае закрытых списков. Это касается и возможности образования избирательных блоков, и определенного «ценза устойчивости» партий¹.

Как отмечалось в подразделе 3.7.1, при смешанной системе у кандидатов появляется возможность двойной баллотировки — они могут баллотироваться одновременно как в индивидуальном качестве в одномандатном (многомандатном) округе, так и по списку в едином округе. В 1998 году эта возможность оспаривалась одновременно в конституционных судах России и Украины, и были приняты противоположные решения: Конституционный Суд Украины счел двойную баллотировку нарушением принципа равного избирательного права², в то время как Конституционный Суд РФ признал ее допустимой.

По мнению Конституционного Суда РФ, все граждане независимо от партийной принадлежности обладают равными правами на выдвижение как

¹ Например, в России в 1995–1997 годах действовало положение, разрешавшее участие в выборах общественным объединениям, зарегистрированным не позднее чем за полгода до начала избирательной кампании, а в 1998–2002 годах — не позднее чем за год до дня голосования. После 2002 года это положение сохранилось для участия непартийных общественных объединений в муниципальных выборах. Для партий же просто установлена длительная процедура их регистрации.

² Тур А. И., Переозвчиков В. Н. Выборы депутатов Верховной Рады Украины: опыт международного наблюдения // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 7. С. 141; Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 99–100; Дахова И. И. Гарантии конституционных принципов избирательного права Украины // Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине. Харьков, 2012. С. 147–148.

по одномандатным округам, так и в составе списка. Другую аргументацию приводит В. В. Лапаева, отмечаяющая, что статус партийных и независимых кандидатов различен. В частности, партийный кандидат может быть снят выдвинувшей его партией, и потому возможность двойной баллотировки для них — не привилегия, а компенсация за зависимый статус¹. При этом важно отметить, что возможность двойной баллотировки направлена на повышение качества депутатского корпуса, поскольку способствует прохождению в первую очередь наиболее ценных для партий кандидатов. Также она помогает избирателям сделать осознанный выбор как в одномандатных округах, так и по партийным спискам.

Кроме того, В. В. Лапаева отметила, что возможность двойной баллотировки предусмотрена и на выборах в германский бундестаг, однако там используется связанная смешанная система, при которой партия не получает никакой привилегии за то, что ее кандидаты проходят в одномандатных округах² (подробнее о германской системе см. подраздел 3.7.2). Таким образом, двойная баллотировка при смешанной связанной системе более уместна, чем при параллельной.

С другой стороны, в модели параллельной системы с открытыми списками в пропорциональной части двойная баллотировка, по нашему мнению, недопустима. В этом случае очередность получения мандатов зависит от голосования избирателей, и потому выбытие из списка кандидата, избранного по мажоритарному округу (который наверняка получил много голосов и при голосовании за кандидатов внутри списка), неизбежно приводит к искажению

¹ Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999. С. 56–60.

² Там же. С. 61.

воли избирателей, поскольку непонятно, как учитывать поданные за него голоса. По этой же причине при такой системе необходимы более жесткие меры, направленные против отказа кандидата от мандата (то есть против технологии «паровозов»).

Также нежелательна двойная баллотировка в случае параллельной системы, когда в мажоритарной части используется двухтуровая система (система с перебаллотировкой). Здесь ко второму туру становится известно распределение мандатов по пропорциональной части, то есть некоторые кандидаты, вышедшие во второй тур, уже могут знать, что они проходят по списку. В этом случае не вполне предсказуемо поведение как избирателей, так и кандидатов и возможны различные беспринципные, в том числе и коррупционные сделки.

Сильно зависит от других параметров избирательной системы и вопрос о форме избирательного бюллетеня. В небольших округах, где в выборах участвует немного партий и у каждой партии небольшое число кандидатов, желательно использовать бюллетень, где указываются все кандидаты, и при системе открытых списков избиратель может отметить кандидата галочкой. Если же партий и кандидатов слишком много, такой бюллетень может получиться слишком большим; с ним неудобно работать как избирателю, так и членам участковой избирательной комиссии. В этом случае приходится принимать другое решение. Либо у каждой партии должен быть свой бюллетень (см. подраздел 4.5.4), либо избирателю придется голосовать за кандидата, вписывая в бюллетень его номер или фамилию, либо в бюллетене должно быть поле с номерами, которые избиратель отмечает (см. подраздел 3.6.2).

При закрытых списках также желательно для обеспечения избирателям возможности осознанного

выбора включать в бюллетень как можно больше кандидатов, в идеале — всех. Однако в больших округах это нереально. Но если список разбит на территориальные группы и число кандидатов в центральной части ограничено, то вполне возможно указывать в бюллетене всех кандидатов из центральной части и всех кандидатов из соответствующей территориальной группы.

Глава 5

ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В этой главе приведены методы анализа итогов голосования, которые используются для исследования избирательных систем, и некоторые результаты, полученные с помощью данных методов. Здесь одна из главных проблем, особенно касающаяся России и некоторых других стран, — насколько адекватно использование этих методов применительно к выборам, в отношении которых есть обоснованные подозрения, что их официальные результаты не соответствуют волеизъявлению избирателей, или, проще говоря, что они фальсифицированы. Напомню, что ряд российских экспертов считает масштабными фальсификации на федеральных выборах 2007–2012 годов, на выборах в Московскую городскую Думу 2009 года и на многих других региональных выборах, а в отдельных регионах были заметные фальсификации и в прежние годы¹ (подробнее см. раздел 5.5).

¹ Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 19–39; Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 176–256; Мебейн У., Калинин К. Электоральные фальсификации в России: комплексная диагностика выборов 2003–2004, 2007–2008 гг. // Российское электоральное обозрение. 2009.

Ответ на этот вопрос для разных типов исследования будет различным. В одних случаях, когда исследования призваны оценить общий уровень демократичности выборов, они вполне могут применяться и к фальсифицированным выборам. Так, эффективное число кандидатов (или партий) показывает уровень конкуренции на выборах (см. раздел 5.1), и если оно слишком низкое (близкое к единице), то можно сделать общий вывод о недемократичности выборов, а уже дальше следует разбираться, чем она обусловлена — общим подавлением оппозиционной деятельности, недопуском к выборам популярных кандидатов, неравными условиями ведения агитации или прямыми фальсификациями (возможно, комбинацией указанных факторов).

Вполне адекватны также исследования, оценивающие определенные процедуры. Так, индексы диспропорциональности (см. раздел 5.2) призваны оценивать лишь механизмы распределения мандатов и соответствие результатов такого распределения итогам голосования. Поэтому высокие значения этих индексов свидетельствуют о несправедливости избирательной системы. В то же время низкие их значения сами по себе не являются доказательством честности выборов, поскольку не дают ответа на вопрос о соответствии официальных итогов голосования волеизъявлению граждан.

Однако исследования, призванные понять и оценить поведение избирателей, в случае фальсификаци-

№ 2. С. 57–70; Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 213–220, 238–256; Выборы Президента России 4 марта 2012 года: Аналитический доклад. М., 2012. С. 101–140; Любарев А. Выборы в Московскую городскую Думу: административный ресурс меняет направление // Выборы столичные (2014). Взгляд экспертов. М., 2015. С. 34–36.

рованных выборов не дают адекватных результатов или как минимум требуют большой аккуратности в их интерпретации. Таковыми, в частности, можно считать исследования расщепления голосов в смешанных системах (см. подраздел 5.3.3). Но даже здесь есть некоторые возможности для получения ценных выводов. Так, если используются только фальсификации типа вброса, они искажают результаты для партии, в пользу которой совершается вброс, но для других партий описанные методы вполне применимы. В случае использования факторного анализа (см. подраздел 5.4.2) фальсификации могут приводить к усилению роли размежевания по линии «власть — оппозиция», но возможность выявления других размежеваний позволяет считать и этот метод полезным.

Наконец, некоторые методы могут быть прямо использованы для выявления фальсификаций и оценки их масштаба (см. раздел 5.5). Другие методы также могут давать определенную информацию, указывающую на возможные фальсификации. Так, метод вычисления перетока голосов может быть использован и для анализа поведения избирателей при нефальсифицированных выборах, и для выявления фальсификаций (см. подраздел 5.4.2 и раздел 5.5). В некоторых случаях индикатором фальсификаций могут служить и результаты корреляционного анализа связей между итогами голосования за партии. Хотя для доминирующей партии характерны отрицательные корреляции с другими партиями¹, ситуация, когда у такой партии отрицательные корреляции абсолютно со всеми партиями, включая аутсайдеров, должна вызывать подозрения. В част-

¹ Ахременко А. С. Структуры эlectorального пространства. М., 2007. С. 68–74.

ности, в выборах в Государственную Думу 2003 года участвовала Концептуальная партия «Единение», которая получила относительно высокий результат (1,1%) из-за того, что имела первый номер в бюллетеc и ее путали с «Единой Россией». В большинстве регионов у «Единой России» и партии «Единение» была значимая положительная корреляция, но в некоторых регионах (республики Мордовия и Татарстан) корреляция между ними была отрицательной, что не может не вызвать подозрения.

5.1. Показатели конкуренции и фрагментации

Исследователям часто необходимо оценить степень конкуренции на прошедших выборах, а также степень фрагментации партийного спектра. При этом важно иметь возможность выразить такую степень в виде единого числового показателя, чтобы можно было сравнивать между собой различные выборы (выборы в разных странах, в разных регионах, а также на одной и той же территории в разные годы).

Такой показатель получил название *эффективного числа партий* (ЭЧП)¹, а для выборов, в которых участвуют индивидуальные кандидаты, — *эффективного числа кандидатов* (ЭЧК). Формулы для ЭЧП и ЭЧК одинаковы, поскольку они имеют один и тот же смысл. Предложено несколько вариантов расчета этих показателей. Наибольшее употребление нашел индекс Лааксо — Таагеперы, который рассчитывается

¹ Этот показатель также называют эффективным числом электоральных партий, чтобы отличить от эффективного числа парламентских партий, которое рассчитывается аналогично исходя из доли мандатов, которые партии имеют в парламенте.

ется по формуле: $1/\Sigma n_i^2$, где n_i — доля голосов, полученных i -й партией или i -м кандидатом. Здесь важно подчеркнуть, что доля эта должна считаться от числа голосов, поданных за всех кандидатов или за все партии, поскольку принципиально важно, чтобы сумма всех n_i равнялась единице. Если голосование категорическое и у избирателя нет возможности голосовать «против всех», то число голосов, поданных за всех кандидатов или за все партии, равно числу действительных бюллетеней, а это число обычно включается в официальные данные об итогах голосования.

Важным свойством индекса Лааксо — Таагеперы является то, что в случае, если все кандидаты (партии) получили одинаковое число голосов, он получается равным просто числу этих кандидатов (партий). Если, как это обычно происходит, они получают неравное число голосов, индекс Лааксо — Таагеперы меньше их числа. Если один из кандидатов (одна из партий) получает результат, близкий к 100%, то индекс Лааксо — Таагеперы оказывается близким к 1. Если одна из партий разделяется на две или больше, а результат других партий при этом не изменяется, то значение индекса увеличивается. Эти свойства делают индекс Лааксо — Таагеперы понятным и близким к интуитивным представлениям о степени конкуренции и фрагментации.

Однако в адрес этого индекса высказываются и критические замечания. Одно из них состоит в том, что его значения расходятся с интуитивными оценками, давая завышенные значения, в тех случаях, когда результат лидера превышает 50%, что часто имеет место в странах, где доминирует одна партия. В связи с этим были предложено еще несколько вариантов расчета ЭЧП и ЭЧК, среди которых наиболее интересен индекс, предложенный Г. В. Голосовым. Он рассчитывается по формуле $\Sigma\{1/[1+(n_1^2/n_i)-n_i]\}$, где n_i — также доля голосов, полученных i -й партией или i -м

кандидатом, а n_1 — доля голосов, полученных лидером. Данный индекс обладает теми же отмеченными выше свойствами, что и индекс Лааксо — Таагеперы. При этом легко определить вклад каждого кандидата (каждой партии) в полученную сумму. Вклад лидера всегда равен единице; если есть только два участника, то вклад второго будет равен отношению его результата к результату лидера¹.

Далее в таблицах 5.1–5.9 покажем примеры значений индексов Лааксо — Таагеперы и Голосова для выборов в различных странах и различных регионах и муниципальных образованиях Российской Федерации². Также в этих таблицах для сравнения приведены число участвовавших в выборах кандидатов или партий и результат лидера (в процентах от числа го-

¹ Голосов Г. В. Фрагментация партийных систем: новый метод измерения и его применение к результатам выборов российских региональных законодательных собраний (2003–2008) // Электоральное пространство современной России. М., 2009. С. 9–26.

² Весь массив значений индекса Лааксо — Таагеперы на выборах глав российских регионов 1999–2005 годов и на выборах региональных парламентов 2003–2009 годов можно найти в публикациях Г. В. Голосова в Российском электоральном обозрении (2007. № 1. С. 72–75, 116–117; 2008. № 1. С. 70; 2009. № 1. С. 70; № 2. С. 78–81; 2010. № 1. С. 94–95). По региональным и некоторым муниципальным выборам марта 2011 года и 2013–2015 годов данные можно найти в наших работах: Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад М., 2011. С. 261–262; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 296–298; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 215–220; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 304–307.

лосов, поданных за всех кандидатов или за все партии). В тех случаях, когда выборы проводились в два тура, показаны результаты первого тура.

В таблице 5.1 приведены данные о последних (на конец 2015 года) президентских выборах в 24 странах¹, из которых четыре расположены в Западной,

¹ Рассчитано на основании данных из источников: <http://wahl10.bmi.gv.at/> (Австрия), <http://electionresources.org/ar/president.php?election=2015> (Аргентина), <http://res.elections.am/images/doc/18.02.13v.pdf> (Армения), <http://results.cik.bg/tur1/prezidentski/index.html> (Болгария), <http://election-resources.org.br/presidente.php?election=2014> (Бразилия), http://www.cne.gob.ve/resultado_presidencial_2013/r/1/reg_000000.html (Венесуэла), <http://www.cesko.ge/uploads/other/26/26885.pdf> (Грузия), <http://www.electionguide.org/elections/id/2612/> (Казахстан), http://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/2014_presidento_rinkimai/output_lt/rinkimu_diena/rezultatai_isankstiniai.html (Литва), <http://rezultati.sec.mk/President/Results?cs=mk-MK&r=1&rd=r&eu>All&m>All&ps>All> (Македония), <http://www.electionguide.org/elections/id/2277/> (Монголия), http://prezydent2015.pkw.gov.pl/319_Pierwsze_glosowanie (Польша), <http://eleicoes.cne.pt/raster/index.cfm?dia=23&mes=01&ano=2011&celeicao=pr> (Португалия), <http://www.bec2014.ro/wp-content/uploads/2014/11/ComunicatFinaleProvizorii.pdf> (Румыния), <http://www.sme.sk/prezidentske-volby/2014/vysledky/> (Словакия), <http://www.dvk-rs.si/files/files/porocilo-o-izidu-volitev—sprejeto-prepis.pdf> (Словения), <http://www.electionguide.org/elections/id/2820/> (Узбекистан), http://www.cvk.gov.ua/info/protokol_cvk_25052014.pdf (Украина), <http://eed.nsd.uib.no/webview/> (Финляндия), <http://www.france-politique.fr/election-presidentielle-2012.htm> (Франция), [http://www.izbori.hr/izbori/ws.nsf/F5376837F3FE8F43C1257DC400502577/\\$FILE/Odluka_o_potpunim_rezultatima_izbora_za_predsjednika_Republike_Hrvatske_odrzanim_28._prosinca_2014._i_4._siječnja_2015..pdf](http://www.izbori.hr/izbori/ws.nsf/F5376837F3FE8F43C1257DC400502577/$FILE/Odluka_o_potpunim_rezultatima_izbora_za_predsjednika_Republike_Hrvatske_odrzanim_28._prosinca_2014._i_4._siječnja_2015..pdf) (Хорватия), <http://volby.cz/pls/prez2013/pe2?xjazyk=CZ> (Чехия), <http://electionresources.org/cl/president.php?election=2013> (Чили), Современные избирательные системы. Вып. 8. М., 2013. С. 455 (Южная Корея). Все ссылки проверены 7 июня 2016 года.

Центральной и Северной Европе, восемь — постсоциалистические государства Европы, шесть — бывшие республики СССР, четыре — латиноамериканские страны и две страны расположены в Восточной Азии.

Таблица 5.1. Значения эффективного числа кандидатов на выборах президентов зарубежных стран

Страна	Год выборов	Число кандидатов	Результат лидера	Индекс Лааксо — Таагеперы	Индекс Голосова
Австрия	2010	3	79,3%	1,53	1,28
Аргентина	2015	6	37,1%	3,31	3,10
Армения	2013	7	58,6%	2,09	1,77
Болгария	2011	18	40,1%	3,73	3,23
Бразилия	2014	11	41,6%	3,02	2,67
Венесуэла	2013	6	50,6%	2,01	1,98
Грузия	2013	23	62,1%	2,25	1,75
Казахстан	2015	3	97,7%	1,05	1,02
Литва	2014	7	46,6%	3,68	2,74
Македония	2014	4	53,1%	2,30	2,00
Монголия	2013	3	50,9%	2,25	2,05
Польша	2015	11	34,8%	3,57	3,47
Португалия	2011	6	53,0%	2,89	2,20
Румыния	2014	14	40,4%	3,73	3,26
Словакия	2014	14	28,0%	4,95	4,76
Словения	2012	3	39,9%	2,89	2,63
Узбекистан	2015	4	91,8%	1,18	1,09

Украина	2014	21	55,5%	2,94	2,21
Финляндия	2012	8	37,0%	4,54	3,64
Франция	2012	10	28,6%	4,77	4,54
Хорватия	2014	4	39,1%	3,05	2,85
Чехия	2013	9	24,2%	5,70	5,63
Чили	2013	9	46,7%	3,28	2,59
Южная Корея	2012	6	51,6%	2,01	1,95

Как видно из таблицы, в половине случаев индекс Лааксо — Таагеперы превышал 3, а индекс Голосова — 2,5, что означает достаточно конкурентные выборы. Случаев же, когда индекс Лааксо — Таагеперы был ниже 2, а индекс Голосова — ниже 1,7, всего три — Казахстан, Узбекистан, где не было реальной конкуренции, а также Австрия, где полномочия президента весьма ограничены.

В таблице 5.2 приведены данные обо всех российских президентских выборах. Мы видим, что высококонкурентными были только выборы 1996 года, а в 2004 и 2008 годах индекс Лааксо — Таагеперы был ниже 2, а индекс Голосова — ниже 1,5.

Таблица 5.2. Значения эффективного числа кандидатов на выборах Президента Российской Федерации

Год выборов	Число кандидатов	Результат лидера	Индекс Лааксо — Таагеперы	Индекс Голосова
1991	6	59,7%	2,49	1,90
1996	10	36,4%	3,67	3,36
2000	11	54,5%	2,55	2,06
2004	6	74,5%	1,73	1,40
2008	4	71,2%	1,82	1,46
2012	5	64,4%	2,19	1,70

На выборах глав российских регионов разных лет ситуация в целом весьма пестрая. В таблице 5.3 приведены данные по 10 регионам, где такие выборы прошли не менее трех раз (чаще всего — четыре раза). Мы видим, что есть регионы с относительно высокой конкурентностью в течение всего периода (Архангельская область) и с крайне низкой (Хабаровский край). Однако для большинства регионов в разные годы индексы сильно различаются. Если же смотреть динамику, то нетрудно увидеть, что на выборах 1999–2000 годов конкуренция была в среднем ниже, чем в 1995–1996 годах, но в 2003–2005 годах она вернулась примерно на уровень 1995–1996 годов. После восстановления губернаторских выборов в 2012 году уровень конкуренции на них оказался заметно ниже, чем в 1990-х и 2000-х годах.

Таблица 5.3. Значения эффективного числа кандидатов на выборах глав российских регионов

Регион	Год выборов	Число кандидатов	Результат лидера	Индекс Лааксо — Таагеперы	Индекс Голосова
Республика Хакасия	1996	8	46,0%	3,67	2,79
	2000	5	77,1%	1,62	1,33
	2004	6	68,3%	2,01	1,57
	2013	6	66,0%	2,16	1,67
Алтайский край	1996	3	49,4%	2,19	2,09
	2000	3	83,6%	1,39	1,21
	2004	6	49,8%	2,37	2,16
	2014	5	74,1%	1,75	1,42

Хабаровский край	1996	6	83,5%	1,41	1,22
	2000	2	93,3%	1,14	1,07
	2004	5	92,1%	1,18	1,09
	2013	4	66,1%	2,05	1,61
Архангельская область	1996	4	38,3%	3,24	2,90
	2000	3	57,6%	2,04	1,77
	2004	8	53,5%	2,56	2,09
	2015	5	54,4%	2,76	2,10
Брянская область	1996	8	57,4%	2,44	1,93
	2000	9	32,6%	4,77	4,13
	2004	7	59,0%	2,55	1,94
	2012	2	67,9%	1,77	1,47
	2015	3	82,0%	1,45	1,24
Волгоградская область	1996	5	39,8%	3,11	2,76
	2000	8	39,4%	3,64	3,14
	2004	9	48,5%	3,38	2,55
	2014	4	90,6%	1,21	1,11
Курганская область	1996	3	47,0%	2,57	2,26
	2000	5	48,5%	2,98	2,35
	2004	5	40,1%	3,23	2,81
	2014	4	86,4%	1,32	1,17
Свердловская область	1995	8	28,7%	4,70	4,56
	1999	7	41,8%	3,82	2,98
	2003	6	50,1%	3,16	2,39
Ульяновская область	1996	6	45,6%	2,86	2,51
	2000	5	59,7%	2,30	1,80
	2004	9	31,9%	4,71	4,08
Ненецкий автоном- ный округ	1996	7	45,6%	3,30	2,63
	2001	10	71,9%	1,85	1,48
	2005	15	24,8%	5,23	5,25
	2014	4	80,1%	1,53	1,28

В таблице 5.4 приведены данные по выборам мэров 10 региональных центров, в каждом из которых

за период 2003–2014 годов такие выборы прошли трижды. Здесь ситуация более ровная, чем на губернаторских выборах, и случаи крайне низкой конкуренции встречаются реже. Тем не менее заметно некоторое ослабление в среднем конкуренции в период 2008–2010 годов по сравнению с периодом 2003–2006 годов, а в период 2012–2014 годов произошел небольшой ее рост.

**Таблица 5.4. Значения эффективного
числа кандидатов на выборах
глав российских городов**

Город	Год выборов	Число кандидатов	Результат лидера	Индекс Лааксо – Таагеперы	Индекс Голосова
Абакан	2004	6	58,1%	2,57	1,95
	2008	4	85,5%	1,35	1,18
	2013	6	83,8%	1,40	1,21
Архангельск	2005	10	45,2%	3,24	2,63
	2008	6	39,2%	3,13	3,03
	2012	4	51,7%	2,80	2,17
Астрахань	2004	5	47,7%	2,84	2,30
	2009	5	67,1%	1,91	1,54
	2012	5	61,1%	2,13	1,73
Владивосток	2004	10	30,0%	4,34	4,28
	2008	4	58,6%	2,17	1,79
	2013	9	60,3%	2,41	1,86
Воронеж	2004	8	25,8%	5,05	4,97
	2008	13	31,8%	5,85	4,76
	2013	9	44,6%	3,22	2,65

Краснодар	2004	4	67,9%	1,94	1,54
	2005	6	72,7%	1,80	1,45
	2010	4	66,9%	1,95	1,56
Новосибирск	2004	4	51,1%	2,67	2,14
	2009	4	75,4%	1,70	1,38
	2014	11	44,6%	2,73	2,59
Петрозаводск	2006	8	37,7%	4,03	3,52
	2009	7	61,9%	2,32	1,78
	2013	13	42,7%	3,58	3,04
Хабаровск	2004	3	92,1%	1,18	1,09
	2008	2	81,6%	1,43	1,23
	2013	6	70,5%	1,93	1,52
Ярославль	2003	4	78,1%	1,55	1,30
	2008	4	75,6%	1,69	1,38
	2012	4	41,9%	3,14	2,66

В таблице 5.5 приведены данные о последних (на ноябрь 2015 года) выборах 17 зарубежных парламентов¹. Сравнивая их с данными таблицы 5.1, мы можем

¹ Рассчитано на основании данных из источников: <http://results.cik.bg/pi2014/rezultati/index.html> (Болгария), <http://www.electionresources.org/br/deputies.php?election=2014> (Бразилия), http://www.valasztas.hu//en/ogyv2014/416/416_0_index.html (Венгрия), http://www.bundeswahlleiter.de/en/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ergebnisse/bundesergebnisse/index.html (Германия), <http://www.dst.dk/valg/Valg1487635/valgopg/valgopgHL.htm> (Дания), <http://en.idi.org.il/tools-and-data/israeli-elections-and-parties/elections/2015/> (Израиль), <http://www.infoelectoral.interior.es/min/busquedaAvanzadaAction.html?vuelta=1&codTipoEleccion=2&codPeriodo=201111&codEstado=99&codComunidad=0&codProvincia=0&codMunicipio=0&codDistrito=0&codSeccion=0&codMesa=0> (Испания), <http://www.cec.md/r/r/> (Молдова), <http://www.verkiezingsuitslagen.nl/Na1918/Verkiezingsuitslagen.aspx?VerkiezingsTypeId=1> (Нидерланды), <http://www.electionresults.govt.nz/electionre>

видеть, что конкуренция на парламентских выборах в основном выше, чем на президентских. Самая низкая степень конкуренции (индекс Голосова ниже 3, индекс Лааксо — Таагеперы ниже 3,4) из приведенных стран отмечается в Венгрии, Испании и Новой Зеландии. Крайне высокая степень партийной фрагментации в Бразилии, довольно высокая (значения индексов 7 и выше) в Израиле, на Украине и в Чехии.

Таблица 5.5. Значения эффективного числа партий на выборах парламентов зарубежных стран

Страна	Год выборов	Число партий	Результат лидера	Индекс Лааксо — Таагеперы	Индекс Голосова
Болгария	2014	25 + 3*	32,7%	5,78	4,70
Бразилия	2014	32	13,9%	14,10	15,30
Венгрия	2014	31	44,9%	3,22	2,62
Германия**	2013	31	34,1%	4,81	4,19
Дания	2015	10 + 16*	26,3%	5,86	5,51
Израиль	2015	25	23,4%	7,71	6,98

sults_2014/partystatus.html (Новая Зеландия), http://parlament2015.pkw.gov.pl/pliki/1446212089_obwieszczenie_Sejm.doc (Польша), <http://www.electionresources.org/pt/assembly.php?election=2015> (Португалия), http://www.cvk.gov.ua/info/protokol_bmvo_ndu_26102014.pdf (Украина), http://tulospalvelu.vaalit.fi/E-2015/en/tulos_kokomaa.html (Финляндия), <http://volby.cz/pls/ps2013/ps2?xjazyk=CZ> (Чехия), <http://www.val.se/val/val2014/slutresultat/R/rike/index.html> (Швеция), <http://rk2015.vvk.ee/voting-results.html> (Эстония). Все ссылки проверены 7 июня 2016 года.

Испания	2011	61	45,2%	3,34	2,78
Молдова	2014	20 + 4*	20,5%	6,58	7,14
Нидерланды	2012	21	26,6%	5,94	5,68
Новая Зеландия	2014	15	47,0%	3,27	2,59
Польша	2015	17	37,6%	4,45	3,65
Португалия	2015	20	38,4%	3,56	3,28
Украина	2014	29	22,1%	7,51	7,61
Финляндия	2015	19 + 13*	21,1%	6,57	6,60
Чехия	2013	23	20,5%	7,61	7,69
Швеция	2014	35	31,0%	5,41	4,71
Эстония	2015	11	27,7%	5,14	4,69

* Независимые кандидаты.

** ХДС и ХСС считались как две отдельные партии.

Обратившись к выборам в Государственную Думу (таблица 5.6), мы видим высокую степень партийной фрагментации в 1993 и особенно в 1995 году. Затем конкуренция и фрагментация снижались и достигли в 2007 году крайне низких значений. В 2011 году конкуренция несколько выросла, тем не менее значения обоих индексов оказались ниже, чем самые низкие значения этих индексов в таблице 5.5.

Таблица 5.6. Значения эффективного числа партий на выборах Государственной Думы

Год выборов	Число партий	Результат лидера	Индекс Лааксо – Таагеперы	Индекс Голосова
1993	13	23,9%	7,58	6,68
1995	43	23,4%	10,06	8,86
1999	26	25,6%	6,10	6,15
2003	23	40,1%	4,75	3,64
2007	11	65,0%	2,22	1,71
2011	7	50,1%	3,10	2,36

Из выборов региональных парламентов отдельное внимание стоит уделить Свердловской области, где пропорциональная система 8 раз использовалась для выборов нижней палаты Законодательного Собрания, а затем прошли выборы однопалатного Собрания по параллельной системе. Здесь картина похожая (см. таблицу 5.7). Самыми конкурентными были вторые выборы (1998 года), затем конкуренция в основном снижалась, достигнув минимума в 2008 году, после чего стала немного расти.

Таблица 5.7. Значения эффективного числа партий на выборах Законодательного Собрания Свердловской области

Год выборов	Число партий	Результат лидера	Индекс Лааксо – Таагеперы	Индекс Голосова
1996	7	38,9%	4,26	3,35
1998	10	25,4%	7,37	6,14
2000	11	26,3%	6,79	5,94
2002	11	34,0%	5,36	4,40
2004	9	46,3%	3,84	2,85
2006	10	43,6%	3,87	3,00
2008	5	60,2%	2,43	1,85
2010	4	40,7%	3,52	2,82
2011	5	34,0%	3,92	3,45

Примечание: 1996–2010 годы — выборы Областной Думы Законодательного Собрания по пропорциональной системе; 2011 год — выборы однопалатного Законодательного Собрания по параллельной системе.

В таблице 5.8 показаны данные о трижды прошедших выборах законодательных органов 9 регионов — тех же, что и регионы, для которых в таблице 5.3 приводились данные о губернаторских выборах (кроме Свердловской области). Как и там, в среднем наихудшей была конкуренция во втором цикле (2008–2010 годы).

**Таблица 5.8. Значения эффективного
числа партий на выборах
российских региональных парламентов**

Регион	Год выборов	Число партий	Результат лидера	Индекс Лааксо — Таагеперы	Индекс Голосова
Республика Хакасия	2004	8	27,2%	5,53	5,06
	2009	5	59,3%	2,52	1,91
	2013	8	48,1%	3,43	2,60
Алтайский край	2004	6	30,5%	4,23	3,94
	2008	4	55,0%	2,65	2,03
	2011	4	40,7%	3,46	2,82
Хабаровский край	2005	6	47,9%	3,34	2,54
	2010	4	50,0%	2,99	2,28
	2014	7	59,2%	2,53	1,93
Архангельская область	2004	9	28,8%	5,95	4,97
	2009	4	53,8%	2,74	2,09
	2013	19	42,6%	4,27	3,25
Брянская область	2004	8	40,5%	4,15	3,28
	2009	4	55,8%	2,56	1,98
	2014	10	73,7%	1,79	1,44

	2003	6	41,4%	3,51	2,94
Волгоградская область	2009	5	50,8%	2,89	2,25
	2014	12	62,3%	2,37	1,82
	2004	8	30,2%	5,75	4,67
Курганская область	2010	4	42,8%	3,32	2,68
	2015	6	60,0%	2,56	1,94
	2003	10	32,4%	5,80	4,64
Ульяновская область	2008	4	68,1%	1,99	1,56
	2013	13	59,8%	2,57	1,96
	2005	7	29,2%	4,93	4,50
Ненецкий автономный округ	2009	4	44,9%	3,26	2,56
	2014	8	47,5%	3,47	2,65

В таблице 5.9 приведены данные о трижды прошедших выборах по пропорциональной или параллельной системе представительных органов семи городов. Здесь также мы видим в основном более низкие значения индексов для 2008–2010 годов.

Таблица 5.9. Значения эффективного числа партий на выборах представительных органов российских городов

Город	Год выборов	Число партий	Результат лидера	Индекс Лааксо — Таагеперы	Индекс Голосова
Волжский (Волгоградская область)	2005	10	24,0%	5,95	5,92
	2009	5	37,2%	3,37	3,06
	2013	14	42,7%	4,27	3,27
Вышний Волочек (Тверская область)	2008	3	37,8%	2,94	2,74
	2010	4	55,8%	2,47	1,96
	2012	5	43,6%	3,02	2,65

Красноярск	2004	9	37,1%	4,10	3,53
	2008	6	49,2%	3,13	2,39
	2013	16	32,1%	4,84	4,35
Нижний Новгород	2005	10	34,1%	5,05	4,18
	2010	5	60,4%	2,39	1,83
	2015	8	42,2%	3,61	2,92
Сыктывкар	2007	6	34,7%	4,46	3,64
	2011	5	41,6%	3,57	2,85
	2015	8	50,5%	3,25	2,44
Тверь	2008	4	51,2%	2,65	2,16
	2009	5	51,0%	2,72	2,21
	2012	12	42,5%	3,88	3,07
Томск	2005	13	23,7%	6,80	6,59
	2010	6	43,6%	3,51	2,79
	2015	7	53,9%	2,96	2,22

Всего в таблицах 5.1–5.9 приведены данные для 179 различных кампаний, и на их основе можно попробовать сделать некоторые обобщения. Очевидно, что оба индекса достаточно близки между собой, коэффициент корреляции между ними — 0,98. При этом в подавляющем большинстве случаев индекс Голосова ниже индекса Лааксо — Таагеперы. Обратных случаев всего 7, и все они относятся к высококонкурентнымкампаниям, где их значения не ниже 5.

Корреляция обоих индексов с номинальным числом участников выборов хоть и значимая, но небольшая — 0,60–0,61. Гораздо выше (но, разумеется, со знаком минус) их корреляция с результатом лидера, она составляет –0,83 для индекса Лааксо — Таагеперы и –0,80 для индекса Голосова.

5.2. Индексы диспропорциональности

Как отмечалось выше (см. главу 4), практически невозможно распределить мандаты так, чтобы соотношение переданных партиям мандатов абсолютно точно соответствовало соотношению полученных ими голосов избирателей. Кроме того, пропорциональность распределения искажается наличием заградительного барьера и других специальных норм, на нее влияют размер избирательного округа, методика распределения мандатов и другие факторы. В связи с этим возникла необходимость определить показатели, которые давали бы оценку степени отклонения конкретного распределения мандатов от строгой пропорциональности.

Такие показатели получили название *индексов диспропорциональности*¹. Все они основаны на модуле разности между долей голосов, поданных за партию (от числа действительных бюллетеней), и долей полученных ею мандатов $|v_i - s_i|$. Наиболее простым показателем является *максимальное отклонение*: $MD = \max |v_i - s_i|$. Оно показывает верхний предел искажений пропорциональности.

В качестве примера с помощью таблицы 5.10 приведем расчеты индексов диспропорциональности для выборов депутатов Совета народных депутатов г. Новозыбков Брянской области, прошедших по пропорциональной системе 14 сентября 2014 года, где распределялось 25 мандатов по тюменскому методу (см. подраздел 4.1.6). Наибольшим модуль раз-

¹ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. P. 58–62; Алекскеров Ф. Т., Платонов В. В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003. С. 12–18.

ности получился у «Единой России» — 6,0%, это и есть максимальное отклонение.

Таблица 5.10. Данные для расчета индексов диспропорциональности на примере выборов депутатов Совета народных депутатов г. Новозыбков Брянской области 14 сентября 2014 года

Партия	Доля голосов*	Число мандатов	Доля мандатов	Модуль разности
«Единая Россия»	50,0%	14	56%	6,0%
«Города России»	25,0%	7	28%	3,0%
«Справедливая Россия»	10,0%	2	8%	2,0%
КПРФ	8,1%	2	8%	0,1%
ЛДПР	3,5%	0	0%	3,5%
«Родина»	1,9%	0	0%	1,9%
«Новая Россия»	1,0%	0	0%	1,0%
«Патриоты России»	0,5%	0	0%	0,5%

* От числа действительных голосов.

Другие показатели учитывают искажения представительства всех партий, участвовавших в выборах. Первым был предложен индекс $P_{\mathcal{E}}$, который равен сумме модулей всех отклонений, деленной на число участвовавших в выборах партий: $I = \sum |v_i - s_i| / n$. В нашем случае указанная сумма равна 18,1% и соответственно индекс $P_{\mathcal{E}}$ равен этому числу, деленному на 8, то есть 2,3%.

Таким образом, индекс $P_{\mathcal{E}}$ показывает среднее искажение представительства партий. Однако для

сравнительных исследований он неудобен из-за высокой чувствительности к числу партий-аутсайдеров, практически не влияющих на результат выборов. Например, если в наш случай добавить еще всего одну партию, приписав ей 0,1% голосов, индекс Рэ снизится до 2,0%.

Для смягчения этого недостатка был предложен индекс Грофмана: для его расчета сумма модулей всех отклонений делится на эффективное число партий (см. раздел 5.1). В нашем примере это число равно 3,03; соответственно индекс Грофмана получается равным 6,0%.

Для сравнительных исследований все же более удобны показатели, не зависящие от числа участвующих в выборах партий. Таков, в частности, индекс Лузмора — Хэнби, о котором уже шла речь в подразделе 4.1.9. Он равен $\frac{1}{2} \sum |v_i - s_i|$. Этот индекс показывает долю избирателей, чьи предпочтения были искажены при распределении мандатов: в данном контексте деление на двойку отражает то обстоятельство, что сумма модулей отклонений учитывает искажения предпочтений одних и тех же избирателей дважды (в плюс и в минус). В нашем примере индекс Лузмора — Хэнби равен 9,0%.

В качестве недостатка индекса Лузмора — Хэнби отмечается, что он не делает различий между случаем, когда суммарное искажение определяется большими отклонениями у одной-двух партий, и случаем, когда такое же искажение получается в результате суммирования большого числа мелких отклонений. Для преодоления этого недостатка был предложен индекс Галлахера, который основан на среднеквадратичном отклонении: $LSq = \sqrt{\frac{1}{2} \sum (v_i - s_i)^2}$. Этот индекс в большей степени учитывает сильные искажения и менее чувствителен к слабым. В нашем примере индекс Галлахера равен 5,8%.

С другой стороны, у индекса Лузмора — Хэнби есть определенные преимущества перед индексом Галлахера. Помимо простоты и наглядности стоит отметить также то, что для вычисления индекса Лузмора — Хэнби не обязательно знать результат каждой из партий-аутсайдеров: достаточно иметь суммарное число голосов (или суммарную долю голосов), поданных за все партии, не участвовавшие в распределении мандатов.

Далее мы будем использовать только два показателя — индекс Лузмора — Хэнби и индекс Галлахера. Отметим, что расчет индексов диспропорциональности возможен не только для случаев применения пропорциональной системы, но также для мажоритарной и смешанной. При этом для смешанных систем с двумя голосами у избирателя доля голосов, полученных партией, определяется на основе итогов голосования по пропорциональной составляющей, а при использовании мажоритарной системы эту долю приходится вычислять исходя из суммарного числа голосов, поданных за кандидатов от соответствующей партии.

Главную сложность здесь представляет наличие независимых кандидатов, особенно в тех случаях, когда они добиваются мандатов. Тут возможны два крайних подхода: в первом случае каждый независимый кандидат рассматривается как отдельная партия, во втором случае они все условно считаются как бы принадлежащими одной партии. Впрочем, часто эти подходы дают одинаковый результат. Однако в любом случае наличие успешных независимых кандидатов не вписывается в логику партийного представительства, на которой основаны индексы диспропорциональности. В связи с этим далее в наших примерах будут использоваться только выборы, где все мандаты получали представители политических

партий, за исключением выборов депутатов Государственной Думы 1993, 1995, 1999 и 2003 годов.

Отдельного внимания заслуживают выборы германского бундестага. Как отмечалось в подразделе 3.7.2, эти выборы с 1953 года проводятся по смешанной связанной системе с двумя голосами у избирателя. Система эта (в Германии именуемая также персонализированной пропорциональной) позволяет обеспечивать довольно точное соответствие результатов распределения мандатов итогам голосования за партийные списки. Как видно из таблицы 5.11¹, в отдельных случаях индекс Лузмора — Хэнби оказался ниже 1%, а индекс Галлахера достигал 0,5%.

Таблица 5.11. Индексы диспропорциональности для выборов германского бундестага

Год	Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Индексы	
		Лузмора — Хэнби	Галлахера
1953	92,7%	7,2%	3,7%
1957	93,0%	7,0%	4,5%
1961	94,3%	5,7%	3,4%
1965	96,4%	3,6%	2,3%
1969	94,5%	5,5%	3,9%
1972	99,1%	1,0%	0,7%
1976	99,1%	0,9%	0,6%
1980	98,0%	2,0%	1,4%
1983	99,5%	0,8%	0,5%
1987	98,6%	1,4%	0,7%
1990	91,9%	8,1%	4,6%
1994	96,4%	3,6%	2,2%

¹ Рассчитано на основании данных с сайта руководителя по проведению выборов в Германии (<http://www.bundeswahlleiter.de/>).

1998	94,1%	5,9%	3,2%
2002	93,0%	6,7%	3,8%
2005	96,1%	3,9%	2,2%
2009	94,0%	6,0%	3,4%
2013	84,3%	15,7%	7,8%

Главным источником искажений при такой системе является заградительный барьер. В Германии он составляет 5% (но не действует для партий, выигравших не менее чем в трех одномандатных округах), однако лишь в редких случаях (1957, 1969, 1990, 2002 и 2013 годы) оказывались партии, получившие более 3% голосов и не допущенные к распределению мандатов. И доля голосов за партии, допущенные к распределению мандатов, до 2013 года не опускалась ниже 90%, в большинстве случаев была выше 94%, а порой превышала 99%. Но в 2013 году сразу две партии лишь немного не дотянули до 5-процентного барьера (получив 4,8 и 4,7%), и это привело к резкому увеличению значений индексов диспропорциональности.

Отметим, что в условиях, когда решающую роль в искажении пропорциональности играет заградительный барьер, индекс Лузмора — Хэнби равен доле голосов за партии, не допущенные к распределению мандатов, поскольку у всех партий, получивших мандаты, их доля оказывается выше доли полученных ими голосов. Это хорошо видно из таблицы 5.11, где сумма значений во второй и третьей колонках в большинстве строк равна 100%.

В таблице 5.12 представлены индексы диспропорциональности для выборов других зарубежных парламентов¹. Здесь мы видим существенные разли-

¹ Рассчитано на основании данных из источников, указанных в сноске к таблице 5.5.

чия в уровне диспропорциональности. Наилучшее приближение к пропорциональности было достигнуто в Дании и Нидерландах, что связано как с незначительной долей голосов за партии, не допущенные к распределению мандатов (здесь самые низкие заградительные барьеры), так и с правилами распределения: в Нидерландах мандаты распределяются в едином общенациональном округе, в Дании — многоуровневая система (см. подраздел 4.2.3).

Таблица 5.12. Индексы диспропорциональности для выборов зарубежных парламентов

Страна	Год	Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Индексы	
			Лузмора — Хэнби	Галлахера
Болгария	2014	93,4%	6,6%	2,5%
Бразилия	2014	99,6%	5,9%	2,2%
Венгрия	2014	96,0%	22,0%	17,4%
Дания	2015	99,1%	1,3%	0,8%
Израиль	2015	95,5%	4,7%	2,8%
Испания	2011	96,7%	11,3%	6,9%
Молдова	2014	83,6%	16,4%	7,1%
Нидерланды	2012	99,1%	2,3%	1,0%
Новая Зеландия	2014	93,8%	6,2%	3,7%
Польша	2015	83,4%	19,8%	12,6%
Португалия	2015	94,4%	9,9%	5,3%
Финляндия	2015	97,9%	5,7%	3,0%
Чехия	2013	87,4%	12,6%	6,1%
Швеция	2014	95,9%	4,1%	2,6%
Эстония	2015	98,2%	4,1%	2,3%

По тем же причинам невысокая диспропорциональность в Израиле, Швеции и Эстонии. Стоит также отметить достаточно низкие значения индексов диспропорциональности в Новой Зеландии, где используется смешанная связанная система, близкая к германской.

В ряде других стран степень диспропорциональности значительно выше. Если в Молдове и Чехии это связано исключительно с завышенными заградительными барьерами (как видим, здесь сумма доли партий, допущенных к распределению мандатов, и индекса Лузмора — Хэнби составляет 100%), то в Польше к завышенным барьерам добавляется распределение мандатов на уровне небольших округов, что искажает пропорциональность. Последний фактор играет существенную роль также в Бразилии, Испании, Португалии и Финляндии. В Венгрии искажения в основном достигаются за счет мажоритарной составляющей смешанной системы.

На выборах депутатов Государственной Думы в 1993–2003 годах использовалась параллельная (смешанная несвязанная) система, при этом по одномандатным округам избиралась значительная доля непартийных кандидатов, у избирателя была возможность голосовать «против всех»¹, а 5-процентный барьер приводил к большой доле «пропадавших» голосов (см. таблицу 5.13). Все эти обстоятельства вместе взятые обуславливали существенную диспропорциональность. После перехода к пропорциональной системе (с одновременной отменой голосования «против всех») индексы диспропорциональности заметно снизились и единственным искажающим пропорциональность фактором остался заградительный барьер.

¹ Голоса «против всех» мы также условно рассматриваем как отдельную партию, не получающую мандатов.

Таблица 5.13. Индексы диспропорциональности для выборов Государственной Думы

Год	Доля избранных непартийных кандидатов	Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Индексы	
			Лузмора – Хэнби	Галлахера*
1993	30,6%	87,1%	31,0%	23,1 / 8,3%
1995	17,1%	51,2%	35,7%	16,6 / 11,4%
1999	23,8%	83,0%	27,1%	18,2 / 7,1%
2003	15,0%	71,8%	29,3%	15,1% / 10,8%
2007	—	92,8%	7,2%	4,3%
2011	—	94,9%	5,1%	3,4%

* Слева — все избранные непартийные кандидаты условно считались принадлежащими одной партии; справа — каждый избранный непартийный кандидат рассматривался как отдельная партия.

Интересно также проследить за индексами диспропорциональности на выборах Законодательного Собрания Свердловской области, поскольку они 8 раз проводились по пропорциональной системе (каждый раз избирались 14 депутатов — половина состава Областной Думы, нижней палаты Законодательного Собрания), а последний раз (в 2011 году) — по параллельной системе. Заградительный барьер до 2004 года включительно составлял 5% от числа проголосовавших избирателей, с 2006 года он был повышен до 7%. Голосование «против всех» практиковалось вплоть до 2006 года. Для распределения мандатов до 2008 года использовался метод Хэйра — Нимейера, а с 2008 года — тюменский метод.

Как видно из таблицы 5.14, до 2006 года основным источником искажений были заградительный барьер и голосование «против всех». В 2008 году начало сказываться также действие тюменского метода, в 2010 году, когда все четыре участвовавших в выборах партии преодолели 7-процентный барьер, главным ограничителем оказалось число распределяемых мандатов (в данном случае тюменский метод давал такой же результат, как и методы Хэйра — Нимейера и Сент-Лагю). С переходом на параллельную систему главным источником искажений стала мажоритарная составляющая.

Таблица 5.14. Индексы диспропорциональности для выборов Законодательного Собрания Свердловской области

Год	Доля голосов «против всех»	Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Индексы	
			Лузмора — Хэнби	Галлахера
1998	14,3%	72,6%	27,4%	14,3%
2000	10,8%	62,2%	37,8%	17,9%
2002	10,8%	63,1%	36,9%	19,4%
2004	13,7%	74,0%	26,4%	16,9%
2006	5,8%	79,0%	21,2%	11,6%
2008	—	89,4%	12,9%	9,8%
2010	—	100%	3,8%	2,9%
2011	—	96,4%	24,0%	19,5%

Примечание: 1998–2010 годы — выборы Областной Думы Законодательного Собрания по пропорциональной системе; 2011 год — выборы однопалатного Законодательного Собрания по параллельной системе.

В таблицах 5.15–5.17 приведены индексы диспропорциональности для ряда региональных и муниципальных выборов, проходивших с 2007 года (а также для выборов в Московскую городскую Думу 2005 года), на которых не было голосования «против всех». Кроме того, в случае параллельной системы мы подобрали только такие выборы, где мандаты в мажоритарной части завоевали исключительно партийные кандидаты.

Как видно из таблиц 5.15 и 5.17, в случае применения пропорциональной системы при использовании метода Хэйра – Нимейера и 100-процентной доле партий, допущенных к распределению мандатов, индексы диспропорциональности могут быть крайне малыми (вплоть до 0,1%). Однако сама по себе пропорциональная система не гарантирует от искажений: в Республике Калмыкии в 2013 году, Московской области в 2007 году, а также в г. Волжский в 2013 году из-за высокой доли голосов, поданных за партии, не преодолевшие заградительный барьер, индекс Лузмора – Хэнби превысил 20%, а индекс Галлахера – 10%.

Таблица 5.15. Индексы диспропорциональности для выборов российских региональных парламентов по пропорциональной системе

Регион	Год	Метод распределения	Индексы		
			Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Лузмора – Хэнби	Галлахера
Республика Дагестан	2007	Хэйра – Ним.	99,2%	1,4%	0,9%
	2011	Тюменский	99,9%	4,7%	3,8%

Республика Ингушетия	2008	Хэйра — Ним.	100,0%	0,1%	0,1%
	2011	Хэйра — Ним.	97,9%	3,4%	2,7%
Кабардино-Балкарская Республика	2009	Хэйра — Ним.	100,0%	0,2%	0,2%
	2014	Империали	98,6%	6,1%	4,9%
Республика Калмыкия	2008	Хэйра — Ним.	86,6%	13,4%	8,1%
	2013	Тюменский	79,4%	20,6%	11,7%
Карачаево-Черкесская Республика	2014	Тюменский	100,0%	1,1%	0,9%
Чеченская Республика	2008	Хэйра — Ним.	97,6%	2,4%	1,7%
	2013	Хэйра — Ним.	98,4%	4,2%	3,5%
Амурская область	2008	Хэйра — Ним.	93,2%	7,0%	5,7%
	2011	Тюменский	96,4%	4,4%	2,9%
Калужская область	2010	Хэйра — Ним.	98,1%	2,1%	1,7%
Московская область	2007	Империали	79,5%	20,5%	13,5%
Тульская область	2009	Тюменский	89,5%	10,5%	7,6%
Санкт-Петербург	2007	Империали	88,9%	12,3%	8,1%
	2011	Империали	97,9%	3,1%	2,1%
Ненецкий автономный округ	2009	Империали	100,0%	9,6%	7,9%

При применении параллельной системы (см. таблицы 5.16 и 5.17) искажения обычно выше. В приведенных примерах лишь в двух случаях из 37 индекс Лузмора — Хэнби был ниже 17%, а индекс Галлахера лишь в трех случаях ниже 13%. Наибольших значений в рассматриваемых примерах эти индексы достигли в Твери в 2012 году — 33,3% (индекс Лузмора — Хэнби) и 25,2% (индекс Галлахера).

Таблица 5.16. Индексы диспропорциональности для выборов российских региональных парламентов по параллельной системе

Регион	Год	Метод распределения	Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Индексы	
				Лузмора – Хэнби	Галлахера
Республика Марий Эл	2009	Тюменский	94,0%	18,1%	14,7%
	2014	Тюменский	89,2%	21,8%	16,7%
Краснодарский край	2007	Тюменский	94,2%	18,0%	14,7%
	2012	Империали	80,0%	24,2%	18,2%
Хабаровский край	2014	Тюменский	87,6%	24,2%	18,7%
Брянская область	2009	Империали	100,0%	22,5%	18,7%
	2014	Тюменский	88,4%	18,0%	13,6%
Волгоградская область	2009	Тюменский	98,8%	20,3%	16,4%
	2014	Империали	91,0%	19,7%	15,2%
Курганская область	2010	Империали	100,0%	21,9%	18,4%
Омская область	2007	Хэйра – Ним.	80,9%	28,7%	22,4%
	2011	Тюменский	96,8%	21,5%	17,1%
Пензенская область	2007	Хэйра – Ним.	92,9%	18,6%	15,4%
	2012	Тюменский	84,7%	22,5%	17,3%
Ростовская область	2008	Хэйра – Ним.	89,0%	17,0%	13,9%
	2013	Империали	86,8%	23,0%	17,4%
Тюменская область	2007	Тюменский	96,3%	20,6%	16,2%
	2011	Тюменский	97,5%	23,8%	19,0%
Ульяновская область	2008	Хэйра – Ним.	100,0%	11,9%	10,1%
	2013	Империали	81,9%	26,3%	19,6%
Москва	2005	Хэйра – Ним.	79,4%	30,0%	23,1%
	2009	Тюменский	81,6%	23,5%	18,4%

Ненецкий автономный округ	2014	Тюменский	89,8%	20,9%	16,3%
---------------------------	------	-----------	-------	-------	-------

Таблица 5.17. Индексы диспропорциональности для выборов представительных органов российских городов

Город	Год	Метод распределения	Индексы		
			Доля партий, допущенных к распределению мандатов	Лузмора – Хэнби	Галлахера
<i>пропорциональная система</i>					
Брянск	2009	Империали	100,0%	4,5%	3,3%
Волжский (Волгоградская область)	2009	Хэйра – Ним.	99,0%	1,9%	1,3%
	2013	Империали	71,4%	28,6%	16,6%
Ставрополь	2008	Хэйра – Ним.	100,0%	0,8%	0,7%
Тверь	2008	Тюменский	100,0%	5,5%	4,1%
	2009	Тюменский	91,2%	12,2%	9,7%
Тула	2010	Тюменский	100,0%	0,8%	0,7%
<i>параллельная система</i>					
Абакан	2013	Тюменский	84,1%	24,7%	18,9%
Барнаул	2012	Тюменский	93,9%	28,3%	21,7%
Брянск	2014	Тюменский	88,2%	12,3%	7,8%
Владивосток	2012	Империали	83,9%	25,1%	18,7%
Екатеринбург	2013	Тюменский	86,0%	30,2%	21,7%
Красноярск	2008	Хэйра – Ним.	97,1%	25,1%	20,1%
	2013	Империали	89,2%	17,4%	10,7%
Петропавловск-Камчатский	2013	Тюменский	89,6%	27,6%	21,1%
Саратов	2011	Империали	88,2%	26,5%	20,9%

Северодвинск (Архангельская об- ласть)	2013	Империали	90,5%	28,3%	21,6%
Сыктывкар	2011	Империали	97,2%	18,4%	15,4%
Тверь	2012	Тюменский	80,0%	33,3%	25,2%
Тольятти (Самар- ская область)	2013	Империали	90,4%	29,4%	22,3%
Тюмень	2013	Тюменский	94,2%	20,7%	16,2%

А. Лейпхарт на примере выборов в 27 странах в период 1945–1990 годов попытался оценить, какие факторы влияют на индексы диспропорциональности. Всего анализировалось 69 случаев, при этом каждый случай охватывал одну или несколько избирательных кампаний, если при этом не менялись основные правила (размер избирательных округов, заградительный барьер, методика распределения мандатов). Для плуральной системы (7 случаев) среднее значение индекса Галлахера получилось равным 13,6%, для других вариантов мажоритарной системы (5 случаев) – 10,9%, для пропорциональных систем с использованием метода д’Ондта (32 случая) – 5,2%, с использованием метода наибольшего остатка и квоты Друпа (13 случаев) – 4,2%, с использованием метода наибольшего остатка и квоты Хэйра (12 случаев) – 1,9%. Регрессионный анализ показал, что наибольшее влияние на степень диспропорциональности оказывает параметр, именуемый эффективным порогом¹ (который условно определяется как среднее между порогами включения и исключения², см. подраздел 4.6.1, либо равен заградительно-

¹ Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. P. 95–117.

² Для мажоритарных систем эффективный порог получается равным 35%, для пропорциональных систем его предложено вычислять по формуле $[50%/(m+1)] + [50%/(2m)]$, где

му барьеру, если он установлен в законе и при этом превышает порог исключения).

Д. Мюллер приводит значения индекса Лузмора — Хэнби (а также индекса Лааксо — Таагеперы) по итогам выборов 1983–1990 годов для большого числа стран. При этом для 13 стран с одномандатными округами среднее значение индекса Лузмора — Хэнби составило 21,1%, а для 25 стран с пропорциональной системой — 5,8%. При этом для 8 стран с размером округа от 2 до 5 мандатов среднее значение индекса получилось равным 7,5%, для 6 стран с размером округа от 6 до 10 мандатов — 4,9%, для 4 стран с размером округа от 11 до 15 мандатов — 4,8% и для 9 стран с размером округа более 15 мандатов — 5,8%¹. Таким образом, создается впечатление, что увеличение размера округа выше 6 не приводит к значительному снижению диспропорциональности. Однако размер выборки слишком мал, чтобы можно было делать столь серьезные выводы.

5.3. Исследования, специфичные для отдельных избирательных систем

5.3.1. Исследования мажоритарной системы абсолютного большинства

При использовании системы абсолютного большинства наибольший интерес представляет вопрос, в каком случае во втором туре побеждает кандидат, который в первом туре занимает второе место. Мы исследовали этот вопрос на массиве данных о выбо-

m — среднее число мандатов в избирательном округе (Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. P. 25–30).

¹ Мюллер Д. Общественный выбор III. М., 2007. С. 366–371.

рах глав регионов и муниципальных образований в Российской Федерации¹.

За период с 1995 по 2005 год в России прошло 227 успешных кампаний по выборам глав регионов. Из них второй тур потребовался в 74. После восстановления прямых выборов глав регионов в 2012 году второй тур использовался лишь один раз (этот случай будет рассмотрен нами отдельно).

Из 74 кампаний периода 1995–2005 годов мы исключили из нашего рассмотрения два случая, когда была отменена регистрация одного из кандидатов, вышедших во второй тур, — выборы Губернатора Приморского края 2001 года и выборы Главы администрации Ульяновской области 2004 года. Таким образом, всего нами рассматриваются 72 избирательные кампании по выборам глав регионов, проходившие с августа 1995 года по февраль 2005 года в два тура. В таблице 5.18 показано, как зависела частота побед во втором туре кандидата, лидировавшего в первом туре, от его результата в первом туре.

**Таблица 5.18. Результаты второго тура
выборов глав регионов в зависимости
от результатов первого тура**

Доля голосов, полученных победителем первого тура	Всего кампаний	Во втором туре победил кандидат, лидировавший в первом туре	
		число	доля
45–50%	15	14	93,3%
40–45%	19	17	89,5%
35–40%	14	10	71,4%
меньше 35%	24	11	45,8%

¹ Любарев А. Как в России выбирают губернаторов // Российская Федерация сегодня. 2004. № 10. С. 36; Любарев А. Е. Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства: российский опыт // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 74–86.

Как видно из таблицы, если в первом туре победитель получал меньше 35%, шансы лидера и его соперника на победу во втором туре оказывались примерно равны. Если же у лидера 35–40%, то его шансы были значительно выше, но все же еще очень далеки до 100%. Поражение же кандидата, получившего в первом туре более 40%, было маловероятно.

И все же такое иногда случалось. Рассмотрим эти три случая подробнее.

Один из них можно считать пограничным: В. В. Хабаров лидировал в первом туре выборов Главы администрации Ненецкого автономного округа 1 декабря 1996 года с результатом 40,6% (то есть лишь чуть выше 40%), а во втором (13 декабря) проиграл В. Я. Бутову (получившему в первом туре 22,0%). Однако стоит отметить, что результат Хабарова во втором туре снизился по сравнению с первым как в абсолютных (с 7451 до 7056 голосов), так и в относительных (до 40,3%) величинах.

Два других случая имели место тогда, когда первый тур губернаторских выборов был совмещен с федеральными выборами. В обоих случаях во втором туре явка была существенно ниже, чем в первом — это связано с тем, что интерес избирателей к федеральным выборам обычно выше, чем к региональным¹. Данное снижение приводило к тому, что победитель второго тура получал в абсолютных числах меньше, чем его соперник в первом.

Так, в первом туре выборов Главы администрации Тамбовской области 17 декабря 1995 года (совмещенном с выборами в Государственную Думу) действующий глава О. И. Бетин лидировал с 278 283 голосами (42,0%), вторым был А. И. Рябов (36,8%). Но во втором туре, когда явка снизилась с 68,9% до 52,7%, по-

¹ Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // Социодинамика. 2013. № 8. С. 138–209.

беду одержал Рябов, получивший всего 268 221 голос. Любопытно, что в 1999 году Бетин взял реванш — уникальный случай в российской практике.

Аналогичной была и ситуация на получивших широкий резонанс выборах Губернатора Алтайского края. В первом туре 14 марта 2004 года (совмещенном с президентскими выборами) лидировал действующий губернатор А. А. Суриков с 609 001 голосом (47,5%), вторым был известный артист М. С. Евдокимов (39,5%). Во втором туре 4 апреля явка снизилась с 64,1% до 57,5%, и за победившего Евдокимова проголосовало лишь 569 035 избирателей. Впрочем, результат Сурикова снизился и в относительных величинах (до 46,3%).

Количество выборов глав муниципальных образований, прошедших в два тура, значительно больше. Для исследования мы ограничились выборами глав муниципальных районов, городских округов и городских поселений с числом избирателей более 20 тысяч, прошедших начиная с декабря 2003 года (когда результаты выборов стали отражаться на интернет-портале ЦИК России) по декабрь 2013 года.

Всего на указанном ресурсе найдены данные о 170 таких кампаниях. Из них мы исключили из рассмотрения 8 — две кампании, где во втором туре победил «кандидат против всех» (Дальнегорск, Приморский край, январь 2005 года; Мегион, Ханты-Мансийский автономный округ, апрель 2005 года), четыре кампании, где была отменена регистрация одного из кандидатов, вышедших во второй тур (Владивосток, июль 2004 года; Оловяннинский район, Читинская область, ноябрь 2004 года; Богучанский район, Красноярский край, май 2005 года; Партизанск, Приморский край, март 2009 года), и две кампании, где результаты выборов были отменены судом из-за подкупа избирателей (Багратионовский район, Ка-

лининградская область, март 2004 года; Дальнегорск, Приморский край, октябрь 2005 года).

Полученный массив из 162 кампаний охватывает 26 субъектов Российской Федерации (3 республики, 7 краев, 15 областей и автономный округ), включает 93 района и 69 городов. Временной расклад следующий (по дате первого тура): декабрь 2003 года и 2004 год — 48 кампаний, 2005 год — 36 кампаний, 2006 год — 13 кампаний, 2007 год — 14 кампаний, 2008 год — 9 кампаний, 2009 год — 16 кампаний, 2010 год — 10 кампаний, 2011 год — 6 кампаний, 2012 год — 8 кампаний, 2013 год — 2 кампании (уменьшение числа кампаний со временем свидетельствует, по-видимому, в первую очередь о сокращении применения системы абсолютного большинства). В 2006 году было отменено голосование «против всех»; в нашем массиве в 94 кампаниях использовалось такое голосование, а в 68 не использовалось. В 37 кампаниях первый тур был совмещен с датой голосования на федеральных выборах.

В первую очередь нас интересовало, как изменилась активность избирателей во втором туре. Оказалось, что в 46 случаях число избирателей, принявших участие в голосовании, увеличилось во втором туре по сравнению с первым, а в 116 случаях — уменьшилось. При этом во всех 37 случаях совмещения первого тура с федеральными выборами активность снизилась. Таким образом, если рассматривать только несовмещенные выборы, то активность уменьшилась в 63% кампаний и увеличилась в 37% (соотношение близко к «золотому сечению»).

Следующий вопрос: что происходит во втором туре с поддержкой двух оставшихся кандидатов? Смысл второго тура именно в том, что оба кандидата в той или иной пропорции получают поддержку избирателей, которые в первом туре голосовали за

других кандидатов. Иными словами, в теории поддержка обоих кандидатов должна вырасти.

В большинстве случаев так и происходит. Однако есть немало исключений. Анализ показал, что в 33 кампаниях снизилась в абсолютных показателях (то есть в количестве полученных голосов) поддержка кандидата, занявшего в первом туре первое место, в 21 кампании — кандидата, занявшего в первом туре второе место, причем в семи кампаниях снизились абсолютные показатели у обоих. Во всех семи случаях снижение явки во втором туре превышало 20% от первоначального показателя явки. Из них в пяти первом туре был совмещен с федеральными выборами.

Гораздо реже встречались ситуации со снижением поддержки кандидатов в относительных показателях (то есть в процентах голосов от числа проголосовавших избирателей). В восьми кампаниях такое произошло с кандидатом, занявшим в первом туре второе место, причем во всех этих случаях у него снизился также абсолютный показатель. В десяти кампаниях относительный показатель снизился у кандидата, занявшего в первом туре первое место, из них в шести у него также снизился абсолютный показатель.

Далее, как и в случае губернаторских выборов, интересны ситуации, когда кандидат, лидировавший в первом туре, проигрывал во втором. Таких случаев оказалось 35. В таблице 5.19 показано, как зависела частота побед во втором туре кандидата, лидировавшего в первом туре, от его результата в первом туре.

Данные, представленные в таблице 5.19, несколько отличаются от аналогичных данных по губернаторским выборам, однако тенденции точно такие же. Чем ниже результат лидера в первом туре, тем выше шансы его проигрыша. При этом данные за период, когда было голосование «против всех», мало отличаются от данных за последующий период.

Таблица 5.19. Результаты второго тура выборов глав муниципальных образований в зависимости от результатов первого тура

Доля голосов, полученных победителем первого тура	Всего кампаний	Во втором туре победил кандидат, лидировавший в первом туре	
		число	доля
45–50%	36	32	88,9%
40–45%	35	30	85,7%
35–40%	28	21	75,0%
30–35%	36	26	72,2%
меньше 30%	27	18	66,7%

Зависимость результатов второго тура от разрыва голосов между лидерами в первом туре оказалась еще более резкой (см. таблицу 5.20). При разрыве менее 10% шансы поражения лидера первого тура довольно высоки, при разрыве более 15% они весьма низкие.

Таблица 5.20. Результаты второго тура выборов глав муниципальных образований в зависимости от разрыва между лидерами в первом туре

Разрыв в процентах голосов, полученных кандидатами, вышедшими во второй тур	Всего кампаний	Во втором туре победил кандидат, лидировавший в первом туре	
		число	доля
меньше 5%	44	30	68,2%
5–10%	36	21	58,3%
10–15%	29	24	82,8%
15–20%	18	18	100%
больше 20%	35	34	97,1%

Проанализируем более детально те редкие случаи, когда кандидату, занявшему второе место, удалось преодолеть разрыв более 10% или когда проиграл кандидат, получивший в первом туре более 40%. Таких случаев всего 11, причем в четырех имели место обе аномалии, в двух — только преодоление разрыва более 10% и еще в пяти — только проигрыш кандидата, получившего в первом туре более 40%.

В четырех случаях имело место совмещение выборов, и в результате во втором туре была снижена активность избирателей:

1) Спасский район Рязанской области — в первом туре 14 марта 2004 года участвовало 17535 избирателей, лидировал руководитель Дирекции благоустройства города Рязани Д. В. Диргин с 7513 голосами (42,85%), глава района В. В. Анохов оказался на втором месте с 6186 голосами (35,28%). Во втором туре 28 марта активность избирателей снизилась до 16606, Диргин потерял 68 голосов, а Анохов прибавил 1836, в результате у Анохова 48,31%, а у Диргина — только 44,83%.

2) Ярославский район Ярославской области — в первом туре 14 марта 2004 года участвовало 22747 избирателей, лидировал глава района В. А. Дружицкий с 7940 голосами (34,91%), второе место занял директор Ярославского НИИ автоматизации перспективных технологий сельского хозяйства В. И. Мильто с 5026 голосами (22,10%). Во втором туре 28 марта активность избирателей снизилась до 16667, Дружицкий потерял 381 голос, а Мильто прибавил 2649 голосов, в результате у Мильто 46,05%, а у Дружицкого — только 45,35%. Однако Мильто во втором туре получил 7675 голосов, что ниже абсолютного результата Дружицкого в первом туре.

3) Нытвенский район Пермского края — в первом туре 2 декабря 2007 года участвовало 21290 избирате-

лей, лидировал зам. руководителя администрации губернатора Пермского края А.Л. Каменев с 10378 голосами (48,75%), второе место занял зам. главного механика ОАО «Нытва» В.Г. Трефилов с 8641 голосом (40,59%). Во втором туре 16 декабря активность избирателей снизилась до 16122, Каменев потерял 2755 голосов, а Трефилов — 365, в результате у Трефилова 51,33%, а у Каменева — 47,28% (то есть меньше, чем в первом туре, и в относительных величинах). При этом поддержка Трефилова в абсолютных числах (8276 голосов) значительно ниже результата Каменева в первом туре.

4) Сквородинский район Амурской области — в первом туре 2 декабря 2007 года участвовало 13556 избирателей, лидировал выдвиженец «Единой России» и.о. главы района Е.Н. Старков с 6248 голосами (46,09%), вторым был зав. производственной базой ООО «Капстрой» В.В. Гляков с 5463 голосами (40,30%). Во втором туре 16 декабря активность избирателей снизилась до 7676, Старков потерял 3421 голос (то есть более половины голосов), Гляков потерял 769 голосов, в результате у Глякова 61,15%, а у Старкова — всего 36,83%. Однако поддержка Глякова в абсолютных числах (4694 голоса) значительно ниже результата Старкова в первом туре.

Еще в одном случае активность избирателей во втором туре существенно снизилась, хотя первый тур не был совмещенным (снижение явки, вероятно, связано с неудачной датой выборов):

5) Рыбинский район Ярославской области — в первом туре 25 декабря 2005 года участвовало 11329 избирателей, лидировал глава Тихменевской поселковой администрации М.А. Качков с 4364 голосами (38,52%), вторым был зам. генерального директора ЗАО «Рыбинскхлебопродукт» А.Н. Китаев с 2970 голосами (26,22%). Во втором туре 22 января 2006 года

активность избирателей снизилась до 9786, Качков потерял 694 голоса, а Китаев прибавил 2396 голосов, в результате у Китаева 54,83%, а у Качкова — 37,50% (то есть меньше, чем в первом туре, и в относительных величинах).

В четырех случаях, напротив, явка во втором туре существенно выросла — в основном за счет мобилизации сторонников кандидата, занявшего в первом туре второе место:

6) Нефтегорский район Самарской области — в первом туре 4 июля 2004 года участвовало 10 711 избирателей, лидировал зам. начальника Филиала СМУ-1 ООО «Самаранефтепромстрой» Б. К. Досов с 5090 голосами (47,52%), глава района С. Н. Афанасьев был вторым с 4714 голосами (44,01%). Во втором туре 18 июля активность избирателей выросла до 12 306, при этом у Афанасьева прибавка составила 1261 голос, а у Досова — только 539, в результате Афанасьев победил с 48,55%, а Досов получил лишь 45,74% (то есть в относительных величинах меньше, чем в первом туре).

7) Печенгский район Мурманской области — в первом туре 30 октября 2005 года участвовало 11 693 избирателя, лидировал глава района А. А. Иванов с 4689 голосами (40,10%), вторым был начальник рудника «Центральный» В. С. Маврин с 3410 голосами (29,16%). Во втором туре 13 ноября явка выросла до 14 765, при этом Маврин прибавил 3637 голосов, а Иванов — 1267, в результате Маврин победил с 47,73%, а Иванов получил 40,34%.

8) Куединский район Пермского края — в первом туре 1 марта 2009 года участвовало 10 624 избирателя, лидировал старший государственный инспектор Россельхознадзора П. В. Трегубов с 4900 голосами (46,12%), выдвиженец «Единой России» глава района А. П. Макаров был вторым с 4879 голосами (45,92%). Во втором туре 15 марта явка выросла до

13825, Макаров прибавил 3001 голос, а Трегубов — 810, в результате Макаров победил с 57,00%, а Трегубов получил лишь 41,30% (то есть в относительных величинах меньше, чем в первом туре).

9) Бердск Новосибирской области — в первом туре 13 марта 2011 года участвовало 29619 избирателей, лидировал выдвиженец «Единой России» первый зам. главы В. В. Штоп с 12618 голосами (42,60%), вторым был выдвиженец КПРФ ведущий программист СО РАН И. Н. Потапов с 9125 голосами (30,81%). Во втором туре 27 марта активность избирателей выросла до 31942, Потапов прибавил 9934 голоса (больше, чем получил в первом туре), а Штоп потерял 557 голосов, в результате Потапов победил с 59,67%, а Штоп получил лишь 37,76%.

В двух остальных случаях явка в обоих турах была примерно равной:

10) Сосновский район Тамбовской области — в первом туре 5 декабря 2004 года участвовало 13800 избирателей, лидировал председатель СХПК «Дегтянский» В. И. Дементьев с 6126 голосами (44,39%), вторым был лесничий В. В. Зенкин с 3358 голосами (24,33%). Во втором туре 19 декабря явка чуть выросла — до 14153, при этом Зенкин прибавил 3926 голосов, а Дементьев потерял 27 голосов, в результате Зенкин победил с 51,47%, а Дементьев получил лишь 43,09%.

11) Кизеловский район Пермского края — в первом туре 12 марта 2006 года участвовало 13154 избирателя, лидировал глава района А. Н. Гаврилов с 5524 голосами (41,99%), вторым был генеральный директор ЗАО «Сервисное строительство» И. Е. Штэнник с 4100 голосами (31,17%). Во втором туре явка снизилась всего на 20 человек, Штэнник прибавил 2106 голосов, а Гаврилов — только 585, в результате Штэнник получил 47,25%, а Гаврилов — 46,51%.

Таким образом, почти все случаи с аномальными результатами связаны с изменением поведения избирателей во втором туре. В 9 случаях из 11 активность избирателей в первом и втором турах существенно различалась. В двух случаях победитель первого тура получил во втором меньшее число голосов, еще в двух он получил меньший процент голосов, а в пяти случаях его результат во втором туре был меньше, чем в первом, как в абсолютных, так и в относительных величинах. В трех случаях победитель второго тура получил в этом туре меньшее количество голосов, чем его соперник в первом туре.

Существует мнение, что система абсолютного большинства невыгодна власти, поскольку в первом туре ее ставленник собирает все голоса провластного избирательного блока, а во втором туре происходит консолидация оппозиции и голоса выбывших кандидатов достаются сопернику ставленника власти. Наш анализ показал, что так происходит в большинстве случаев, но не во всех.

Из 35 кампаний, где во втором туре победил кандидат, занявший в первом туре второе место, в семи мы не смогли определить явного ставленника власти во втором туре (Кунгур, Пермский край, 2004 год; Сосновский район, Тамбовская область, 2004 год; Пожарский район, Приморский край, 2005 год; Переялоцкий район, Оренбургская область, 2005 год; Рыбинский район, Ярославская область, 2005–2006 годы; Рубцовск, Алтайский край, 2008 год; Дзержинск, Нижегородская область, 2010 год). Также мы исключаем выборы главы Мурманска 2009 года, где главе города выдвинулся «Единой России» М. Ю. Савченко противостоял ставленник областной власти вице-губернатор С. А. Субботин.

В остальных 27 кампаниях был явный ставленник власти — глава муниципального образования, и.о.

или зам. главы, глава или зам. главы муниципального образования нижнего уровня — районного центра, либо сотрудник региональной администрации. В большинстве случаев они шли как самовыдвиженцы, но в 8 кампаниях (начиная с 2007 года) выдвигались «Единой Россией».

Из этих 27 кампаний в 6 провластный кандидат занимал в первом туре второе место, а во втором побеждал. В остальных случаях (21 кампания), наоборот, ставленник власти, лидировавший в первом туре, проигрывал во втором.

Отдельного рассмотрения требует недавний случай губернаторских выборов в Иркутской области. В первом туре, прошедшем 13 сентября 2015 года, лидировал кандидат «Единой России» и.о. губернатора С. В. Ерощенко, получивший 270 526 голосов (49,60%). На втором месте был кандидат КПРФ С. Г. Левченко — 199 702 голоса (36,61%). Таким образом, Ерощенко, не дотянувший до заветной половины всего 0,4%, опережал Левченко на 13% голосов, и с точки зрения теории его победа во втором туре была запрограммирована.

Однако, как и в большинстве других аномальных случаев, здесь решающую роль сыграло изменение активности избирателей. Явка в первом туре составила всего 29,2%. Несомненно, что одной из основных причин неучастия значительного числа избирателей в первом туре было неверие в возможность сменить власть путем выборов. Результат первого тура у многих жителей Иркутской области (в первую очередь у жителей Иркутска и ряда других городов) возродил веру в выборы. И немалая их часть пошла голосовать во втором туре за оппозиционного кандидата.

В результате явка при повторном голосовании выросла до 37,2%. С. В. Ерощенко прибавил 18 401 голос, но в относительных величинах его результат сни-

зился до 41,46%. Прибавка С. Г. Левченко оказалась внушительной — за него проголосовало 392 942 избирателя (56,39%), или на 193 240 человек больше, чем в первом туре¹.

Как отмечалось в разделе 3.2, помимо системы абсолютного большинства, требующей для избрания в первом туре получения кандидатом не менее 50% голосов, существуют более мягкие модели, предусматривающие избрание в первом туре лидера, получившего больше заранее определенной доли голосов. Так, в Аргентине для избрания в первом туре лидеру необходимо получить либо более 45% голосов, либо более 40% голосов при условии отрыва от следующего кандидата более чем на 10%. Наше исследование показывает разумность таких моделей. Полагаем, что нет смысла в проведении второго тура выборов в тех случаях, когда победа в нем кандидата, лидирующего в первом туре, очевидна.

Наш анализ показал, что вероятность победы во втором туре кандидата сильно зависит от его результата в первом туре и его отрыва от основного соперника. Как показано в таблице 5.18, на губернаторских выборах кандидат, лидировавший в первом туре с результатом менее 35%, примерно в половине случаев проигрывал второй тур. На выборах глав муниципальных образований (таблица 5.19) кандидаты, лидировавшие в первом туре с результатом менее 30%, терпели поражение во втором туре в одной трети кампаний, с результатом между 30 и 35% — более чем в четверти кампаний. Поэтому полагаем недопустимым считать избранным в первом туре кандидата, получившего менее 35% голосов избирателей. Так же

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 463–470.

высоки шансы на проигрыш во втором туре кандидата, оторвавшегося в первом туре от своего соперника менее чем на 10% (таблица 5.20).

По-видимому, наиболее целесообразно включать в условие избрания кандидата в первом туре оба параметра — его результат в первом туре (в процентах от числа проголосовавших избирателей) и его отрыв от основного соперника (в тех же процентах). Примером могут быть отмеченный выше аргентинский критерий или предложенный нами¹ более жесткий критерий — получение лидером первого тура не менее 45% с отрывом от соперника не менее чем на 10%, либо не менее 40% голосов с отрывом не менее чем на 15%.

Если ориентироваться на использованный нами массив муниципальных выборов (162 кампании), то расчет показывает: применение аргентинского критерия позволило бы избежать второго тура в 63 случаях (39% кампаний), но при этом в восьми случаях это привело бы к победе кандидата, который проиграл во втором туре. Применение более жесткого критерия позволило бы избежать второго тура в 45 случаях (28% кампаний), при этом только в одном случае это привело бы к избранию другого кандидата (явно аномальные выборы в Сосновском районе Тамбовской области).

Впрочем, остается дискуссионным вопрос: всегда ли можно считать результат второго тура более справедливым, более соответствующим воле избирателей, чем результат первого тура? Особенно это касается выявленных нами случаев, когда победитель второго тура получает в нем меньше голосов, чем было у лидера в первом туре.

¹ Любарев А. Е. Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства: российский опыт // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 74–86.

Есть сомнения и в отношении ситуаций, когда лидер первого тура теряет поддержку избирателей во втором туре. Ведь смысл выборов состоит в выявлении осознанных и устойчивых предпочтений избирателей. Если же существенная часть избирателей меняет свою позицию всего через две-три недели, то результат таких выборов вряд ли можно расценивать как выявленную волю избирателей.

Однако иркутский казус свидетельствует о том, что введение мягких моделей (вроде аргентинской) на губернаторских выборах преждевременно в условиях, когда избиратели утрачивают веру в свою возможность повлиять на результаты выборов. Или, по крайней мере, для избрания кандидата в первом туре необходимо добавить еще одно требование — минимальный порог явки.

Однако на выборах глав российских муниципальных образований, где от системы с перебаллотировкой практически повсеместно отказались, введение таких мягких моделей может стать альтернативой возвращению системы абсолютного большинства. Похожая проблема есть и на Украине, где на выборах глав городов с числом избирателей более 90 тысяч в 2015 году использовалась система абсолютного большинства, а на выборах глав меньших городов — система относительного большинства. В результате в некоторых небольших городах были избраны кандидаты, получившие всего 16–30% при отрыве от основного соперника менее 2%, что вызывает естественные сомнения в их легитимности¹.

¹ Любарев А. Законодательство Украины о местных выборах и его применение на выборах 25 октября 2015 года (http://www.epde.org/tl_files/EPDE/EPDE%20PRESS%20RELEASES/IMC%20UA%202014/Liubarev_Elections_in_Ukraine_2015_RU.pdf).

5.3.2. Исследования блоковой системы

При использовании избирательных систем, предусматривающих одобрительное голосование за кандидатов (блоковой и системы ограниченного вотума) интерес представляет вопрос, насколько полно избиратели пользуются предоставленными им голосами. Для этой цели мы ввели *коэффициент использования голосов избирателями*. Он вычислялся как сумма голосов всех избирателей округа, поданных за кандидатов, деленная на число голосов, которые имел избиратель, и на разность между числом действительных бюллетеней и числом голосов «против всех» (если нет строки «против всех», нужно просто делить на число действительных бюллетеней).

Расчет этого коэффициента был первоначально использован при анализе выборов советников районных собраний в Москве 1997 и 1999 годов. Для выборов 1997 года были получены следующие результаты. В Южном административном округе, где все районы были разделены на несколько избирательных округов с числом мандатов, не превышающим 6, этот показатель менялся от 0,62 до 0,94. В Юго-Западном административном округе, где каждый район представлял единый избирательный округ с числом мандатов от 10 до 18, коэффициент использования голосов составлял от 0,55 до 0,76. В тех районах Центрального административного округа, которые были разделены на несколько избирательных округов, данный коэффициент изменялся 0,69 до 0,87, а в тех районах, которые представляли единый избирательный округ, — от 0,63 до 0,71.

На выборах 1999 года наиболее высоким (0,83) коэффициент использования голосов избирателями оказался в пятиMANDATном округе № 2 района Куркино (фактически сельский район, расположенный

за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги, МКАД). Из округов, расположенных в пределах МКАД, наибольшим (0,79) данный коэффициент был в трехмандатном округе № 4 района Фили — Да-выдково. Наименьшее значение коэффициента (0,34) зафиксировано в пятимандатном округе № 2 района Люблино. В 52 округах из 351 коэффициент использования голосов избирателями был ниже 0,5. Еще в 149 округах этот коэффициент оказался между 0,5 и 0,6. При этом данный коэффициент имел значимую положительную корреляцию (0,33) со степенью конкуренции (отношением числа кандидатов к числу мандатов)¹.

Данные о коэффициенте использования голосов избирателями на некоторых выборах, проходивших с 2003 года, представлены в таблице 5.21.

Как видно из таблицы, коэффициент использования голосов избирателями везде весьма далек от единицы, лишь в редких случаях он немного превышал 0,8. Иными словами, заметная часть избирателей не использовала все имеющиеся у нее голоса. Для двухмандатных округов мы можем вычислить долю избирателей, которые использовали только один голос. Она составляет удвоенную разность между единицей и нашим коэффициентом. В Амурской области эта доля составила от 32 до 58%, в Мурманской области — от 42 до 60%, в Мурманске — от 38 до 55%.

Коэффициент корреляции между числом кандидатов и коэффициентом использования голосов избирателями оказался значимым (с точки зрения 5-процентного критерия) только в Амурской области (0,752); в Мурманской области его значение составило 0,578, в Мурманске — только 0,242, а в Туле корреляции вообще не наблюдалось (0,007).

¹ Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 225, 278–279.

Таблица 5.21. Коэффициент использования голосов избирателями при использовании блоковой системы на различных выборах, проходивших с 2003 по 2014 год

Территория	Год	Округа	Коэффициент
Республика Калмыкия	2003	3 четырехмандатных	0,72–0,74
Корякский автономный округ	2004	1 пятимандатный	0,67
Амурская область	2005	9 двухмандатных	0,71–0,84
Мурманская область	2007	8 двухмандатных	0,70–0,79
Черганово Центральное (внутригородское муниципальное образование г. Москвы)	2004		0,68–0,81
	2008	3 четырехмандатных	0,67–0,76
	2012		0,55–0,63
Роговское поселение (в 2009 – Московская область, в 2014 – Москва)	2009	1 десятимандатный	0,79
	2014		0,81
Андреапольский район Тверской области	2014	3 двухмандатных	0,64–0,76
Весьегонский район Тверской области	2014	5 трехмандатных	0,59–0,68
Фировский район Тверской области	2014	4 четырехмандатных	0,55–0,73
Торжокский район Тверской области	2014	3 пятимандатных	0,62–0,64
Мурманск	2014	11 двухмандатных	0,72–0,81
Тюла	2014	7 пятимандатных	0,53–0,67

5.3.3. Исследования расщепления голосов в смешанных системах

Общим для параллельных систем (описанных в подразделе 3.7.1) и двухголосых связанных смешанных систем (описанных в подразделе 3.7.2) является двойное голосование: один голос подается за кандидата (партийного или непартийного) в одномандатном избирательном округе, другой — за партийный список в многомандатном (возможно, в едином) избирательном округе. Это позволяет избирателю голосовать одновременно за список одной партии и за кандидата от другой партии (или непартийного кандидата). Такое поведение избирателей получило название «расщепление» голосов (*splitting, шплинтинг*)¹.

Исследования расщепления голосов на выборах в германский бундестаг были начаты еще в 1980-е годы². Однако в этих публикациях речь шла лишь о трех ведущих партиях. На российских выборах расщепление голосов было затронуто в работе М. В. Григорьевой, однако оно касалось лишь инкумбентов³.

¹ Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 142–144; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 175; Любарев А. Е. Сравнение германской и российской избирательных систем // Вопросы права и политики. 2013. № 11. С. 1–29.

² Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // Electoral Studies. 1988. 7. P. 109–124.

³ Григорьева М. В. Действующие депутаты на выборах региональных законодательных собраний (на примере Самарской и Ульяновской областей) // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 54–62; Григорьева М. В. Регио-

В нашей работе была предпринята попытка исследовать расщепление голосов более комплексно. Оно касалось нескольких стран (Германия, Россия, Украина), большого числа партий и выборов разных лет. Помимо общенациональных выборов исследовались и выборы регионального уровня¹.

Метод исследования основан на сравнении результатов, полученных списками и кандидатами от одной партии на одних и тех же выборах в одном и том же одномандатном избирательном округе. Результаты выражаются в проценте голосов от числа действительных бюллетеней либо от числа избирателей, принявших участие в голосовании. Это зависит от того, в каком виде проценты голосов официально представляются в той или иной стране. Выборочная проверка показала, что на общую картину и выводы указанное различие не влияет. На любых выборах анализировалась информация по партиям, от которых баллотировалось не менее трех кандидатов.

Главный показатель, использованный в предшествующих работах², — индекс разрыва голосов (vote

нальные и муниципальные депутаты на выборах законодательных собраний российских регионов: факторы успеха в условиях изменения избирательного законодательства, 2003–2011 (кросс-региональное исследование). Дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук. СПб., 2013. С. 101–103.

¹ Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

² Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Br. J. Pol. Sci. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505; Григорьева М. В. Действующие депутаты на выборах региональных законодательных собраний (на примере Самарской и Ульяновской областей) // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 61; Григорьева М. В. Региональные и муниципальные депутаты на выборах законодательных

gap), ИРГ. Он вычисляется как разность между результатом кандидата и результатом партийного списка (для простоты далее будем называть его результатом партии). Этот индекс имеет положительные значения, если результат кандидата выше результата партии в этом же одномандатном округе, и отрицательные — если ниже. Индекс этот первоначально вычисляется отдельно для каждого одномандатного округа. Мы используем средние значения данного индекса — среднее арифметическое по всем одномандатным округам, в которых баллотировались кандидаты от соответствующей партии (ИРГ_{ср}).

Еще один показатель, использованный ранее¹, — доля одномандатных округов, в которых результат кандидата выше результата партии. Мы назвали его индексом превосходства кандидатов (ИПК).

Анализ показал, что распределение значений ИРГ по одномандатным округам для разных партий различается. В одних случаях оно достаточно равномерное. В иных случаях мы видим отдельных популярных кандидатов, результаты которых значительно превосходят результат партии, в то время как у большинства других кандидатов разрыв невелик или даже отрицателен. Для того чтобы различать эти случаи, мы использовали еще один показатель — асимметрию, который вычисляется как стандартная функция по формуле:

собраний российских регионов: факторы успеха в условиях изменения избирательного законодательства, 2003–2011 (кросс-региональное исследование). Дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук. СПб., 2013. С. 101–103.

¹ Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Br. J. Pol. Sci. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505.

$$n/[(n-1)(n-2)]^* \Sigma [(x_i - x_{cp})/s]^3,$$

где n — число округов, в которых баллотировались кандидаты партии, x_i — значение ИРГ в i -м округе, x_{cp} — ИРГ_{cp}, s — стандартное отклонение распределения значений ИРГ.

Вычисляются также коэффициент корреляции между результатами кандидатов и партии в разрезе одномандатных округов, а также показатель, отражающий влияние кандидатов, баллотирующихся от партии, на результат этой партии в соответствующих одномандатных округах. Этот показатель, названный нами индексом влияния кандидатов (ИВК), вычислялся как отношение среднего результата партии в округах, где баллотировались ее кандидаты, к среднему результату партии в округах, где у нее не было своих кандидатов¹.

Для выборов в германский бундестаг наиболее интересна динамика индексов четырех основных партий — Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Христианско-демократического союза (ХДС), Христианско-социального союза (ХСС) и Свободной демократической партии (СвДП). Мы вычисляли индексы начиная с выборов в бундестаг 1961 года, когда сложилась система, при которой в бундестаге были представлены только эти четыре партии, причем ни одна из них не получала абсолютного большинства голосов и мандатов (система действовала до 1983 года, когда в бундестаг прорвались зеленые). Результаты кандидатов и партий счи-

¹ Аналогичный подход (но без вычисления коэффициента) использовался при анализе выборов в Государственную Думу 1995 года в работе: Яргомская Н. Б. Избирательная система и политическая фрагментация // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. С. 160–173.

тались в процентах от числа действительных бюллетеней.

Динамика изменений ИРГ_{ср} и ИПК на выборах в бундестаг приведена в таблице 5.22. Как уже было показано ранее, СДПГ, ХДС и ХСС неизменно имели положительное значение ИРГ_{ср}, а СвДП — отрицательное. Это связано в основном со «стратегическим» голосованием части избирателей СвДП: понимая, что у кандидатов этой партии в одномандатных округах практически нет шансов победить (то есть опередить кандидатов ведущих партий — СДПГ и ХДС или ХСС), они голосовали за кандидатов этих ведущих партий¹.

Таблица 5.22. Динамика изменений индексов разрыва голосов и превосходства кандидатов основных партий на выборах в бундестаг

Год	СДПГ		ХДС		ХСС		СвДП	
	ИРГ _{ср}	ИПК	ИРГ _{ср}	ИПК	ИРГ _{ср}	ИПК	ИРГ _{ср}	ИПК
1961	0,24%	69%	0,76%	87%	0,67%	81%	-0,71%	12%
1965	0,80%	88%	1,22%	89%	1,18%	84%	-1,58%	3%
1969	1,36%	86%	0,55%	76%	0,02%	50%	-1,00%	9%
1972	2,96%	94%	0,53%	87%	0,37%	73%	-3,50%	2%
1976	1,11%	88%	0,32%	75%	0,00%	50%	-1,49%	6%
1980	1,59%	87%	1,68%	100%	0,84%	82%	-3,42%	2%
1983	2,20%	98%	3,50%	100%	2,74%	98%	-4,13%	0%
1987	2,14%	94%	3,73%	100%	2,31%	91%	-4,39%	0%

¹ Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // Br. J. Pol. Sci. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505; Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // Electoral Studies. 1988. 7. P. 109–124.

1990	1,67%	83%	1,76%	90%	2,08%	91%	-3,16%	6%
1994	1,92%	85%	3,45%	94%	3,52%	98%	-3,43%	4%
1998	2,91%	90%	4,44%	98%	4,10%	96%	-3,10%	3%
2002	3,33%	83%	2,95%	98%	0,31%	52%	-1,59%	12%
2005	4,15%	91%	5,64%	100%	5,74%	98%	-5,10%	1%
2009	4,85%	94%	5,55%	96%	5,58%	100%	-5,07%	1%
2013	3,70%	90%	3,59%	94%	4,62%	100%	-2,37%	1%

Аналогично, ИПК у СДПГ, ХДС и ХСС обычно превышал 80% (лишь у ХСС он изредка опускался до 50%), достигая иногда 100%, а у СвДП этот показатель лишь дважды достигал 12%, а в остальные годы был ниже 10%, вплоть до 0% в 1980-е годы. Динамика показателей ИРГ_{cp} и ИПК весьма неровная, тем не менее видна тенденция к их повышению у СДПГ, ХДС и ХСС и к снижению у СвДП.

Уже было отмечено¹, что избиратели СвДП предпочитали голосовать за кандидатов той партии, с которой СвДП планировала вступить в коалицию. В связи с этим интересно сравнить показатели ИРГ_{cp} у СДПГ и ХДС в разные годы. До 1969 года СвДП вступала в коалицию с ХДС/ХСС, и в 1961 и 1965 годах ИРГ_{cp} у СДПГ ниже, чем у ХДС. В 1969–1980 годах после выборов формировалась коалиция СДПГ и СвДП, и в 1969, 1972 и 1976 годах ИРГ_{cp} у СДПГ выше, чем у ХДС, а в 1980 году они примерно равны. С 1982 года СвДП вновь становится партнером ХДС/ХСС, и с 1983 года ИРГ_{cp} у СДПГ вновь ниже, чем у ХДС (за исключением 2002 и 2013 годов).

¹ Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // Electoral Studies. 1988. 7. P. 109–124.

Асимметрия распределения значений ИРГ у этих четырех партий в большинстве случаев была по модулю менее 0,5. У СДПГ она превышала по модулю единицу только в 1961 и 1965 годах, у ХДС — только в 1961, 1969, 1972 и 1980 годах, у ХСС — только в 1965, 1987 и 2009 годах, у СвДП — только в 1969 году.

Корреляция между результатами кандидатов и партии у СДПГ, ХДС и ХСС была неизменно высокой: у СДПГ от 0,927 до 0,999, у ХДС от 0,937 до 0,998, у ХСС от 0,896 до 0,997. У СвДП в 1961 году коэффициент корреляции составил 0,985, но затем он стал снижаться и в период 1994–2013 годов составлял от 0,495 до 0,743.

Показатель ИВК у этих четырех партий отсутствует, поскольку они практически всегда выставляли своих кандидатов по всем округам, где был список партии (СДПГ и СвДП — по всем округам, ХДС — по всем округам, кроме баварских, ХСС — по всем баварским округам).

Из других партий наибольший интерес представляют зеленые, проходящие в бундестаг с 1983 года, левые (ранее — Партия демократического социализма, ПДС), представленные в большинстве созывов бундестага после объединения Германии, Национально-демократическая партия (НДП), получавшая на отдельных выборах до 4,3% голосов, Пиратская партия, получившая в 2009 и 2013 годах около 2% голосов, и «Альтернатива для Германии» (АдГ), недотянувшая в 2013 году до 5-процентного барьера всего 0,3%.

Как показал наш анализ, у НДП в 1965 и 1969 годах (на пике ее популярности) кандидаты выступали явно хуже партии, в 1972 году стало немного ровнее, а с 1976 года неизменно результаты кандидатов лучше результата партии.

У зеленых только на первых для партии выборах 1980 года и провальных для нее выборах 1990 года

кандидаты выступали явно лучше партии, а на всех выборах, где партия преодолевала 5-процентный барьер, лучше были результаты партии. В 2000-е годы, после того как зеленые образовали правительственно-ную коалицию с СДПГ, эффект усилился; очевидно, значительная часть избирателей зеленых, как и избирателей СвДП, в одномандатных округах стала применять «стратегическое» голосование.

У ПДС и левых значения ИРГ_{cp} ни разу не превысили по модулю 1% — избиратели голосуют в основном одинаково по персональному и по партийному бюллетеням (партия идеологизированная и в коалиции не вступает). Тем не менее в 2005 году, после объединения ПДС с левыми социал-демократами, положительные значения ИРГ_{cp} сменились отрицательными, а также снизились значения ИПК.

У Пиратской партии в 2009 году и «Альтернативы для Германии» в 2013 году кандидаты выступили хуже партии. В 2013 году кандидаты Пиратской партии уже стали выступать лучше самой партии. Вероятно, здесь играет роль эффекта «новичка»: партия успевает завоевывать в ходе кампании относительную популярность, а кандидаты от нее отстают.

Высокие значения асимметрии характерны для ПДС и левых, позиции которых в восточных землях значительно сильнее, чем в западных. Также у ПДС оказались высокие значения ИВК, поскольку эта партия выдвигала кандидатов преимущественно в восточных землях. После объединения с левыми социал-демократами значения этого показателя существенно снизились. У зеленых асимметрия заметно выросла на выборах 2005 года и продолжает расти.

Что касается партий-аутсайдеров, то для них характерны положительные значения ИРГ_{cp} и высокие (часто 100%) значения ИПК. Так, на выборах 2013 года из 11 партий, получивших 0,3% и менее и выдвинув-

ших более двух одномандатников, 100-процентные значения ИПК имели шесть, остальные пять — от 67 до 98%.

Поскольку в 1990 году произошло объединение Германии, интересно было сравнить, насколько различалось поведение избирателей в 10 западных и 5 восточных землях (Берлин мы не включали ни в западную, ни в восточную часть). Оказалось, что у ХДС и СвДП модуль значения ИРГ_{cp} на западе всегда был больше, чем на востоке. У СДПГ, левых и зеленых ситуация менее однозначная. У СДПГ в 1998 году значение ИРГ_{cp} на западе оказалось меньше, чем на востоке, а на следующих выборах этот показатель на востоке резко снизился до отрицательного значения. У ПДС, напротив, в 2002 году значение ИРГ_{cp} на востоке оказалось положительным и довольно высоким. Учитывая, что в 2002 году ПДС не преодолела 5-процентный барьер, эти цифры свидетельствуют, скорее всего, о «стратегическом» голосовании сторонников ПДС на востоке за список СДПГ. У зеленых только в 1994 году значение ИРГ_{cp} на востоке было положительным¹.

Данные об итогах голосования на выборах в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов взяты из официальных сборников эlectorальной статистики, издаваемых ЦИК России². Результаты кандида-

¹ Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

² Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: Электоральная статистика. М., 1996. С. 103–144, 163–198; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1999: Электоральная статистика. М., 2000. С. 138–171, 182–208; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2003: Электоральная статистика. М., 2004. С. 155–190, 199–230.

тов и партий считались в процентах от числа избирателей, принявших участие в голосовании.

В таблице 5.23 приведены значения показателей ИРГ_{ср}, ИПК и асимметрии на выборах в Государственную Думу 1995 года для всех партий и блоков, выдвигавших не менее трех одномандатников.

Таблица 5.23. Показатели расщепления голосов избирательных объединений и блоков на выборах в Государственную Думу 1995 года

Партия (блок)	Доля голосов	Число кандидатов	ИРГ _{ср}	ИПК	Асимметрия
КПРФ	22,30%	130	-1,99%	34%	-0,58
ЛДПР	11,18%	188	-4,79%	5%	-0,45
«Наш дом — Россия»	10,13%	104	2,53%	61%	0,80
«Яблоко»	6,89%	69	0,85%	49%	1,44
«Женщины России»	4,61%	20	5,11%	80%	1,89
КТР — СС	4,53%	64	1,38%	59%	1,21
Конгресс русских общин	4,31%	90	1,48%	41%	2,86
ПСТ	3,98%	27	0,37%	33%	2,43
ДВР — ОД	3,86%	77	3,38%	70%	1,37
Аграрная партия России	3,78%	87	9,05%	92%	1,59
«Держава»	2,57%	25	-0,49%	40%	-1,95
«Вперед, Россия!»	1,94%	67	2,57%	72%	2,78
«Власть — народу!»	1,61%	40	7,33%	93%	2,09
ПГВЛ	1,60%	33	2,93%	88%	2,40
«Союз труда»	1,55%	41	3,19%	90%	1,91
«Кедр»	1,39%	19	3,56%	100%	1,05
Блок Ивана Рыбкина	1,11%	63	4,79%	97%	4,11
Блок Станислава Говорухина	0,99%	25	4,23%	96%	1,93

«Мое Отечество»	0,72%	18	4,53%	83%	1,79
«Общее дело»	0,68%	7	6,52%	100%	2,54
Партия любителей пива	0,62%	11	0,95%	100%	0,08
«Нур» («Свет»)	0,57%	6	-4,16%	67%	-1,62
«Преображение Отечества»	0,49%	15	1,85%	87%	2,63
Блок Джуны	0,47%	3	3,84%	100%	-0,15
ПРЕС	0,36%	23	3,42%	100%	3,25
Ассоциация адвокатов России	0,35%	15	1,80%	100%	0,68
«За Родину!»	0,28%	11	3,98%	100%	0,86
ХДС — ХР	0,28%	13	2,16%	100%	0,44
Блок Дикуля	0,21%	7	2,06%	86%	0,77
«Народный союз»	0,19%	15	1,18%	100%	0,72
«Тихонов — Туполев — Тихонов»	0,15%	5	2,88%	100%	2,14
СРЖКХ	0,14%	6	4,42%	100%	0,91
«Социал-демократы»	0,13%	30	2,41%	97%	2,23
Партия экономической свободы	0,13%	15	4,27%	100%	1,38
РОД	0,12%	18	3,33%	94%	2,65
ФДД	0,12%	11	2,35%	91%	3,01
«Стабильная Россия»	0,12%	18	2,58%	100%	0,60
«Блок независимых»	0,12%	17	6,77%	100%	2,88
«Дума-96»	0,08%	14	2,24%	100%	0,72
«Межнациональный Союз»	0,06%	9	5,92%	100%	2,68
«Поколения рубежа»	0,06%	5	0,84%	100%	0,82
«89 (89 регионов России)»	0,06%	6	9,26%	100%	1,03

Сокращения: ДВР — ОД — избирательный блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы», КТР — СС — избирательный блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», ПГВЛ — избирательный блок «Памфилова — Гуров — Владимир Лысенко», ПРЕС — Партия российского

единства и согласия, ПСТ — Партия самоуправления трудящихся, РОД — Российское общенородное движение, СРЖКХ — Союз работников жилищно-коммунального хозяйства, ФДД — Федерально-демократическое движение, ХДС — ХР — «Христианско-демократический союз — Христиане России».

По показателям ИРГ_{cp} и ИПК все избирательные объединения и блоки можно разделить на пять категорий. К первой категории мы отнесли ЛДПР, у которой результаты партии явно лучше результатов кандидатов (ИРГ_{cp} −4,79%, ИПК 5%). Ко второй категории относятся КПРФ и «Держава», у которых результаты партии также лучше результатов кандидатов, но не столь резко, как у ЛДПР (ИРГ_{cp} −1,99% и −0,49%, ИПК 34% и 40%). Третья категория — партии, результаты которых близки к результатам кандидатов или у которых значения ИРГ_{cp} и ИПК имеют противоположный характер (положительные значения ИРГ_{cp} и ИПК менее 50%). В эту категорию попадают «Яблоко», Конгресс русских общин и Партия самоуправления трудящихся. К четвертой категории относятся избирательные объединения и блоки, у которых результаты немного хуже результатов кандидатов, — движение «Наш дом — Россия» и избирательный блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз» (ИРГ_{cp} 2,53% и 1,38%, ИПК 61% и 59%).

Большая часть избирательных объединений и блоков относится к пятой категории: результаты партии явно хуже результатов кандидатов. Среди них — ряд объединений и блоков, получивших средние результаты («Женщины России», блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы», Аграрная партия России), и все партии-аутсайдеры. Отметим, что у 18 из них значение ИПК равно 100%, то есть все

их кандидаты получили лучший результат, чем партия в соответствующем одномандатном округе.

Высокая степень асимметрии обычно означает, что небольшое число кандидатов (чаще всего один) получили высокие результаты, в то время как основная часть кандидатов довольствовалась результатами, близкими к низким результатам партии. Так, у Блока Ивана Рыбкина А. Н. Чилингаров получил 59,9%, сам И. П. Рыбкин — 29,1%, В. А. Брынцалов — 26,6%, в то время как средний результат кандидатов — 6,6%. Лидер Партии российского единства и согласия С. М. Шахрай получил 28,8% при среднем результате кандидатов этой партии 4,0%.

Похожая ситуация была и на выборах 1999 года (см. таблицу 5.24). Самое низкое значение ИПК (9%) — у Блока Жириновского. Здесь следует сделать оговорку: в связи с тем, что список ЛДПР получил отказ в регистрации, по единому округу в выборах участвовал Блок Жириновского, в то время как в одномандатных округах баллотировались кандидаты от ЛДПР. Мы тем не менее рассматривали их как представителей одной партии.

Таблица 5.24. Показатели расщепления голосов избирательных объединений и блоков на выборах в Государственную Думу 1999 года

Партия (блок)	Доля голосов	Число кандидатов	ИРГ _{ср}	ИПК	Асимметрия
КПРФ	24,29%	129	-3,34%	21%	2,11
«Медведь»	23,32%	31	-9,48%	13%	1,83
«Отечество — Вся Россия»	13,33%	91	3,37%	55%	0,88

Союз правых сил	8,52%	66	-0,23%	45%	0,64
Блок Жириновского (ЛДПР)	5,98%	89	-2,86%	9%	2,26
«Яблоко»	5,93%	114	2,68%	65%	2,14
КТР – СС	2,22%	20	2,48%	70%	0,55
«Женщины России»	2,04%	12	6,52%	100%	1,12
Партия пенсионеров	1,95%	28	3,50%	71%	1,78
«Наш дом – Россия»	1,19%	90	5,66%	91%	2,55
КРО и ДЮБ	0,61%	45	2,71%	87%	3,61
Сталинский блок за СССР	0,61%	7	1,83%	100%	2,35
«За гражданское достоинство»	0,60%	13	2,82%	92%	1,38
«В поддержку армии»	0,58%	20	6,64%	95%	1,74
«Мир. Труд. Май»	0,57%	18	1,26%	83%	2,39
БГАНАСФ	0,56%	68	2,51%	94%	2,70
Российский общенародный союз	0,37%	28	7,09%	100%	1,70
Русская социалистическая партия	0,24%	63	3,53%	94%	2,68
«Русское дело»	0,17%	10	2,12%	100%	1,74
«Духовное наследие»	0,10%	107	1,75%	100%	6,95
Социалистическая партия России	0,09%	6	1,50%	100%	0,35
«Социал-демократы»	0,08%	5	1,05%	100%	1,33

Сокращения: БГАНАСФ – Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова, КРО и ДЮБ – избирательный блок «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», КТР – СС – избирательный блок «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз».

К избирательным объединениям и блокам первой категории (результаты партии явно лучше результатов кандидатов) следует отнести также блок «Мед-

весь» с рекордно низким значением ИРГ_{cp} ($-9,48\%$) и КПРФ, у которой значения ИРГ_{cp} и ИПК снизились по сравнению с 1995 годом и составили соответственно $-3,34\%$ и 21% .

Единственный список, у которого результаты в среднем близки к результатам кандидатов, — список избирательного блока Союз правых сил (ИРГ_{cp} $-0,23\%$, ИПК 45%).

В группу избирательных объединений и блоков, у которых результаты заметно хуже результатов кандидатов, следует отнести «Яблоко», Партию пенсионеров, а также избирательные блоки «Отечество — Вся Россия» и «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз» (ИРГ_{cp} от $2,5$ до $3,5\%$, ИПК от 55 до 71%).

К последней группе (результаты партии намного хуже результатов кандидатов) относятся «Женщины России», «Наш дом — Россия» и все аутсайдеры. Значения ИПК в этой группе 83% и выше, причем у семи избирательных объединений и блоков оно равно 100% .

Высокая степень асимметрии у некоторых объединений и блоков также свидетельствует об успешном выступлении единичных кандидатов. Так, кандидат от движения «Духовное наследие» В. П. Воротников получил $28,7\%$, в то время как в среднем кандидаты от этого движения довольствовались $1,9\%$.

На выборах 2003 года у ЛДПР по-прежнему результаты партии явно лучше результатов кандидатов: значение ИРГ_{cp} достигло $-8,09\%$, а значение ИПК снизилось до 1% (см. таблицу 5.25). В эту же группу попадает Концептуальная партия «Единение», которая получила неожиданно высокий для никому не известной партии результат ($1,2\%$) за счет того, что ее путали с «Единой Россией» (тем более что ей достался первый номер в бюллетене).

Таблица 5.25. Показатели расщепления голосов партий и блоков на выборах в Государственную Думу 2003 года

Партия (блок)	Доля голосов	Число кандидатов	ИРГ _{ср}	ИПК	Асимметрия
«Единая Россия»	37,57%	137	-0,80%	48%	-0,34
КПРФ	12,61%	170	1,42%	46%	3,64
ЛДПР	11,45%	172	-8,09%	1%	0,08
«Родина»	9,02%	49	3,16%	43%	2,16
«Яблоко»	4,30%	89	1,97%	49%	2,60
Союз правых сил	3,97%	90	3,08%	66%	3,17
Аграрная партия России	3,64%	60	1,50%	37%	3,54
РПП и ПСС	3,09%	25	0,85%	40%	1,65
ПВР – РПЖ	1,88%	98	3,72%	72%	2,74
Народная партия РФ	1,18%	45	19,50%	96%	0,81
«Единение»	1,17%	4	-0,26%	0%	-0,75
НК – АР	0,84%	10	5,52%	70%	0,90
«За Русь Святую»	0,49%	11	1,53%	100%	1,86
«Зеленые»	0,42%	7	3,31%	100%	2,54
«Развитие предпринимательства»	0,35%	14	5,79%	100%	3,11
ВР – ЕС	0,28%	60	2,24%	95%	1,30
«Русь»	0,24%	122	1,46%	97%	3,36
Демократическая партия России	0,22%	8	3,06%	100%	2,22
СЛОН	0,18%	3	1,61%	100%	1,54

Сокращения: ВР – ЕС – избирательный блок «Великая Россия – Евразийский Союз», НК – АР – избирательный блок «Новый курс – Автомобильная Россия», ПВР – РПЖ – избирательный блок «Партия возрождения России – Российская партия жизни», РПП

и ПСС — избирательный блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости».

«Единую Россию», КПРФ, «Родину», «Яблоко», Аграрную партию России, а также избирательный блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости» можно отнести ко второй группе. У них значение ИПК меньше 50% (от 37 до 49%), значение ИРГ_{ср} у «Единой России» отрицательное и небольшое $-0,80\%$, а у остальных положительное (от 0,85 до 3,16%).

Третью группу составляют Союз правых сил и избирательный блок «Партия возрождения России — Российская партия жизни», у которых результаты заметно хуже результатов кандидатов (ИРГ_{ср} 3,08% и 3,72%, ИПК 66% и 72%).

И, как обычно, у аутсайдеров результаты партии намного хуже результатов кандидатов (у пяти значение ИПК равно 100%).

По результатам трех думских кампаний можно сделать вывод, что низкие значения показателей ИРГ_{ср} и ИПК характерны для лидерских и идеологических партий — избиратели охотнее голосуют за список такой партии, поддерживая соответствующую идею или лидера, чем за кандидатов от нее, которые часто малоизвестны. Партии, которые менее идеологизированы и включают нескольких известных политиков, занимают промежуточное положение. Партии-аутсайдеры имеют высокие значения указанных индексов независимо от своего характера — в этом отношении Россия схожа с Германией.

Показатели корреляции и ИВК наиболее интересны для партий, выдвигавших большое число (более 45) одномандатников. В таблице 5.26 приведены данные показатели для таких партий по всем трем кампаниям.

Таблица 5.26. Индекс влияния кандидатов и показатель корреляции на выборах в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов

Партия	ИВК	Корреляция
<i>Выборы 1995 года</i>		
КПРФ	1,24	0,589
ЛДПР	1,19	0,753
«Наш дом — Россия»	0,89	0,521
«Яблоко»	1,71	0,631
КТР — СС	1,15	0,645
Конгресс русских общин	1,56	0,512
ДВР — ОД	1,62	0,591
Аграрная партия России	1,77	0,737
«Вперед, Россия!»	1,50	0,450
Блок Ивана Рыбкина	1,91	0,830
<i>Выборы 1999 года</i>		
КПРФ	1,19	0,607
«Отечество — Вся Россия»	1,63	0,672
Союз правых сил	1,29	0,575
ЛДПР (Блок Жириновского)	1,02	0,508
«Яблоко»	1,31	0,494
«Наш дом — Россия»	1,21	0,754
КРО и ДЮБ	2,19	0,647
БГАНАСФ	1,28	0,369
Русская социалистическая партия	1,89	0,760
«Духовное наследие»	1,62	0,615
<i>Выборы 2003 года</i>		
«Единая Россия»	1,06	0,599
КПРФ	1,18	0,520
ЛДПР	1,22	0,375
«Родина»	1,18	0,718
«Яблоко»	1,24	0,737

Союз правых сил	1,13	0,366
Аграрная партия России	1,92	0,612
ПВР – РПЖ	1,24	0,746
Народная партия РФ	1,62	0,284
«Великая Россия – Евразийский Союз»	3,15	0,054
«Русь»	1,05	0,343

Сокращения: БГАНАСФ — Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова, ДВР — ОД — избирательный блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы», КРО и ДЮБ — избирательный блок «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», КТР — СС — избирательный блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», ПВР — РПЖ — избирательный блок «Партия возрождения России — Российская партия жизни».

Как видно из таблицы, корреляция между результатами партии и кандидатов почти во всех случаях значимая (для 45 точек и 5-процентного уровня критическое значение коэффициента корреляции равно 0,294), но все же невысокая — в основном ниже, чем в Германии. Незначимой можно считать лишь корреляцию для Народной партии РФ и блока «Великая Россия — Евразийский Союз».

Значения ИВК в большинстве случаев выше единицы, то есть средние результаты партии выше в тех округах, где у партии были кандидаты-одномандатники. Исключение — «Наш дом — Россия» в 1995 году. В целом видно, что значения ИВК невысокие у партий с привлекательным брендом — идеологических, лидерских, а также «партий власти» (КПРФ, ЛДПР, «Наш дом — Россия», «Единая Россия», «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз») и более высокие у партий и блоков с

аморфной идеологией, но включавших ряд сильных кандидатов (Аграрная партия России, Блок Ивана Рыбкина, «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», Народная партия РФ, «Великая Россия — Евразийский Союз»).

Мы также вычислили отдельно все пять показателей для совокупности краев и областей (157 одномандатных округов) — данная совокупность электорально более однородна, чем Российская Федерация в целом. Результаты для партий, выдвигавших большее число кандидатов, отличаются мало. Наиболее существенные отличия касаются: для выборов 1995 года — движения «Наш дом — Россия» (по сравнению с Россией в целом асимметрия выросла с 0,80 до 2,12) и КПРФ (асимметрия изменилась с -0,58 на 0,02), для выборов 1999 года — блока «Отечество — Вся Россия» (корреляция снизилась с 0,672 до 0,320), Блока Жириновского (асимметрия снизилась с 2,26 до 0,50) и Блока генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова (корреляция снизилась с 0,369 до 0,117), для выборов 2003 года — блока «Великая Россия — Евразийский Союз» (асимметрия выросла с 1,30 до 3,09, а корреляция с 0,054 до 0,698).

В отношении выборов в законодательные органы субъектов РФ мы решили ограничиться регионами, где выборы по смешанной системе с использованием одномандатных округов успели за период 2003–2014 годов пройти трижды. Таких регионов всего 16, однако три из них, где «Единая Россия» имела аномально высокие результаты (республики Мордовия, Татарстан и Тыва), мы исключили из рассмотрения.

Таким образом, проанализированы 39 кампаний в 13 регионах — республики Алтай, Марий Эл и Хакасия, Алтайский, Забайкальский и Хабаровский края, Архангельская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Иркутская, Ульяновская и Ярославская обла-

сти. Данная выборка охватывает республики, края и области, регионы, относящиеся к 6 из 8 федеральных округов (кроме Уральского и Северо-Кавказского). Анализируемые кампании проходили практически ежегодно (кроме 2007 и 2012 годов).

Из всех политических партий в большинстве указанных кампаний участвовали в выборах по пропорциональной системе и одновременно имели не менее трех кандидатов в одномандатных округах только четыре нынешние парламентские партии — «Единая Россия» (все 39 кампаний), КПРФ (37, не учитывается ее участие в составе избирательных блоков), ЛДПР (37) и «Справедливая Россия» (24; хотя формально эта партия до 2006 года существовала под именем «Родина», мы учитывали только ее участие в выборах под новым именем). Другие партии участвовали в значительно меньшем числе кампаний: «Патриоты России» в 9; «Яблоко» в 8; Российская экологическая партия «Зеленые», воссозданная в 2012 году, в 7; «Родина», существовавшая в 2004–2006 годах, в 6, а «Родина», созданная в 2012 году, в 9; Аграрная партия России, существовавшая в 2003–2008 годах, в 10; остальные партии — еще меньше. Результаты кандидатов и партий считались в процентах от числа действительных бюллетеней.

Оказалось, что есть регионы, где во всех трех кампаниях значение ИРГ_{ср} у «Единой России» было отрицательным (Республика Алтай, Хабаровский край, Брянская область). Также есть один регион (Республика Марий Эл), где во всех трех кампаниях значение этого индекса положительное. В большинстве же регионов знак данного показателя менялся.

При этом в первом цикле (2003–2006 годы) положительных и отрицательных значений было примерно поровну (7 положительных и 6 отрицательных), во втором цикле (2008–2010 годы), когда поддержка

«Единой России» была максимальной, преобладали отрицательные значения (11 из 13), а в третьем цикле (2011–2014 годы) больше положительных значений (8 из 13), причем большая часть отрицательных значений (4 из 5) получена в 2014 году, когда поддержка «Единой России» вновь выросла.

Стоит также обратить внимание на значения ИВК. Этот показатель нельзя было определить в нескольких кампаниях, где «Единая Россия» выдвигала кандидатов во всех одномандатных округах. Там же, где значение ИВК можно было подсчитать, оно оказалось невысоким (максимум 1,41) и в 10 случаях из 26 меньше единицы; иными словами, наличие кандидата в округе мало способствовало или совсем не способствовало успеху партии. Невысокой в большинстве случаев была и корреляция результатов партии с результатами кандидатов (в 15 случаях из 39 меньше 0,5).

У КПРФ также есть регионы, где во всех трех кампаниях значение ИРГ_{ср} было отрицательным (Республика Алтай, Иркутская область) и где оно трижды было положительным (Хабаровский край, Волгоградская и Ярославская области). В большинстве же регионов этот показатель менял знак. Что касается динамики, то она более монотонна, чем у «Единой России»: в первом цикле преобладали отрицательные значения (8 из 11), во втором положительных и отрицательных значений было примерно поровну (6 и 7), а в третьем преобладали положительные значения (10 из 13).

Значение ИВК у КПРФ, как и у «Единой России», обычно было невысоким (максимум 1,85) и в 8 случаях из 36 оказывалось меньше единицы. В то же время значения коэффициента корреляции отличались большим разнообразием: в одних случаях они оказывались довольно высокими (близкими к 1), в

13 случаях из 37 менее 0,5, а в двух случаях — даже отрицательными.

Гораздо более единообразны показатели расщепления голосов ($\text{ИРГ}_{\text{ср}}$ и ИПК) у ЛДПР. Значения $\text{ИРГ}_{\text{ср}}$ в большинстве случаев отрицательные (исключений 6 из 37), а значения ИПК — не более 50% (исключение всего одно), при этом ни разу одновременно не было положительного значение $\text{ИРГ}_{\text{ср}}$ и значения ИПК выше 50%. Это совпадает с приведенными выше данными по выборам в Государственную Думу — как на федеральных, так и на региональных выборах ЛДПР выступает лучше, чем ее кандидаты.

Значение ИВК у ЛДПР, как и у «Единой России» и КПРФ, чаще всего было невысоким (максимум 1,80) и в 7 случаях из 36 оказывалось меньше единицы. Значения коэффициента корреляции в одних случаях оказывались довольно высокими (близкими к 1), в 15 случаях из 37 менее 0,5, а в двух случаях — даже отрицательными.

У «Справедливой России» ситуация в отношении расщепления голосов противоположная: во всех 24 кампаниях значения $\text{ИРГ}_{\text{ср}}$ положительные, а значения ИПК лишь в двух случаях были ниже 50% (45 и 48%). Иными словами, кандидаты от «Справедливой России» выступали на региональных выборах лучше, чем сама партия.

Значение ИВК у «Справедливой России» лишь в четырех кампаниях из 23 было ниже единицы, а максимальное достигло 2,26. Коэффициент корреляции только в 6 кампаниях из 24 был ниже 0,5. Таким образом, у этой партии наличие одномандатников помогало успеху партии.

Что касается других партий, то у Аграрной партии России, «Патриотов России» и РЭП «Зеленые» все значения $\text{ИРГ}_{\text{ср}}$ положительные. У партии «Яблоко» лишь в одном случае (относящемся к 2003 году)

из восьми оно отрицательное. У «старой» партии «Родина» (2004–2006 годы) значение ИРГ_{ср} отрицательное в трех случаях из шести, а у партии «Родина», созданной в 2012 году, только в одном случае из девяти.

По ИВК рекорд (5,51) принадлежит партии «Демократический выбор» на выборах в Ярославскую областную Думу 2013 года; немного ниже (5,33) был этот показатель у партии «Родина» на выборах в Законодательное Собрание Иркутской области 2013 года¹.

По Украине мы анализировали выборы в Верховную Раду 2012 и 2014 годов. Сравнение этих выборов интересно тем, что они проходили в одной и той же институциональной среде (основные параметры избирательной системы не изменились), но в совершенно разных политических условиях и с сильно измененным набором партий². Результаты кандидатов и партий считались в процентах от числа действительных бюллетеней.

В кампании 2012 года в пяти одномандатных округах результаты мажоритарных выборов были отменены. С другой стороны, в кампании 2014 года не проводились выборы в Крыму, Севастополе и во многих одномандатных округах Донецкой и Луганской областей, а в остальных одномандатных округах этих областей была крайне низкая явка. В связи с этим для корректности сравнения двух кампаний мы по выборам 2012 года вычисляли показатели как для полного набора из 225 одномандатных округов, так

¹ Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

² Борисов Н. А. Институциональные новации в партийной и избирательной системах Украины в 2012–2014 гг. // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. М., 2015. С. 38–48.

и для сокращенного набора — исключены все округа, входящие в Автономную Республику Крым, Донецкую и Луганскую области, Севастополь, а также пять округов, где результаты выборов одномандатников были отменены (176 округов).

Показатели расщепления голосов для этой совокупности представлены в таблице 5.27. Сразу отметим, что они в основном не сильно отличаются от показателей, вычисленных для всех 225 округов. Наиболее существенные различия у Русского блока, который выдвигал половину кандидатов в исключенных округах. Из других различий стоит отметить Партию регионов, у которой по всей совокупности значение ИРГ_{cp} составило 0,50%, а по сокращенной — 1,51%.

Таблица 5.27. Показатели расщепления голосов партий и блоков на выборах в Верховную Раду 2012 года (без Крыма, Севастополя, Донецкой и Луганской областей, а также пяти одномандатных округов, где результаты выборов были отменены)

Партия	Доля голосов	Число кандидатов	ИРГ _{fr}	ИПК	Асимметрия
«Батьковщина»	29,87%	115	-1,45%	41%	0,22
Партия регионов	23,12%	156	1,51%	53%	-0,06
УДАР	15,93%	137	-3,43%	23%	1,18
«Свобода»	12,61%	31	10,44%	87%	0,23
Коммунистическая партия Украины	11,38%	171	-4,98%	5%	-0,44
«Украина — вперед!»	1,56%	84	0,36%	40%	5,03
«Наша Украина»	1,32%	22	0,40%	55%	1,22

Радикальная партия Олега Ляшко	1,21%	20	1,20%	50%	4,04
Партия пенсионеров Украины	0,56%	5	0,28%	80%	0,28
Социалистическая партия Украины	0,50%	46	1,73%	96%	3,20
Партия зеленых Украины	0,33%	5	1,07%	100%	0,31
«Зеленая планета»	0,33%	8	0,70%	75%	1,75
«Зеленые»	0,23%	8	1,13%	100%	2,27
Русский блок	0,20%	5	1,10%	100%	-1,06
«Украина будущего»	0,20%	17	1,71%	100%	0,91
«Родная отчизна»	0,17%	3	0,44%	67%	1,01
«Новая политика»	0,11%	15	0,57%	100%	0,96
«Громада»	0,10%	3	1,31%	100%	-0,36
Украинская националь- ная ассамблея	0,09%	5	0,48%	100%	0,44
Либеральная партия Украины	0,08%	3	0,87%	100%	1,03

Как видно из таблицы, картина в целом похожа на российскую. В группу, где результаты партии явно лучше результатов кандидатов, попадают Коммунистическая партия Украины, УДАР и «Батьковщина» (то есть идеологические и лидерские). К группе с близкими результатами партии и кандидатов можно отнести Партию регионов, Радикальную партию Олега Ляшко, партии «Украина — вперед!» и «Наша Украина». У партии «Свобода» и у всех партий, получивших менее 1%, результаты кандидатов явно лучше результатов партии. Высокая асимметрия у партии «Украина — вперед!», где один из кандидатов получил 21,2% при среднем результате кандидатов 2,1%, и у Радикальной партии Олега Ляшко, лидер которой получил 55,8% при среднем результате кандидатов 4,1%.

Для выборов в Верховную Раду 2014 года (181 одномандатный округ, без Донецкой и Луганской областей) показатели расщепления голосов показаны в таблице 5.28. В первую очередь обращают на себя внимание показатели двух лидировавших партий. Если у Блока Петра Порошенко результаты кандидатов явно лучше результатов партии, то у Народного фронта — наоборот. По-видимому, значительная часть избирателей голосовала за список Народного фронта и кандидатов Блока Петра Порошенко.

Таблица 5.28. Показатели расщепления голосов партий и блоков на выборах в Верховную Раду 2014 года (без Донецкой и Луганской областей)

Партия	Доля голосов	Число кандидатов	ИРГ _{ср}	ИПК	Асимметрия
Народный фронт	22,76%	115	-6,97%	24%	0,25
Блок Петра Порошенко	22,00%	130	5,44%	65%	0,78
«Самопомощь»	11,21%	11	1,99%	73%	2,04
Оппозиционный блок	8,34%	86	-4,11%	9%	-1,85
Радикальная партия Олега Ляшко	7,58%	155	-3,16%	14%	0,53
«Батьковщина»	5,83%	143	1,88%	59%	2,01
«Свобода»	4,84%	24	10,41%	96%	1,05
Коммунистическая партия Украины	3,63%	101	-1,20%	29%	-1,27
«Гражданская позиция»	3,18%	10	2,15%	70%	0,62
«Сильная Украина»	2,91%	100	-0,31%	39%	0,80
«Заступ»	2,74%	37	1,82%	68%	3,55
«Правый сектор»	1,83%	35	3,31%	97%	4,40
«Солидарность женщин Украины»	0,64%	7	0,64%	86%	-0,31

«5.10»	0,43%	3	1,02%	100%	0,25
Интернет-партия Украины	0,37%	4	1,98%	100%	1,09
«Зеленая планета»	0,23%	18	1,07%	100%	0,82
«Новая политика»	0,12%	7	1,25%	100%	1,65
«Сила людей»	0,11%	14	3,56%	100%	1,91
Блок левых сил Украины	0,08%	41	1,09%	100%	1,13
Национально-демократическая партия Украины	0,07%	10	0,79%	100%	1,93
Конгресс украинских националистов	0,06%	8	3,69%	100%	2,22
Либеральная партия Украины	0,05%	37	1,20%	100%	3,24

В группу партий, у которых результаты явно лучше результатов кандидатов, попадают также Оппозиционный блок, Радикальная партия Олега Ляшко, Коммунистическая партия Украины и «Сильная Украина». А у «Самопомощи», «Батьковщины», «Свободы», «Гражданской позиции», «Заступа» и всех партий, получивших менее 2%, результаты кандидатов лучше. Самая высокая асимметрия у «Правого сектора», лидера которого получил 30,3% при среднем результате кандидатов 5,3%.

Показатели корреляции и ИВК по обеим кампаниям приведены в таблице 5.29 для партий, выдвигавших большое число (более 45) одномандатников. Корреляция между результатами кандидатов и партий не слишком высокая, особенно для выборов 2014 года. Любопытно, что значения ИВК для большинства партий не очень высокие, то есть наличие в округе кандидата мало помогало успеху партии. А у Оппозиционного блока ИВК ниже единицы, то есть может показаться, будто его кандидаты оказались настолько непопулярны (средний их результат 3%), что мешали партии привлекать голоса в поддержку

ее списка. На самом деле здесь все сложнее, что станет ясно из дальнейшего анализа.

Таблица 5.29. Индекс влияния кандидатов и показатель корреляции на выборах в Верховную Раду 2012 и 2014 годов

Партия	ИВК	Корреляция
<i>Выборы 2012 года (без Крыма и Донбасса)</i>		
«Батьковщина»	1,13	0,659
Партия регионов	1,17	0,858
УДАР	1,13	0,581
Коммунистическая партия Украины	1,12	0,851
«Украина — вперед!»	1,19	0,494
Социалистическая партия Украины	1,68	0,593
<i>Выборы 2014 года (без Донбасса)</i>		
Народный фронт	1,06	0,443
Блок Петра Порошенко	1,01	0,533
Оппозиционный блок	0,60	0,650
Радикальная партия Олега Ляшко	1,08	0,302
«Батьковщина»	1,18	0,332
Коммунистическая партия Украины	1,14	0,781
«Сильная Украина»	1,29	0,686

Поскольку Украина электорально очень неоднородна, мы вычислили те же показатели для отдельных электорально-географических кластеров. В первый кластер, «Крым и Донбасс», входят Крым, Севастополь, Донецкая и Луганская области, для него есть данные только по выборам 2012 года. Второй кластер, «Юг и Восток», — Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Харьковская и Херсонская области. Третий кластер, «Буфер», — Кировоградская, Полтавская, Сумская и Черниговская области. Четвертый кластер, «Запад», — Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Киевская,

Ровенская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая области и Киев. Пятый кластер, «Галиция», — Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области.

В 2012 году наибольшие географические различия в исследуемых нами показателях зафиксированы для двух основных партий — «Батьківщина» и Партии регионов. В 2014 году — также для «Батьківщины» и Оппозиционного блока (который можно рассматривать как политического преемника Партии регионов).

В 2012 году кандидаты от «Батьківщины» были успешнее партии не только в южных и восточных регионах, где у партии были низкие результаты, но и в Галиции. А в регионах центра и большей части запада, напротив, результаты партии оказались выше. В 2014 году, когда поддержка партии заметно снизилась, она опережала своих кандидатов только в «буферном» кластере. Стоит также отметить отсутствие в 2014 году корреляции между результатами партии и ее кандидатов в западных регионах.

У Партии регионов в 2012 году картина, по сути, противоположная. Кандидаты выступили успешнее партии в большинстве регионов юга, востока и центра, где у партии были хорошие, но не самые высокие результаты. Напротив, партия имела лучшие результаты, чем ее кандидаты, в неблагоприятных для нее западных регионах, а также в тех регионах, где ее поддержка была особенно высока. Отметим также, что в Галиции у нее ИВК ниже единицы, то есть наличие кандидата в округе не повышало результат партии.

У Оппозиционного блока в 2014 году результаты кандидатов были выше результатов партии только в Галиции. Выше мы уже отмечали, что в целом по стране ИВК партии был ниже единицы. Оказалось, что такое значение ИВК получается только в кластере

«Юг и Восток», где у партии был наибольший успех. Этот странный факт потребовал дополнительного анализа. Выяснилось, что из шести областей этого кластера ИВК меньше единицы у Оппозиционного блока в трех — Днепропетровской, Одесской и Харьковской. Именно в этих областях наиболее успешны были самовыдвиженцы — бывшие депутаты от Партии регионов. Поэтому кандидаты от Оппозиционного блока были вынуждены конкурировать со своими бывшими однопартийцами, и это, по-видимому, снижало результат партии — она в округах, где у нее были кандидаты, не воспринималась как главная оппозиционная сила¹.

Далее мы попытались оценить уровень расщепления голосов в избирательной кампании в целом. Для этого мы использовали два показателя. Первый показатель — общий индекс расщепления голосов (ОИРГ), который позволяет оценить общую долю избирателей, голосовавших за список одной партии и за кандидатов от другой партии или непартийных кандидатов. Этот показатель считался следующим образом. В каждом одномандатном округе сравнивались доли голосов за список партии и кандидата от этой партии и выбиралось меньшее из двух чисел. Выбранные числа суммировались, и получалась общая доля нерасщепленных голосов в округе. Затем полученные доли нерасщепленных голосов по всем округам усреднялись, и среднее значение вычиталось из 100%.

Полученные таким образом значения ОИРГ, по-видимому, оказываются заниженными, так как не учитывают «перекрестное расщепление», когда одни избиратели голосуют за партию А и кандидата от партии Б, а другие, наоборот, — за партию Б и канди-

¹ Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286.

дата от партии А. Однако мы полагаем, что уровень такого «перекрестного расщепления» невысок.

ОИРГ учитывает как избирателей, расщепивших свои голоса вынужденно, поскольку в округе не баллотировался кандидат от выбранной ими партии, так и тех, кто имел возможность проголосовать за кандидата и список одной и той же партии, но по каким-то причинам поступил иначе. Для оценки доли этой второй категории избирателей мы использовали индекс специфического расщепления голосов (ИСРГ). Он вычислялся следующим образом. В каждом одномандатном округе отдельно суммировались положительные и отрицательные значения ИРГ всех партий, у которых в этом округе был и список, и одномандатник. Затем сравнивались модули полученных сумм и из двух чисел выбиралось наибольшее. Полученные значения по всем округам усреднялись.

В таблице 5.30 приведены значения ОИРГ и ИСРГ для всех выборов в германский бундестаг начиная с 1983 года, выборов в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов, выборов в Верховную Раду 2012 и 2014 годов, а также выборов законодательных органов шести российских регионов в период 2003–2014 годов.

Таблица 5.30. Показатели расщепления голосов для различных избирательных кампаний

Страна или регион	Год	ОИРГ	ИСРГ
Федеративная Республика Германия	1983	5,8%	5,8%
	1987	6,6%	6,1%
	1990	5,6%	5,5%
	1994	6,5%	6,5%
	1998	9,1%	8,9%
	2002	7,6%	7,5%
	2005	11,1%	10,9%
	2009	11,9%	11,6%
	2013	9,5%	9,3%

Российская Федерация	1995	65,8%	23,6%
	1999	71,9%	17,8%
	2003	61,1%	23,5%
Республика Алтай	2006	73,2%	14,0%
	2010	41,8%	18,9%
	2014	43,3%	25,3%
Хабаровский край	2005	42,8%	11,0%
	2010	15,1%	11,2%
	2014	17,8%	16,5%
Архангельская область	2004	68,5%	14,4%
	2009	39,5%	16,2%
	2013	31,3%	23,9%
Владимирская область	2005	61,9%	19,3%
	2009	30,8%	16,0%
	2013	28,2%	24,8%
Волгоградская область	2003	70,5%	11,1%
	2009	23,6%	14,9%
	2014	21,9%	21,8%
Ульяновская область	2003	64,7%	13,5%
	2008	16,1%	14,7%
	2013	14,3%	13,8%
Украина (без Крыма и Донбасса)	2012	44,8%	21,2%
	2014	62,3%	20,9%

Как видно из таблицы, в Германии оба индекса существенно ниже, чем в России и на Украине. При этом в каждой кампании ОИРГ и ИСРГ имели близкие значения. Это связано с отмеченным выше фактом — основные партии выдвигают кандидатов по всем или почти всем одномандатным округам. В 2005 и 2009 годах индексы заметно выросли, что, вероятно, связано с ростом «стратегического» голосования. В 2013 году они снизились: по-видимому, введение «выравнивающих» мандатов снизило уровень «стратегического» голосования (см. подраздел 3.7.2).

В России на выборах в Государственную Думу значение ИСРГ было довольно высоким, а значение ОИРГ — чрезвычайно высоким. Как показывает анализ, разрыв между этими индексами связан в первую очередь со значительной долей успешно выступавших непартийных кандидатов. Так, в 1999 году доля таких кандидатов (а также их доля среди избранных депутатов) была выше, чем в 1995 и 2003 годах¹, и это отразилось на повышении значения ОИРГ.

На региональных выборах во всех рассматриваемых субъектах РФ значение ОИРГ в первом цикле (2003–2006 годы) было выше, чем в последующих. При этом в третьем цикле значения ОИРГ и ИСРГ стали близкими (исключение — Республика Алтай). И это также связано со снижением доли непартийных кандидатов, в первую очередь с тем, что большая часть провластных кандидатов, ранее предпочитавших самовыдвижение, стала баллотироваться от «Единой России». Увеличение в 2013–2014 годах числа участвующих в выборах партий мало повлияло на значение ОИРГ, а значения ИСРГ в третьем цикле в большинстве рассматриваемых регионов выросли по сравнению со вторым циклом (исключением стала лишь Ульяновская область). В отношении этих индексов региональная специфика не просматривается, лишь в Хабаровском крае их значение несколько ниже, чем в других регионах.

Что касается Украины, то значения ИСРГ в двух кампаниях оказались примерно одинаковы, а значение ОИРГ в 2014 году существенно выросло по сравнению с 2012 годом. Это связано с тем, что значительная часть депутатов, избранных в 2012 году от Партии регионов, в 2014 году баллотировались как самовыдвиженцы.

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 442.

В целом анализ показал существенные различия между ситуацией в Германии, с одной стороны, и в России и на Украине, с другой. В Германии различия между основными партиями по уровню ИРГ_{ср} и ИПК зависят в основном от уровня их поддержки избирателями. У двух наиболее сильных партий (ХДС/ХСС и СДПГ) результаты кандидатов лучше результатов партий, а у двух партий с меньшей поддержкой (СвДП и зеленые), напротив, результаты кандидатов ниже. Особняком стоят левые, не вступающие на федеральном уровне в коалиции, у которых различия между результатами партии и кандидатов незначительны. Таким образом, в Германии расщепление голосов связано главным образом со «стратегическим» поведением избирателей.

В России к первой группе (результаты партии лучше результатов кандидатов) относятся в основном лидерские и идеологические партии. Во вторую группу (результаты кандидатов лучше результатов партии) из партий, имеющих заметную поддержку избирателей, попадают партии менее идеологизированные, представляющие скорее избирательные союзы разных представителей элиты. Типичным примером такой партии является «Справедливая Россия», несмотря на заявляемую ею левую идеологию. Ранее подобными партиями были «Женщины России», Аграрная партия России, Блок Ивана Рыбкина, Народная партия РФ.

Аналогичные тенденции, но менее ярко выраженные, мы видим на Украине. Очевидно, в России и на Украине избиратели в меньшей степени, чем в Германии, привержены определенным партиям, тем более что в обеих странах устойчивая партийная система еще не сформировалась. Все же немалая часть российских и украинских избирателей склонна голосовать одинаково по партийному и кандидат-

скому бюллетеням — об этом свидетельствуют в том числе относительно высокие значения коэффициента корреляции. Однако также немалая часть, выбирая кандидатов, ориентируется не на их партийную принадлежность, а на их личные качества, агитационные материалы и т.п.

Общим для трех стран оказались показатели партий-аутсайдеров. Для всех них характерны лучшие результаты у кандидатов, чем у партийных списков. Более того, для многих из них оказалось характерно стопроцентное доминирование результатов кандидатов. Это относится в том числе и к сильно идеологизированным партиям, таким как Национал-демократическая партия (с 1972 года, когда ее поддержка упала ниже 2%), Марксистско-ленинская партия Германии, «Сталинский блок — за СССР», Блок левых сил Украины, Национально-демократическая партия Украины или Конгресс украинских националистов. Объяснение этому феномену может быть в том, что в подавляющем большинстве случаев число кандидатов-одномандатников меньше числа участвующих в выборах партийных списков. Голосование же за списки партий-аутсайдеров и за их кандидатов в основном случайное.

Наличие в округе партийного кандидата чаще всего повышало результат партии в этом округе, о чем свидетельствуют значения ИВК больше единицы. Случай, когда этот показатель был ниже единицы, довольно редки. Правда, для некоторых партий высокие значения ИВК можно интерпретировать иначе: партия выдвигала кандидатов в основном в тех округах, где у нее наибольшая поддержка. Однако в большей части случаев такое объяснение не срабатывает.

5.4. Использование статистических методов

5.4.1. Корреляционный анализ

Корреляционный анализ основан на вычислении линейного коэффициента корреляции Пирсона, который показывает статистическую связь между двумя случайными величинами. Он может принимать значения от -1 до $+1$. Чем лучше связь двух величин, тем больше по модулю значение коэффициента корреляции. Далее необходимо оценить, является ли полученный коэффициент корреляции значимым — это зависит от объема выборки и заданного исследователем уровня значимости (5% , 1% , $0,1\%$ и др.). Для этого существуют соответствующие таблицы.

Корреляционный анализ электоральной статистики используется политологами достаточно широко. Можно выделить три направления его применения:

- 1) исследование корреляций между результатами партий или кандидатов на одних и тех же выборах;
- 2) исследование корреляций между результатами партий и/или кандидатов на разных выборах;
- 3) исследование корреляций между результатами партий или кандидатов и социально-экономическими показателями.

В качестве примера исследований корреляций между результатами партий или кандидатов на одних и тех же выборах приведем наши данные по выборам в Государственную Думу 1995, 1999 и 2003 годов. Исследовались корреляционные связи между результатами основных партий, вычисленными в процентах от числа проголосовавших избирателей. Исследования проводились на трех уровнях — в масштабе всей Российской Федерации (использовались данные

протоколов окружных избирательных комиссий, 225 в 1995 и 2003 годах и 224 в 1999 году), в масштабе Москвы и некоторых других городов или регионов (использовались данные протоколов территориальных избирательных комиссий, в Москве 1995 года — 121, 1999 и 2003 годов — 125) и в масштабе одного одномандатного избирательного округа (использовались данные протоколов участковых избирательных комиссий, в Чертановском округе № 204 — 189)¹.

Итогом расчета коэффициентов корреляции между результатами партий или кандидатов на одних и тех же выборах обычно является квадратная корреляционная матрица, симметричная относительно диагонали, на которой располагаются единицы (так как коэффициент корреляции между одной и той же случайной величиной равен единице). Часто из-за такой симметрии, чтобы не дублировать числа, дается не полная матрица, а ее половина. При этом для экономии места и наглядности может быть использован вариант, когда в одной половине матрицы размещаются коэффициенты, относящиеся в одному объекту, а во второй половине — к другому объекту. Так, в таблицах 5.31–5.33 в правой верхней части расположены данные по Москве, а в левой нижней части — данные по Российской Федерации в целом.

¹ Результаты корреляционного анализа результатов выборов 1995 года в масштабе Российской Федерации опубликованы в работе: Любарев А. Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // ПОЛИС. 1996. № 2. С. 116–129. Результаты корреляционного анализа результатов выборов 1995 и 1999 годов в масштабе Москвы, а также выборов 1995 года в масштабе Чертановского одномандатного избирательного округа № 204 опубликованы в книге: Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 324–327, 331–335.

**Таблица 5.31. Коэффициенты корреляции
между процентами голосов, полученных основными избирательными
объединениями и блоками на выборах депутатов Государственной Думы
1995 года по Москве и Российской Федерации в целом**

	ДВР	Ябл.	ВР!	ППЛ	НДР	ПСТ	КРО	СТ	КПРФ	К – ТР	ЖР	ЛДПР	П/в
ДВР	1	0,71	-0,05	-0,05	-0,58	-0,33	-0,30	-0,14	0,44	-0,75	-0,72	-0,76	-0,74
Ябл.	0,67	1	0,02	-0,05	-0,41	-0,32	-0,44	-0,09	0,30	-0,64	-0,62	-0,76	-0,65
ВР!	0,47	0,47	1	0,20	-0,03	-0,10	-0,24	0,35	0,07	0,11	-0,15	-0,04	-0,03
ППЛ	0,26	0,27	0,49	1	-0,17	0,21	-0,13	0,46	-0,11	0,03	-0,12	-0,09	-0,03
НДР	0,34	0,22	0,10	-0,13	1	0,01	0,09	-0,14	-0,47	0,28	0,42	0,37	0,36
ПСТ	0,24	0,27	0,42	0,37	-0,08	1	-0,06	-0,07	-0,50	0,16	0,20	0,20	0,24
КРО	0,22	0,46	0,28	0,19	-0,04	0,16	1	-0,12	-0,02	0,30	0,28	0,35	0,22
СТ	0,17	0,13	0,18	0,28	0,04	0,09	0,07	1	0,21	0,27	-0,15	-0,04	0,07
КПРФ	-0,34	-0,45	-0,48	-0,43	-0,41	-0,31	-0,20	-0,30	1	-0,20	-0,44	-0,46	-0,42
К – ТР	-0,56	-0,47	-0,46	-0,25	-0,30	-0,27	-0,17	-0,11	0,17	1	0,59	0,59	0,67
ЖР	-0,30	-0,16	0,09	0,28	-0,25	0,18	-0,09	0,18	-0,36	0,19	1	0,66	0,69
ЛДПР	-0,60	-0,48	-0,19	0,07	-0,60	-0,03	-0,19	0,00	0,15	0,31	0,34	1	0,74
П/в	0,08	0,20	0,41	0,44	0,06	0,32	0,07	0,26	-0,64	-0,17	0,57	0,08	1

Примечания. В правой верхней части — коэффициенты корреляции в масштабе Москвы в разрезе 120 территориальных избирательных комиссий. В левой нижней части — коэффициенты корреляции в масштабе Российской Федерации в разрезе 225 одномандатных избирательных округов. Жирным шрифтом выделены положительные коэффициенты, превышающие критические значения для 5-процентного уровня значимости (0,18 для Москвы и 0,14 для Российской Федерации).

Сокращения: ВР! — «Вперед, Россия», ДВР — «Демократический выбор России — Объединенные демократы», ЖР — «Женщины России», К — ТР — «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», КРО — «Конгресс русских общин», НДР — «Наш дом — Россия», П/в — против всех списков, ПГЛ — «Памфилова — Гуров — Владимир Лысенко», ПСТ — Партия самоуправления трудящихся, СТ — «Союз труда», Ябл.— «Яблоко».

Из таблицы 5.31 видно, что корреляционные связи в Москве и Российской Федерации в целом заметно отличаются. Так, в общероссийской половине корреляционной матрицы мы вполне ожидаемо видим значимые положительные связи между партиями и блоками, относимыми к реформаторскому лагерю (ДВР, «Яблоко», «Вперед, Россия!», «Памфилова — Гуров — Владимир Лысенко», «Наш дом — Россия»). Менее ожидаемой была значимая положительная корреляция этих партий с «Конгрессом русских общин» и «Союзом труда». Предсказуемым можно считать и значимый положительный коэффициент корреляции между КПРФ и радикальными коммунистами («Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз»), хотя он и оказался совсем невысок. Не удивляет и небольшая, но значимая положитель-

ная связь между КПРФ и ЛДПР. Вполне ожидаема отрицательная корреляция реформаторских партий с КПРФ и ЛДПР.

А вот результаты по Москве выглядят парадоксально. У ДВР и объединения «Яблоко» значимые положительные корреляции с КПРФ, значимые отрицательные с движением «Наш дом — Россия» и отсутствуют корреляции с движением «Вперед, Россия!» и блоком «Памфилова — Гуров — Владимир Лысенко». Одновременно у КПРФ отрицательная корреляция не только с ЛДПР, но и с радикальными коммунистами.

Еще одно отличие связано с голосами «против всех». По России эта строка положительно коррелирует с рядом реформаторских и близких к ним партий, но самая лучшая корреляция — с движением «Женщины России». С КПРФ корреляция отрицательная, с ЛДПР корреляции нет. А по Москве протестные голоса отрицательно коррелируют не только с КПРФ, но также с ДВР и объединением «Яблоко», зато самая лучшая корреляция — с ЛДПР.

Корреляционные связи в Чертановском округе (юг Москвы) заметно отличались как от общероссийских, так и от общемосковских. Так, здесь КПРФ имела значимую положительную корреляцию только с «Конгрессом русских общин», у ДВР и объединения «Яблоко» были значимые положительные корреляции с движением «Вперед, Россия», но не с движением «Наш дом — Россия» и не с блоком «Памфилова — Гуров — Владимир Лысенко»¹.

Общими для Чертанова, Москвы и России были высокие значения коэффициента корреляции между ДВР и объединением «Яблоко», а также между ЛДПР и движением «Женщины России». У радикальных

¹ Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 324.

коммунистов также во всех трех случаях хорошая корреляция и с ЛДПР, и с «Женщинами России». У последних в свою очередь оказалась высокая степень корреляции с голосами «против всех». Можно было сделать вывод, что в голосах за женское движение была значительная протестная составляющая.

Парадоксальная ситуация в Москве становится более понятной, если учесть, что корреляционные связи между партиями отражают не столько их идейную близость, сколько социальную близость их избирателей. Для России главные различия по окружам в голосовании за партийные списки в основном определялись разделением избирателей на жителей крупных городов, жителей небольших городов и сельчан и связанным с этим разделением противостоянием по линии Север — Юг¹. Именно крупные города были основной избирательной базой для реформаторских партий и блоков, а также для «Конгресса русских общин» и некоторых других партий, в сельской местности было гораздо сильнее влияние КПРФ, а в небольших городах — ЛДПР. Голосование «против всех» также было более характерно для городского избирателя². Для Москвы различия в итогах голосования по районам также были связаны с социальным составом избирателей, но здесь разделение другое: интеллигенция, чиновники, лимитчики и т.п. В Москве основной избирательной базой КПРФ были не сельские жители (которых в столице нет), а представители старой элиты, в значительной степени утратившие свой статус, но продолжавшие жить

¹ Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // ПОЛИС. 1996. № 4. С. 33–46.

² Ахременко А.С. Голосование «против всех» на российском региональном фоне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5. С. 97–111.

в престижных районах. В этих же районах была и более высокая доля избирателей реформаторов. Упрощенно говоря, в элитных районах старшее поколение голосовало в основном за КПРФ, а младшее — за либералов. А жители окраинных «пролетарских» районов в большей степени голосовали за ЛДПР, радикальных коммунистов и «партию власти», а также «против всех»¹.

Эти же тенденции проявились и на выборах 1999 и 2003 годов. Как видно из таблицы 5.32, в 1999 году в Москве СПС (политический преемник ДВР) и «Яблоко» сохранили значимую положительную корреляцию с КПРФ. В то же время здесь появилась положительная корреляция этих партий с движением «Наш дом — Россия», которое к тому моменту перестало быть «партией власти», и блоком «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева». Также сохранились значимые положительные корреляции между Блоком Жириновского (фактически — ЛДПР), движением «Женщины России» и голосованием «против всех». Именно с этими тремя показателями положительно коррелировало голосование за блок «Медведь» («Единство»).

По России, как и в 1995 году, у КПРФ с СПС и объединением «Яблоко» корреляция была отрицательной. Единственная значимая (на пределе) положительная корреляция у КПРФ оказалась с блоком «Медведь». Корреляции между Блоком Жириновского, движением «Женщины России» и голосованием «против всех» здесь тоже проявились. «Медведь» при этом положительно коррелировал с Блоком Жи-

¹ Колосов В.А., Вендина О.И. Политические предпочтения москвичей в ходе избирательных кампаний // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 8. С. 675–680; Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М., 2001. С. 338–343.

Таблица 5.32. Коэффициенты корреляции между процентами голосов, полученных основными избирательными объединениями и блоками на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года по Москве и Российской Федерации в целом

	СПС	Ябл.	КРО	НДР	ОВР	КПРФ	РОС	БЖ	Медв.	ЖР	ПП	П/в
СПС	1	0,89	0,58	0,28	-0,70	0,33	-0,12	-0,59	-0,42	-0,66	-0,33	-0,50
Ябл.	0,63	1	0,56	0,19	-0,65	0,30	-0,14	-0,66	-0,43	-0,59	-0,13	-0,51
КРО	0,43	0,43	1	0,35	-0,52	0,48	0,09	-0,34	-0,36	-0,63	-0,29	-0,29
НДР	0,00	0,01	-0,10	1	-0,22	0,25	0,30	-0,06	-0,42	-0,19	-0,20	-0,03
ОВР	-0,03	0,13	0,11	-0,04	1	-0,34	-0,04	0,14	-0,03	0,46	0,03	0,08
КПРФ	-0,46	-0,54	-0,28	-0,14	-0,40	1	0,06	-0,46	-0,32	-0,53	-0,15	-0,43
РОС	0,12	0,27	0,11	-0,04	0,46	-0,29	1	0,22	-0,12	-0,09	0,11	0,22
БЖ	-0,12	-0,16	-0,24	0,05	-0,64	0,03	-0,30	1	0,33	0,40	0,11	0,81
Медв.	-0,37	-0,44	-0,22	-0,01	-0,71	0,19	-0,46	0,52	1	0,33	0,11	0,16
ЖР	0,06	0,02	-0,23	0,12	-0,43	-0,12	-0,13	0,61	0,24	1	0,38	0,48
ПП	0,37	0,31	0,14	0,05	-0,37	-0,37	-0,14	0,39	0,15	0,48	1	0,21
П/в	0,57	0,62	0,26	0,00	-0,10	-0,46	0,24	0,18	-0,25	0,31	0,40	1

Примечания. В правой верхней части — коэффициенты корреляции в масштабе Москвы в разрезе 125 территориальных избирательных комиссий. В левой нижней части — коэффициенты корреляции в масштабе Российской Федерации в разрезе 224 одномандатных избирательных округов. Жирным шрифтом выделены положительные коэффициенты, превышающие критические значения для 5-процентного уровня значимости (0,18 для Москвы и 0,14 для Российской Федерации).

Сокращения: БЖ — Блок Жириновского, ЖР — «Женщины России», КРО — «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», Медв.— «Медведь», НДР — «Наш дом — Россия», ОВР — «Отечество — Вся Россия», П/в — против всех списков, ПП — Партия пенсионеров, РОС — Российский общенародный союз, СПС — Союз правых сил, Ябл.— «Яблоко».

риновского и движением «Женщины России», но, в отличие от Москвы, у него была отрицательная корреляция с голосами «против всех». Как и в 1995 году, по России у протестного голосования оказалась значимая положительная корреляция с СПС и объединением «Яблоко». Как и в Москве, эти две партии положительно коррелировали с блоком «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», но, в отличие от Москвы, здесь у них не было корреляции с движением «Наш дом — Россия».

Несколько особняком стоят блок «Отечество — Вся Россия», Российский общенародный союз и Партия пенсионеров. У блока «Отечество — Вся Россия» по Москве положительная корреляция только с движением «Женщины России», а по России — только с Российским общенародным союзом. Последний в свою очередь по России имеет еще небольшую, но значимую корреляцию с объединением «Яблоко», а

по Москве — с движением «Наш дом — Россия» и Блоком Жириновского; при этом в обоих случаях у него значимая положительная корреляция с голосами «против всех». Партия пенсионеров по Москве имела значимую положительную корреляцию только с движением «Женщины России» и голосами «против всех», а по России у нее также корреляция одновременно с СПС, объединением «Яблоко», блоком «Конгресс русских общин и Движение Юрия Болдырева», Блоком Жириновского и блоком «Медведь».

В 2003 году, как видно из таблицы 5.33, по Москве у СПС и партии «Яблоко» сохранились значимые положительные корреляционные связи с КПРФ, а по России между ними корреляция отрицательная. В обоих случаях СПС и «Яблоко» положительно коррелировали с блоком «Родина», электорат которого был в основном также городским и интеллигентским. У КПРФ по России значимая положительная корреляция с ЛДПР и аграриями; по Москве с аграриями корреляции нет, а с ЛДПР корреляция сильно отрицательная.

Таблица 5.33. Коэффициенты корреляции между процентами голосов, полученных основными избирательными объединениями и блоками на выборах депутатов Государственной Думы 2003 года по Москве и Российской Федерации в целом

	СПС	«Яблоко»	«Родина»	КПРФ	РПП-ПСС	АПР	ЕР	ЛДПР	П/в
СПС	1	0,85	0,65	0,68	-0,52	-0,47	-0,93	-0,74	-0,35
«Яблоко»	0,70	1	0,65	0,68	-0,48	-0,45	-0,90	-0,80	-0,43
«Родина»	0,37	0,53	1	0,73	-0,29	-0,17	-0,77	-0,73	-0,45

КПРФ	-0,36	-0,38	-0,08	1	-0,35	-0,07	-0,79	-0,72	-0,49
РПП-ПСС	0,10	0,13	-0,05	-0,03	1	0,20	0,47	0,34	0,11
АПР	-0,32	-0,37	-0,23	0,27	-0,03	1	0,39	0,21	-0,01
ЕР	-0,33	-0,44	-0,56	-0,33	-0,35	-0,19	1	0,71	0,29
ЛДПР	-0,33	-0,15	-0,07	0,30	0,24	0,21	-0,46	1	0,67
П/в	0,39	0,52	0,54	-0,12	0,25	-0,29	-0,59	0,21	1

Примечания. В правой верхней части — коэффициенты корреляции в масштабе Москвы в разрезе 125 территориальных избирательных комиссий. В левой нижней части — коэффициенты корреляции в масштабе Российской Федерации в разрезе 225 одномандатных избирательных округов. Жирным шрифтом выделены положительные коэффициенты, превышающие критические значения для 5-процентного уровня значимости (0,18 для Москвы и 0,14 для Российской Федерации).

Сокращения: АПР — Аграрная партия России, ЕР — «Единая Россия», П/в — против всех списков, РПП-ПСС — «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости», СПС — Союз правых сил.

Еще одно существенное различие между Россией в целом и Москвой: по Москве у «Единой России» высокая положительная степень корреляции с ЛДПР, а по России между ними корреляция отрицательная. У «Единой России» по Москве корреляция с голосами «против всех» положительная (небольшая, но значимая), а по России сильно отрицательная. Здесь у «Единой России» вообще нет положительной корреляции ни с одной из основных партий, зато по Москве значимые корреляции не только с ЛДПР и голосами «против всех», но также с агариями и блоком «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости». При этом, как и прежде, у ЛДПР хорошая корреляция с протестным голосованием. Так же как и прежде, по России голоса

«против всех» положительно коррелируют с СПС и партией «Яблоко».

Аграрная партия по России имела значимую положительную корреляцию только с КПРФ и ЛДПР, а по Москве — с «Единой Россией», ЛДПР и блоком «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости». У последнего по России корреляция только с ЛДПР и голосами «против всех», а по Москве — с ЛДПР, «Единой Россией» и аграриями.

На основании итогов голосования на выборах в Государственную Думу 2003 года были рассчитаны корреляции для некоторых других городов и регионов. В большинстве случаев результаты были ближе к общероссийским, чем к московским. Так, положительную корреляцию между КПРФ и СПС или партией «Яблоко» (соответственно 0,60 и 0,48) мы обнаружили только для Нижнего Новгорода в разрезе 9 территориальных избирательных комиссий, однако ее нельзя считать значимой (для 9 точек при 5-процентном уровне значимости критическое значение коэффициента корреляции — 0,67). В разрезе участковых избирательных комиссий значимой получились положительная корреляция между КПРФ и СПС в нижегородском районе Сормово, а также между КПРФ и партией «Яблоко» в Приокском районе Нижнего Новгорода; в других районах этого города корреляции коммунистов с либералами были либо незначимые, либо отрицательные. Отрицательными были корреляции КПРФ с СПС и партией «Яблоко» по 57 территориальным избирательным комиссиям Краснодарского края, 30 территориальным комиссиям Санкт-Петербурга, а также по совокупности 67 территориальных комиссий остальных девяти крупнейших городов России (Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Челябинск).

Результаты корреляционного анализа можно изобразить и графически. Например, нарисовав график, где партии (а также голоса «против всех») являются вершинами, линии между которыми отражают значимые положительные связи. Особенно наглядными получаются такие графы, когда партии четко делятся на кластеры, между компонентами которых нет значимых положительных корреляций. Пример такого графа (корреляции на выборах в Государственную Думу 2003 года по Москве, отраженные в правой верхней части таблицы 5.33) представлен на иллюстрации 5.1.

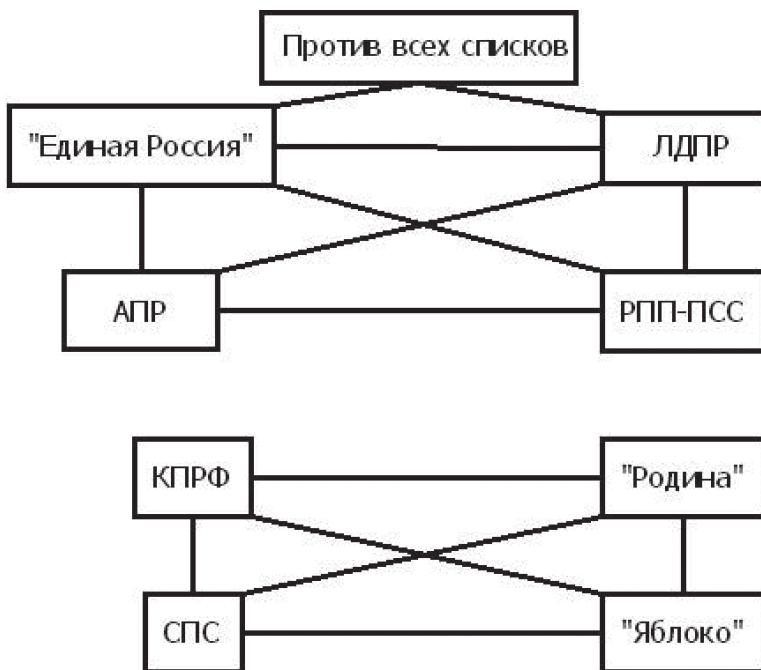

Иллюстрация 5.1. Граф, иллюстрирующий положительные значимые корреляционные связи между основными избирательными объединениями и блоками (а также голосованием «против всех») на выборах в Государственную Думу 2003 года по 125 территориальным избирательным

комиссиям Москвы. Обозначения избирательных объединений и блоков такое же, как в таблице 5.33

Появление после партийной реформы 2012 года большого числа новых политических партий (часто с весьма близкими названиями) повысило интерес к корреляционному анализу. По итогам голосования на региональных и муниципальных выборах 8 сентября 2013 года (использовались данные по каждой кампании) мы вычислили коэффициенты корреляции для большого числа партийных пар¹. Минимальные, максимальные и средние значения этих коэффициентов приведены в таблице 5.34.

Таблица 5.34. Коэффициенты корреляции между процентами голосов, полученных политическими партиями на региональных и муниципальных выборах 8 сентября 2013 года

Пара партий	Число кампаний	Коэффициент корреляции		
		мин.	средний	макс.
КПРФ – «Коммунисты России»	22	-0,13	0,30	0,83
КПРФ – КПСС	20	-0,51	0,18	0,80
«Коммунисты России» – КПСС	19	-0,18	0,40	0,98
КПРФ – «Патриоты России»	22	-0,43	0,13	0,79
«Коммунисты России» – «Патриоты России»	21	-0,48	0,16	0,91
«Патриоты России» – «Родина»	16	-0,42	0,17	0,76
«Родина» – «Родная страна»	10	-0,36	0,07	0,43

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 303–304.

«Справедливая Россия» — КПСС	20	-0,50	-0,05	0,45
«Справедливая Россия» — Российская партия пенсионеров за справедливость	11	-0,26	0,03	0,48
«Справедливая Россия» — Партия За Справедливость!	12	-0,33	0,23	0,70
Российская партия пенсионеров за справедливость — Партия За Справедливость!	8	-0,30	0,14	0,70
Партия За Справедливость! — КПСС	12	0,01	0,43	0,76
Российская партия пенсионеров за справедливость — КПСС	10	-0,20	0,17	0,79
«Гражданская платформа» — «Гражданская позиция»	11	-0,06	0,61	0,88
«Гражданская платформа» — «Гражданская сила»	7	-0,11	0,28	0,57
«Гражданская позиция» — «Гражданская сила»	6	-0,15	0,17	0,44
«Гражданская платформа» — «Яблоко»	9	0,08	0,43	0,64
«Гражданская платформа» — РПР-ПАРНАС	3	0,25	0,57	0,80
РПР-ПАРНАС — «Яблоко»	3	0,57	0,70	0,86
КПРФ — «Яблоко»	13	-0,32	0,34	0,86
«Яблоко» — РЭП «Зеленые»	10	0,01	0,62	0,94
«Яблоко» — «Альянс Зеленых — Народная партия»	6	-0,04	0,41	0,64
РЭП «Зеленые» — «Альянс Зеленых — Народная партия»	6	0,38	0,63	0,83

Примечания. Учитывались 23 избирательные кампании: выборы региональных парламентов республик Бурятия, Калмыкия, Хакасия, Забайкальского края, Архангельской, Владимирской, Ивановской, Иркутской, Ростовской, Смоленской, Ульяновской и Ярославской областей, представительных органов городов Абакан, Архангельск, Белгород, Волгоград, Екатерин-

бург, Красноярск, Новгород, Рязань, Тольятти, Тюмень и Якутск. Коэффициенты корреляции вычислялись в разрезе окружных или территориальных избирательных комиссий — в соответствии с тем, как они представлены в сводных таблицах на интернет-портале ЦИК России.

Как видно из таблицы, за прошедшие 10 лет положительная корреляция между КПРФ и партией «Яблоко» стала более распространенной. Из 13 исследованных кампаний в 10 значения коэффициента были положительными (из них в 5 — значимыми) и только в трех — отрицательными, но при этом незначимыми.

Высокая степень корреляции получилась между партиями либеральной части политического спектра («Яблоко», РПР-ПАРНАС, «Гражданская платформа»), а также между партией «Яблоко» и двумя «зелеными» партиями.

Интересно было оценить корреляционные связи между партиями со сходными названиями. Здесь наилучшая корреляция оказалась между «Гражданской платформой» и «Гражданской позицией», которая может свидетельствовать о том, что некоторая часть избирателей не смогла различить эти партии. Сказались как новизна бренда «Гражданская платформа», так и то, что существительные «платформа» и «позиция» близки и к тому же не несут содержательной нагрузки.

Гораздо слабее корреляция между партиями КПРФ, КПСС и «Коммунисты России» (она даже ниже, чем корреляция между КПРФ и партией «Яблоко»). Здесь можно предполагать, что спойлерский эффект КПСС и особенно «Коммунистов России» не столько в том, что их путают с КПРФ, сколько в привлечении голосов тех избирателей, для

которых важна лишь коммунистическая фразеология, отражающая их ностальгию по временам СССР, а также тех, кто, разочаровавшись в КПРФ, ищет «настоящих коммунистов».

И совсем не видно корреляции между партиями, использующими в своем названии производные от слова «справедливость». По-видимому, это понятие уже затерлось, и «Справедливая Россия» в настоящее время привлекает избирателей не с его помощью.

Второе направление (исследование корреляций между результатами партий и/или кандидатов на разных выборах) интересно в первую очередь для проверки устойчивости избиратората одной и той же партии, а также для анализа степени преемственности партий.

В таблице 5.35 представлены коэффициенты корреляции между результатами одних и тех же партий или партий-преемников на последовательных выборах в Государственную Думу в разрезе субъектов Российской Федерации. Как видно из таблицы, в большинстве случаев корреляция между результатами одной и той же партии достаточно высокая. Исключениями можно считать ЛДПР и ПРЕС 1993 и 1995 годов, движение «Наш дом — Россия» 1995 и 1999 годов, Союз правых сил 1999 и 2003 годов, Аграрную партию России 2003 и 2007 годов. При этом Союз правых сил в 1999 году был избирательным блоком, а в 2003 году — политической партией, в которую не вошел ряд известных активистов блока. В остальных случаях низкой корреляции партия потеряла существенную часть избиратората (особенно ПРЕС в 1995 году и движение «Наш дом — Россия» в 1999 году, к тому же обе утратили статус «партии власти»).

Таблица 5.35. Коэффициенты корреляции между процентами голосов, полученных политическими партиями на разных выборах в Государственную Думу

Первый массив		Второй массив		Коэффициент корреляции
Партия	Год	Партия	Год	
ЛДПР	1993	ЛДПР	1995	0,50
ЛДПР	1995	Блок Жириновского	1999	0,68
Блок Жириновского	1999	ЛДПР	2003	0,78
ЛДПР	2003	ЛДПР	2007	0,85
ЛДПР	2007	ЛДПР	2011	0,92
КПРФ	1993	КПРФ	1995	0,78
КПРФ	1995	КПРФ	1999	0,84
КПРФ	1999	КПРФ	2003	0,80
КПРФ	2003	КПРФ	2007	0,72
КПРФ	2007	КПРФ	2011	0,77
«Я-Б-Л»	1993	«Яблоко»	1995	0,78
«Яблоко»	1995	«Яблоко»	1999	0,65
«Яблоко»	1999	«Яблоко»	2003	0,77
«Яблоко»	2003	«Яблоко»	2007	0,84
«Яблоко»	2007	«Яблоко»	2011	0,92
ПРЕС	1993	ПРЕС	1995	0,36
«Женщины России»	1993	«Женщины России»	1995	0,72
«Женщины России»	1995	«Женщины России»	1999	0,69
Аграрная партия России	1993	Аграрная партия России	1995	0,73
Аграрная партия России	2003	Аграрная партия России	2007	0,39
«Выбор России»	1993	«Наш дом — Россия»	1995	0,03
ПРЕС	1993	«Наш дом — Россия»	1995	0,33
«Наш дом — Россия»	1995	«Наш дом — Россия»	1999	0,32

«Наш дом — Россия»	1995	«Отчество — Вся Россия»	1999	0,61
«Наш дом — Россия»	1995	«Медведь»	1999	-0,10
«Отчество — Вся Россия»	1999	«Единая Россия»	2003	0,45
«Медведь»	1999	«Единая Россия»	2003	0,09
«Единая Россия»	2003	«Единая Россия»	2007	0,84
«Единая Россия»	2007	«Единая Россия»	2011	0,90
«Выбор России»	1993	ДВР-ОД	1995	0,46
ДВР-ОД	1995	Союз правых сил	1999	0,37
Союз правых сил	1999	Союз правых сил	2003	0,49
Союз правых сил	2003	Союз правых сил	2007	0,60
Союз правых сил	2007	«Правое дело»	2011	0,50
«Гражданская сила»	2007	«Правое дело»	2011	0,73
ДПР	2007	«Правое дело»	2011	0,24
Конгресс русских общин	1995	КРО-ДЮБ	1999	0,29
КРО-ДЮБ	1999	«Родина»	2003	0,46
«Родина»	2003	«Справедливая Россия»	2007	0,57
ПВР-РПЖ	2003	«Справедливая Россия»	2007	0,41
«Справедливая Россия»	2007	«Справедливая Россия»	2011	0,71
«Патриоты России»	2007	«Патриоты России»	2011	0,59

Сокращения: ДВР-ОД — «Демократический выбор России — Объединенные демократы», ДПР — Демократическая партия России, ПВР-РПЖ — «Партия возрождения России — Российская партия жизни», ПРЕС — Партия российского единства и согласия, «Я-Б-Л» — Блок «Явлинский — Болдырев — Лукин».

Корреляция у партий-преемников обычно ниже, а в некоторых случаях она практически отсутствует (критический уровень значимости — 0,21), свидетель-

ствую о том, что преемственность чисто формальная или надуманная. Так, на вопрос, кто был преемником блока «Выбор России», который воспринимался одновременно и как партия реформаторов, и как «партия власти», — партия реформаторов «Демократический выбор России» или новая «партия власти», движение «Наш дом — Россия», — корреляционный анализ дает следующий ответ: движение «Наш дом — Россия» однозначно преемником не являлось, но и «Демократический выбор России» можно считать преемником с большой натяжкой. Так же трудно считать движение «Наш дом — Россия» преемником ПРЕС.

Говоря далее о «партиях власти», следует отметить, что блок «Отечество — Вся Россия» можно считать преемником движения «Наш дом — Россия», а партию «Единая Россия» в свою очередь — преемником блока «Отечество — Вся Россия». В то же время отсутствует электоральная преемственность между блоком «Медведь» и «партиями власти» 1995 и 2003 годов (соответственно «Наш дом — Россия» и «Единая Россия»).

«Правое дело» было создано в 2008 году путем неформального слияния трех партий — Союза правых сил, «Гражданской силы» и Демократической партии России. Из таблицы мы видим, что электоральная преемственность у «Правого дела» 2011 года скорее с «Гражданской силой», чем с Союзом правых сил, а с Демократической партией России преемственности нет совсем.

Наконец, стоит отметить относительно высокую корреляцию между блоком «Родина» 2003 года и «Справедливой Россией» 2007 года, которая больше, чем у блока «Партия возрождения России — Российская партия жизни». Формально-юридически «Справедливая Россия» является преемником партии «Ро-

дина», которая (под именем Партия российских регионов) была одним из учредителей блока «Родина». В то же время лидером «Справедливой России» стал прежний лидер Российской партии жизни, председатель Совета Федерации С. М. Миронов. Однако, как видно из коэффициентов корреляции, «Справедливая Россия» заняла в основном электоральную нишу блока «Родина».

Также интересно оценить корреляцию между кандидатами на должность Президента РФ. Как видно из таблицы 5.36, коэффициенты корреляции между одними и теми же кандидатами либо выдвиженцами одной и той же партии также достаточно высокие, но в основном ниже, чем между одной и той же партией. Если же говорить о преемниках, то обращает на себя внимание невысокая корреляция между результатами Б. Н. Ельцина в первом туре выборов 1996 года и В. В. Путина в 2000 году.

Таблица 5.36. Коэффициенты корреляции между процентами голосов, полученных на разных выборах кандидатами на должность Президента Российской Федерации

Первый массив		Второй массив		Коэффициент корреляции
Кандидат	Год	Кандидат	Год	
Ельцин Б.Н.	1996	Путин В.В.	2000	0,43
Путин В.В.	2000	Путин В.В.	2004	0,68
Путин В.В.	2004	Медведев Д.А.	2008	0,79
Медведев Д.А.	2008	Путин В.В.	2012	0,84
Зюганов Г.А.	1996	Зюганов Г.А.	2000	0,66
Зюганов Г.А.	2000	Харитонов Н.М.	2004	0,77

Харитонов Н.М.	2004	Зюганов Г.А.	2008	0,75
Зюганов Г.А.	2008	Зюганов Г.А.	2012	0,87
Жириновский В.В.	1996	Жириновский В.В.	2000	0,77
Жириновский В.В.	2000	Малышкин О.А.	2004	0,67
Малышкин О.А.	2004	Жириновский В.В.	2008	0,72
Жириновский В.В.	2008	Жириновский В.В.	2012	0,79
Явлинский Г.А.	1996	Явлинский Г.А.	2000	0,54
Явлинский Г.А.	2000	Хакамада И.М.	2004	0,62

Еще один вариант — исследовать корреляцию между результатами партии на выборах в Государственную Думу и результатами ее (либо близкого к ней) кандидата на выборах Президента РФ, прошедших несколько месяцев спустя. Как видно из таблицы 5.37, корреляция между результатом партии и выдвинутого ею кандидата довольно высокая (везде выше 0,6, а в основном выше 0,8 — за исключением случаев А.И. Лебедя в 1996 году, который был выдвинут как Конгрессом русских общин, так и группой избирателей, но подписи за него были собраны группой избирателей, Г.А. Явлинского в 1996 году и Г.А. Зюганова в 2000 году, который тогда формально был выдвинут группой избирателей). По-видимому, высокий уровень корреляции связан с коротким интервалом между двумя выборами.

Коэффициенты корреляции между партией и кандидатом, связанным с партией менее формально, часто были существенно ниже. В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие значимой корреляции между результатами блока «Медведь», поддержанного В.В. Путиным, и результатами самого В.В. Путина. Низкой была и корреляция между результатами Демократической партии России и ее лидера А.В. Богданова, который баллотировался в Президенты РФ как самовыдвиженец. В то же вре-

Таблица 5.37. Коэффициенты корреляции между процентами голосов, полученных политическими партиями на выборах в Государственную Думу и кандидатами на выборах Президента Российской Федерации

Первый массив		Второй массив		Коэффициент корреляции
Партия	Год	Кандидат	Год	
ЛДПР	1995	Жириновский В.В.	1996	0,82
Блок Жириновского	1999	Жириновский В.В.	2000	0,91
ЛДПР	2003	Малышкин О.А.	2004	0,86
ЛДПР	2007	Жириновский В.В.	2008	0,85
ЛДПР	2011	Жириновский В.В.	2012	0,90
КПРФ	1995	Зюганов Г.А.	1996	0,88
КПРФ	1999	Зюганов Г.А.	2000	0,79
КПРФ	2003	Харитонов Н.М.	2004	0,81
КПРФ	2007	Зюганов Г.А.	2008	0,87
КПРФ	2011	Зюганов Г.А.	2012	0,92
«Яблоко»	1995	Явлинский Г.А.	1996	0,70
«Яблоко»	1999	Явлинский Г.А.	2000	0,84
«Яблоко»	2011	Прохоров М.Д.	2012	0,88
«Наш дом — Россия»	1995	Ельцин Б.Н.	1996	0,62
«Медведь»	1999	Путин В.В.	2000	0,12
«Единая Россия»	2003	Путин В.В.	2004	0,80
«Единая Россия»	2007	Медведев Д.А.	2008	0,86
«Единая Россия»	2011	Путин В.В.	2012	0,92
Союз правых сил	1999	Титов К.А.	2000	0,53
Союз правых сил	2003	Хакамада И.М.	2004	0,52
ДПР	2007	Богданов А.В.	2008	0,31
Конгресс русских общин	1995	Лебедь А.И.	1996	0,61

«Родина»	2003	Глазьев С.Ю.	2004	0,64
ПВР-РПЖ	2003	Миронов С.М.	2004	0,58
«Справедливая Россия»	2011	Миронов С.М.	2012	0,91

Сокращения: ДПР — Демократическая партия России, ПВР-РПЖ — «Партия возрождения России — Российская партия жизни».

мя довольно высокой оказалась корреляция между результатами партии «Яблоко» и результатами М.Д. Прохорова, который формально к этой партии никакого отношения не имел, но реально опирался на близкий избирательный округ.

Примером исследований, в котором использовались корреляции между результатами партий и социально-экономическими показателями, является работа А.Ю. Бузина, в которой анализировались такие корреляции для выборов в Государственную Думу 1995 года¹.

Другой пример — работы А.С. Ахременко. В подразделе 4.4.2 уже упоминалось его исследование, показавшее корреляцию между уровнем голосования «против всех» и долей городского и русского населения в регионе². Аналогичное исследование этот автор провел в отношении активности избирателей — она также оказалась связанной с этими факторами и, кроме того, с расстоянием центра региона от Москвы (в данном случае все корреляции отрицательные)³.

¹ Бузин А.Ю. Влияние социально-экономического развития регионов России на итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ второго созыва // ПОЛИС. 1996. № 1. С. 103–118.

² Ахременко А.С. Голосование «против всех» на российском региональном фоне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5. С. 97–111.

³ Ахременко А.С. Электоральное участие и абсентизм в российских регионах: закономерности и тенденции // Вестн.

5.4.2. Другие статистические методы анализа

В данном разделе мы не сможем представить все методы, которые используются или могут использоваться для анализа итогов голосования на выборах. Ограничимся только теми исследованиями, которые касаются российских выборов.

Методы кластерного анализа использовались в работе А. С. Ахременко. Для этого вначале вычисляются «расстояния» между объектами (в данном случае — итогами голосования за партии). При этом использовались два разных подхода — метрика Пирсона: $1 - r$, где r — коэффициент корреляции, и евклидово расстояние: $\sqrt{\sum(x_i - y_i)^2}$, где x_i и y_i — результаты партий, «расстояние» между которыми измеряется, на i -й территории.

Далее использовались два разных метода. Иерархический кластер-анализ предусматривает построение дендрограмм (древовидных структур), на которых объекты группируются в зависимости от расстояния между ними. При методе K -средних изначально задается число кластеров, и математический алгоритм позволяет сгруппировать объекты.

Методы эти были опробованы на примере выборов в Государственную Думу 1999 года на территории Северо-Западного административного округа Москвы; в качестве территориальных единиц выступали 16 районов округа. Оценивались итоги голосования за шесть основных партий и блоков. Во всех случаях наиболее близки были Союз правых сил и «Яблоко», и кластер из этих двух партий был ближе всего к КПРФ. В другую группу включались блок «Медведь» и Блок Жириновского; блок «Отечество — Вся Рос-

сия» либо стоял особняком, либо примыкал к кластеру «Медведь» — Блок Жириновского¹.

В целом результаты кластерного анализа похожи на описанное нами в предыдущем подразделе построение графа на основе корреляционных связей, но кластерный анализ в данном отношении математически более формализован.

Описанные выше подходы в оценке «расстояний» между объектами применялись в той же работе и для решения другой задачи — определения электоральных различий субъектов РФ. При этом использовались данные об итогах голосования на семи федеральных выборах 1993–2004 годов. Вначале для каждого выборов и для каждого региона вычислялась сумма парных «расстояний» этого региона от всех остальных, затем результаты преобразовывались в ранги (порядковые номера) регионов в их ранжированном перечне. Далее складывались ранги по всем выборам, и получался своеобразный «индекс уникальности». Регионами с наименьшей уникальностью оказались Тверская, Владимирская и Калужская области, а наиболее высокие значения индекса получились у Москвы, Санкт-Петербурга, ряда республик и автономных округов².

В большей степени при исследовании российских выборов использовался факторный анализ, позволяющий выявить скрытые (латентные) связи и охарактеризовать электоральные размежевания (расколы)³. Первая работа была выполнена В. Боксером и соавто-

¹ Ахременко А. С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М., 2008. С. 100–112.

² Там же. С. 92–99.

³ Подробнее о методе см.: Ахременко А. С. Структуры электорального пространства. М., 2007. С. 75–97; Ахременко А. С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М., 2008. С. 120–138.

рами на материале выборов в Государственную Думу 1993 года. Авторы использовали данные об итогах голосования в 68 субъектах РФ, в которых проживало свыше 90% избирателей (исключены были ряд республик и автономных округов). При этом четыре партии-аутсайдера были объединены попарно в два «блока». В результате была выбрана четырехфакторная модель. Первый фактор был связан с отношением к курсу реформ, второй фактор — противостояние конформизма и революционизма, третий фактор — противостояние прозападнических и антизападнических позиций, четвертый фактор связан с неприятием выбора между полярными политическими позициями¹.

Позже А. С. Ахременко применил факторный анализ для исследования федеральных выборов 1991–2004 годов². Далее на основании этого анализа он сделал вывод об эволюции электорального пространства России. Так, по его данным, период 1991–1996 годов характеризовался выраженным доминированием раскола между «державно-консервативными» левыми политическими силами и «либерально-реформистскими» правыми. Следующий электоральный цикл, охватывающий парламентские выборы 1999 года и президентские выборы 2000 года, автор счел переходным. Он отметил, что в 1999 году лево-правый раскол еще можно было считать базо-

¹ Боксер В., Макфол М., Осташев В. Российский электорат на парламентских выборах и референдуме 12 декабря 1993 года: мотивация выбора // Анализ электората политических сил России. М., 1995. С. 92–110.

² Ахременко А. С. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995–2003 гг. // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 26–60; Ахременко А. С. Структуры электорального пространства. М., 2007. С. 129–211.

вым. С 2000 года постепенно начинает доминировать раскол «действующая власть — альтернативы действующей власти». Указанная тенденция полностью закрепилась в электоральном цикле 2003–2004 годов¹.

Ю. Г. Коргунюк скорректировал методику, используемую А. С. Ахременко, в частности он расширил число участников выборов, включенных в анализ, и в качестве дополнительной оценки ввел показатель вклада, вносимого в размежевание каждой партией. Далее он подверг анализу выборы в Государственную Думу 1993, 1995, 1999, 2003 и 2007 годов и дал несколько иную, чем А. С. Ахременко, интерпретацию размежеваний. В частности, на выборах 1999 года, по его мнению, уже доминировало противостояние «партий власти» и «партий общественности». Общий вывод автора состоит в констатации последовательного усиления унитаристских и консервативных тенденций в настроениях российского избирателя. В то же самое время на осиях «традиции — прогресс», «частная — государственная собственность», «коллективизм — индивидуализм» наблюдалось ослабление противостояния и укрепление нейтральной позиции. При этом модернисты, рыночники и индивидуалисты теряли поддержку избирателей гораздо быстрее и кардинальнее, нежели их оппоненты².

В следующей работе Ю. Г. Коргунюк (впоследствии вместе А. С. Ахременко) проанализировал итоги голосования на выборах в Государственную Думу 1995, 1999, 2003 и 2007 годов на уровне регионов и показал, что в разных регионах процесс вытеснения

¹ Ахременко А. С. Качественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М., 2008. С. 144–152.

² Коргунюк Ю. Г. Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей // Полития. 2009. № 4. С. 103–142.

идеологического размежевания противостоянием власти и «общественности» проходил по-разному¹. Затем теми же методами были проанализированы выборы в Государственную Думу 2011 года², позже к ним был добавлен регрессионный анализ, позволивший связать выявленные избирательные размежевания с социально-экономическими и демографическими характеристиками регионов³, а также анализ избирательных размежеваний на региональных выборах 2012–2014 годов⁴.

В работе М. Мягкова и соавторов были развиты разработанные в зарубежной литературе методы оценки *перетока голосов* между партиями от одних выборов к другим. Для этого использовались данные о доле голосов за кандидатов или за партии от списочного числа избирателей (и соответственно о доле не участвовавших в выборах избирателей) по всем территориальным избирательным комиссиям (всего в Российской Федерации действовали более 2700 таких комиссий). Для расчета коэффициентов

¹ Коргунюк Ю. Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования // Полития. 2011. № 2. С. 85–117; Коргунюк Ю. Г., Ахременко А. С. Трансформация структуры избирательных размежеваний в постсоветской России и изменение роли идеологической мотивации в поведении избирателей // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах. М., 2012. С. 188–217.

² Коргунюк Ю. Г. Структура избирательных размежеваний в избирательном цикле 2011–2012 годов и возможные сценарии развития ситуации // Полития. 2012. № 3. С. 84–99.

³ Коргунюк Ю. Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. 2013. № 3. С. 31–61; Коргунюк Ю. Г. Региональная карта избирательных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года // Полития. 2014. № 3. С. 75–91.

⁴ Коргунюк Ю. Г., Грачев М. Н. Партийная реформа и изменения в структуре избирательных размежеваний // Партийная реформа и контреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. М., 2015. С. 106–142.

перетока использовался взвешенный метод наименьших квадратов.

В результате расчета был оценен переток голосов от выборов в Государственную Думу 1995 года к аналогичным выборам 1999 года, от выборов в Государственную Думу 1999 года к аналогичным выборам 2003 года, от выборов в Государственную Думу 1999 года к президентским выборам 2000 года и от выборов в Государственную Думу 2003 года к президентским выборам 2004 года¹. В качестве примера в таблице 5.38 приведены данные о перетоке голосов от парламентских выборов 1999 года к парламентским выборам 2003 года.

Таблица 5.38. Коэффициенты перетока голосов между партиями и блоками, а также не голосовавшими избирателями от выборов в Государственную Думу 1999 года к выборам в Государственную Думу 2003 года

2003\1999	«Медведь»	ОВР	КПРФ	БЖ	«Яблоко»	СПС	Ост.	Не гол.
ЕР	0,65	0,63	0,19	0,26	0,18	-0,05	0,16	0,02
КПРФ	0,00	-0,04	0,37	-0,06	-0,01	0,09	0,13	0,00
ЛДПР	0,09	-0,03	0,05	0,70	0,15	0,03	0,04	0,02
«Родина»	0,07	0,14	0,08	-0,17	0,15	0,14	-0,02	0,03
«Яблоко»	0,01	0,06	-0,01	0,00	0,27	0,15	-0,02	0,01
СПС	0,00	0,04	-0,02	-0,13	-0,01	0,37	0,06	0,00
Ост.	0,10	0,17	0,11	0,10	-0,08	0,20	0,66	-0,01
Не гол.	0,08	0,03	0,23	0,29	0,37	0,07	-0,02	0,93

¹ Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Электоральный ландшафт России: Аналитический доклад. М.: Институт открытой экономики, 2004.

Источник: Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Электоральный ландшафт России: Аналитический доклад. М.: Институт открытой экономики, 2004. С. 9.

Сокращения: БЖ — Блок Жириновского, ЕР — «Единая Россия», Не гол. — не голосовавшие избиратели, ОВР — блок «Отечество — Вся Россия», Ост. — остальные партии и блоки и голоса «против всех», СПС — Союз правых сил.

Как видно из таблицы, за четыре года изменения произошли в электорате всех основных партий. «Единая Россия» смогла привлечь на свою сторону только две трети избирателей блоков «Медведь» и «Отечество — Вся Россия», но при этом ей удалось приобрести значительную долю электората КПРФ, ЛДПР и партии «Яблоко». Заметным был переток голосов от блока «Медведь» к ЛДПР, от Союза правых сил к партии «Яблоко» и КПРФ и от партии «Яблоко» к ЛДПР.

Наиболее интересно, из каких составляющих сложился электорат блока «Родина». Принято считать, что блок этот (как и ряд других блоков на выборах 2003 года) создавался с целью отнять голоса у КПРФ. Однако расчеты М. Мягкова и соавторов показали, что «Родина» сумела собрать самый разный электорат: больше всего за нее голосовали бывшие избиратели блока «Отечество — Вся Россия» (1,13 млн), только на втором месте бывшие избиратели КПРФ (1,10 млн), далее — избиратели, не голосовавшие в 1999 году (1,03 млн), избиратели блока «Медведь» (0,98 млн), Союза правых сил (0,72 млн), и партии «Яблоко» (0,51 млн)¹.

В работе П. Панова был предложен индекс концентрации, который может быть вычислен для каждого кандидата на основании данных о его поддержке в

¹ Там же. С. 35.

различных территориальных единицах (например, избирательных участках) избирательного округа. Этот индекс вычисляется следующим образом. Сначала для каждого территориального образования вычисляется показатель a , который представляет собой долю территориальной единицы в общем количестве голосов, которое получил кандидат в масштабах всего округа, взвешенное долей соответствующей территориальной единицы в общем числе избирателей этого округа. Затем вычисляются модули разностей между всеми возможными парами значений a , далее эти модули суммируются и сумма делится на число территориальных единиц минус один.

Получаемый индекс концентрации может принимать значения от 0 до 1. Если кандидат получил все голоса в одной территориальной единице, индекс будет равен 1. Если его избиратели распределились между всеми территориальными единицами абсолютно равномерно, индекс будет равен 0. По мнению автора, данный индекс является показателем партикуляристских (клиентелистских) эlectorальных практик, при которых партикуляристские блага предоставляются в обмен на голоса определенным территориальным группам избирателей.

В данной работе на примере выборов глав муниципальных районов и городских округов Пермского края, проходивших с конца 2003 года до весны 2009 года, а также выборов депутатов Законодательного Собрания Пермского края 2006 года по одномандатным избирательным округам путем регрессионного анализа было показано, что значимое положительное влияние на индексы концентрации оказывал уровень конкуренции (индикатором которого является эффективное число кандидатов, см. раздел 5.1)¹.

¹ Панов П. Электоральные практики на конкурентных и неконкурентных выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 44–56.

5.5. Методы выявления фальсификаций

Прежде чем обсуждать статистические методы выявления фальсификаций, следует обратить внимание на то, что фальсификации бывают разных видов. По своему влиянию на итоги голосования все способы фальсификаций можно разделить на три группы:

1) вброс — число голосов за одного кандидата (одну партию) увеличивается, а за других остается неизменным; в этом случае на число «вброшенных голосов» увеличивается показатель явки, то есть результат кандидата (партии) увеличивается формально за счет снижения числа не проголосовавших избирателей;

2) переброс — число голосов за одного кандидата (одну партию) увеличивается за счет снижения числа голосов за другого кандидата (другую партию);

3) изъятие — вид, противоположный вбросу — число голосов за одного кандидата (одну партию) уменьшается, а за других остается неизменным; в этом случае показатель явки также снижается, то есть результат кандидата (партии) уменьшается формально за счет повышения числа не проголосовавших избирателей.

Отметим, что в нашей практике случаи изъятия встречались существенно реже, чем случаи вброса и переброса.

Необходимо также различать способы фальсификаций в зависимости от того, на какой стадии избирательного процесса они произошли: на стадии голосования, подсчета голосов или подведения итогов голосования. В ходе голосования возможны лишь фальсификации типа вброса — это может быть как непосредственный вброс пачки бюллетеней в урну, так и многократное голосование одних и тех же лиц, незаконно получающих бюллетени. В ходе подсчета голосов в основном используется переброс, хотя воз-

можны также вброс и изъятие. На последней стадии (оформление протоколов) возможны все три варианта и их комбинации¹.

В связи с этим важно понимать, что отдельные математические методы могут быть пригодны для выявления фальсификаций одного вида или способа и неэффективны в случае применения других способов.

Одним из наиболее простых и понятных методов выявления фальсификаций является сравнительный (дисперсионный анализ) — сравнение итогов голосования на близких по составу избирательных участках или территориях. Такое сравнение удобно осуществлять с помощью таблиц или, что более наглядно, с помощью гистограмм. Если избирательный округ достаточно однородный, то при честном проведении голосования и подсчета голосов разброс не должен быть велик. Фальсификации же обычно осуществляются не по всем избирательным участкам², и это приводит к заметному увеличению разброса.

Различные примеры применения данного метода приведены в нашей работе³. Здесь мы ограничимся примером, когда на выборах, проходивших по сме-

¹ Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 12–16.

² Это не относится к тем случаям, когда итоговые протоколы составляются безотносительно к реальным итогам голосования. В таких случаях однородность итогов голосования может оказаться почти абсолютной, что также вызывает обоснованные подозрения. Примером может служить сводная таблица по г. Дербенту на выборах Президента РФ 2008 года (Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 249).

³ Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 135–140.

шанной несвязанной системе, были параллельно построены гистограммы итогов голосования в одном и том же городе за избирательный блок по федеральному округу и за лидера этого блока по одномандатному округу (иллюстрация 5.2). По этим гистограммам хорошо видно, насколько разброс доли голосов, поданных за кандидата, слабее разброса голосов, поданных за избирательный блок. В данном случае из первой гистограммы мы можем сделать вывод о достаточной однородности городского избирательного округа, и в сравнении с ней вторая гистограмма ясно указывает на фальсификацию итогов голосования по федеральному округу.

Более сложные методы выявления фальсификаций в России начали разрабатываться в начале 1990-х годов группой исследователей под руководством А.А. Собянина и В.Г. Суховольского. Одним из первых был предложен метод ранговых распределений, основанный на предположении, что при свободной конкуренции число голосов, получаемых кандидатами, должно удовлетворять закону Ципфа — Парето, который выражается следующим уравнением:

$$\ln N_i = A - B * \ln i,$$

где N_i — число голосов, полученных каждым кандидатом, i — место, полученное кандидатом в ходе выборов, A и B — константы, которые могут быть различными для каждого конкретных выборов.

Для проверки, удовлетворяют ли итоги голосования закону Ципфа — Парето, достаточно построить зависимость итогов голосования за каждого кандидата (в абсолютных или относительных величинах) от занятого им места в двойных логарифмических координатах: в случае удовлетворения эта зависимость должна ложиться с хорошей точностью на прямую линию.

Глазьев

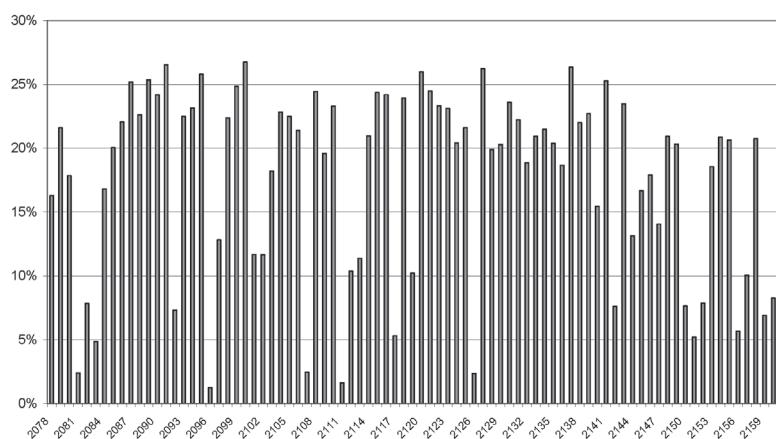
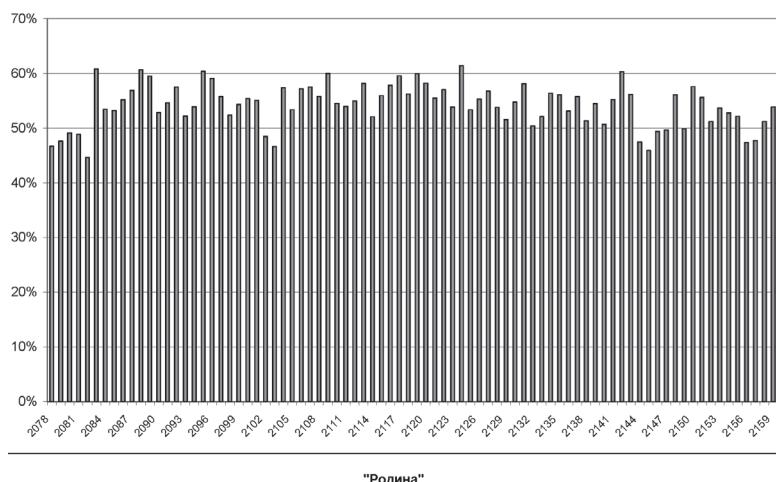

Иллюстрация 5.2. Итоги голосования в разрезе избирательных участков в г. Подольске (Московская область) на выборах депутатов Государственной Думы 2003 года за С. Ю. Глазьева по одномандатному округу (*вверху*) и за блок «Родина» по федеральному округу (*внизу*). Источник: Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 137

По утверждениям авторов метода, исследование большого массива данных о результатах выборов в разных странах, включая выборы в России в 1990–1991 годах, привело их к выводу, что в большинстве случаев закон Ципфа — Парето выполнялся. Этот метод был применен авторами для выявления фальсификаций в г. Кызыле на выборах Президента РСФСР 1991 года, а также на выборах губернатора Липецкой области 1993 года.

Однако при этом сами авторы отмечали, что нарушение данной закономерности может быть следствием не только прямых фальсификаций, но и других нарушений принципа свободной конкуренции. Более того, они отметили, что закон Ципфа — Парето будет выполняться тогда, когда каждый из кандидатов, каждая из партий обладает своей собственной, не перекрывающейся со всеми остальными политической платформой¹.

Ю. Н. Благовещенский и И. А. Винюков, анализируя данный метод на материале выборов депутатов Государственной Думы 2003 года, отметили, что в современных российских условиях при голосовании по партийным спискам картина оказывается более сложной. Есть группа лидеров, для которых закон Ципфа — Парето выполняется удовлетворительно, и группы середняков и аутсайдеров, для каждой из которых данный закон выполняется обычно хуже и с другими коэффициентами наклона (а потому для всех партий вместе закон Ципфа — Парето выполняется плохо)². Получается, что конкуренция между

¹ Собянин А. А., Суховольский В. Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. М., 1995. С. 52–73.

² Благовещенский Ю. Н., Винюков И. А. Возможности статистики в обнаружении нарушений (выборы в Думу — 2003) // Интернет-мониторинг выборов в Госдуму 2003. М., 2004. С. 249–261.

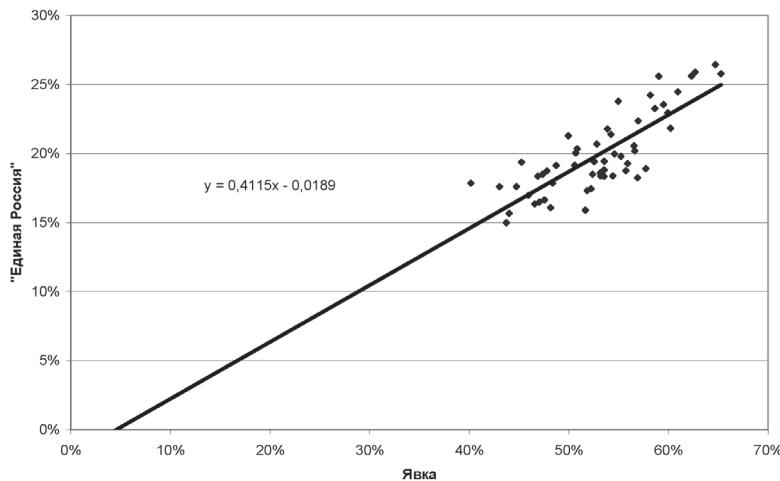
разными партиями идет на разном поле: между лидерами — на одном, между середняками — на другом, между аутсайдерами — на третьем. Приходится делать вывод, что данный метод можно применять только для группы лидеров, и то с большой осторожностью.

В силу указанных обстоятельств метод ранговых распределений не получил сколько-нибудь широкого применения.

Другой метод был использован А.А. Собяниным и В.Г. Суховольским для доказательства фальсификаций на выборах депутатов Государственной Думы 1993 года. Он основан на предположении, что в отсутствии фальсификаций результаты кандидатов или партий (в процентах от числа проголосовавших избирателей или действительных голосов) не зависят от активности избирателей. Если же результаты кандидатов или партий на отдельных территориях (избирательный участок, район и т.п.) выражать в процентах от списочного числа избирателей, то зависимость таких результатов от показателя явки должна выражаться прямой, исходящей из начала координат, тангенс угла наклона которой равен среднему проценту голосов от числа проголосовавших избирателей.

Такие «нормальные» графики действительно часто наблюдаются на выборах (см. верхний график на иллюстрации 5.3). Однако встречаются и графики, которые с точки зрения данной гипотезы следует считать «аномальными»: в них точки, характеризующие итоги голосования на отдельных территориях, располагаются вдоль регрессионной прямой, пересекающей ось ординат заметно выше или ниже начала координат (см. нижний график на иллюстрации 5.3).

Краснодарский край

Саратовская область

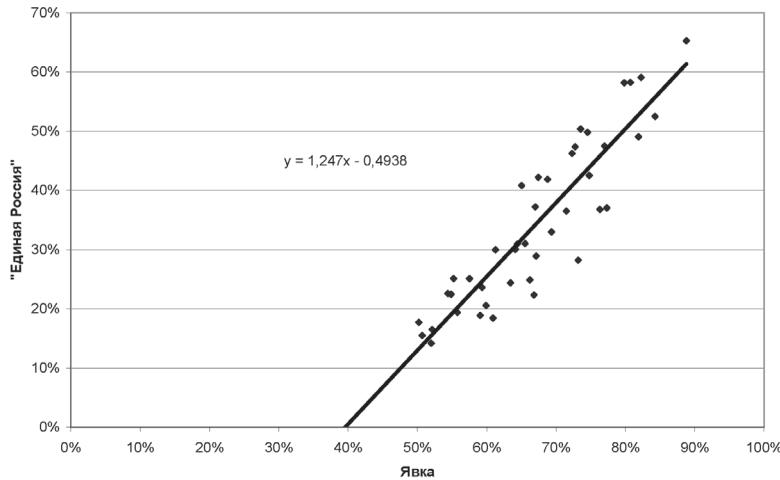

Иллюстрация 5.3. Зависимость доли голосов за «Единую Россию», выраженной в процентах от списочного числа избирателей, от явки в разрезе ТИК на выборах депутатов Государственной Думы 2003 года для Краснодарского края (*вверху*) и Саратовской области (*внизу*). Источник: Любарев А. Е.,

Бузин А.Ю., Кынев А.В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 146

Особое внимание следует обратить на случаи, когда результаты одного кандидата ложатся на прямую, имеющую тангенс угла наклона, равный единице, а результаты остальных кандидатов (а также доля не-действительных бюллетеней) ложатся на горизонтальные прямые. Это означает, что все «дополнительно пришедшие» (по сравнению с территориями с минимальной явкой) избиратели голосовали только за одного кандидата. По мнению авторов метода, такие графики свидетельствуют о фальсификациях типа вброса¹.

Аналогичный метод применял позднее В. В. Михайлов для выявления фальсификаций на выборах в Татарстане и других российских регионах 1991–2001 годов. Однако он по оси ординат откладывал долю голосов от числа проголосовавших избирателей. В таком варианте «нормальные» линии должны были иметь нулевой наклон, а «аномальные» — положительный для кандидата, в пользу которого совершились фальсификации, и отрицательный для остальных². Однако такой способ анализа не позволяет отличать «нормальный» случай от случаев, когда закономерности не видно из-за сильного разброса: в обоих случаях коэффициент корреляции будет близок к нулю. При способе Собянина — Суховольского в «нормальном» случае коэффициент корреляции будет близок к единице.

¹ Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. М., 1995. С. 75–105.

² Михайлов В. Демократизация России: различная скорость в регионах // Особая зона: выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000. С. 25–84; Михайлов В. В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? М., 2004. С. 184–325.

Метод корреляции с явкой Собянина — Суховольского был развит в работах М. Мягкова, Д. Шакина и соавторов, посвященных анализу выборов в России и на Украине. Тангенс угла наклона кривой на графиках Собянина — Суховольского (один из двух параметров регрессионного уравнения) они называли «поддержкой дополнительных избирателей» (ПДИ) и в качестве критерия отклонения от «нормы» (нерегулярности в их терминологии) использовали разность между ПДИ и результатом кандидата (партии) относительно числа проголосовавших избирателей¹.

Мы в своей работе использовали в основном другой показатель — второй параметр регрессионного уравнения, то есть отрезок, отсекаемый регрессионной прямой на оси ординат. Этот параметр мы называли смещением регрессионной линии (СРЛ). В идеальном случае значение СРЛ должно быть нулевым (то есть регрессионная линия должна попадать в начало координат). По нашим оценкам, «нормальными» можно считать итоги голосования, при которых значение СРЛ по модулю не превышает 0,1 (или 10%). Превышение этого порога свидетельствует об аномалиях².

Метод корреляции с явкой Собянина — Суховольского неоднократно подвергался критике. Главные аргументы оппонентов сводятся к тому, что гипотеза о независимости голосования и явки может не выполняться не только из-за прямых фальсифи-

¹ Кунов А., Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Россия и Украина: нерегулярные результаты регулярных выборов. М., 2005. С. 4–5; Myagkov M., Ordeshook P.C., Shakin D. The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine. N.Y., 2009.

² Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 197–201.

каций, но и по другим причинам. При этом можно выделить три альтернативных объяснения.

Первое сводится к тому, что помимо прямых фальсификаций возможны и некоторые незаконные формы воздействия на избирателей, которые могут приводить к подобным эффектам — давление на избирателей, контроль за их волеизъявлением¹. Однако такие незаконные действия можно объединить с фальсификациями в одну группу, и в этом случае аномалии, выявляемые методом корреляции с явкой, будут мерилом более широкого явления — использования административного ресурса в процессе голосования и подведения его итогов.

Второе объяснение основано на представлении, согласно которому различные категории избирателей отличаются не только своими политическими предпочтениями, но и активностью на выборах. В наиболее общем виде его можно сформулировать так: конформистски настроенные группы избирателей (сельский избирательный округ, лица пожилого возраста) показывают повышенную активность на выборах и одновременно повышенный уровень поддержки представителей власти и (или) традиционных политических сил.

Третье объяснение предполагает, что кандидаты и партии, поддержка которых растет с явкой, просто более активно работали с теми группами избирателей, которые колебались в своем выборе, в том числе и в выборе «голосовать — не голосовать». В результате именно они привели на выборы этих колебавшихся избирателей, и потому корреляция их поддержки с явкой вполне закономерна.

¹ Панов П. Электоральные практики на конкурентных и неконкурентных выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 44–56.

Следует отметить, что во многих критических высказываниях заметно непонимание разницы между различиями итогов голосования во времени (то есть между выборами, проводившимися в разные даты) и в пространстве (то есть между разными территориями на одних и тех же выборах). Так, отмечалось, что при низкой явке в России в 1990-е годы доля голосов за левых была выше, чем на выборах с высокой явкой¹ (то же самое наблюдалось в 2000-е годы в отношении голосования за партию власти). Однако если бы эта закономерность распространялась на пространственные различия, то зависимость голосования от явки для левых (или за власть) имела бы пониженный наклон, а за правых — повышенный. На самом деле наблюдалась противоположная картина.

Проанализировав большой массив эlectorальной статистики на российских выборах 1991–2008 годов, мы смогли сделать следующие выводы. Во-первых, оказалось, что «нормальный» характер связи между явкой и поддержкой кандидатов или партий был вплоть до середины 2000-х годов характерен для городского избирательного округа. Для сельских районов и регионов с высокой долей сельского населения «аномальные» результаты получались достаточно часто, и потому можно было бы предположить, что такие результаты характерны для сельского избирательного округа. Однако мы увидели, что и для ряда сельских районов получались вполне «нормальные» результаты. Поэтому остается вопрос: действительно ли «аномалии» получались вследствие особенностей самого сельского избирательного округа, или они связаны с тем, что в сельской местности и до середины 2000-х годов в ши-

¹ Лучин В.А. Общественный контроль на выборах и референдуме. М., 2001. С. 175–176.

роких масштабах практиковались фальсификации либо иные незаконные способы воздействия на итоги голосования?

Во-вторых, «аномальность» в значительной степени зависела от силы региональной власти и ее заинтересованности в результатах выборов. Кроме того, наиболее «аномальные» результаты получались именно в тех регионах, из которых было больше всего обоснованных сообщений о фальсификациях.

Проверяли мы и предположение о том, что кандидаты и партии, поддержка которых росла с явкой, более активно работали с теми группами избирателей, которые колебались в своем выборе. Такая активность действительно иногда приводила к небольшим «аномалиям», но нигде в подобных случаях значение ПДИ не приближалось к единице.

В 2007–2008 годах степень «аномальности» в городах (включая Москву) резко выросла. И это не может быть объяснено иначе как массовыми фальсификациями¹.

В цитированных выше работах М. Мягкова и соавторов был использован также метод исследования распределения явки². Впоследствии этот же метод был предложен С. Шпилькиным в ходе анализа фе-

¹ Любарев А. Е. Статистические аномалии на федеральных выборах 2007–2008 годов // Выборы Президента России 2008: Доклад Ассоциации «ГОЛОС». М., 2008. С. 86–92; Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 207–249.

² Кунов А., Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Россия и Украина: нерегулярные результаты регулярных выборов. М., 2005. С. 4, 22–23; Myagkov M., Ordeshook P. C., Shakin D. The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine. N.Y., 2009.

деральных выборов 2007–2008 годов¹, затем он неоднократно использовался А. Ю. Бузиным².

Метод заключается в построении графика, где по оси абсцисс откладывается явка, а по оси ординат — число избирательных участков, на которых явка укладывается в соответствующий однопроцентный интервал, точнее полуинтервал (например, для явки 50% это от 49 до 50% или от 50 до 51%), либо число избирателей на таких участках, либо их доля. Метод может быть использован для территорий, содержащих значительное число участков (две-три тысячи и более), для меньших территорий приходится использовать двух- или даже пятипроцентные интервалы, но точность и наглядность в этом случае значительно ниже.

По мнению исследователей, использующих данный метод, на относительно однородных территориях при отсутствии административного воздействия получающиеся кривые распределения должны быть близки к гауссовым, то есть иметь один «горб» и быть достаточно симметричными. При этом опыт показывает, что требование однородности может

¹ Шпилькин С. Обработка данных результатов федеральных выборов 2007–2008 годов // Выборы Президента России 2008: Доклад Ассоциации «ГОЛОС». М., 2008. С. 94–102.

² Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 196–197, 201–204; Бузин А. Ю. Голосование и подсчет голосов // Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад М., 2011. С. 203–252; Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 246–249; Бузин А. Ю. Эволюция электоральных показателей российских выборов в 1996–2012 годах // ПОЛИС. 2014. № 6. С. 62–70; Бузин А. Москва не нуждается в фальсификациях // Выборы столичные (2014). Взгляд экспертов. М., 2015. С. 5–15; Бузин А. Документально оформленное преступление // Там же. С. 16–21.

быть существенно смягчено. Важно лишь, чтобы состав избирателей менялся от одной крайности к другой достаточно плавно. Так, в существенно неоднородной России на федеральных выборах 1995–2003 годов получались вполне «нормальные» кривые распределения — с одним четко выраженным пиком и несильными отклонениями от симметрии (а при исключении республик они становились еще более симметричными)¹.

Применение данного метода удобнее всего проиллюстрировать на примере Москвы. Во-первых, в Москве вполне однородный избирательный округ. Во-вторых, здесь достаточно количество избирательных участков — более трех тысяч. В-третьих, по данным многолетних наблюдений и исследований, уровень фальсификаций в Москве имел четкую динамику: до 2003 года они практически не наблюдались, в 2004 и 2005 годах носили локальный характер, в 2007 году уровень фальсификаций стал существенными, а в 2008, 2009 и 2011 годах — очень высоким. Затем, после массовых протестов, в 2012, 2013 и 2014 годах уровень фальсификаций вновь снизился почти до нуля².

На иллюстрации 5.4 показаны кривые распределения явки по Москве для 7 из 11 федеральных и обще городских кампаний, проходивших с 2000 по 2014 год. Как видно из графика, отмеченная выше динамика уровня фальсификаций четко отражается на кривых

¹ Кунов А., Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Россия и Украина: нерегулярные результаты регулярных выборов. М., 2005. С. 33; Бузин А.Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. Илл. 23–24; Myagkov M., Ordeshook P.C., Shakin D. The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine. N.Y., 2009. Р. 85.

² Любарев А. Выборы в Московскую городскую Думу: административный ресурс меняет направление // Выборы столичные (2014). Взгляд экспертов. М., 2015. С. 22–70.

распределения. Кривая для президентских выборов 2000 года почти идеальна, и на президентских выборах 2012 года получилась точно такая же кривая, лишь смещенная в сторону более низких значений явки. Также близки к идеальным кривые для выборов в Московскую городскую Думу 2014 года и выборов мэра Москвы 2013 года (последняя на графике не показана). Кривые для выборов Президента РФ 2004 года (не показана), в Московскую городскую Думу 2005 года и в Государственную Думу 2007 года также имеют один основной «горб», но на них уже видны искажения. А вот кривые для выборов Президента РФ 2008 года (не показана), выборов в Московскую городскую Думу 2009 года и в Государственную Думу 2011 года вообще не имеют выраженного основного пика; они «размазаны» в широком диапазоне значений явки, но при этом имеют небольшие локальные пики — в основном на «круглых» значениях явки (40, 50, 55, 60, 65, 75%).

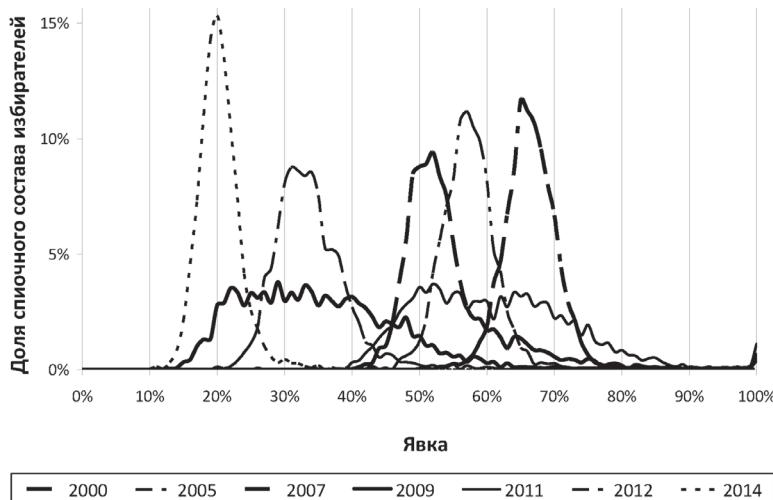

Иллюстрация 5.4. Кривые распределения явки для различных федеральных и общегородских выборов на территории Москвы (построены на основе расчетов А. Ю. Бузина)

Очевидно, поведение избирателей не может так резко меняться в течение короткого времени, а активность однородного городского избирателя не может описываться пилообразными кривыми распределения. И эти данные являются дополнительным свидетельством административного воздействия на итоги голосования в период 2008–2011 годов.

Синтезом методов корреляции с явкой Собянина — Суховольского и метода исследований распределения явки можно считать метод, который был разработан С. Шпилькиным в 2008 году¹. В данном случае также строятся кривые распределения по однопроцентным интервалам явки, но по оси ординат откладываются число или доля голосов, поданных за кандидатов или партии. Как и в случае распределения явки, метод применим для территорий с большим количеством избирательных участков.

Идея метода основана, как и у Собянина и Суховольского, на предположении о независимости голосования и явки. Однако несомненное достоинство метода Шпилькина заключается в наличии внутреннего контроля. Как было показано автором метода на примере российских федеральных выборов 2007 и 2008 годов, кривые для всех партий (для выборов 2007 года) или для всех кандидатов (для выборов 2008 года), кроме лидеров («Единой России» и Д. А. Медведева соответственно), были фактически

¹ Шпилькин С. Обработка данных результатов федеральных выборов 2007–2008 годов // Выборы Президента России 2008: Доклад Ассоциации «ГОЛОС». М., 2008. С. 94–102. Впоследствии С. Шпилькин обнаружил более раннее (в 2004 году) применение аналогичного метода Дж. Б. Кислингом для анализа выборов в Армении, однако эта работа была опубликована только в Интернете, первоначально — на сайте автора, а затем — на сайте НИВ (<http://www.vibory.ru/analyt/Armenian.pdf>).

подобны, то есть представляли одну и ту же зависимость с разными множителями. Такое подобие и является свидетельством независимости результата от явки. Более того, кривые для лидеров тоже были подобны остальным — но только на восходящем участке, то есть в области низких значений явки, а на нисходящем участке (то есть в области высоких значений явки) они шли выше (см. иллюстрацию 5.5); иными словами, в терминологии Шпилькина, в дополнение к «нормальным» голосам лидер получал еще и «аномальные».

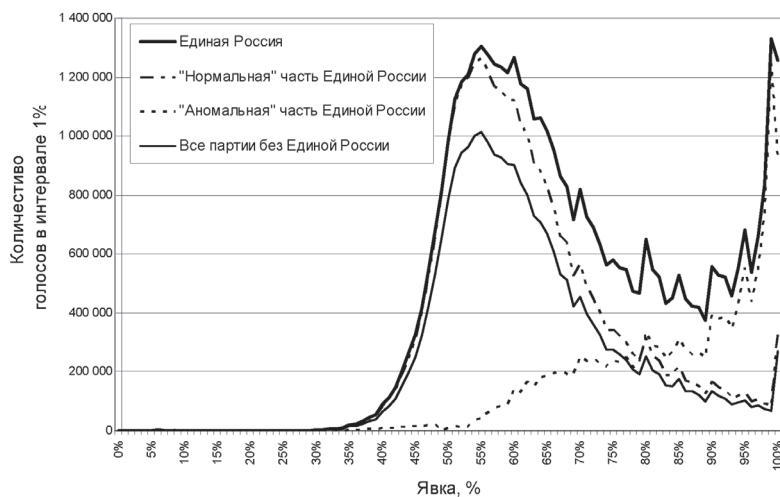

Иллюстрация 5.5. Разделение голосов за «Единую Россию» на выборах 2007 года на «нормальную» и «аномальную» части. Источник: Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. Илл. 38 (иллюстрация предоставлена С.А. Шпилькиным)

Другим важным достоинством метода Шпилькина является возможность на основании построенных зависимостей оценить количество «аномальных» го-

лосов. Для этого строится зависимость суммы голосов за всех кандидатов (или все партии), кроме лидера. Затем определяется подгоночный коэффициент, на который умножается это «суммарное» распределение. Данный коэффициент вычисляется таким образом, чтобы восходящая ветвь «нормальной» составляющей как можно более плотно прилегала к восходящей ветви кривой распределения для лидера. В результате получается кривая распределения «нормальных» голосов за лидера, а разность между фактическим распределением и «нормальным» и дает в результате интегрирования количество «аномальных» голосов.

В результате применения данного метода число «аномальных» голосов на выборах в Государственную Думу 2007 года было оценено в 13,8 млн голосов, на выборах Президента РФ 2008 года — в 14,8 млн голосов¹, на выборах в Государственную Думу 2011 года — в 15,3 млн голосов², а на выборах Президента РФ 2012 года — в 11,0 млн голосов³.

Отметим, что метод Шпилькина, как и метод корреляции с явкой Собянина — Суховольского, эффективен для выявления фальсификаций типаброса и малопригоден для выявления перебросов.

Принципиально другой подход используют методы, основанные на анализе частоты появления в официальных протоколах избирательных комиссий различных цифр. Смысл этих методов в том, что при составлении протоколов на основе истинных итогов

¹ Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 205.

² Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 255–256.

³ Выборы Президента России 4 марта 2012 года: Аналитический доклад. М., 2012. С. 133–134.

голосования, выявленных путем подсчета голосов, цифры должны распределяться в них случайным образом. Если же протоколы «корректируются», то в силу психологических факторов некоторые цифры в них начинают появляться чаще, а другие — реже. Таким образом, эти методы позволяют выявлять фальсификации на последних стадиях подведения итогов голосования, в том числе и переброс.

Подобный подход использовали У. Мебейн и К. Калинин. Они анализировали распределение в протоколах второй значащей цифры, которое должно подчиняться «закону Бенфорда для второй значащей цифры» (округленно для цифр от 0 до 9 частота соответственно 0,120; 0,114; 0,109; 0,104; 0,100; 0,097; 0,093; 0,090; 0,088; 0,085). Отклонение распределения от этого закона трактуется ими как признак фальсификаций¹.

Существуют также методы, основанные на проверке частот появления различных цифр в младших разрядах чисел. Однако их применимость для анализа искажений результатов голосования подвергается сомнению².

Существуют также методы, которые могут быть применены в особых случаях. Так, если выборы проводились в два тура, полезно сравнение итогов голосования в первом и втором турах. Например, В. В. Михайлов, анализируя результаты выборов Президента РФ 1996 года, использовал коэффициент переориентации избирателей, получаемый делением отноше-

¹ Мебейн У., Калинин К. Электоральные фальсификации в России: комплексная диагностика выборов 2003–2004, 2007–2008 гг. // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 57–70.

² Шалаев Н. Е. Распределение цифр в младших разрядах чисел и выявление искаженных результатов голосования // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 164–180.

ния числа голосов, полученных в первом туре кандидатами, вышедшими во второй тур, на отношение голосов, полученных этими кандидатами во втором туре. Михайлов показал, что данный коэффициент мало отличался для большинства регионов, несмотря на их существенные различия в уровне голосования за основных кандидатов. В тех же регионах или территориях, где коэффициент переориентации избирателей существенно отличался от среднего, были основания подозревать фальсификации во втором туре¹.

М. Мягков и соавторы предложили еще один метод анализа для двухтурowych выборов. Используя статистические методы для оценки перетока голосов (см. подраздел 5.4.2), они постулировали, что получаемые результаты, выражаемые в долях перетока, не должны быть выше 1 (100%) и ниже 0. Любой выход значений за пределы этого диапазона свидетельствует о «нерегулярностях», а величина превышений дает численную оценку числа «нерегулярных» голосов².

В тех случаях, когда на части территории выборы проходят с использованием технических средств, а на другой части — обычным способом, полезно сравнить между собой результаты, полученные на этих частях. Хотя применение технических средств (например, Комплексов обработки избирательных бюллетеней) не может полностью исключить возможности фальсификаций, оно блокирует применение

¹ Михайлов В. Демократизация России: различная скорость в регионах // Особая зона: выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000. С. 32–49; Михайлов В. В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? М., 2004. С. 261–282.

² Кунов А., Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Россия и Украина: нерегулярные результаты регулярных выборов. М., 2005. С. 5, 24–27; Myagkov M., Ordeshook P.C., Shakin D. The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine. N.Y., 2009.

наиболее легких способов фальсификации, таких как вброс прачки бюллетеней в стационарную урну, неправильный подсчет голосов и неправильное составление протокола. Поэтому итоги голосования на участках, оборудованных такими Комплексами, могут в первом приближении рассматриваться как честные¹. Правда, оснащение участков техническими средствами обычно не является случайным, поэтому важно для контроля проверить итоги голосования на тех же участках на других выборах, где эти средства не использовались, и сделать соответствующую коррекцию. Примеры таких расчетов приведены в наших работах².

Могут использоваться также другие методы, такие как сравнительный анализ данных протоколов по разным видам голосования (при совмещении выборов, а также при смешанной системе с двумя бюллетенями), корреляция между определенными результатами, проверка контрольных соотношений, которые должны выполняться, но не предусмотрены законом, и т.п.³.

В заключение этого раздела заметим, что любые статистические методы не являются и не могут яв-

¹ Разумеется, теоретически нельзя исключить фальсификацию через программное обеспечение технических средств, но на практике такое не встречалось и вряд ли встретится, пока они работают в экспериментальном режиме и охватывают меньшую часть избирательных участков.

² Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 148–149; Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 249–253.

³ Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М., 2007. С. 149–150.

ляться юридическим доказательством фальсификаций. Однако, по нашему глубокому убеждению, результаты, полученные надежными статистическими методами, могут и должны приниматься правоприменительными и правоохранительными органами (избирательными комиссиями, прокуратурой, судом) в качестве оснований для проведения проверок на предмет фальсификаций и иных нарушений избирательного законодательства. Кроме того, статистические методы могут использоваться для оценки масштаба фальсификаций в тех случаях, когда факты фальсификаций выявлены и нужно решить, могли ли они повлиять на результаты выборов¹.

¹ Михайлов В. Статистический анализ результатов выборов: необходимость включения в правовое поле // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 20–30.

Глава 6

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

6.1. Причины многообразия избирательных систем

После ознакомления с множеством избирательных систем неизбежно возникают два вопроса: 1) почему избирательных систем так много? и 2) нельзя ли найти одну оптимальную избирательную систему? Попробуем по очереди ответить на эти вопросы.

Как мы показали в подразделе 1.1.2, избирательные системы различаются четырьмя основными параметрами:

- 1) голосует избиратель за конкретного кандидата (конкретных кандидатов) или за партию, либо он одновременно голосует за кандидата и партию;
- 2) способ голосования (категорический, одобрительный, кумулятивный, преференциальный);
- 3) величина округа (одномандатный или многомандатный);
- 4) метод перевода голосов в мандаты.

В одной из наших прежних работ мы писали: «В некотором роде из этих элементов формируется большое разнообразие избирательных систем, как из ограниченного числа химических элементов образуется гигантское разнообразие веществ»¹. И хотя

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 91.

автор данной книги по своей первой специальности химик (а может быть, именно поэтому), ему сейчас данное сравнение не кажется удачным.

Более наглядным представляется сравнение со строительством дома. Дом также состоит из нескольких основных элементов: фундамента, стен, перекрытий, крыши. Каждый элемент может быть реализован несколькими принципиально разными способами: фундамент может быть ленточным или столбчатым, стены — бревенчатыми, кирпичными или каркасно-засыпными, крыша — плоской, острой или ломаной. При этом элементы относительно автономны, то есть разные типы стен сочетаются с различной формой крыши и т.п. Хотя, безусловно, есть и взаимосвязь: например, тип фундамента зависит в том числе и от тяжести дома.

С избирательными системами ситуация похожая. Есть значительная автономия отдельных элементов, но есть и их взаимосвязь. На эти обстоятельства мы обращали внимание при описании различных моделей.

Обсуждая вопрос о возможности нахождения оптимальной избирательной системы, необходимо понимать, что каждая система имеет свои достоинства и недостатки. При этом особенно важно учитывать, что достоинства и недостатки той или иной системы не носят абсолютного характера, а связаны с конкретными обстоятельствами, в которых данная система применяется. Более того, тесная взаимосвязь различных элементов системы приводит к тому, что их положительные и отрицательные свойства проявляются в большей или меньшей степени в зависимости от того, в какой комбинации они применяются.

Неоднократно отмечалось, что при выборе избирательной системы решающую роль играет соотношение приоритетов: если во главу угла ставится форми-

рование стабильного эффективного правительства, предпочтение отдается мажоритарной системе; если же делается акцент на адекватном представительстве в парламенте интересов различных групп населения — пропорциональной¹. Во многом это зависит от характера взаимоотношений законодательной и исполнительной власти. В том случае, когда правительство формируется парламентом, важное значение имеет формирование в парламенте устойчивого большинства. Например, в основе известной статьи К. Поппера, в которой критикуется пропорциональная система², лежит тезис о том, что главный вопрос парламентских выборов — это вопрос о смене правительства. Напротив, в президентских республиках, где правительство в меньшей степени зависит от парламентского большинства, более важным становится вопрос об адекватном представительстве в парламенте интересов различных групп населения.

При более общей постановке проблемы можно сказать, что одним из наиболее важных факторов, влияющих на выбор избирательной системы, являются функции, выполняемые представительным органом. И в этой связи необходимо учитывать различия, характерные для разных уровней публичной власти.

Задачи, которые выполняют депутаты, можно разделить на три группы. Первая — законотворческая,

¹ Холодковский К. Г. Будущая избирательная система России и опыт Запада // Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 63; Лысенко В. И. Представительные начала и избирательные системы в контексте правового регулирования избирательного процесса // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 3. С. 76–88; Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 116; Михалева Г. М. Особенности избирательных систем // Журнал о выборах. 2003. № 1. С. 53–55.

² Поппер К. Пропорциональная система противоречит демократии // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 55–57.

принятие нормативных актов. Вторая — отстаивание интересов жителей определенной территории. Третья — защита интересов отдельных граждан. Очевидно, что доля этих функций сильно различается для депутатов разных уровней. На общенациональном уровне преобладают первая и вторая задачи, при этом первая более характерна для нижней палаты, а вторая — для верхней. На муниципальном уровне вторая и третья задачи преобладают над первой. Уровень региона занимает промежуточное положение. Для законотворческой функции наиболее важно именно адекватное политическое представительство, которое обеспечивается пропорциональной системой. А с точки зрения защиты интересов отдельных граждан важен выбор конкретной личности. Поэтому если исходить только из этих соображений, то можно было бы сделать вывод, что для нижней палаты парламента больше всего подходит пропорциональная система, для представительного органа региона — смешанная, а для муниципального представительного органа — мажоритарная.

Но есть, безусловно, и другие факторы, влияющие на выбор избирательной системы. В частности, территориальное представительство важно на общенациональном уровне¹, а также на уровне областей (провинций, земель) и районов. Для выборов городских представительных органов оно обычно не столь значимо. В областях и районах важность территориального представительства особенно велика, если они неоднородны этнически и/или экономически, в

¹ Иногда высказывается мнение, что при двухпалатном парламенте территориальное представительство — функция верхней палаты, и потому для нижней палаты оно необязательно. Однако если палаты различаются по своим функциям, то территориальное представительство важно в обеих.

частности объединяют существенно различающиеся городские и сельские территории.

Следует отметить еще и такой фактор, как размер и населенность территории, на которой проводятся выборы (косвенно этот фактор связан с уровнем публичной власти, но мы знаем примеры, когда некоторые муниципальные образования превышают по численности населения иные регионы). Так, главным достоинством системы, основанной на одномандатных округах, считается близость кандидатов и избранных депутатов к избирателям. Однако это преимущество не стоит абсолютизировать, особенно когда речь идет об общегосударственных выборах. Например, в Российской Федерации одномандатные округа по выборам депутатов Государственной Думы охватывают в среднем около 500 тыс. избирателей. Нетрудно подсчитать, что если избранный по такому округу депутат в течение всего срока своих полномочий только и делает, что круглые сутки встречается с избирателями, то и при этом он может уделить каждому в среднем лишь около пяти минут.

Что касается местного уровня, то там часто действуют неформальные «партии», которые могут быть не связаны с партиями, существующими на национальном и региональном уровнях. Системы, основанные на преференциальном голосовании, учитывают эти «партийные нюансы» гораздо лучше, чем системы, основанные на выдвижении партийных списков. Кроме того, преференциальные системы, в отличие от списочных, ориентированы в первую очередь на личности кандидатов. С другой стороны, преференциальные системы удобны именно для небольших территорий, поскольку требуют централизованного подсчета голосов. Однако для их использования необходим все же более высокий уровень грамотности населения.

Важное значение имеет и такой фактор, как менталитет граждан, их традиции и политический опыт. Приведем несколько характерных примеров.

Во многих странах с устоявшейся партийной системой политические партии имеют достаточный авторитет и избиратели предпочитают партийных кандидатов независимым. Например, в Германии после 1949 года ни одному независимому кандидату не удалось победить на выборах в бундестаг¹. Напротив, в странах, где партийная система только формируется (Россия, Украина и др.), независимые кандидаты пользуются значительной поддержкой избирателей. Как показано в подразделе 5.3.3, в этих странах также менее значима роль партийной принадлежности кандидатов в мотивах голосования за них. Поэтому в таких странах пропорционально-списочная система (без сочетания с элементами мажоритарной) не будет вполне адекватной.

С другой стороны, не следует преувеличивать роль личного фактора в мотивах голосования. Далеко не всегда избиратели хорошо знают кандидатов — даже на местном уровне (особенно в мегаполисах, где большинство живет в одном районе, работает в другом, а досуг проводит в третьем). В этом случае партийная принадлежность может быть важным фактором, а при ее отсутствии главную роль играют не столько личные качества кандидата, сколько его социальный статус (не случайно на российских выборах преимущество часто имеют работники образования и здравоохранения). И в тех случаях, когда избиратели плохо знают кандидатов, малоэффективными оказываются такие в целом демократичные системы, как модели открытых списков.

¹ Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 121–151.

Различия, связанные с менталитетом граждан, сильно сказываются и на уровне электоральной конкуренции. Описан забавный случай из практики сельских выборов в России. Глава сельской администрации, избиравшийся ранее депутатами сельсовета, захотел быть избранным напрямую жителями. Однако выборы чуть было не сорвались, поскольку никто из жителей села не захотел составить альтернативу авторитетному руководителю: поражение на выборах ими воспринимается как позор¹. Если бы такое поведение было характерно для всего населения страны, не было бы необходимости в жестких законодательных ограничениях для выдвижения кандидатов. Однако на выборах более высокого уровня, а также в городах обычно нет недостатка в желающих «побыть кандидатами», хотя они по результатам выборов получают доли процента.

В условиях, когда на один мандат претендует около десятка кандидатов или даже больше, затруднительно использовать системы, основанные на многомандатных округах с голосованием за кандидатов, особенно если избиратель имеет несколько голосов. Напротив, в тех случаях, когда число кандидатов на один мандат не превышает двух, многомандатные округа предпочтительнее, поскольку обеспечивают хоть какую-то конкуренцию. Кроме того, они удобны в небольших сельских поселениях, поскольку снижают организационные и финансовые издержки².

¹ Сергеев А. Альтернативность как необходимое условие свободных выборов // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 6–7. С. 50–53.

² Князев С.Д. Правовой режим проведения выборов по многомандатным избирательным округам: состояние и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 71–80.

6.2. Теорема Эрроу и ее следствия

В предыдущем разделе мы обсуждали факторы, влияющие на проявление достоинств и недостатков различных избирательных систем. Однако помимо этих факторов существуют чисто математические подходы, с помощью которых доказывается невозможность построения идеальной избирательной системы. Наиболее известна в этом плане *теорема Эрроу* (или парадокс Эрроу), которую иногда даже называют «теоремой о невозможности демократии»¹. Теорема была сформулирована американским экономистом К. Эрроу в 1951 году и принесла ее автору в 1972 году Нобелевскую премию по экономике.

Впрочем, сама эта теорема имеет достаточно ограниченные рамки. Она опирается на ординалистский подход, согласно которому предпочтения индивидуума относительно предлагаемых к выбору альтернатив не могут измеряться количественно, а только сравниваться, то есть индивид может оценивать, одна альтернатива хуже или лучше другой. В соответствии с этим подходом Эрроу определил выбор избирателя как список кандидатов, ранжированный в порядке их предпочтений (но при этом допускается равное отношение к двум или нескольким кандидатам). Избирательной системой в терминологии последователей Эрроу (сам Эрроу называл это функцией общественного благосостояния) является алгоритм, который на основании индивидуальных предпочтений (ранжированных списков кандидатов) выстраивает новый ранжированный список кандидатов, отражающий коллективную волю избирателей.

¹ Огрызко К. В. Альтернативные методы голосования: совершенно разные результаты. На пути к подлинной демократической революции // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5.

Эрроу сформулировал пять условий, которым должна удовлетворять любая разумная избирательная система:

1) универсальность: каждый избиратель имеет право выстроить такой ряд предпочтений, который он считает для себя правильным — никаких ограничений быть не должно (кроме требования упорядоченности);

2) монотонность: если кандидат получает дополнительные голоса и не теряет имеющихся, его результат не может ухудшиться; соответственно если кандидат теряет часть голосов и не получает новых, его результат не может улучшиться;

3) независимость от посторонних альтернатив: взаимное расположение в коллективном списке двух кандидатов должно зависеть только от их взаимного расположения в индивидуальных списках — оно не должно зависеть от наличия других кандидатов и от их оценок избирателями;

4) полноправие граждан: не должно быть такой пары кандидатов, взаимное расположение которых в коллективном списке было бы заранее навязанным, то есть не зависело бы от голосования избирателей;

5) отсутствие диктатуры: не должно быть избирателя, с мнением которого всегда совпадало бы коллективное решение — независимо от мнений остальных избирателей.

Условия 2 и 4 иногда объединяют в одно, которое называют условием единогласия: если все избиратели единодушно считают, что кандидат А лучше кандидата Б, то таким же должно быть и коллективное решение.

Сформулировав эти условия, Эрроу затем доказал, что при наличии более двух кандидатов никакая избирательная система не может удовлетворять всем

пяти условиям¹. Таким образом, смысл теоремы Эрроу в том, что несовершены любые избирательные системы, или, в более общем виде, любые алгоритмы формирования коллективного (общественного) мнения (воли).

Однако эту теорему ни в коей мере нельзя трактовать как доказательство «невозможности демократии». Как отмечает К. В. Огрызко, «из этой теоремы никак не следует, что а) что путем совершенствования метода голосования нельзя сколь угодно близко подойти к стопроцентно точному измерению общественного мнения (воли); б) что все методы голосования несовершены в равной мере и бессмысленно сравнивать их по точности измерения общественного мнения, выясняя, какой метод сильнее искажает его»². Наверное, не стоит говорить о том, что можно «сколь угодно близко подойти к стопроцентно точному измерению», однако необходимо согласиться с тем, что сравнивать избирательные системы по степени точности измерения общественного мнения можно и нужно.

Ф. Т. Алескеров и П. Ортешук сделали следующий вывод из теоремы Эрроу: «При построении политической системы мы не должны уповать, что кто-то предложит нам лучшие решения. Наоборот, пара-

¹ Алескеров Ф. Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. М., 1995. С. 60–65; Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М., 2004; Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 19, 72–114; Римский В. Л. Роль типа голосования на выборах в политическом процессе // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5.

² Огрызко К. В. Альтернативные методы голосования: совершенно разные результаты. На пути к подлинной демократической революции // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5.

докс Эрроу предлагает нам не искать единственное лучшее при всех обстоятельствах решение, а нацеливаться на глубокое понимание того, как различные процедуры в различных структурах демократического общества преобразуют различные индивидуальные мнения в коллективные решения»¹.

Действительно, из теоремы Эрроу следует, что от какого-то из его пяти условий необходимо отказаться или, по крайней мере, какое-то условие ослабить. Какое из условий менее важно — вопрос достаточно спорный, и ответ на него может зависеть от многих обстоятельств. Тем не менее часто таким условием считают независимость от посторонних альтернатив, хотя нарушение этого условия обычно ответственно за спойлерские технологии. Отмена или ослабление этого условия позволяет признать допустимыми ряд известных избирательных систем².

Не следует также забывать, что теорема Эрроу основана на модели рационального поведения избирателей, а далеко не все избиратели этой модели соответствуют³. Это еще больше осложняет выбор оптимальной избирательной системы. Иными словами, прежде чем обсуждать, как индивидуальная воля избирателей трансформируется в коллективную волю, необходимо еще учитывать, как та или иная избирательная система влияет на формирование позиций (воли) индивидуальных избирателей. При этом важно понимать, что такое влияние оказывается не только в ходе конкретной избирательной кампании, но и

¹ Алекскеров Ф. Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. М., 1995. С. 65.

² Там же. С. 63; Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. М., 2007. С. 106–109.

³ Римский В. Л. Роль типа голосования на выборах в политическом процессе // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5.

в долгосрочной перспективе. В частности, огромная литература посвящена влиянию избирательной системы на партийную систему страны¹.

6.3. Электоральная инженерия

Электоральной инженерией обычно называют попытки изменения избирательной системы для достижения тех или иных политических целей².

В политологии выделяются две основные точки зрения на возможности управления социально-политической реальностью через реформу политических институтов. Одни исследователи считают электоральную инженерию эффективным способом построения адекватной политической системы. Вторая точка зрения говорит об опасности вмешательства в развитие общественных институтов извне, так как слишком велик риск совершения ошибок. Кроме того, отмечается, что историческое и институциональное прошлое страны является неизбежным и непреодолимым ограничителем любых попыток избирательных и политических реформ, оно специфическим образом воздействует на то, к каким конкретным последствиям ведут те или иные конкретные избирательные

¹ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 264–265, 278–288, 300–318; Rae D. W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1971; Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford, 1994. Р. 95–117; Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 186–222; Кынев А. В., Любашев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 102–122; Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М., 2015. С. 191–215.

² Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 212.

механизмы. Можно полагать, что истина лежит где-то посередине между чрезмерным оптимизмом в отношении нового политического конструирования и стремлением во всем полагаться только на естественную эволюцию.

С одной стороны, несомненно, что базовые исторические и социальные условия являются существенным ограничителем проведения любых политических реформ, и это проявляется в том, к каким разным последствиям в различной среде ведут, казалось бы, похожие политические институты и механизмы. Поэтому не учитывая институциональное наследие страны при принятии важнейших избирательных законов, мы рискуем существенно исказить тот результат, который при их введении планировали получить.

С другой стороны, негативный институциональный опыт дополнительно подчеркивает, что все время полагаться на эволюционные изменения и исторический опыт просто невозможно: постоянно возникают ситуации, когда законодатель вынужден создавать новые институты, так как невозможно опереться на старые. К примеру, когда речь идет о переходе к демократии в странах, у которых в историческом прошлом демократическая традиция в лучшем случае является скромной, просто невозможно обойтись без создания новых политических институтов¹.

Г. В. Голосов отмечает, что правящие элиты определяют институциональный дизайн, руководствуясь отнюдь не стремлением оптимизировать функционирование демократии. Как и любой субъект политического процесса, они преследуют собственные интересы по поводу максимизации власти. Однако то, в какой мере им удается эти интересы реализо-

¹ Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 84–86.

вать, само по себе служит важным индикатором эффективности электоральной инженерии.

По мнению Г. В. Голосова, поле возможных политически мотивированных манипуляций избирательной системой не безгранично, но довольно широко. Однако такие манипуляции возможны далеко не во всех политических контекстах. Во-первых, эффективная электоральная инженерия достижима при наличии политической воли способных к ее реализации сил. Во-вторых, эта политическая воля должна быть единой. Избирательные реформы, являющиеся продуктом компромисса различных политических сил, редко приводят к однозначным результатам. В-третьих, эффективная электоральная инженерия возможна в условиях высокого уровня определенности по поводу состава основных участников политического процесса и базовых уровней их поддержки в обществе. Если такой определенности нет, то и результаты реформ могут оказаться непредсказуемыми. Так, в Венгрии в 1990 году рациональные ожидания «электоральных инженеров» осуществились «с точностью до наоборот»: каждая из политических сил, игравших ведущую роль в достижении компромисса, потеряла именно на том, на чем рассчитывала выиграть.

В-четвертых, избирательная система зачастую становится элементом национальной политической культуры, отказ от которого может вызвать отторжение у значительной части населения (в качестве примера приводится Англия). В-пятых, избирательная система является частью институционального устройства в целом, и ограниченные выгоды, которые можно извлечь из электоральной инженерии, могут оказаться неоправданными в этом более широком контексте. Как отмечает Г. В. Голосов, совокупность пяти перечисленных обстоятельств ведет к тому, что избирательные системы зрелых демократий меняют-

ся довольно редко (они обладают достаточно большой «сопротивляемостью» институциональным инновациям).

В новых же демократиях, как отмечалось выше, основным препятствием к электоральной инженерии оказывается неопределенность в отношении уровня поддержки в обществе основных политических сил. Кроме того, там обычно сильны «романтические» настроения, а также ориентация на подражание зрелым демократиям. Поэтому в таких странах первоочередными при выборе избирательных систем зачастую оказываются не соображения политической целесообразности, а нормативные аргументы в духе «так выйдет демократичнее»¹. Даже логика здесь диктует такой подход: если мы не можем опереться на институциональную традицию, мы должны опираться на систему ценностей, принятую в обществе (понятия о справедливости, равенстве и человеческом достоинстве)².

Как отмечает О. С. Морозова, даже в устойчивых демократиях поддержка основных партий редко бывает стабильной, а в новых — политика почти всегда динамична, поэтому политическая сила, которая выигрывает от избирательной инженерии на одних выборах, не обязательно получает такой же результат на следующих. Поэтому избирательную систему нужно разрабатывать не под влиянием ситуативной политической конъюнктуры, а с прицелом на длительное стабильное использование³.

¹ Голосов Г. В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 102–113; Голосов Г. В. Сравнительная политология. СПб., 2001. С. 218–219.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 88.

³ Морозова О. С. Проектирование избирательной системы с использованием избирательной инженерии // Научные

Как отмечалось неоднократно (в том числе и в данной книге), в качестве одной из главных целей электоральной инженерии признается формирование стабильного парламентского большинства и, соответственно, стабильного эффективного правительства. Средством достижения данной цели часто считают мажоритарную систему либо искажения пропорциональной системы с помощью «премий» для большинства. Результатом оказывается «сфабрикованное» большинство, когда большинство в парламенте и, соответственно, правительство в действительности выражают волю меньшинства. Правительство действительно получается стабильным, но далеко не всегда оно в этом случае оказывается эффективным.

Как отмечали Э. Лейкман и Дж. Д. Ламберт, «здравая основа государства может сама по себе способствовать эффективности, стабильности и преемственности управления. Система голосования, известная своей справедливостью в отношении всех слоев общества, насколько возможно свободная от элементов случайности и предоставляющая избирателям возможность более непосредственно участвовать в выборе их представителей, устранила бы существующее ощущение ненадежности и укрепила бы эту здоровую основу, сделав гражданина ответственным и сознательным участником государственного управления»¹.

В подтверждении этих слов можно сослаться на стабильность избирательных систем Ирландии и Фе-

ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (172). С. 154–161.

¹ Лейкман Э., Ламберт Дж.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. М., 1958. С. 290.

деративной Республики Германии, основанных на идеях справедливости, и нестабильность, а также низкую эффективность избирательных систем России, Украины и Италии, где «электоральные инженеры» руководствовались в значительной степени конъюнктурными соображениями.

6.4. Некоторые предложения для Российской Федерации

Российская Федерация отличается многообразием избирательных систем, используемых на выборах разного уровня. Здесь достаточно широко используются следующие системы:

- 1) плюральная (мажоритарная относительного большинства) — на муниципальных выборах, а также как компонента параллельной системы на выборах в Государственную Думу и региональных парламентов;
- 2) мажоритарная с перебаллотировкой (в основном в форме мажоритарной системы абсолютного большинства, иные модели использовались только в 1990-е годы) — на выборах Президента РФ и глав регионов; на муниципальных выборах в последние годы используется редко;
- 3) блоковая (мажоритарная в многомандатных округах) — на муниципальных выборах; ранее часто использовалась и на выборах региональных парламентов;
- 4) пропорциональная в едином округе с закрытыми списками — на выборах в некоторые региональные парламенты и представительные органы муниципальных образований; в 2007 и 2011 годах применялась на выборах в Государственную Думу; широко используется в качестве компоненты параллельной системы;

5) параллельная система (сочетающая чаще всего плюральная систему и пропорциональную с закрытыми списками) — на выборах в Государственную Думу, большинство региональных парламентов и во многие представительные органы муниципальных образований.

Реже встречаются или встречались еще некоторые избирательные системы:

6) система ограниченного вотума (выборы в многомандатном округе, где число голосов у избирателя меньше числа распределяемых мандатов) — на муниципальных выборах;

7) система единственного непередаваемого голоса (выборы в многомандатном округе, где у избирателя один голос) — в 2001 году применялась в двух регионах; позже использовалась в ряде регионов в отдельных округах в составе параллельной системы; иногда применяется и на муниципальных выборах;

8) система открытых списков — использовалась в 2003–2005 годах в четырех регионах в качестве компоненты параллельной системы.

В то же время не было никаких попыток использования ряда вполне интересных избирательных систем, обладающих определенными достоинствами: преференциальных систем (мажоритарно-преференциальной и системы единственного передаваемого голоса), кумулятивного панаширования, различных вариантов связанный смешанной системы.

Принцип самостоятельности местного самоуправления, закрепленный в Конституции РФ, а также основные положения российского избирательного законодательства и законодательства о местном самоуправлении предусматривают право муниципального образования (местного сообщества) на выбор избирательной системы для избрания местных органов власти. Впрочем, в последнее время в фе-

деральном и региональном законодательстве стали появляться нормы, ограничивающие для муниципальных образований свободу выбора. Кроме того, федеральное законодательство содержит и некоторые ограничения процедурного плана, препятствующие, например, использованию преференциальных систем. От всех подобных ограничений желательно отказаться¹.

С другой стороны, муниципальные образования в Российской Федерации слишком многочисленны и разнообразны — они различаются размерами территории, численностью населения, социально-экономическим состоянием, культурным уровнем и т.п. Было бы слишком большой самонадеянностью пытаться из Москвы (и даже из регионального центра) определить для каждого из них оптимальную избирательную систему. Впрочем, от помощи в выборе, консультирования в процессе выбора не следует отказываться.

Таким образом, можно сделать вывод, что муниципальные выборы в Российской Федерации являются благодатным полем для электоральной инженерии. Здесь допустимы и даже желательны эксперименты с избирательной системой, попытки опробовать новые для России модели. Это связано еще и с тем, что в процессе экспериментирования неизбежны ошибки, но на местном уровне в отдельных муниципалитетах

¹ Васильев В.И., Помазанский А.Е. Законодательное регулирование избирательных систем, применяемых на муниципальных выборах // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 16–26; Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 32–34, 45–49, 65–66; Любарев А. Е. Пути совершенствования законодательного регулирования избирательных систем на муниципальных выборах // Местное право. 2012. № 3. С. 55–66.

такие ошибки не ведут к фатальным последствиям и могут быть оперативно исправлены.

Среди избирательных систем, которые могут оказаться перспективными на муниципальном уровне, особое место занимают преференциальные системы — мажоритарно-преференциальная система и система единственного передаваемого голоса. Первую имеет смысл использовать для выборов глав муниципальных образований, поскольку она позволяет избирать в один тур кандидата, пользующегося поддержкой не менее половины избирателей. Вторая может применяться для выборов представительных органов. В разделе 6.1 мы отмечали, что эта система обеспечивает представительство неформальных «партий», размежевание между которыми на местном уровне часто более существенно, чем формальное партийное разделение.

При этом мы также обращали внимание, что внедрение этих систем требует существенного изменения федерального избирательного законодательства. Однако важнее то, что эти системы для нас непривычны, требуют большой разъяснительной работы среди избирателей и хорошей подготовки членов избирательных комиссий. Поэтому эксперименты с их введением можно проводить только в достаточно подготовленных для этого муниципалитетах, например в наукоградах. Однако наиболее перспективными эти системы могут оказаться на этнически сложных территориях, но их продвижение на такие территории желательно осуществлять уже после успешных экспериментов в наукоградах. Не исключено, что преференциальные системы впоследствии окажутся полезными и на региональных выборах в некоторых субъектах РФ.

Можно рекомендовать также более широкое использование системы единственного непередаваемо-

го голоса, которая обычно обеспечивает представительство меньшинства, хотя оно редко оказывается пропорционально уровню его поддержки. Такая система может быть использована там, где более справедливая система единственного передаваемого голоса неприемлема из-за своей сложности. Кроме того, ее имеет смысл использовать для избрания Совета Федерации, если будет принято решение о возврате к прямым выборам этой палаты.

Если говорить о пропорционально-списочных системах, то в первую очередь следует отметить недекватность для муниципального уровня системы закрытых списков. Как следует из Конституции РФ (и это неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ), местное самоуправление является наиболее приближенным к населению уровнем публичной власти. Поэтому сомнительно на данном уровне использовать избирательные системы, при которых избиратель не может выразить свое отношение к конкретным кандидатам¹.

В связи с этим там, где местное сообщество предпочитает использовать для выборов представительного органа пропорционально-списочную систему (это в первую очередь крупные города), желательна замена закрытых списков на открытые. Также открытые списки перспективны и на региональных выборах. Можно, кроме того, попробовать в порядке эксперимента использовать систему кумулятивного панаширования, хорошо зарекомендовавшую себя в Швейцарии, Германии и Люксембурге (см. подраздел 3.6.4), но здесь надо действовать осторожно, поскольку эта система имеет определенный манипулятивный потенциал.

¹ Любарев А. На муниципальных выборах должны применяться открытые списки // Городское управление. 2011. № 12. С. 78–84.

Безусловно, важнейшей проблемой остается выбор оптимальной избирательной системы для избрания Государственной Думы. Здесь опробованы только две модели (не считая мажоритарной системы абсолютного большинства, действовавшей на выборах народных депутатов СССР и РСФСР в 1989–1990 годах) — параллельная (применялась в 1993–2003 годах, предусмотрено ее возвращение на выборах 2016 года) и пропорциональная (применялась в 2007 и 2011 годах). При этом в обоих случаях пропорциональная система или пропорциональная компонента параллельной системы действовала в едином округе и в форме закрытых списков, разделенных на территориальные группы.

Другие модели в политической среде не обсуждались — ни при принятии в 2005 году закона о переходе к пропорциональной системе, ни при принятии в 2013–2014 годах закона о возврате к параллельной системе. Между тем в экспертной среде были и иные предложения, но они не были услышаны или восприняты политиками.

Одно из таких предложений — использование пропорциональной системы в многомандатных округах; при этом некоторые из экспертов дополнительно оговаривали желательность использования открытых списков¹. Однако, по нашему мнению, эта

¹ Чиркин В. Е. Какая избирательная система нужна России? // Общ. науки и современность. 2000. № 2. С. 37–48; Миронов Н. Международные избирательные стандарты и российские выборы // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 66–77; Чиркин В. Е. Избирательная система России в контексте международного опыта // Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов. М., 2006. С. 242–244; Голосов Г. В. Вопросы совершенствования избирательной системы // Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации. М., 2010. С. 93–94; Амосов М. И., Покровская О. Л., Виш-

система плохо подходит к российским условиям из-за огромного числа субъектов федерации и небольшой доли населения по отношению к общероссийскому в большинстве регионов¹.

Реже предлагались различные варианты системы «добавочных представителей», при которой избиратель одним голосом поддерживает и кандидата, и выдвинувшую его партию. Проблема применения таких систем в том, что поддержку избирателем конкретного кандидата далеко не всегда можно расценивать как поддержку партии (см. подраздел 3.7.3).

Наше предложение состоит в переходе к двухголосой смешанной связанной системе, подобной германской, но адаптированной к российским условиям². Первоначально мы предлагали использовать, как и в Германии, в мажоритарной части одномандатные округа (см. подраздел 3.7.2).

nevский Б.Л., Евдокимова Н.Л., Надточей Т.В. Многопартийная демократия и задачи политической модернизации России. СПб., 2010. С. 84–89; Очеретько Е.А. Проблемы развития пропорциональной избирательной системы в Российской Федерации и пути их решения. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9, 18; Чиркин В. Е. О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 80–87.

¹ Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 51–54.

² Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 267–269; Шейнис В. Л. Превращения избирательной системы в России // Общ. науки и современность. 2008. № 6. С. 39–52; Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России. М., 2011. С. 55–57.

Однако последующие обсуждения (в том числе с депутатом Государственной Думы Д. Г. Гудковым) и более тщательный анализ германской системы¹ привели нас к существенной модификации нашего предложения. Мы пришли к выводу, что одномандатные округа в данном контексте — не лучший вариант.

В смешанной несвязанной (параллельной) избирательной системе мажоритарная часть имеет самостоятельное значение. Результаты выборов в этой части непосредственно влияют на партийный расклад избираемого органа. В смешанной связанной избирательной системе роль мажоритарной части иная. Она не должна влиять на партийный расклад избираемого парламента (который должен полностью определяться голосованием за партии). И смысл ее в персонализации выборов — в том, чтобы значительную часть мандатов получали кандидаты, пользующиеся поддержкой избирателей.

Однако, как показывает анализ, плюральная система в одномандатных округах, основанная на мажоритарном принципе «победитель получает все», плохо справляется с этой функцией. Так, в Германии результаты по первым голосам определяются в основном авторитетом партии и в минимальной степени — личностью кандидата². В этих условиях шансы на победу в одномандатных округах имеют только партии, которые могут рассчитывать на поддержку не менее 30–35% избирателей в округе. Например, на

¹ Любарев А. Е. Сравнение германской и российской избирательных систем // Вопросы права и политики. 2013. № 11. С. 1–29.

² Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // West Eur. Politics. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448; Майер Г. Демократические выборы и избирательная система // Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 142–144.

выборах в бундестаг Свободная демократическая партия за период с 1961 года лишь однажды (в 1990 году) выиграла в одномандатном округе — и только в одном. В одном одномандатном округе побеждали зеленые в 2002–2013 годах. Довольно скромны и успехи в одномандатных округах левых. Фактически в мажоритарной части идет борьба между двумя партиями — ХДС (или ХСС) и СДПГ, и на последних выборах блок ХДС/ХСС выиграл в 236 округах из 299.

Аналогичная ситуация и в России. На региональных выборах почти повсеместно в одномандатных округах доминирует «Единая Россия», зачастую выигрывая во всех округах; успехи кандидатов от КПРФ, «Справедливой России» и тем более ЛДПР единичны, а у других партий крайне редки¹.

Таким образом, одномандатные округа не обеспечивают избрание кандидатов, имеющих личный, а не партийный авторитет. С одной стороны, кандидаты от доминирующей партии выигрывают зачастую безотносительно к их личным качествам, и у избирателя нет возможности выбирать между разными кандидатами от этой партии. По сути, избрание кандидата зависит от того, на какой округ его поставила партия. С другой стороны, большинство партий не может получить мандаты в одномандатных округах, и потому состав их депутатов от избирателя практически не зависит.

Выход видится в отказе от мажоритарного принципа «победитель получает все», который в данных обстоятельствах теряет всякий смысл. Сделать это можно несколькими способами.

¹ Любарев А. Е. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрикованного большинства» // Юридические исследования. 2013. № 8. С. 65–118.

Один из способов (предложенный в законопрото-
екте Д. Г. Гудкова) — заменить одномандатные окруж-
га на многомандатные (двух- или трехмандатные)¹
с сохранением у избирателя одного голоса (система
единственного непередаваемого голоса). В этом слу-
чае у гораздо большего числа партий появляются
шансы получить мандаты в округах, избирателю пре-
доставляется возможность выбирать из нескольких
представителей одной партии (если партия согла-
сится выдвинуть более одного кандидата), снижается
уровень «стратегического» голосования (когда изби-
ратель голосует не за наиболее желанного кандидата,
а за того, у кого есть шансы на избрание).

Одновременно решается и другая проблема. Как
отмечают критики германской модели, она может
при незрелой партийной системе приводить к ма-
нипуляциям, когда некая партия «маскирует» сво-
их кандидатов в одномандатных округах — они вы-
двигаются партией-сателлитом или баллотируются
как независимые кандидаты. Это дает такой партии
возможность получить сверхпредставительство (см.
подраздел 3.7.2).

При использовании в мажоритарной части си-
стемы единственного непередаваемого голоса значи-
тельно снижается вероятность того, что какая-либо
партия получит в округах сверхпредставительство.
Как бы ни «маскировались» кандидаты от партии,
поддержка которой не превышает 50%, но при нали-
чии у избирателя одного голоса им будет трудно по-
лучить оба мандата в двухмандатном округе и все три
(а чаще всего и два) мандата в трехмандатном округе.

¹ При неизменности принципа, согласно которому каждый субъект РФ должен получить как минимум один округ, придется все же сохранить 30 одномандатных округов для самых малонаселенных регионов.

Возможны и другие варианты, которые тоже стоит обсудить. Поскольку округа существуют не сами по себе, а встроены в смешанную связанную систему и выигрыш в этих округах не должен влиять на партийный расклад парламента, можно отказаться еще от некоторых принципов мажоритарной и полупропорциональной систем. В частности, от принципа «из каждого округа заранее определенное число депутатов». В этом случае можно установить, что мандаты в округах получают кандидаты не в зависимости от занятого ими места, а в зависимости от полученной доли голосов (например, более 25%).

Если же еще отказаться и от принципа «у кандидатов от всех партий одинаковые условия прохождения», то можно, например, установить, что у каждой партии определенную часть мандатов (половину или больше) получают кандидаты в зависимости от их результатов в округах (в порядке убывания доли голосов), а другую часть — в зависимости от их места в списке. Или, как вариант, сделать доли получающих мандаты кандидатов из списка и из числа одномандатников зависящей от числа голосов, поданных за список и за кандидатов (аналогично методу «дополняющих голосов», изложенному в подразделе 3.6.1). В этом случае у всех партий, прошедших в парламент, состав депутатов будет зависеть от избирателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Современные избирательные системы // Выборы. Законодательство и технологии. 2000. № 7–8. С. 54–59 (<http://www.vibory.ru/journal/journ7/j7arta8.html>)¹.
- 2 Автономов А. С. Избирательная власть. М.: «Права человека», 2002. 88 с. (http://www.democracy.ru/library/articles/election_authority/index.html).
- 3 Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2012. 476 с.
- 4 Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Проспект, 2009. 624 с.
- 5 Алексеев Н. А. Реформа избирательной системы в Великобритании (на примере выборов в Европейский парламент) // Вестник ЦИК РФ. 1999. № 7. С. 42–46.
- 6 Алескеров Ф. Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. М.: Академия, 1995. 208 с. (<http://pavroz.ru/files/aleskerovoreshuk.doc>).
- 7 Алескеров Ф. Т., Платонов В. В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. Препринт

¹ Все ссылки на источники в Интернете проверены 7 июня 2016 года.

- WP7/2003/05. М., 2003. 44 с. (http://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216436825/WP7_2003_05.pdf).
- 8 Алмиева А.А. Смешанная избирательная система: практика применения // Журнал о выборах. 2005. № 6. С. 18–24.
 - 9 Альфер С.А. Избирательное право Республики Беларусь: пособие для студентов вузов. Минск: Тесей, 2008. 322 с.
 - 10 Амосов М.И., Покровская О.Л., Вишневский Б.Л., Евдокимова Н.Л., Надточей Т.В. Многопартийная демократия и задачи политической модернизации России. СПб.: Полярная звезда, 2010. 208 с. (http://eu.spb.ru/images/news/report_may_31.doc).
 - 11 Анализ электората политических сил России. М.: Комтех, 1995. 112 с.
 - 12 Андреева Г.Н., Старостина И.А. Избирательное право в России и в зарубежных странах: Учебное пособие. М.: Норма, 2010. 592 с.
 - 13 Архипова Г.Г. Избирательные системы в полигэтнических государствах // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 1. С. 84–91.
 - 14 Ахременко А.С. Голосование «против всех» на российском региональном фоне // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5. С. 97–111.
 - 15 Ахременко А.С. Электоральное участие и абсентизм в российских регионах: закономерности и тенденции // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 3. С. 95–113 (<http://elibrary.ru/download/55815408.pdf>).
 - 16 Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995–2003 гг.

- // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 26–60 (<http://elibrary.ru/download/31199166.pdf>).
- 17 Ахременко А. С. Структуры электорального пространства. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2007. 320 с.
 - 18 Ахременко А. С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М.: Издательство Московского университета, 2008. 160 с.
 - 19 Базилева И., Эмерсон П. Через разногласия — к согласию // Век XX и мир. 1989. № 11. С. 28–32.
 - 20 Белов С. А. Избирательная система как правовой институт. Дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. СПб., 2003. 147 с.
 - 21 Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 240 с.
 - 22 Болотина Е. В., Оводенко М. А. Избирательное право европейских государств (Великобритания, ФРГ, Франция): курс лекций. СПб.: ГУАП, 2008. 192 с.
 - 23 Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М.: Формула права, 2005. 336 с.
 - 24 Борисова Е., Бызова О. Греческий антураж выборов (российские наблюдатели в Афинах) // Журнал о выборах. 2009. № 4–5. С. 57–61 (http://www.cikrf.ru/about/library/journal/2009/n4/JoV_4_5_09_57-61.pdf).
 - 25 Бочаров Ю. Б. Выборы в местные органы власти: Информационно-методический справочник для русскоязычных кандидатов и избирателей. Иерусалим, 2013. 37 с.
 - 26 Бузин А. Ю. Влияние социально-экономического развития регионов России на итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ

- второго созыва // ПОЛИС. 1996. № 1. С. 103–118 (<http://elibrary.ru/download/97986428.pdf>).
- 27 Бузин А. Ю. Эволюция электоральных показателей российских выборов в 1996–2012 годах // ПОЛИС. 2014. № 6. С. 62–70 (<http://www.politstudies.ru/files/File/2014/66/2014-6-BUZIN.pdf>).
- 28 Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М.: ЦПК «Никколо М»; Центр «Панормама», 2008. 284 с. (<http://lyubarev.narod.ru/elect/book-BL-cont.htm>).
- 29 Бураков Н. Голосование против всех кандидатов (история становления и международная практика) // Право и жизнь. 2004. № 71. С. 199–211 (<http://www.law-n-life.ru/arch/burakov-71.zip>).
- 30 Бутаев В. И., Титов М. В. Пропорциональная система с использованием открытых списков: опыт Тверской области // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 39–47.
- 31 Буханова Т. Н. Выборы депутатов региональных парламентов: разговор о главном // Журнал о выборах. 2002. № 1. С. 27–30.
- 32 Васильев В. И., Помазанский А. Е. Законодательное регулирование избирательных систем, применяемых на муниципальных выборах // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 16–26 (<http://elibrary.ru/download/47250192.pdf>).
- 33 Веденеев Ю. А., Васильев А. В. Сравнительный анализ избирательных систем России и Германии // Журнал о выборах. 2001. № 4. С. 22–26.
- 34 Велихов Б. А. Теория и практика пропорционального представительства. СПб.: Издание Л. А. Велихова, 1907. 76 с. (<http://dlib.rsl.ru/01003732557>).

- 35 Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. М.: Весь Мир, 1997. 184 с.
- 36 Виллей Э. Избирательное законодательство в Европе / Пер. с франц. Н. В. Сорина. С дополнением по новейшему избирательному законодательству Австрии, Финляндии и России В.Д. Даревского. СПб.: Просвещение, 1907. 232 с.
- 37 Водовозов В. Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб.: Библиотека Марии Малых, 1905. 47 с.
- 38 Водовозов В. В. Избирательное право в Европе и России. СПб.: Брокгауз – Эфрон, 1906. 66 с. (<http://dlib.rsl.ru/01004143594>).
- 39 Виборча реформа для всіх і для кожного / Загальна редакція Д. Ковриженко. Київ: Комітет виборців України, 2011. 100 с.
- 40 Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. Сборник статей / Отв. ред. В.И. Васильев, А.Е. Постников. М.: БЕК, 1995. 172 с.
- 41 Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–97: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1998. 640 с.
- 42 Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 2001. Т. 1. 168 с.; Т. 2. 768 с.
- 43 Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад / Под ред. А.Е. Любарева. М.: ГОЛОС, 2011. 276 с. (http://files.golos.org/IMG/pdf/doklad_11-03-13_11.pdf).
- 44 Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 2002. 120 с.

- 45 Выборы в Российской Федерации. 2002. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 2003. 136 с.
- 46 Выборы в Российской Федерации. 2003. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 2004. 176 с.
- 47 Выборы в Российской Федерации. 2004. Электоральная статистика. М., 2005. 232 с.
- 48 Выборы в Российской Федерации. 2005. Электоральная статистика. М., 2006. 200 с.
- 49 Выборы в Российской Федерации. 2006. Электоральная статистика. М.: МедиаПресс, 2007. 200 с.
- 50 Выборы в Российской Федерации: материалы научно-практической конференции 16–17 марта 2002 г. / Под ред. М. Б. Горного. СПб.: Норма, 2002. 336 с. (http://www.democracy.ru/library/practice/media/rfec-lec_gor/).
- 51 Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников / Авт. проекта и сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко; под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева и И. Б. Борисова. М.: РОИИП, 2009. 832 с.
- 52 Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–97: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
- 53 Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1996. 268 с.
- 54 Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1999: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
- 55 Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2003: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 2004. 316 с.

- 56 Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Бюллетень Национального центра демократических процедур, выпуск № 5, март 2008 / А. Е. Любарев, А. Ю. Бузин, А. В. Кынев, Е. Е. Скосаренко. М., 2008. 194 с. (<http://www.vibory.ru/Regs/GD/soderzh.htm>).
- 57 Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. 2007: Сборник информационно-аналитических материалов / Под общ. ред. В. Е. Чурова, Н. Е. Конкина, В. А. Крюкова. М.: СитиПрессСервис, 2008. 480 с.
- 58 Выборы и партии в регионах России: Сборник учебных материалов по курсу «Политическая регионалистика» / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой и С. Рыженкова. М.; СПб.: ИГПИ; Летний сад, 2000. 277 с.
- 59 Выборы и электоральная политика: словарь / Я. Г. Ашихмина, А. Б. Боярова, Т. Б. Витковская, Г. В. Голосов, М. В. Иванова, К. В. Киселев, Е. И. Коваль, О. Б. Подвинцев. СПб., 2010. 159 с. (<http://www.vibory.ru/analyt/vocab.pdf>).
- 60 Выборы Президента России 2008: Доклад Ассоциации «ГОЛОС». М., 2008. 102 с.
- 61 Выборы Президента России 4 марта 2012 года: Аналитический доклад. М.: ГОЛОС, 2012. 148 с. (<http://files.golos.org/docs/6088/original/6088-doklad-2012-03-04-ok3.pdf>).
- 62 Выборы столичные (2014). Взгляд экспертов. М.: Центр «Панорама», 2015. 96 с. (<http://scilla.ru/works/knigi/kniga2015.pdf>).
- 63 Гаврилов Г.А. Некоторые особенности выборов по многомандатным избирательным округам // ПО-

- ЛИС. 2006. № 4. С. 102–109 (<http://elibrary.ru/download/99267709.pdf>).
- 64 Гельман В. Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 125–147 (<http://elibrary.ru/download/41655404.pdf>).
- 65 Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. 992 с.
- 66 Гервер М. Л. Предлагаю изменить нашу избирательную систему // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 78–85.
- 67 Гергей Е. История папства / Пер. с венг. М.: Республика, 1996. 463 с.
- 68 Гессен В. М. Основы конституционного права / Сост., автор вступ. ст. и comment. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. 496 с.
- 69 Голосов Г. В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 102–113 (<http://elibrary.ru/download/91645944.pdf>).
- 70 Голосов Г. В. Измерения российских избирательных систем // ПОЛИС. 2001. № 4. С. 71–84 (<http://elibrary.ru/download/13724038.pdf>).
- 71 Голосов Г. В. Сравнительная политология: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. 368 с. (http://old.eu.spb.ru/socio/regions/polit_text.pdf).
- 72 Голосов Г. В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // ПОЛИС. 2005. № 1. С. 108–119 (<http://elibrary.ru/download/82328164.pdf>).

- 73 Голосов Г. В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2006. 300 с.
- 74 Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra*. 2008. Т. 12. № 1 (40). С. 22–35.
- 75 Голосов Г. Сводная российская электоральная статистика, декабрь 2003 — апрель 2007 г. // Российское электоральное обозрение. 2007. № 1. С. 66–133 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-1/tabs.pdf>).
- 76 Голосов Г. Сводная российская электоральная статистика, декабрь 2007 — март 2008 г. // Российское электоральное обозрение. 2008. № 1. С. 68–75 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-2/golosov-1.pdf>).
- 77 Голосов Г. Сводная российская электоральная статистика, 12 октября 2008 г. // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 70–71 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-3/golosov.pdf>).
- 78 Голосов Г. Выборы глав исполнительной власти регионов, декабрь 1999 — октябрь 2003 г. // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 78–111 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-4/table-1.pdf>).
- 79 Голосов Г. Сводная российская электоральная статистика, 2009 г. // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 94–96 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-5/statistics.pdf>).
- 80 Гомберг А. Эволюция в условиях диктатуры // *Pro et Contra*. 2008. Т. 12. № 1 (40). С. 46–61.
- 81 Государственная Дума России. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. Государственная Дума Российской Федерации, 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2006. 1015 с.
- 82 Государственное право Германии / Отв. ред. Б. Н. Топорник. Т. 1. М.: ИГП РАН, 1994. 311 с.

- 83 Государство и право в развивающихся странах. Вып. 10. Избирательное право и выборы. М.: Наука, 1990. 191 с.
- 84 Григорьева М. В. Действующие депутаты на выборах региональных законодательных собраний (на примере Самарской и Ульяновской областей) // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 54–62 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-3/grigorieva.pdf>).
- 85 Григорьева М. В. Региональные и муниципальные депутаты на выборах законодательных собраний российских регионов: факторы успеха в условиях изменения избирательного законодательства, 2003–2011 (кросс-региональное исследование). Дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук. СПб., 2013. 305 с.
- 86 Даниленко В. Н. Избирательные системы и политические партии Франции: Учебное пособие. М.: МГИМО, 1979. 92 с.
- 87 Два опыта избирательной системы / Отв. ред. Л. Л. Любимов. М.: ИМЭМО РАН, 1993. 60 с.
- 88 Дмитриев Ю. А., Исраелян В. Б., Комарова В. В., Макаров Б. А. Народные голосования в Российской Федерации. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. 808 с.
- 89 Дополнительные выборы и замещение вакантных мандатов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1996–1998. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1999. 120 с.
- 90 Дубровина Е. П. Значение перехода к пропорциональной избирательной системе выборов депутатов Государственной думы РФ // Современное право. 2006. № 8 (1). С. 23–27.
- 91 Дибуа П. Пропорциональное представительство в опыте Бельгии / Пер. И. Блинова и З. Дзичканец. СПб.: Сенатская типография, 1908. 170 с.

- 92 Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 558 с. (http://www.democracy.ru/library/misk/political_parties_duv/index.html).
- 93 Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1967. 176 с.
- 94 Зарубежное избирательное право: Учебное пособие / А. С. Автономов, Ю.А. Веденеев, О. В. Дегтярева, В. В. Луговой, В. И. Лысенко; науч. ред. В. В. Маклаков. М.: Норма, 2003. 288 с. (<http://www.rcoit.ru/upload/iblock/3c3/22.pdf>).
- 95 Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России (теория, практика и перспективы). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 357 с.
- 96 Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М.: Весь Мир, 1996. 304 с.
- 97 Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М.: Аспект Пресс, 2005. 333 с. (<http://www.vibory.ru/Publikat/PES/soderzh.htm>).
- 98 Избирательная реформа: опыт, проблемы, перспективы / Под ред. В. И. Васильева. М.: Манускрипт, 1993. 256 с.
- 99 Избирательное законодательство и выборы в современном мире / В. И. Лысенко, А. Г. Головин; под общ. ред. В. Е. Чурова. М.: МедиаПресс, 2009. 528 с.
- 100 Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Американский континент / В. И. Лысенко; под общ. ред. В. Е. Чурова. Вып. 2. М.: Медиа-Пресс, 2010. 864 с.

- 101 Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Азиатско-Тихоокеанский регион / В. И. Лысенко; под общ. ред. В. Е. Чурова. Вып. 3. М.: ЦИК РФ, 2013. 1424 с.
- 102 Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Европейско-Азиатский регион / В. И. Лысенко; под общ. ред. В. Е. Чурова. Вып. 4. М.: ЦИК РФ, 2015. 1344 с.
- 103 Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебник для вузов / Отв. ред. А. В. Иванченко. М.: Норма, 1999. 856 с.
- 104 Избирательные системы и партии в буржуазном государстве / Отв. ред. В. А. Туманов, И. М. Вайль. М.: ИГП АН СССР, 1979. 152 с.
- 105 Избирательные системы стран мира: Справочник / Под общ. ред. член-корр. АН СССР П. С. Ромашкина. М.: Госполитиздат, 1961. 336 с.
- 106 Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М.: Издание проектной группы по правам человека, 1993. 91 с.
- 107 Избирательный кодекс Российской Федерации — основа модернизации политической системы России / Под ред. А. Е. Любарева. М.: ГОЛОС, 2011. 460 с. (<http://files.golos.org/docs/4587/original/4587-kodeks-sbornik-2011.pdf>).
- 108 Интернет-мониторинг выборов в Госдуму 2003 (гражданская инициатива Проекта «Информатика для демократии — 2000+»). Материалы 3-й науч.-практ. конф. Проекта. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 276 с.
- 109 Истомин А. А. Так голосуют в Финляндии // Журнал о выборах. 2005. № 2. С. 48–51.
- 110 Итоги выборов депутатов Законодательного Собрания Тверской области четвертого созыва — 18 декабря 2005 года: Сборник электоральной статистики.

- Тверь: Избирательная комиссия Тверской области, 2006. 176 с.
- 111 Карпикова И. С. Итальянский парламент (выборы и порядок формирования). М.: Международные отношения, 1965. 164 с.
- 112 Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Избирательное право: Вопросы и ответы. М.: Юриспруденция, 2001. 176 с.
- 113 Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М.: Магистр, 1997. 47 с.
- 114 Каюнов О. Н. Об оптимальном распределении избирательных округов // Журнал о выборах. 2002. № 2. С. 50–51.
- 115 Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов / Пер. с англ. Н.А. Шиховой. М.: МЦНМО, 2007. 224 с.
- 116 Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ: Час Друку, 2011. 132 с.
- 117 Князев С. Д. Правовой режим проведения выборов по многомандатным избирательным округам: состояние и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 71–80 (<http://elibrary.ru/download/76887185.pdf>).
- 118 Коданева С. И. Британский регионализм (конституционная реформа). М.: Юристъ, 2004. 140 с.
- 119 Козлов В. Н. Проблемы представительства регионов в новой Государственной Думе // Журнал о выборах. 2007. № 6. С. 38–45 (<http://www.vibory.ru/discussion/kozlov-r.htm>).
- 120 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М.: Юристъ, 1995. 480 с.
- 121 Колесов В. А., Вендина О. И. Политические предпочтения москвичей в ходе избирательных кампаний // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 8. С. 675–680.

- 122 Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // ПОЛИС. 1996. № 4. С. 33–46 (<http://elibrary.ru/download/49616372.pdf>).
- 123 Колюшин Е. И. Пропорциональная избирательная система на парламентских выборах в России: шаг вперед – два назад // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 35–37.
- 124 Конкин Н. Е., Перевозчиков В. Н. Демократия трех тысяч островов // Журнал о выборах. 2005. № 1. С. 37–40.
- 125 Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун. М.: Норма, 2005. 896 с.
- 126 Конституционное право зарубежных стран: учебник / Под общ. ред. М. В. Баглай, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. 1088 с.
- 127 Конституционное право. Словарь / Отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Юристъ, 2001. 559 с.
- 128 Конституционное развитие России и Украины: Сборник научных трудов. Вып. 1. М.: Издательство «Элит», 2011. 212 с.
- 129 Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине: сборник научных трудов. Харьков: Право, 2012. 296 с.
- 130 Коргунюк Ю. Г. Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей // Полития. 2009. № 4 (55). С. 103–142 (http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Korgunuk-2009-4.pdf).
- 131 Коргунюк Ю. Г. Электоральные размежевания и мотивы голосования // Полития. 2011. № 2 (61). С. 85–117 (http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Korgunyuk-2011-2.pdf).

- 132 Коргунюк Ю. Г. Структура электоральных размежеваний в избирательном цикле 2011–2012 годов и возможные сценарии развития ситуации // Полития. 2012. № 3 (66). С. 84–99 (http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Korgunyuk-2012-3.pdf).
- 133 Коргунюк Ю. Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. 2013. № 3 (70). С. 31–61 (http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Korgunyuk-2013-3%2870%29.pdf).
- 134 Коргунюк Ю. Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года// Полития. 2014. № 3 (74). С. 75–91 (http://www.politeia.ru/content/pdf/Korgunyuk_Politeia-2014-3%2874%29.pdf).
- 135 Коркунов Н. М. Пропорциональные выборы. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1896. 95 с.
- 136 Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2007. 180 с.
- 137 Крижанич Ю. Политика. М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2003. 655 с.
- 138 Кунов А., Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Россия и Украина: нерегулярные результаты регулярных выборов: Аналитический доклад. М.: Институт открытой экономики, 2005. 37 с. (http://openecon.shulgin.ru/attach.asp@a_no=521).
- 139 Курис Э. Литва принимает смешанную систему выборов. Полная победа бывших коммунистов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1992. № 1. С. 38–39.
- 140 Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панorama», 2009. 516 с. (<http://scilla.ru/works/knigi/avk.pdf>).

- 141 Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М.: Центр «Панорама», 2014. 728 с. (<http://scilla.ru/works/knigi/avk2014.pdf>).
- 142 Кынев А. В. «Партийные списки» в беспартийном пространстве: избирательные права граждан и принудительная партизация местных выборов // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 4–19 (<http://wwwvibory.ru/analyt/REO-5/Kynev.pdf>).
- 143 Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
- 144 Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. 312 с. (<http://liberal.ru/upload/files/vibory-web.pdf>).
- 145 Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. 372 с. (http://liberal.ru/upload/files/Regionalnie_i_mestne_vibory_2014_v_Rossii.pdf).
- 146 Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. 565 с. (http://liberal.ru/upload/files/vibori_2015_WEB.pdf).
- 147 Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М.: Норма, 1999. 304 с.
- 148 Лафитский В. И. Выборы в Европейский парламент. М.: РЦОИТ, 2005. 160 с. (<http://www.rcoit.ru/upload/iblock/463/34.pdf>).

- 149 Левин И. Б. О реформе избирательной системы в Италии // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 79–85 (<http://elib-gagru.ru/download/91446816.pdf>).
- 150 Левчик Д. Молчание ягнят? Тенденции в политическом развитии столицы, проявившиеся на выборах в Московскую городскую думу в 2001 году // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 2. С. 38–43 (<http://www.vibory.ru/journal/journ0202/02j02levchik.html>).
- 151 Лейкман Э., Ламберт Дж. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / Пер. с англ. Г. И. Морозова под ред. А. С. Шугаева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 366 с.
- 152 Лучин В. А. Общественный контроль на выборах и референдуме: Справочник для наблюдателя. М.: Права человека, 2001. 216 с. (http://www.democracy.ru/library/practice/observers/book_luchin/index.html).
- 153 Лысенко В. И. Выборы и представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80–90-х годов. М.: Наука, 1994. 350 с.
- 154 Лысенко В. И. Представительные начала и избирательные системы в контексте правового регулирования избирательного процесса // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 3. С. 76–88.
- 155 Лысцов В. В. Российское избирательное право: от империи до федерации. Воронеж: ВВШ МВД России, 1998. 131 с.
- 156 Любарев А. Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // ПОЛИС. 1996. № 2. С. 116–129 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/PO-LIS-1.htm>).
- 157 Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000. М.: Столпный град, 2001. 416 с. (<http://lyubarev.narod.ru/elect/book/soderzh.html>).

- 158 Любарев А. На перекрестке мнений // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 5. С. 8–13 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/vzt0502.htm>).
- 159 Любарев А. Е. Избирательные системы и российское избирательное законодательство // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 120–129 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/POLIS-2.htm>).
- 160 Любарев А. Е. Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // ПОЛИС. 2003. № 6. С. 104–113 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/POLIS-3.htm>).
- 161 Любарев А. Как в России выбирают губернаторов // Российская Федерация сегодня. 2004. № 10. С. 36 (http://www.russia-today.ru/old/archive/2004/no_10/10Regional_admin_1.htm).
- 162 Любарев А. Арифметика власти // Политический журнал. 2007. № 13–14 (156–157). С. 68–79 (http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dir_id=96&tek=6866&issue=192).
- 163 Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/jov-2.htm>).
- 164 Любарев А. Е. Изменения избирательного законодательства в 2004–2007 годах // Российское избирательное обозрение. 2007. № 1. С. 4–19 (<http://www.viborg.ru/analyt/REO-1/lubarev-zak.pdf>).
- 165 Любарев А. Е. Проблемы систематизации международных избирательных стандартов // Московский журнал международного права. 2009. № 3. С. 5–25 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/mjml.htm>).
- 166 Любарев А. Е. Регулирование избирательной системы в законодательстве субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 76–82 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/RUZh.htm>).

- 167 Любарев А. Е. О проблемах использования пропорциональной избирательной системы на муниципальных выборах // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 68–72 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/KMP-mun.htm>).
- 168 Любарев А. Е. Проблемы пропорционального распределения депутатских мандатов на муниципальных выборах // Муниципальная служба. 2011. № 4. С. 13–19 (http://lyubarev.narod.ru/elect/mun_sl.htm).
- 169 Любарев А. На муниципальных выборах должны применяться открытые списки // Городское управление. 2011. № 12. С. 78–84 (http://lyubarev.narod.ru/elect/gor_upr.htm).
- 170 Любарев А. Избирательное право России: проблемы и решения. Сборник статей. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 437 с.
- 171 Любарев А. Е. Пути совершенствования законодательного регулирования избирательных систем на муниципальных выборах // Местное право. 2012. № 3. С. 55–66 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/mest-pr.htm>).
- 172 Любарев А. Е. Сравнение двух способов блокирования политических партий на выборах // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 31–35 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/KMP-blok.htm>).
- 173 Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // Социодинамика. 2013. № 8. С. 138–209. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8778 (http://e-notabene.ru/pr/article_8778.html).
- 174 Любарев А. Е. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрикованного большинства» // Юридические исследования. 2013. № 8. С. 65–118. DOI:

- 10.7256/2305–9699.2013.8.9212 (http://e-notabene.ru/lr/article_9212.html).
- 175 Любарев А. Е. Сравнение германской и российской избирательных систем // Юридические исследования. 2013. № 11. С. 1–29. DOI: 10.7256/2305–9699.2013.11.1013 (http://e-notabene.ru/lr/article_10131.html).
- 176 Любарев А. Е. Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства: российский опыт // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 74–86 (<http://elibrary.ru/download/35795571.pdf>).
- 177 Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В. Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. М.: Никколо М, 2007. 192 с. (<http://lyubarev.narod.ru/elect/book-LBK.htm>).
- 178 Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. О критерии пропорциональности при распределении мандатов между партийными списками // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 23–27 (<http://lyubarev.narod.ru/elect/KMP-prop.htm>).
- 179 Любарев А. Е., Шалаев Н. Е. Расщепление голосов в смешанных избирательных системах: попытка комплексного исследования // Социодинамика. 2015. № 8. С. 125–286. DOI: 10.7256/2409–7144.2015.8.16076 (http://e-notabene.ru/pr/article_16076.html).
- 180 Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1 (31). С. 95–103.
- 181 Макаркин А. Смешанная система выборов в регионах России // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1 (31). С. 104–113.
- 182 Маклаков В. В. Избирательное право стран — членов Европейских сообществ. Справочник. М.: ИНИОН, 1992. 64 с.
- 183 Мебейн У., Калинин К. Электоральные фальсификации в России: комплексная диагностика выборов

- 2003–2004, 2007–2008 гг. // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 57–70 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-4/Kalinin.pdf>).
- 184 Международные избирательные стандарты. Сборник документов / Отв. ред. А. А. Вешняков; науч. ред. В. И. Лысенко. М.: Весь Мир, 2004. 1152 с.
- 185 Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты: Пер. с исп. / Сост., ред. и авт. вступ. ст. О. А. Жидков. М.: Прогресс, 1986. 480 с.
- 186 Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении. СПб.: Издание Яковлева, 1863. 361 с. (<http://dlib.rsl.ru/01004496672>).
- 187 Миронов Н. Электоральное поведение граждан как показатель общественного доверия к демократическим институтам. Некоторые результаты анализа электоральной статистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 143–151.
- 188 Миронов Н. Международные избирательные стандарты и российские выборы // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53). С. 66–77.
- 189 Михайлов В. В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? М., 2004. 466 с.
- 190 Михайлов В. Статистический анализ результатов выборов: необходимость включения в правовое поле // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 20–30 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-5/Mikhailov.pdf>).
- 191 Михалева Г. М. Особенности избирательных систем // Журнал о выборах. 2003. № 1. С. 53–55.
- 192 Михалева Г. М. Российские партии в контексте трансформации. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 352 с.
- 193 Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. М.: Статут, 2013. 520 с.

- 194 Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М.: РГГУ, 2001. 350 с.
- 195 Мониторинг региональных избирательных кампаний 11 марта 2007 года. Бюллетень Национального центра демократических процедур, выпуск № 3, май 2007. М., 2007. 232 с. (<http://www.vibory.ru/Regs/monit-3.pdf>).
- 196 Морозова О. С. Критерии оценки качества представительности избирательных систем // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 67–72 (<http://elibrary.ru/download/61885354.pdf>).
- 197 Морозова О. С. Избирательный барьер как элемент избирательной инженерии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4. С. 68–75 (<http://elibrary.ru/download/55005166.pdf>).
- 198 Морозова О. С. К вопросу о введении порога явки на выборах // Выборы: теория и практика. 2014. № 1 (29). С. 6–12 (<http://elibrary.ru/download/80277840.pdf>).
- 199 Морозова О. С. Проектирование избирательной системы с использованием избирательной инженерии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (172). С. 154–161.
- 200 Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Исламская республика Пакистан. Эволюция избирательной системы // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 18–23.
- 201 Мюллер Д. Общественный выбор III / Под ред. А. П. Заостровцева и А. С. Скоробогатова; пер. с англ. В. А. Горяйнова и др. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 1000 с.
- 202 Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Электоральный ландшафт России: Аналитический доклад. М.: Институт открытой экономики, 2004. 41 с. (http://openecon.shulgin.ru/attach.asp@a_no=503).

- 203 Надаис А. Выбор избирательных систем // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 70–78 (<http://elibrary.ru/download/43119332.pdf>).
- 204 Наумов В. И. Избирательное законодательство России: этапы становления (учебное пособие). М.: Московское профсоюзное представительство, 1998. 84 с.
- 205 Никонов В. А., Колмаков С. А. Закон о выборах: Оптимальная модель для России // Российский монитор. 1993. Вып. 3. С. 23–34.
- 206 Новые инициативы — перекресток мнений // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 2–12.
- 207 Об избирательной системе Японии // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 4. С. 139–142.
- 208 Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации: Сборник материалов / Под ред. А. Е. Любарева, Е. Е. Скосаренко. М.: ГОЛОС, 2010. 266 с. (http://files.golos.org/IMG/pdf/sbornik-kodeks_14_ok.pdf).
- 209 Огрызко К. В. Альтернативные методы голосования: совершенно разные результаты. На пути к подлинной демократической революции // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5 (http://centero.ru/images/oe/14-5_Ogrizko.pdf).
- 210 Особая зона: Выборы в Татарстане / Ред. В. В. Михайлов, В. А. Бажанов, М. Х. Фарукшин. Ульяновск: Казанское отделение Международной Правозащитной Ассамблеи, 2000. 318 с. (<http://www.democracy.ru/library/articles/tatarstan/index.html>).
- 211 Особенности избирательной системы Уругвая // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 3. С. 73–74.
- 212 Особенности избирательных систем в Австралии, ФРГ, Канаде, Мексике, США. М.: ЦИК РФ, 1996. 48 с.

- 213 Очеретько Е.А. Проблемы развития пропорциональной избирательной системы в Российской Федерации и пути их решения. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с. (<http://dlib.rsl.ru/01004842376>).
- 214 Очерки по истории выборов и избирательного права: Учебное пособие / Авт. коллектив: Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.Е. Кораблин, В.В. Луговой, В.В. Тылкин / Под ред. Ю.А. Веденеева, Н.А. Бодаревой. Калуга; М.: Фонд «Символ»; РЦОИТ, 2002. 692 с. (<http://www.rcoit.ru/upload/iblock/01e/15.pdf>).
- 215 Очиров С. Открытые партийные списки и демократизация общества // Журнал о выборах. 2013. № 4. С. 11–14 (<http://cikrf.ru/about/library/journal/2013/n04/11.pdf>).
- 216 Панов П. Электоральные практики на конкурентных и неконкурентных выборах // Российское электоральное обозрение. 2009. № 2. С. 44–56 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-4/Panov.pdf>).
- 217 Партии и выборы в капиталистическом государстве (практика 70-х годов) / Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Наука, 1980. 280 с.
- 218 Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко (рук.), И.М. Локшин, А.Н. Максимов, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Н.В. Петров. М.: РОССПЭН, 2015. 303 с.
- 219 Партийная организация и партийная конкуренция в «недодемократических» режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. 300 с.
- 220 Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка,

- А. Е. Любарева, Г. М. Михалевой. М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. 204 с. (http://www.rapn.ru/partner/files/party_reform.pdf).
- 221 Пифферун О. Европейские избирательные системы / Пер. Ю. Стеклова. СПб.: Г. Ф. Львович, 1905.
- 222 Политическая социология и современная российская политика: сборник учебных материалов / Под ред. Г. В. Голосова, Е. Ю. Мелешкиной. СПб/: Борей-принт, 2000. 312 с.
- 223 Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности: материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2012 г. / Под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма, 2013. 304 с.
- 224 Политический альманах России 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. Т. 1: Выборы и политическое развитие. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. 642 с.
- 225 Поппер К. Пропорциональная система противоречит демократии // Журнал о выборах. 2004. № 4. С. 55–57.
- 226 Постников А. Е. Избирательное право России. М.: Норма, 1996. 217 с.
- 227 Постников А. Е. Пропорциональная избирательная система в контексте российской политической практики // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 39–40.
- 228 Примова Э. Реформа избирательной системы // Власть. 2009. № 9. С. 86–89 (<http://elibrary.ru/download/13173348.pdf>).
- 229 Проект «Информатика для демократии – 2000+»: Доклады, тезисы, предложения участников / 4-я научно-практическая конференция «Выборы 2004». М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 124 с.

- 230 Пылин В. В. Муниципальное право Российской Федерации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 510 с.
- 231 Реформы избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы: Сборник статей / Отв. ред. В. И. Лысенко. М.: ИГП РАН, 1995. 156 с.
- 232 Римский В. Л. Роль типа голосования на выборах в политическом процессе // «Открытая экспертиза» в электронном журнале «Научный эксперт». 2014. № 5 (http://centero.ru/images/oe/14-5_Rimsky.pdf).
- 233 Российская Федерация. Выборы в Государственную Думу 7 декабря 2003 г. Отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами. Варшава, 2004. 31 с. (<http://www.osce.org/ru/odihr/elections/russia/21482?download=true>).
- 234 Российская Федерация. Выборы Президента 14 марта 2004. Отчет Миссии по наблюдению за выборами ОБСЕ/БДИПЧ. Варшава, 2004. 42 с. (<http://www.osce.org/ru/odihr/elections/russia/33101?download=true>).
- 235 Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов: Материалы международной конференции / Под ред. А. В. Иванченко, А. Е. Любарева. М.: Аспект Пресс, 2006. 348 с. (<http://www.vibory.ru/Publikat/RVKMIS/soderzh.htm>).
- 236 Рубинский Ю. Новые правила игры? Избирательные системы и политические партии Франции // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 8–9. С. 58–63 (<http://www.vibory.ru/journal/journ0208/02j-08france.html>).
- 237 Румянцев А. «Избыточные» мандаты и проблема легитимности в немецком избирательном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 5–15.

- 238 Румянцев А. «Избыточные» мандаты — 2: региональная победа принципа пропорциональности // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6 (79). С. 101–106.
- 239 Сабаева С. Заградительный барьер в пропорциональной избирательной системе // Журнал о выборах. 2013. № 2. С. 30–39 (<http://cikrf.ru/about/library/journal/2013/30.pdf>).
- 240 Сабаева С. В. Пропорциональная избирательная система на муниципальных выборах в условиях нового партийного строительства // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 99–106 (<http://elibrary.ru/download/85294473.htm>).
- 241 Салмин А. Избирательные системы и партии: выбор выборов // Полития. 2004. № 1. С. 12–24 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/11/1269112756/2.pdf>).
- 242 Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства / Отв. ред. А. А. Вешняков. М.: Весь Мир, 2004. 464 с. (<http://www.rcoit.ru/upload/iblock/e66/30.pdf>).
- 243 Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.
- 244 Сергеев А. Альтернативность как необходимое условие свободных выборов // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 6–7. С. 50–53 (<http://www.vibory.ru/journal/journ0206/02j06serg.html>).
- 245 Скосаренко Е. Е. Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М.: Формула права, 2007. 206 с.
- 246 Скрипкина Ж. Б. Избирательные системы и технологии: Учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2005. 174 с.

- 247 Следзинская-Симон А., Боднар А. Избирательные гендерные квоты в Польше: теория и практика гендерного равноправия // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 108–117.
- 248 Слинько Е.А. Политический процесс в Украине: признаки стагнации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 187–190 (<http://elibrary.ru/download/70229470.pdf>).
- 249 Сморгунов Л. В. Новые избирательные институты и региональные парламенты России: плюрализация vs монополизации // ПОЛИТЭКС. 2006. № 2. С. 6–24 (<http://elibrary.ru/download/92652566.pdf>).
- 250 Собянин А. А., Суховольский В. Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. Выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. М.: Проектная группа по правам человека, 1995. 267 с. (<http://www.hrights.ru/text/sob/>).
- 251 Современное конституционное право зарубежных стран: Сборник. Ч. 1. М.: ИНИОН; Московский юридический институт, 1991. 324 с.
- 252 Современные избирательные системы. Вып. 1: Великобритания, Канада, Мексика, Польша / Д. В. Лайтский, Н. М. Касаткина, А. Г. Орлов, Н. Ю. Трештенкова. М.: РЦОИТ; Норма, 2006. 496 с. (<http://www.rcoit.ru/upload/iblock/e3a/40.pdf>).
- 253 Современные избирательные системы. Вып. 2: Аргентина, Германия, Швеция / А. Г. Орлов, Ю. И. Лейбо, И. А. Ракитская; науч. ред. Ю. А. Веденеев, В. И. Лысенко. М.: РЦОИТ; Норма, 2007. 320 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/99a/sovrem_izbir_sistemy_vypusk2.pdf).
- 254 Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А. Г. Орлов,

- В. И. Лафитский, И. А. Ракитская, Т. О. Кузнецова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2009. 448 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/a37/sovremennie_izbiratelnie_sistemi_vipusk_3.pdf).
- 255 Современные избирательные системы. Вып. 4: Австралия, Венесуэла, Дания, Сербия / Т. И. Чурсина, А. Г. Орлов, И. А. Ракитская, К. А. Половченко; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2009. 480 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/656/sovremennie_izbiratelnie_sistemi_vipusk_4.pdf).
- 256 Современные избирательные системы. Вып. 5: Индия, Ирак, Уругвай, ЮАР / Н. Б. Шлыкова, М. А. Сапронова, А. Г. Орлов, Е. В. Черепанова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М., 2010. 496 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/9be/sis_5_comb.pdf).
- 257 Современные избирательные системы. Вып. 6: Австрия, Ирландия, Норвегия, Чили / Е. А. Водяницкая, П. С. Гвоздев, И. А. Ракитская, А. Г. Орлов; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2011. 512 с.
- 258 Современные избирательные системы. Вып. 7: Египет, Исландия, Колумбия, Пакистан / М. А. Сапронова, И. А. Ракитская, А. Г. Орлов, Н. Б. Крысенкова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2012. 464 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/40a/izb_system_7.pdf).
- 259 Современные избирательные системы. Вып. 8: Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея / А. Г. Орлов, М. А. Мещерякова, С. Я. Павлов, Т. О. Кузнецова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2013. 488 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/a14/izb_system_8.pdf).

- 260 Современные избирательные системы. Вып. 9: Индонезия, Словакия, Филиппины, Хорватия / Л. М. Ефимова, И. А. Ракитская, А. Г. Орлов, К. А. Половченко; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2014. 512 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/b7b/sis_9.pdf).
- 261 Современные избирательные системы. Вып. 10: Италия, Малайзия, Перу, Сирия / Т. О. Кузнецова, Л. М. Ефимова, А. Г. Орлов, М. А. Сапронова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2015. 472 с. (http://www.rcoit.ru/upload/iblock/7d3/izbir_sist2015.pdf).
- 262 Современный конституционализм (по материалам советско-британского симпозиума). М.: ИГП РАН, 1990. 160 с.
- 263 Сравнительное конституционное право / Отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Манускрипт, 1996. 729 с.
- 264 Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 114–136 (<http://elibrary.ru/download/67705361.pdf>).
- 265 Танин-Львов А. А. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. М.: РОССПЭН, 2001. 1112 с.
- 266 Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. М.: Российская академия управления, 1993. 184 с.
- 267 Тодыка Ю. Н., Яворский В. Д. Выборы народных депутатов Украины: конституционно-правовой аспект. Учебное пособие. Харьков: Факт, 1998. 176 с.
- 268 Тодыка Ю. Н., Яворский В. Д. Выборы органов местного самоуправления: конституционно-правовой аспект. Учебное пособие. Харьков: Факт, 1998. 160 с.
- 269 Тур А. И., Перевозчиков В. Н. Выборы депутатов Верховной Рады Украины: опыт международного

- наблюдения // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 7. С. 139–147.
- 270 Фальков В. К вопросу о возвращении в избирательные бюллетени графы «против всех» // Журнал о выборах. 2014. № 4. С. 32–35 (<http://cikrf.ru/about/library/journal/2014/n04/32.pdf>).
- 271 Фахретдинова А. Избирательная система Германии в решениях Конституционного суда ФРГ // Журнал о выборах. 2008. № 6. С. 53–57.
- 272 Федеральное Собрание России: опыт первых выборов. М.: ИГП РАН, 1994. 119 с.
- 273 Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. Аналитический доклад. М.: ГОЛОС, 2012. 276 с.
- 274 Федотова Ю. Г. Избирательные системы зарубежных стран: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2015. 200 с.
- 275 Филянина И. М. Конституционно-правовая модель избирательной системы: институционально-правовое исследование: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. 153 с.
- 276 Формирование органов местного самоуправления в Российской Федерации. 1995–1998: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1999. 256 с.
- 277 Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
- 278 Хилл С. Новый метод голосования для повышения демократии «прививается» // Управление собственностью: теория и практика. 2011. № 2. С. 33–37.
- 279 Худолей Д. М. Избирательное право и процесс Российской Федерации: Учебное пособие. Пермь, 2009. 336 с.

- 280 Худолей Д. М. Анализ связанных и параллельных избирательных систем // Научный вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 93–100 (<http://elibrary.ru/download/34570596.pdf>).
- 281 Худолей Д. М., Худолей К. М. Проект реформирования избирательной системы Российской Федерации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. № 1. С. 49–58 (<http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/182>).
- 282 Цветова И.А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. 200 с.
- 283 Час выбора: Европейский ежегодник политических избирательных кампаний 2004 года / Под общ. ред. И. Е. Минтусова и С. Б. Радкевича. М.: «Права человека», 2006. 336 с.
- 284 Черепанов В.А. Пропорциональная избирательная система: за и против // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 87–98 (<http://elibrary.ru/download/64728066.htm>).
- 285 Чиркин В. Е. Какая избирательная система нужна России? // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 37–48.
- 286 Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. М.: Юриспруденция, 2011. 400 с.
- 287 Чиркин В. Е. О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 80–87 (<http://elibrary.ru/download/21803109.htm>).
- 288 Шаблинский И. Г. Эволюция политического режима в России. Конституционные основы и неформальные практики. М.: ТЕИС, 2014. 128 с.

- 289 Шалаев Н. Опыт использования системы делителей Империали в регионах России // Российское элек-торальное обозрение. 2009. № 1. С. 4–11 (<http://www.vibory.ru/analyt/REO-3/shalaev.pdf>).
- 290 Шалаев Н. Е. Распределение цифр в младших раз-рядах чисел и выявление искаженных результатов голосования // ПОЛИТЭКС. 2015. № 3. С. 164–180 (<http://elibrary.ru/download/34610421.pdf>).
- 291 Шейнис В. Взлет и падение парламента: Перелом-ные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. М.: Московский центр Карнеги; Фонд Индем, 2005. 771 с. (http://carnegieendowment.org/files/9569Vol_2_Sheinis_Book.pdf).
- 292 Шейнис В. Л. Превращения избирательной системы в России // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 39–52.
- 293 Шергин В. П. О законодательных особенностях установления результатов выборов глав исполни-тельных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник ЦИК РФ. 1997. № 2. С. 102–111.
- 294 Шугрина Е. С. Местное самоуправление и пропор-циональная избирательная система: добрососедство или противостояние? (обзор заключений, направ-ленных в Конституционный Суд РФ по делу об ис-пользовании пропорциональной избирательной си-стемы на муниципальном уровне) // Местное право. 2011. № 3. С. 33–58.
- 295 Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008. М.: РОСС-ПЭН, 2009. 479 с.
- 296 Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуаль-ные ценности / Пер. с англ. Науч. ред., авт. предисл.,

- послесл. Ф. Т. Алескеров. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 204 с.
- 297 Яжбировская И. С. Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: партии, избирательные системы и выборы в условиях политической трансформации // Журнал о выборах. 2002. № 2. С. 42–45.
- 298 Яжбировская И. С. Развитие парламентской избирательной системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Журнал о выборах. 2005. № 2. С. 45–47; № 3. С. 63–67.
- 299 Яцунская Е. Эффекты изменения избирательных систем: сравнительный анализ местных выборов 2006 и 2010 годов в Украине // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 52–74.
- 300 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. Bucharest: Asociația Pro Democrația, 2006 (http://www.apd.ro/files/publicatii/25plus2_Electoral_models_I_Electoral_Systems.pdf).
- 301 Balinski M. L., Young P. H. Fair Representation: Meeting the Ideal of One Man, One Vote. 2nd ed. Washington: Brookings Institution Press, 2001. 195 p.
- 302 Bawn K. The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // American Journal of Political Science. 1993. Vol. 37. № 4. P. 965–989.
- 303 Bawn K. Voter responses to electoral complexity: ticket splitting, rational voters and representation in the Federal Republic of Germany // British Journal of Political Science. 1999. Vol. 29. № 3. P. 487–505.
- 304 Gallagher M. Comparing Proportional Representation Electoral Systems: Quotas, Thresholds, Paradoxes and Majorities // British Journal of Political Science. 1992. Vol. 22. P. 469–496.

- 305 Golosov G. V. The case for mixed single vote electoral systems // *Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2013. Vol. 38. № 3. P. 317–345.
- 306 Hoag C. G., Halett G. H. *Proportional Representation*. N.Y.: Macmillan, 1926. 546 p.
- 307 Jesse E. The West German electoral system: The case for reform, 1949–87 // *West European Politics*. 1987. Vol. 10. № 3. P. 434–448.
- 308 Jesse E. Split-voting in the Federal Republic of Germany: An Analysis of Federal Elections from 1953 to 1987 // *Electoral Studies*. 1988. Vol. 7. P. 109–124.
- 309 Lijphart A. *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990*. Oxford: Oxford University Press, 1994. 209 p.
- 310 Lijphart A., Gibberd R. W. Thresholds and Payoffs in List Systems of Proportional Representation // *European Journal of Political Research*. 1977. Vol. 5. P. 219–244.
- 311 The Logic of Multiparty Systems / Ed. by M.J. Holler. Dordrecht: Springer, 1987. 446 p.
- 312 Lyubarev A. Electoral Legislation in Russian Regions // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 3. P. 415–427.
- 313 Myagkov M., Ordeshook P.C., Shakin D. *The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine*. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 289 p.
- 314 Nurmi H. *Comparing Voting Systems*. Dodrecht: D. Reidel Publishing Company, 1987. 209 p.
- 315 Rae D. W. *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press, 1971. 203 p.
- 316 Trefs M. Voter confusion in German federal election: the Baden-Württemberg electoral system as a possible alternative // *German Politics*. 2003. Vol. 12. № 3. P. 82–106.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Понятие и классификация избирательных систем	10
1.1. Понятие избирательной системы	10
1.1.1. Определение избирательной системы в узком смысле.	10
1.1.2. Основные параметры избирательной системы	18
1.1.3. Терминологические проблемы	23
1.2. Классификация избирательных систем	25
1.2.1. Зачем нужна классификация	25
1.2.2. Принципы или электоральная формула как основа для классификации	31
1.2.3. Классификация, основанная на юридических параметрах	38
Глава 2. История развития избирательных систем	51
2.1. Развитие мажоритарных избирательных систем до 1917 года.	52
2.2. Появление пропорциональных и полу-пропорциональных избирательных систем	62
2.3. Развитие избирательных систем в период между двумя мировыми войнами	84

2.4. Развитие избирательных систем в 1945–1989 годах	92
2.5. Развитие избирательных систем с 1989 года	107
Глава 3. Основные избирательные системы и их применение в различных странах мира и в Российской Федерации	115
3.1. Мажоритарная система относительного большинства	115
3.2. Мажоритарная система с перебаллоти- ровкой	122
3.3. Мажоритарные и полупропорциональные системы в многомандатных округах	132
3.3.1. Блоковая система.	134
3.3.2. Система ограниченного вотума	139
3.3.3. Система единственного непередавае- мого голоса	141
3.3.4. Кумулятивное голосование	149
3.4. Преференциальные системы	150
3.4.1. Система единственного передаваемого голоса	151
3.4.2. Мажоритарно-преференциальная система	165
3.4.3. Система очков	169
3.5. Системы с голосованием за партийные списки	170
3.5.1. Непропорциональные системы с голосованием за партийные списки	171
3.5.2. Пропорциональная система с закрытыми списками	174
3.6. Пропорциональные системы с открытыми списками	180
3.6.1. Открытые списки с категорическим голосованием за кандидатов	182

3.6.2. Открытые списки с одобрительным голосованием	192
3.6.3. Открытые списки с преференциальным голосованием	193
3.6.4. Панаширование	196
3.7. Смешанные системы	201
3.7.1. Смешанные несвязанные (параллельные) системы	203
3.7.2. Двухголосые смешанные связанные системы	213
3.7.3. Системы «добавочных представителей»	234
Глава 4. Основные параметры избирательных систем и их системная взаимосвязь	244
4.1. Методика распределения мандатов между списками	244
4.1.1. Метод Гамильтона (Хэйра — Нимейера)	246
4.1.2. Другие методы квот	251
4.1.3. Метод Джейфтерсона (д'Ондта)	254
4.1.4. Правило наибольшей средней	260
4.1.5. Другие истинные методы делителей	267
4.1.6. Модификации методов делителей	276
4.1.7. Сравнение методов: в плену у мифов	285
4.1.8. Логические критерии пропорциональности	297
4.1.9. Численные критерии пропорциональности	305
4.2. Размер избирательного округа и другие территориальные аспекты	313
4.2.1. Разделение территории на избирательные округа	314
4.2.2. Разделение партийного списка на территориальные части	316
4.2.3. Многоуровневые системы	330

4.3. Искажения пропорциональности: «премии» и заградительный барьер	332
4.3.1. Система «премий»	333
4.3.2. Заградительный барьер	337
4.4. Условия признания выборов состоявшимися	354
4.4.1. Порог явки	355
4.4.2. Голосование против всех кандидатов или списков	364
4.5. Другие параметры	378
4.5.1. Блокирование партий	378
4.5.2. Возможность участия независимых кандидатов в выборах по спискам	387
4.5.3. Меры по обеспечению гендерного равенства и представительства национальных меньшинств	389
4.5.4. Форма избирательного бюллетеня	401
4.6. Системная взаимосвязь параметров	404
4.6.1. Системная взаимосвязь размера избирательного округа, заградительного барьера и методики распределения мандатов	404
4.6.2. Системная взаимосвязь других параметров	416
Глава 5. Исследования избирательных систем: методы и результаты	422
5.1. Показатели конкуренции и фрагментации	425
5.2. Индексы диспропорциональности	441
5.3. Исследования, специфичные для отдельных избирательных систем	456
5.3.1. Исследования мажоритарной системы абсолютного большинства	456
5.3.2. Исследования блоковой системы	472
5.3.3. Исследования расщепления голосов в смешанных системах	475

5.4. Использование статистических методов	511
5.4.1. Корреляционный анализ	511
5.4.2. Другие статистические методы анализа	535
5.5. Методы выявления фальсификаций	543
Глава 6. Перспективы электоральной инженерии	565
6.1. Причины многообразия избирательных систем	565
6.2. Теорема Эрроу и ее следствия	572
6.3. Электоральная инженерия	576
6.4. Некоторые предложения для Российской Федерации	581
Библиография	592

Аркадий Ефимович Любарев
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ:
РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Научное издание

Художник
Д. Черногаев
Редактор
Н. Зиновьева
Корректор
О. Семченко
Компьютерная верстка
К. Москалев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Адрес издательства:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 39,5. Тираж 1500. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14